БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

Opus aggredior opimum casibus, atrox praeliis,
discors seditionibus, ipsa etiam pace saevum.
Taciti. Histor. L. I. 1.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1884.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1884.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

Opus aggredior opimum casibus, atrox praeliis,
discors seditionibus, ipsa etiam pace saevum.
Taciti. Histor. L. I. 1.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1884.

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 Л. 7

[865]

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Безсиліе бѣлоцерковскаго трактата.—Положеніе Украины.—Переселенія въ Московское Государство.—Посольство отъ Хмельницкаго въ Москву.—Возмущенія въ Украинѣ.—Судная коммиссія надъ возмутителями.—Казни Мозыры, Гладкаго, Хмелецкаго, Гурскаго.—Сватовство.—Письмо Хмельницкаго къ молдавскому господарю.—Письмо Лупула къ польскому королю.—Польское войско подъ Батогомъ.—Предзнаменованія.

Бѣлоцерковскій трактатъ приводилъ Украину къ тому же положенію, въ какомъ она находилась до 1648 года: четырехлѣтніе труды, потеря народа, опустошеніе Руси не выкупались ничѣмъ. Снова паны возвращались въ свои владѣнія; жиды опять могли быть управителями и арендаторами; жолнѣрамъ предоставлялось по-прежнему право собирать съ поселянъ стаціи и ходить толпами по городамъ и селамъ; положеніе русскаго народа могло даже стать хуже, чѣмъ было прежде, потому что враги ихъ, выстоявъ кровопролитный споръ, готовились предать ихъ ужасамъ мести. Бѣлоцерковскій трактатъ не оградилъ также и восточнаго православія: хотя въ немъ сказано было, что религія греческая остается при давнихъ правахъ, но какъ эти права были уже попираемы, слѣдовательно, теперь онѣ могли еще менѣе имѣть силы. Впрочемъ, каковы бы ни были права православной религіи,

онѣ всегда должны были оставаться только на бумагѣ, пока произволъ былъ сильнѣе всѣхъ письменныхъ постановленій. Бѣлоцерковскій миръ могъ стать только новымъ источникомъ раздоровъ. «Онъ постановленъ былъ на льду», говоритъ одинъ лѣтописецъ, выражая тѣмъ, что это было слѣдствіе обоюдной необходимости прекратить войну по причинѣ наступающей зимы и распространившейся заразы. Поляки, заключая его, знали хорошо, что народъ русскій, упорно показавшій себя въ послѣднюю войну, не удовольствуется имъ, и одинъ шляхтичъ, еще изъ-подъ Бѣлой-Церкви, писалъ въ Варшаву: «Надобно опасаться, чтобъ хлопы не выбрали себѣ другаго гетмана, а на то походитъ» [1]). «Нельзя довѣрять Хмельницкому, который дѣйствуетъ не всегда самъ по себѣ, но также и по волѣ безразсудной толпы», говорилъ Кисель [2]).

Польское войско удалилось отъ Бѣлой-Церкви къ Виннице и, по смерти Потоцкаго, Калиновскій принялъ надъ нимъ главное начальство. «Подъ покровительствомъ его, паны стали стекаться въ свои имѣнія и увидѣли, — говоритъ лѣтописецъ [3]), — что надобно снова готовиться къ войнѣ». Поднѣстране и бужане слышать не хотѣли ни о какихъ договорахъ, не давали стацій, не думали повиноваться старостамъ и владѣльцамъ и называли себя по-прежнему козаками. Калиновскій вѣшалъ ихъ, четвертовалъ, жегъ медленнымъ огнемъ [4]), не спускалъ и церквамъ Божіимъ, по замѣчанію современниковъ, приказывалъ снимать церковные колокола и переливать на пушки, изгонялъ православныхъ священниковъ [5]). Жолнѣры, получивъ потачку, начали обращаться съ хозяевами

[1]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 354.

[2]) Памятн. кіевск. комм. III. ч. 3. 3.

[3]) Annal. Polon. Clim 1. 317.

[4]) Истор. о през. бр.

[5]) Истор. о през. бр.—Лѣтоп. Самов. 19.—Annal. Polon. Clim. I. 350.

тѣхъ селъ, гдѣ стояли, какъ съ собственными рабами, и распоряжались достояніемъ жителей. Владѣльцы, воротившись въ имѣнія, заставали свои усадьбы въ разореніи; голодъ и недостатокъ въ странѣ, гдѣ не пахали долго земли, лишалъ ихъ возможности извлекать какіе нибудь доходы; они принялись мучить своихъ подданныхъ, чтобъ выпытать, гдѣ спрятаны сокровища, награбленныя въ господскихъ домахъ. «И были слышимы, — говоритъ лѣтописецъ [1]), — въ народѣ вопль и воздыханіе, и горе, и ропотъ на Хмельницкаго».

«Вотъ къ чему привели насъ его побѣды! — говорили хлопы: — мы ожидали себѣ свободы, а онъ опять насъ закабалилъ въ рабство!»

И въ самомъ дѣлѣ, на Хмельницкаго, повидимому, не было надежды; онъ, казалось, былъ глухъ и нѣмъ къ стонамъ народа и самъ дѣйствовалъ за-одно съ панами. Онъ оказывалъ явное недовѣріе къ русскимъ, отдалилъ отъ себя козаковъ, окружилъ себя татарами, «и не разъ,— говоритъ лѣтописецъ,—угрожала ему гибель отъ разъяреннаго хлопства» [2]). Вдобавокъ, народъ русскій терпѣлъ голодъ; въ особенности Волынь представляла ужасное зрѣлище: еще во время прошлогодней войны четверикъ ржаной муки стоилъ сто двадцать злотыхъ, и убогіе люди, не успѣвшіе убѣжать, помирали толпами отъ голода. Современникъ разсказываетъ, что близъ Луцка, въ одномъ селѣ женщина зарѣзала двухъ человѣкъ и кормилась ихъ тѣлами, удѣляя и другимъ такой пищи; въ другомъ мѣстѣ голодная мать умертвила и сжарила двухъ собственныхъ дѣтей [3]).

Въ такомъ положеніи единственнымъ спасеніемъ для русскаго народа казалось «итти світъ за очима», по народной пословицѣ. Подольскіе и брацлавскіе поселяне

---

[1]) Истор. о през. бр.

[2]) Annal. Polon Clim. I. 315.

[3]). Latap. Jerlicza. 120.

устремились на лѣвый берегъ Днѣпра, перешли такъ называемую Вишневеччину, земли, занимаемыя прилуцкимъ и лубенскимъ полками, и поселились въ Полтавщинѣ и Ахтырщинѣ, гдѣ по берегамъ Ворсклы вдругъ возникали большія слободы. Но такъ какъ и на этотъ отдаленный край поляки имѣли притязаніе, то южноруссы совершенно покидали свое отечество и уходили въ Московское Государство [1]). Еще съ начала XVII-го столѣтія завелся въ Украинѣ обычай переходить на слободы и селиться на привольныхъ степяхъ нынѣшней полтавской губерніи. Подвигаясь далѣе и далѣе, въ царствованіе царя Михаила, новопоселенцы захватили часть московскихъ владѣній: появились слободы около Путивля, Рыльска и Бѣлагорода [2]). По слѣдамъ отцовъ своихъ и теперь пустились украинцы искать новаго отечества.

Первый примѣръ къ переселенію козаковъ, а не хлоповъ, въ Московское Государство подали волынцы. Тотчасъ послѣ берестечскаго пораженія, тысяча козаковъ возникшаго тогда острожскаго полка, подъ начальствомъ какого-то Ивана Дзинковскаго, ожидая нашествія поляковъ, гнавшихся за разбитыми силами Хмельницкаго, убѣжали за границу и просили царя позволить поселиться имъ на московской землѣ. Въ то время московское правительство обращало особенное вниманіе на южную границу государства и старалось заселить пустые берега Дона, Сосны, Оскола, въ нынѣшнихъ губерніяхъ воронежской и курской. Это намѣреніе казалось тѣмъ необходимѣе, что Московское Государство безпрерывно страдало отъ набѣговъ крымскихъ варваровъ. Царь Алексѣй Михайловичъ построилъ тамъ уже нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ. Тысячи козацкихъ семействъ изъ-за Днѣпра, людей военныхъ, за-

---

[1]) Лѣтоп. Самов. 19.—Экстр. о слободск. полк. (рук.).

[2]) Экстр. о слободск. полк.

каленныхъ въ брани, были — кладъ для государства. Царь не позволилъ имъ селиться около Путивля и Бѣлагорода, какъ они хотѣли, а приказалъ построить имъ городъ на берегу Тихой Сосны, названный Острогожскомъ. Украинцы явились на мѣсто жительства въ готовые дома, снабженные даже хлѣбнымъ зерномъ для перваго обзаведенія. Царь даровалъ имъ право удержать все прежнее козачье устройство: чины полковника, сотниковъ, асауловъ, всю организацію украинскаго полка. Это былъ первый слободскій полкъ [1]). Такой благосклонный пріемъ ободрилъ и другихъ.

Поднѣстране и бужане складывали на воловьи возы или сани свое имущество, сожигали свои хаты и гумны, чтобъ не доставались остатки ихъ *худобы* врагамъ, и отправлялись цѣлыми селами искать другой Украины. Напрасно жолнѣры заступали имъ дороги и казнили, на страхъ прочимъ, тѣхъ, кто попадался имъ въ руки: украинцы выѣзжали съ пушками и ружьями, пробивались изъ стараго отечества, покупая кровью новое [2]).

Менѣе чѣмъ въ полгода, на пространствѣ отъ Путивля до Острогожска, появились многія слободы, изъ которыхъ образовались города и богатыя мѣстечки: Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и пр. Иные подвигались къ югу, въ глубину степи, по рѣкамъ Донцу, Удамъ, Харькову, Коломаку. Въ числѣ слободъ былъ нынѣшній Харьковъ. Основанный среди болотъ и лѣсовъ въ безопасномъ мѣстѣ, онъ сдѣлался полковымъ городомъ съ украинскимъ устройствомъ, но не подвѣдомый гетману. Поселенія назывались вообще слободами, отчего эта земля, заселенная новоприбывшими южноруссами, получила названіе Слободской Украины, Украины свободной, въ противополож-

---

[1]) Памятн. острогож. слободск. полка (рук.)

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 318.—Лѣтоп. Самов. 19.

ность старой Украинѣ, гдѣ жители терпѣли отъ поляковъ [1]).

Отрекаясь отъ поляковъ, эти переселенцы отрекались и отъ своего гетмана. Хмельницкій страшился, чтобъ, такимъ образомъ, всѣ украинцы не перебрались на новоселье, оставя его съ малымъ числомъ на жертву. Въ то же время, боясь потерять совершенно и любовь народную, и благосклонность царя, гетманъ послалъ въ Москву посольство, весною 1652 года, съ предложеніемъ, въ которомъ была оригинальная мысль переселить всѣхъ козаковъ на царскую землю.

«Пожалѣй насъ, государь православный,—писалъ Хмельницкій,—умилосердись надъ православными Божьими церквами и нашею невинною кровію. Ничего не исполняютъ поляки, что съ нами постановили: святыя Божіи церкви, какія обѣщали отдать намъ изъ уніи, не отдали, да еще обращаютъ въ унитскія и тѣ, которыя оставались у насъ. Они хотятъ искоренить православную вѣру въ народѣ нашемъ, а для того собрали на насъ коронныя войска свои; они ругаются надъ святынею, мучатъ христіанъ православныхъ духовнаго и мірскаго чина и дѣлаютъ такія жестокости, что вашему царскому величеству и слушать будетъ жалко. Со слезами просимъ твое царское величество, не дай, великій государь, клятвопреступникамъ и мучителямъ разорить насъ до конца; прими насъ подъ свою крѣпкую руку».

Алексѣй Михайловичъ постоянно показывалъ видъ миролюбія и справедливости и не хотѣлъ нарушить мира съ королемъ; онъ оставлялъ исполненіе своихъ замысловъ до времени. Козацкій посланникъ Искра получилъ позволеніе видѣть царскія очи, а дьяку Волошанинову поручено

---

[1]) Экстр. о слободск. полк. (рук.).—Кратк. опис. о коз. мал. нар. 66.

было переговорить съ нимъ. Вотъ любопытный разговоръ дьяка съ козакомъ, переданный потомству.

«Его царское величество, — говорилъ дьякъ: — будетъ всегда милостивъ къ гетману и станетъ васъ всѣхъ держать въ своемъ царскомъ жалованьи. Но великій государь не желаетъ нарушить спокойствія и совѣтуетъ гетману и всему войску запорожскому стоять на томъ, на чемъ помирились съ поляками».

«Но король и сенаторы, и вся Рѣчь Посполитая,—возразилъ Искра:—никогда не хранятъ слова и всегда нарушаютъ то, въ чемъ клянутся. Поэтому гетману и всему войску запорожскому нѣтъ инаго прибѣжища, кромѣ царскаго величества. Просимъ великаго государя заступиться за насъ».

«Но у вашего гетмана, — сказалъ дьякъ: — большая дружба съ ханомъ: не-пойдете вы къ хану, если поляки станутъ васъ сильно притѣснять?»

«У гетмана,—отвѣчалъ Искра:—хоть и была съ ханомъ дружба, да по-неволѣ, потому что поляки на насъ напали, а намъ, черкасамъ, никто не давалъ помощи. Поэтому мы призвали хана въ помощь. Но ханъ хотя и подалъ намъ помощь противъ поляковъ, однако татары, послѣ того, насъ же самихъ разорили. Вѣрить крымскому хану нельзя, потому что онъ бусурманъ, и мы никогда не пойдемъ къ нему, а будемъ надѣяться на одного великаго государя. Если его царское величество не желаетъ нарушить мира съ поляками, то пусть пожалуетъ насъ: позволитъ перейти на порубежныя свои земли, около Путивля, и поселиться на границѣ литовской».

Въ этой просьбѣ видно было невысказанное намѣреніе Хмельницкаго: въ случаѣ царскаго согласія, онъ могъ сдѣлаться вдругъ страшнымъ для поляковъ, и между тѣмъ не только не покинуть Украины, а еще распространить ея предѣлы.

Дьякъ сразу понялъ, чего домогаются козаки и отвѣчалъ:

«Хорошо дѣлаетъ гетманъ со всѣмъ войскомъ, что къ бусурману не пристаетъ, а ищетъ милости царскаго величества. Пусть переходитъ гетманъ со всѣми черкасцами въ нашу сторону; есть у его царскаго величества земли большія, пространныя, привольныя: пусть селятся по Дону, Медвѣдицѣ, на удобныхъ мѣстахъ, а въ порубежныхъ городахъ, на границѣ Литвы, имъ *селиться не годится*, потому что тогда будетъ у нихъ *съ поляками и Литвою большая ссора, и что подалѣ отъ нихъ и то лучше безо всякаго будетъ задора.* По вѣчному нашему договору съ королемъ положено тѣхъ не возвращать, кто перейдетъ изъ Литвы къ намъ, а отъ насъ въ Литву; поэтому гетманъ со всѣмъ войскомъ можетъ перейти на земли его царскаго величества; отдачи не будетъ; и станутъ они жить въ милости и чести, и пожалуетъ ихъ государь большимъ жалованьемъ и пространными привольными землями» [1]).

Въ это время Выговскій располагалъ гетмана и старшинъ на сторону царя. Онъ сносился съ путивльскими воеводами, передавалъ имъ извѣстія и однажды чуть было не поплатился за это жизнью, по случаю нескромности переносчика вѣстей, который разсказывалъ козакамъ то, что долженъ былъ говорить Выговскому отъ воеводы, или воеводѣ отъ Выговскаго. Когда къ гетману прибыли царскіе посланцы, Василій Унковскій и подъячій Адрабьевъ, Выговскій имѣлъ съ ними тайный разговоръ и передалъ снимки съ писемъ польскаго короля, крымскаго хана и волошскаго господаря. Онъ снималъ со стѣны образъ Спасителя, цѣловалъ предъ гонцами въ знакъ своей вѣрности и говорилъ: «пока я здѣсь, то, съ Божьею помощью, надѣюсь удержать гетмана и все запорожское войско, и

---

[1]) Полн. собр. зак. Росс. Импер. I. 263—265.

царя крымскаго, и всю крымскую орду отъ нападенія на украинные города его царскаго величества, потому что и крымскій ханъ, и Нуреддинъ, и мурзы, и кто у нихъ есть владѣтели—всѣ меня слушають. Знають всѣ, что при Божьей помощи, я въ войскѣ запорожскомъ владѣтель во всякихъ дѣлахъ, и гетманъ, и полковники, и все запорожское войско меня слушають и почитають». Вліяніе Выговскаго на дѣла извѣстно было сосѣдямъ, и потому всѣ обращались къ нему съ разными выгодными предложеніями. Ракочи приглашалъ его оставить гетмана и пріѣхать къ нему, обѣщая полторы тысячи червонцевъ въ годъ, начальство надъ своимъ войскомъ и нѣсколько городовъ во владѣніе. Выговскій показывалъ это письмо царскимъ гонцамъ и увѣрялъ, что предпочитаетъ всему царскую милость. Впрочемъ, предусмотрительный писарь заранѣе искалъ для себя лично пріюта и опоры у царя, еслибъ положеніе его измѣнилось въ Украинѣ.—«Есть здѣсь многіе,—говорилъ онъ тѣмъ же гонцамъ:—которые станутъ гетмана подговаривать, чтобъ онъ былъ подъ началомъ у турецкаго царя и у крымскаго, а у меня того и на умѣ нѣтъ, чтобъ мнѣ куда нибудь помыслить, кромѣ царскаго величества; лишь бы великій государь пожаловалъ меня, холопа своего, велѣлъ обнадежить своею государскою милостью, велѣлъ бы ко мнѣ прислать свою государеву грамоту за рукою думнаго дьяка, чтобъ ни гетманъ и никто о томъ не вѣдали, и если его государева милость ко мнѣ будетъ, я съ отцомъ своимъ, и съ братьями, и съ иными пріятелями, пріѣду къ великому государю, и многіе лучшіе люди запорожской земли пойдутъ за мною къ нему, да и о гетманѣ не думаю, чтобъ онъ невѣрнымъ поддался» [1]).

Но между тѣмъ реестръ кончился; реестровые списки внесены въ гродскія книги; всѣ, которые не вошли въ

---

[1]) Чтенія импер. мос. общ. ист. и др. 1858. I. 32.

ограниченное число козаковъ, должны были снова работать панамъ и содержать польскихъ жолнѣровъ. Литовское войско вошло въ Сѣверщину. Часть короннаго войска перешла на лѣвый берегъ Днѣпра [1]). Бѣгство въ Московское Государство стало затруднительно; самъ Хмельницкій издалъ универсалъ, въ которомъ запретилъ переходить на слободы и приказывалъ служить панамъ. «Ужъ теперь,—писалъ онъ,—не годится дѣлать того, что дѣлалось прежде: никому не будетъ пощады, кто не хочетъ покориться!»

Но жители не думали о повиновеніи ни панамъ, ни жолнѣрамъ, и ни самому козацкому гетману. Они зарывали въ землю свое имущество, жгли хаты, загоняли скотъ и завозили хлѣбъ, овесъ и сѣно въ укрѣпленныя мѣстечки, куда и сами прятались съ семействами. «Бѣдный жолнѣръ,—говоритъ польскій лѣтописецъ,—долженъ былъ кровью добывать насущный хлѣбъ». Весною, едва началъ сходить снѣгъ, уже вся Украина была въ огнѣ.

На Заднѣпріи, по Бугу и Днѣстру, оставшіеся жители скрывались по лѣсамъ и оврагамъ, такъ что полякъ не могъ ни пройти, ни проѣхать, безъ вооруженной команды. Въ разныхъ мѣстахъ Украины появились народные предводители, которые или сами домогались гетманскаго достоинства, или хотѣли ввѣрить его кому-нибудь другому вмѣсто Хмельницкаго. Хмелецкій, дворянинъ, промѣнявшій свои шляхетскія грамоты на козацкую волю, на правой сторонѣ Днѣпра собиралъ недовольныхъ и готовился лишить Хмельницкаго гетманства [2]). На лѣвой сторонѣ Днѣпра, около Лубенъ, мятежные хлопы избрали себѣ предводителемъ какого-то Бугая и дрались съ жолнѣрами [3]). Около Нѣжина составилось сильное ополченіе, подъ на-

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. III. ч. 3. 2.

[2]) Истор. о през. бр.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 318.

чальствомъ Лукьяна Мозыры [1]); Хмельницкій лишилъ его корсунскаго полка и назначилъ на его мѣсто своего шурина Золотаренка. Подъ знамена Мозыры становились тѣ, которые равнымъ образомъ ненавидѣли и пановъ и своего гетмана, и вскорѣ это ополченіе стало такъ сильно, что два отряда, посланные противъ него Калиновскимъ изъ-за Днѣпра, были разбиты и, наконецъ, Потоцкій, сынъ покойнаго гетмана, явившись на лѣвомъ берегу, не смѣлъ вступить съ Мозырою въ дѣло и поскорѣе убѣжалъ назадъ [2]). Въ миргородскомъ полку, въ селеніяхъ Липовомъ и Рябухѣ, произошла ссора между жолнѣрами и жителями [3]). Польскіе начальники разбирали это дѣло и, подъ видомъ наказанія, казнили многихъ жителей, истребили мятежныя селенія до основанія, не щадя ни пола ни возраста [4]). Тогда миргородскій полковникъ Гладкій, не показывая полякамъ явнаго неудовольствія, составилъ съ козаками тайный заговоръ, чтобъ въ назначенный день, по данному сигналу, во всемъ миргородскомъ полку перебить всѣхъ жолнѣровъ. Для этого избрано Свѣтлое воскресенье. Поляки предались праздничнымъ забавамъ. Тогда жители бросились на враговъ и произвели страшное кровопролитіе [5]). Примѣръ этотъ ободрилъ жителей и другихъ полковъ. Около Мглина и Стародуба произошла подобная рѣзня надъ литовцами, послѣ чего жители, страшась мщенія, стали разбѣгаться по лѣсамъ и вести гайдамацкую войну [6]).

Положеніе Хмельницкаго было часъ отъ часу опаснѣе. Вооруженныя толпы готовились идти на Чигиринъ и рас-

---

[1]) Истор. Мал. Рос. Бант. Кам. I. прим. 303.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 318.

[3]) Лѣтоп. Сам. 19.

[4]) Лѣтоп. Величка. I. 140.

[5]) Лѣтоп. Сам. 19.—Истор. о през. бр.

[6]) Лѣт. Сам. 20.

терзать предводителя. Среди всеобщаго возстанія, Хмельницкій принужденъ былъ успокоить хотя нѣсколько русскій народъ и позволилъ записываться въ реестръ, и такимъ образомъ въ то время, когда королю представленъ былъ списокъ съ двадцатью тысячами, въ Украинѣ существовалъ другой реестръ, въ которомъ козаковъ записано было болѣе сорока тысячъ, какъ было послѣ зборовскаго мира.

Вѣсть объ этомъ увеличеніи войска дошла до Калиновскаго. Коронный гетманъ счелъ такой поступокъ за явное несоблюденіе договора и написалъ Хмельницкому письмо съ укоризнами.

Хмельницкій принялъ смиренный видъ обиженной справедливости передъ депутатами Калиновскаго.

«Боже мой!—говорилъ онъ:—коронному гетману такъ хочется нарушить миръ, что онъ радъ утопить меня въ ложкѣ воды».

«Точно, я позволилъ козакамъ записываться въ реестръ, —писалъ онъ Калиновскому,—но это сдѣлано было по необходимости, потому что они бы меня самого убили, сдѣлано для пользы самихъ поляковъ, чтобъ укротить и усыпить на время необузданное хлопство. Повѣрьте, гетманъ, я всѣми силами стараюсь о спокойствіи, но на все нужно время. Въ доказательство же моей готовности быть вѣрнымъ Рѣчи Посполитой, я желаю самъ, чтобъ виновные по суду были преданы казни» [1].

Послѣ этого гетманъ послалъ къ королю жалобу на притѣсненія простаго народа жолнѣрами, разсказывалъ объ убійствахъ и злодѣяніяхъ, совершаемыхъ надъ русскимъ народомъ, представлялъ, что поляки нарушаютъ миръ и подаютъ поводъ къ новымъ безпокойствамъ, но не оправдывалъ мятежей русскаго народа и просилъ разбирательства о виновныхъ [2].

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 318—319.

[2]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 103.

Король и сенаторы были тогда снова раздражены противъ Хмельницкаго. Василій Лупулъ приказалъ остановить посла его въ Константинополѣ и переслалъ въ Польшу письмо Хмельницкаго къ турецкому правительству. Въ этомъ письмѣ козацкій гетманъ, по-прежнему, просилъ помощи и защиты у турокъ противъ поляковъ [1]). «Поляки, говоритъ историкъ [2]), сочли за лучшее отвѣчать на коварство Хмельницкаго коварствомъ».

Канцлеръ, отъ имени короля, написалъ къ нему вѣжливое письмо.

«Его величество и вся Рѣчь Посполитая принимаютъ съ большимъ сожалѣніемъ непріятное извѣстіе, что, послѣ столь недавняго примиренія, опять возникаютъ несогласія между обоими войсками, а потому, для водворенія порядка и для открытія зачинщиковъ смутъ, назначена коммиссія, которой членами избраны кіевскій воевода, Михаилъ Аксагъ, Гіеронимъ Завиша и Маховскій. Съ своей стороны, гетманъ Хмельницкій долженъ показать всю строгость надъ нарушителями мира и врагами общественнаго спокойствія изъ козаковъ, если окажется, что они первые подали поводъ, и впередъ употреблять надъ ними суровыя мѣры, а равнымъ образомъ не допускать ихъ оставлять счастливыхъ береговъ Днѣпра, дѣйствовать для успокоенія козаковъ, охранять права владѣльцевъ и войска вмѣстѣ съ гетманомъ Калиновскимъ».

Хмельницкій, съ козацкой стороны, назначилъ въ эту коммиссію кіевскаго полковника. Калиновскій прислалъ отъ войска Ляндскоронскаго [3]).

Эта коммиссія обвинила и присудила къ смертной казни Хмелецкаго, Мозыру, Гладкаго, войсковаго судью Гуля-

---

1) Annal. Polon. Clim. I. 302—319.

2) Histor. ab exc. Wlad. IV. 101.

3) Annal. Polon. Clim. I. 321.

ницкаго, и другихъ, которыхъ имена неизвѣстны. Хмельницкій безъ сопротивленія подписалъ смертный приговоръ [1]), показывая видъ, какъ будто онъ дѣлаетъ это по волѣ полковниковъ, а не по своему произволу [2]).

Мозыра первый былъ схваченъ и повѣшенъ съ соучастниками [3]). Гладкому отрубили голову. Современникъ говоритъ [4]), что онъ казненъ не столько за возмущеніе, сколько за личную вражду съ Хмельницкимъ: возвращаясь изъ-подъ Берестечка, онъ не отказывался, подобно Джеджалію и Богуну, отъ булавы, и имѣлъ намѣреніе сдѣлаться гетманомъ вмѣсто Хмельницкаго, котораго недовольное козачество готово было тогда выдать полякамъ. Извѣстно, что Гладкій и принесъ это согласіе народа въ польскій лагерь. Кромѣ того, Гладкій былъ недоволенъ сношеніемъ Хмельницкаго съ турками и внушалъ козакамъ опасеніе попасться подъ иго невѣрныхъ. Хмелецкій былъ схваченъ въ-расплохъ въ Паволочѣ и тутъ же, на базарѣ, ему отрубили голову. Гуляницкій былъ счастливѣе: онъ скрылся въ монастырѣ, потомъ пробрался въ Молдавію [5]). Кромѣ этихъ осужденныхъ, по разнымъ мѣстамъ Украины, частью по приговору коммиссій и частью по волѣ гетмана рубили головы, вѣшали, сажали на колъ. Около этого времени, по сказанію одной лѣтописи [6]), былъ казненъ въ Кіевѣ на площади Гурскій, виновникъ берестечскаго пораженія. Хмельницкій постановилъ, чтобы при каждой польской хоругви были козацкіе депутаты для отвода квартиръ, и издалъ универсалъ, въ которомъ запрещалъ народу помышлять, чтобъ козацкій гетманъ позволилъ имъ когда-либо

---

[1]) Истор. о през. бр.—Лѣтоп. мал.

[2]) Памятн. кіевск. комм. Ш. ч. 3. 84.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 321.

[4]) Лѣтоп. Сам. 19.

[5]) Истор. о през. бр.

[6]) Кратк. ист. опис. о Мал. Росс. 25.

сопротивляться воинскому постою или не повиноваться владѣльцамъ [1]).

Поляки были довольны этимъ явнымъ знакомъ покорности; но Хмельницкій, угождая врагамъ, угождалъ самому себѣ.

Не прошло и мѣсяца послѣ такихъ признаковъ покорности, какъ Хмельницкій былъ уже въ состояніи сбросить съ себя личину и снова явиться врагомъ поляковъ и защитникомъ русскаго народа.

Бѣлоцерковскій договоръ остался неутвержденнымъ на сеймѣ, потому что этотъ несчастный сеймъ открылъ собою рядъ гибельныхъ, разрушительныхъ національныхъ собраній въ Польшѣ. На немъ, между прочимъ, хотѣли судить и предать безславію нѣкоторыхъ богатыхъ и своевольныхъ пановъ; они подкупили одного литовскаго посла, Сицинскаго; этотъ посолъ *сорвалъ* сеймъ подъ тѣмъ предлогомъ, что засѣданіе его продолжалось долѣе опредѣленнаго времени. Хмельницкій тогда имѣлъ право считать этотъ договоръ недѣйствительнымъ; онъ и прежде предвидѣлъ, что поляки скоро подадутъ ему предлогъ разорвать унизительный миръ, а потому тотчасъ по заключеніи бѣлоцерковскаго договора послалъ турецкому падишаху такое письмо: «Ваше царское величество обѣщали намъ прислать на помощь крымскаго хана и еще иное войско изъ Добруджской земли, но мы, не желая праздно провождать время, при помощи высочайшаго Бога, имѣли съ ляхами ужасную битву, и такъ какъ помощь изъ Крыма и Добруджи къ намъ опоздала, то намъ пришлось заключить съ ляхами миръ, но миръ достойный, безъ нарушенія прежней дружбы съ крымскимъ ханомъ, которую желаемъ сохранить до конца дней своихъ, равно какъ и быть

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 321. — Собственнор. универ. Хмельниц. (рукоп.).

вѣрными подданными вашего царскаго величества. Султанъ Нуреддинъ, находясь съ нами въ битвахъ, держалъ себя мужественно, какъ подобаетъ доброму союзнику, а потому достоинъ почета и награды отъ вашего царскаго величества. Хотя мы и помирились съ ляхами, но держимъ ихъ въ рукахъ. Поэтому покорно просимъ ваше царское величество послать свои грамоты къ хану крымскому и повелѣть, чтобы онъ хранилъ съ нами дружбу и находился при насъ во всѣхъ сраженіяхъ, что и мы, съ своей стороны, взаимно ему обѣщаемъ» [1]).

Расхваливъ падишаху султана Нуреддина и приписавъ ему болѣе того, что онъ сдѣлалъ для козаковъ, Хмельницкій заключилъ договоръ съ нимъ и съ Карачъ-мурзою. Они стояли уже на границѣ Украины съ двадцатью тысячами татаръ и готовы были вступить, по мановенію Хмельницкаго. Какъ только гетманъ узналъ, что бѣлоцерковскій трактатъ не утвержденъ польскою націею и, слѣдовательно, не обязываетъ болѣе Украины, онъ пригласилъ татаръ и приказалъ козакамъ готовиться въ походъ на-легкѣ, безъ возовъ и пожитковъ [2]). «Принимая во вниманіе, писалъ онъ въ своемъ универсалѣ отъ 24-го марта, что ляхи по-прежнему причиняютъ намъ обиды, и уже не мало войсковыхъ молодцовъ безвинно замучили и погубили и притомъ заставляютъ работать на себя не только въ будни, но и въ праздники и трудно теперь намъ забыть, что мы недавно были вольными и привыкать работать на тѣхъ пановъ, надъ которыми мы были сами панами, мы находимъ, что пришла удобная пора вырваться намъ изъ неволи, потому что ляхи сами не знаютъ, что дѣлаютъ и черезъ свою безмѣрную наглость хотятъ сами себя сгубить, а намъ животъ даровать. Оповѣщаемъ, чтобъ

---

[1]) Рукопись министер. иностр. дѣлъ.

[2]) Лѣтоп. Величка. I. 107—109.

всѣ, даже каждый посполитый человѣкъ, были готовы къ войнѣ и приготовили жизненные запасы до Пасхи, а послѣ Пасхи будутъ разосланы мои универсалы, по полученіи которыхъ надобно на другой день выступать на мѣсто, назначенное мною для обоза. Но никто не смѣетъ двинуться безъ моего приказанія, чтобъ не подать ляхамъ повода къ нарушенію мира съ нашей стороны, чего они только и хотятъ» [1]).

Молдавскій господарь, наказанный за нарушеніе даннаго слова, въ 1650 году, по совѣту поляка Кутнарскаго, снова обѣщалъ отдать Домну Локсандру (Розанду) за Тимоѳея, но просилъ отсрочки на годъ, извиняясь молодостью невѣсты. Чтобъ избѣжать дальнѣйшихъ попытокъ къ сватовству со стороны Хмельницкихъ, господарь отправилъ дочь свою гостить къ сестрѣ Радзивилловой въ Литву, а потомъ, когда недоразумѣнія съ диваномъ у него прекратились и Лупулъ снова былъ утвержденъ падишахомъ въ своемъ господарскомъ достоинствѣ, онъ, по требованію визиря, долженъ былъ отправить дочь свою въ Константинополь заложницею своей вѣрности. Впрочемъ, она тамъ оставалась недолго, если дѣйствительно была туда отослана, такъ какъ, исключая нѣкоторыхъ темныхъ намековъ въ современныхъ источникахъ, нѣтъ ясныхъ указаній на пребываніе ея въ Константинополѣ [2]). Во всякомъ случаѣ, послѣ даннаго Хмельницкому согласія на бракъ Тимоѳея съ Домною, Лупулъ, какъ мы видѣли, старался всячески вредить Хмельницкому и, можетъ быть, Богданъ не окончилъ бы такъ несчастливо своей войны, еслибъ молдавскій господарь не передавалъ полякамъ перехваченныхъ его писемъ и не возбуждалъ противъ него хана, извѣщая послѣдняго о сношеніяхъ козацкаго гетмана съ московитянами. Послѣ

[1]) Ojcz. Spom. II. 131—132.

[2]) Шайноха, русск. перев. Русск. Мысль. 1881 Іюнь 269—270. Kubala. Szkice II, 137. Сс. на Hammer. Gesch. des Osm. Reiches. III. 372.

бѣлоцерковскаго мира Лупулъ продолжалъ искусно вредить Хмельницкому, но вооружилъ противъ себя хана: надѣясь на силу поляковъ, онъ не побоялся задержать крымскаго посла и отнять у него письма [1]). Отъ этого ханъ съ большимъ радушіемъ предложилъ Хмельницкому помощь, и снова называлъ его любезнымъ другомъ и союзникомъ [2]).

Приготовляясь заранѣе къ войнѣ, Хмельницкій еще разъ написалъ къ Лупулу и напоминалъ ему, что давно пора исполнить обѣщаніе. Лупулъ снова отвѣчалъ ему отказомъ, отдѣлываясь разными отговорками, изъ которыхъ Хмельницкій видѣлъ его явное нежеланіе [3]).

Тогда, по увѣренію одной лѣтописи [4]), Хмельницкій написалъ къ Лупулу въ такомъ тонѣ: «Сосватай, господарь, дщерь свою съ сыномъ моимъ, Тимоѳеемъ, и тобі добре буде, а не видаси—изотру, изомну и останку твоего не останеться, и вихремъ прахъ твой размечу по воздусі».

Лупулъ чрезъ Кутнарскаго извѣстилъ Калиновскаго объ угрожающей опасности и просилъ самого короля о заступленіи.

«Извѣстно вашему величеству,—писалъ онъ,—что уже два года Хмельницкій, мятежникъ вашего величества, принуждаетъ меня къ тому, что унизительно для моего достоинства. Снова, надменный успѣхами, требуетъ онъ сыну своему, Тимоѳею, обѣщанную невѣсту, дочь мою, единственное утѣшеніе моей старости, и грозитъ оружіемъ, если я не удовлетворю его: уже слышу звукъ непріязненнаго войска, которое готовитъ на меня Тимоѳей съ Карачъ-мурзою. Онъ рѣшился овладѣть моею дочерью, хотябъ умертвивъ отца ея, и называетъ ее своимъ достояніемъ, ссылаясь на обѣщаніе мое, два года назадъ вынужденное оружі-

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 320.

[2]) Ibid. 335.

[3]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 102.

[4]) Повѣст. о томъ, что случ. въ Украинѣ. 19.

емъ. Ради вѣрности моей къ Рѣчи Посполитой, ради моего владѣтельнаго достоинства, ради обѣта, даннаго поляками, умоляю, чтобъ Калиновскій не допустилъ свободно пройти въ Молдавію козакамъ и татарамъ, ихъ союзникамъ. Предстоитъ удобный случай уничтожить ихъ, безпечныхъ, не помышляющихъ о нападеніи. Козаки такъ много преступили противъ поляковъ, что Польша должна защищать меня отъ несправедливаго насилія, меня, живущаго подъ крыломъ польскаго орла».

Дочь молдавскаго господаря славилась у современниковъ какъ красотою, такъ равно и богатствомъ своего родителя, долженствовавшаго надѣлить ее блестящимъ приданымъ, и потому привлекала къ себѣ искателей руки ея. Кромѣ Вишневецкаго, котораго, какъ сказываютъ, она даже полюбила, на ней хотѣли жениться сынъ короннаго гетмана Петръ Потоцкій староста каменецкій и самъ польный гетманъ Калиновскій, не смотря на неравенство лѣтъ [1]).

Король въ то время готовился идти въ Пруссію и утѣшалъ господаря тѣмъ, что Хмельницкій, быть можетъ, только стращаетъ своимъ походомъ. Онъ обѣщалъ ему помощь. Хмельницкому попалась въ руки эта корреспонденція [2]).

По просьбѣ Лупула, Калиновскій сталъ лагеремъ на берегу Буга, близъ горы Батога, или Батова, неподалеку отъ Ладыжина, и готовился преградить путь Тимоѳею. Польское войско состояло, по сказанію украинскаго лѣтописца, изъ пятидесяти тысячъ [3]), а по извѣстію польскихъ современныхъ историковъ—[4]) изъ двадцати тысячъ слиш-

---

[1]) Pamiętn. Jemiołowsk. 33.—Szajnocha. Домна Розанда, рус. перев. Русск. Мысль, іюнь. 1881 г. 274.

[2]) Histor. ab. exc. Wlad IV. 102.

[3]) Лѣтоп. Величка. I. 108.

[4]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 104.—Latop. Jerl.

комъ. Изъ нихъ двѣнадцать тысячъ было конницы, а восемь пѣхоты, раздѣленной на восемь полковъ, въ каждомъ по тысячѣ человѣкъ. Это разногласіе, однако, разрѣшается: быть можетъ, польскій писатель считаетъ однихъ фронтовыхъ, а украинскій—всѣхъ годныхъ къ бою, которые были въ обозѣ. Войско польское не любило главнокомандующаго; полководцы были съ нимъ во всемъ несогласны, а Калиновскій, упрямый и строптивый, хотѣлъ всегда поставить на своемъ, хотя бы чужія мнѣнія очевидно были справедливы. Паны совѣтовали ему стать близъ Брацлава или Райгорода, но Калиновскій выбралъ вовсе неудобное мѣсто; впереди лагеря была рѣка Бугъ; съ другихъ сторонъ окружали поляковъ лѣса и болота; гора Батогъ, съ обрывами, возвышалась позади избраннаго мѣста [1]). Калиновскій напоминалъ всѣмъ, что онъ главнокомандующій и дѣлалъ такъ, какъ не хотѣлось другимъ.

Для Хмельницкаго ничего не могло быть желаннѣе этого повода къ начатію войны, который сами поляки подавали ему. Онъ могъ одолѣть непріятеля, разрушить унизительный договоръ и ясно доказать предъ цѣлымъ свѣтомъ, что виною разрыва непріятели. И вотъ козацкій гетманъ собралъ четыре козацкихъ полка: чигиринскій, черкасскій, переяславскій и корсунскій [2]) да пять тысячъ крымцевъ подъ начальствомъ Нуреддина и двинулся къ Ладыжину [3]). Четырнадцать тысячъ ногайцевъ, подъ предводительствомъ Карачъ-мурзы, пошли дорогою; они должны были переправиться чрезъ Бугъ, ниже урочища Батога, и ударить на поляковъ въ назначенное время: гетманъ заранѣе разсчиталъ день, въ который козаки и татары могли съ разныхъ сторонъ сойтиться и напасть на непрія-

---

[1]) Wojna dom. Ч. 2. 70—71.

[2]) Рукоп. Имп. П. Библ. №. 63.—Ks. Pam. Jak. Mishał. 658.

[3]) Лѣтоп. Величк. I. 110.

теля. Не доходя за нѣсколько десятковъ верстъ до Ладыжина, Хмельницкій послалъ къ Калиновскому слѣдующее письмо:

«Хмельницкій Калиновскому, русскій гетманъ польскому, желаетъ здравія. Не хочу скрывать предъ вашею вельможностью, что своевольный сынъ мой, Тимоѳей, съ нѣсколькими тысячами войска, идетъ жениться на дочери молдавскаго господаря. Конечно, до этого нѣтъ никому дѣла, но я удивляюсь, что многочисленное польское войско, неизвѣстно для чего, стало при Батогѣ, какъ будто съ намѣреніемъ заступить дорогу моему сыну. Я прошу вашу вельможность, для спокойствія отечества, отступить съ своимъ войскомъ, тѣмъ болѣе, что польское войско стоитъ на мѣстѣ, вовсе неудобномъ для обороны. Я опасаюсь, чтобъ свадебные бояре, по легкомыслію, не завели ссоры съ войскомъ и сынъ мой, по своей юности, не вздумалъ искать первой удачи военнаго поприща» [1]).

Отправляя это письмо, Хмельницкій написалъ въ немъ: *изъ Чигирина*, и поставилъ заднее число. Письмо это произвело различныя мнѣнія и догадки между поляками.

«Хмельницкій, — говорили одни: — теперь уже сталъ не тотъ, что былъ: онъ поступаетъ искренно, иначе, для чего бы ему указывать намъ неудобства нашего положенія? Скорѣе бы онъ имъ воспользовался».

«Нѣтъ, — говорили другіе: — онъ все тотъ же измѣнникъ, какъ и былъ; онъ хочетъ заранѣе оправдаться и выдумалъ, что сынъ его идетъ безъ его позволенія. Онъ хочетъ опустошить Молдавію; намъ нельзя оставить безъ обороны вѣрнаго союзника Рѣчи Посполитой».

Другіе военачальники не вѣрили Хмельницкому, однако совѣтовали гетману отойти съ дороги и не мѣшать пройти Тимоѳею, а между тѣмъ собрать войско изъ-за Днѣпра.

---

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 102.

Особенно уговаривалъ Калиновскаго Пржіемскій, начальникъ артиллеріи, старый воинъ, посѣдѣвшій въ битвахъ во Франціи и Швеціи, гордившійся тѣмъ, что выдержалъ славную осаду подъ Бриссакомъ.

«Послушайте меня, старика,—говорилъ онъ:—я съ-молоду красно говорить не учился, да дѣло смыслю; но вѣдь словами татарской сабли отъ шеи не отобьешь. Будетъ бѣда, если мы ихъ остановимъ: запьетъ козакъ нашею кровью свадебную пирушку; побьютъ у насъ лошадей, а потомъ загонятъ, какъ волковъ въ яму, и кончится тѣмъ, что, или постыдно сдадимся, или напрасно погибнемъ. Уйди лучше, панъ гетманъ, съ конницею, а я съ нѣмецкою пѣхотою останусь здѣсь; мы спасемся; и если непріятель нападетъ на насъ, то станемъ обороняться, а ты между тѣмъ соберешь войско изъ-за Днѣпра. Я тебѣ два мѣсяца обѣщаюсь биться противъ нихъ».

Многимъ показался этотъ совѣтъ благоразумнымъ, но Калиновскій, по обыкновенію, не принялъ его.

«Хмельницкій боится насъ, — говорилъ онъ, — и болѣе ничего! Сынъ его идетъ съ немногочисленнымъ войскомъ; теперь-то и случай нанести ударъ врагу отечества. Смѣшно было бы, еслибъ я повѣрилъ коварному письму и не спасъ чести господаря въ такомъ трудномъ положеніи».

На пущую бѣду полякамъ, посланный подъѣздъ привезъ вѣсти, нарочно распущенныя Хмельницкимъ, будто Тимоѳей идетъ только съ пятью тысячами. Тогда ничто не могло остановить Калиновскаго: онъ заранѣе восхищался, что лишитъ Хмельницкаго сына и отомститъ вполнѣ за стыдъ корсунскаго пораженія и постыдный плѣнъ свой. Для предотвращенія нападенія въ тылъ, онъ отправилъ значительный отрядъ по направленію къ Ладыжину.

Войско, и безъ того не оживляемое ни любовію къ полководцу, ни надеждою на побѣду, пугалось тогда разными пердзнаменованіями. Въ полночь увидѣли на ясномъ небѣ

двѣ сверкающія метлы: онѣ стали вытягиваться и образовали мечъ, обращенный рукоятью къ востоку, а остріемъ на польскій обозъ. На другую ночь представились жолнѣрамъ въ воздухѣ изображенія вооруженныхъ войскъ, которыя какъ будто сражались между собою.

«И не только небеса,—и земля, говоритъ украинскій лѣтописецъ, предсказывали ляхамъ грозящую бѣду». Была подлѣ Ладыжина большая скала, нависшая надъ Бугомъ; тамъ было ущелье; съ недавняго времени сталъ отзываться оттуда голосъ на подобіе человѣческаго; онъ предсказывалъ будущее и отвѣчалъ на всѣхъ языкахъ, на какомъ бы къ нему ни обратились». Никто не видѣлъ этого существа. Разно говорили о немъ. Одни почитали его безтѣлеснымъ духомъ, существующимъ въ одномъ голосѣ, другіе говорили, что это душа умершаго человѣка, заклятая въ камнѣ. Когда спрашивали имя его, онъ отвѣчалъ, что его зовутъ Спасовскимъ. Одинъ офицеръ французъ, бывшій въ польскомъ войскѣ, отправился къ этой скалѣ и чудное существо сказало ему по-французски:

«Идите и скажите вашему гетману, чтобъ онъ поскорѣе ушелъ отсюда: придетъ сюда свирѣпый пьяница, который думаетъ ему остричь бороду; бритва у него острая: опасно, чтобъ съ бородой онъ не отрѣзалъ ему головы».

Вдобавокъ къ этимъ предзнаменованіямъ, во время смотра, хоружій упалъ съ лошади и гетманское знамя разостлалось по землѣ.

«Явный признакъ несчастія!» кричали тогда жолнѣры.

Калиновскій не вѣрилъ знаменіямъ, не слушалъ совѣтовъ и готовился къ нападенію.

Окопы сдѣланы были чрезвычайно широко; польское войско занимало почти цѣлую милю. Напрасно Пржіемскій увѣрялъ, что это повредитъ и представлялъ въ примѣръ Збаражъ: Калиновскій не измѣнилъ своей настойчивости и отговаривался, что придутъ скоро войска изъ-за Днѣпра.

Въ то время Хмельницкій приказалъ пяти тысячамъ татаръ идти впередъ, мимо польскаго лагеря, а Тимошъ съ частью козаковъ отправился заранѣе другимъ путемъ и перешелъ Бугъ, выше Ладыжина; старикъ Хмельницкій оставался назади, показывая видъ, будто не думаетъ нападать и только наблюдаетъ за сыномъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Батогская битва.—Истребленіе поляковъ.—Хмельницкій прибываетъ на поле битвы.—Письмо Хмельницкаго въ Польшу.—Осада Каменца.—Тимоѳей отправляется въ Молдавію.—Изгнаніе жолнѣровъ изъ Украины.—Свирѣпства народа.—Сосновскіе.—Универсалъ Хмельницкаго.—Прибытіе Тимоѳея въ Яссы.—Свадьба Тимоѳея.—Возобновленіе осады Каменца.—Сеймъ въ Польшѣ.—Козацкіе послы на сеймѣ.—Польскіе коммиссары въ Чигиринѣ.—Народныя бѣдствія.

29-го мая (по другимъ 1-го іюня н. с., т. е. 22-го мая с. ст., по третьимъ 2-го іюня) передовой отрядъ появился въ виду польскаго лагеря; онъ состоялъ большею частью изъ татаръ. Они не показывали никакого враждебнаго вида, какъ вдругъ поляки, по приказанію Калиновскаго, привѣтствовали ихъ залпомъ. Татары и козаки обращаются въ бѣгство.

«Они бѣгутъ,—закричалъ Калиновскій:—бейте невѣрныхъ! Сегодня суббота, день Божіей Матери! Впередъ!»

Конница понеслась изъ обоза, и тысяча голосовъ огласили воздухъ именемъ Божіей Матери.

Союзники бѣгутъ все далѣе и далѣе, нарочно, чтобъ раздвоить войско; поляки ихъ преслѣдуютъ, какъ вдругъ позади ихъ поднялась пыль: летитъ съ малымъ отрядомъ ротмистръ Зелинскій.

«Назадъ! назадъ! — кричитъ онъ: — козаки въ тылу обоза! Козаки нападаютъ на обозъ!»

Конница стремительно поворотила назадъ, растерянная и испуганная внезапностью, а бѣгущіе, въ свою очередь, обратились вслѣдъ за ними, пуская стрѣлы и пули. Поляки добѣжали до обоза; союзники стали отъ поляковъ немного далѣе разстоянія пушечнаго выстрѣла.

Тимоѳей Хмельницкій напалъ на поставленный вдали отъ войска отрядъ и почти совершенно истребилъ его. Оставшіеся прибѣжали безъ памяти въ обозъ и извѣщали, что козаки чрезъ нѣсколько часовъ явятся за ними; отъ страха увѣряли они, что у непріятеля тысячъ сто.

Наступила короткая лѣтняя ночь. Смятеніе и паническій страхъ распространились въ конницѣ. Поляки столпились и начали разсуждать о своемъ положеніи.

«Гетманъ губитъ войско, — кричали они: — черезъ него мы всѣ должны погибать! Зачѣмъ онъ завелъ насъ сюда? Зачѣмъ не послушался умныхъ людей, которые совѣтовали ему отступить? Зачѣмъ онъ не узналъ настоящимъ образомъ о силахъ непріятеля? Развѣ для генерала существуетъ слово: «не ожидалъ?»

Ропотъ и неудовольствіе скоро перешли въ явное возмущеніе.

«Безумецъ! сумасбродъ! — кричала толпа: — его не научилъ татарскій плѣнъ! Ему опять хочется въ Крымъ. Такъ пусть же идетъ самъ, когда ему нравится: отдадимъ его татарамъ!»

«Отдать его, отдать! — кричали голоса: — этимъ мы спасемъ себя! Зачѣмъ пропадать всѣмъ чрезъ одного глупца?»

«Нѣтъ, не татарамъ, — кричали другіе: — отдадимъ его Хмельницкому: онъ за это пощадитъ все войско и еще наградитъ насъ».

Эти ужасныя слова пересказали Калиновскому. Онъ

прибѣгаетъ къ мятежникамъ съ обыкновенною своею запальчивостью:

«Измѣнники! трусы! — кричалъ онъ: — съума сошли вы отъ малодушія! Куда вы убѣжите? Въ рѣку топиться, что ли? Впередъ! Я приказываю! Впередъ изъ обоза!»

Жолнѣры отвѣчали ругательствами. «Кровь Калиновскаго, пощаженная татарами, чуть было не пролилась отъ польскихъ мечей», говоритъ современникъ. Предводитель перемѣнилъ тонъ.

«Братья! соотечественники любезные! сослуживцы мои! — говорилъ онъ: — опомнитесь! Что за безуміе ослѣпило васъ? Прежде сраженія вы хотите погубить меня, вождя вашего и товарища. Но знайте, братья, я готовъ принесть въ жертву мои сѣдины, если только кровь моя искупитъ ваше малодушіе. Я предъ вами: убивайте меня; пусть я паду, но вы побѣдите!»

Эта германиковская выходка не обратила къ раскаянію воиновъ; они всетаки сыпали проклятіе на своего командира, готовились бѣжать и отдаться врагамъ. Калиновскій оставилъ ихъ и побѣжалъ къ Пржіемскому совѣтоваться.

Но чрезъ нѣсколько времени, на разсвѣтѣ, прибѣгаетъ къ нему сынъ его Самуилъ.

«Они бѣгутъ!» извѣщаетъ онъ.

«Нѣтъ, они не побѣгутъ! — закричалъ бѣшеный гетманъ. — Пушки впередъ! Пѣхота впередъ! Палите по нимъ! Бейте трусовъ. Я ихъ передѣлаю въ храбрыхъ! Лишить ихъ всякой надежды уйти, такъ они у меня перестанутъ подличать и, по-неволѣ, пойдутъ на непріятеля, когда смерть у нихъ будетъ и спереди и сзади».

Артиллерія обратилась на бѣглецовъ; пѣхота побѣжала скорымъ маршемъ. Грянулъ залпъ, туча картечей и пуль повалила ряды поляковъ. Одни стоятъ, какъ мертвые, не въ силахъ произнести слова, другіе бѣгутъ безъ па-

мяти, третьи, въ бѣшенствѣ, отвѣчаютъ пулями и бросаются на нѣмцевъ. Калиновскій приказываетъ повторить залпъ; начинается междоусобное сраженіе... но вдругъ въ обозѣ пожаръ... слуги, вѣроятно русскіе, можетъ быть и поляки, желавшіе прислужиться козакамъ, зажгли сѣно въ нѣсколькихъ мѣстахъ; въ минуту загорѣлись шатры и въ то же время, изъ-за холма, съ страшнымъ крикомъ, появились козаки, которымъ дано было знать о смятеніи.

Нѣсколько минутъ козаки стояли какъ вкопанные, пораженные неожиданнымъ зрѣлищемъ. «Не хитрость-ли это?» говорили они сначала, но скоро поняли въ чемъ дѣло. Золотаренко, большой непріятель поляковъ, по выраженію польскаго лѣтописца, увидя пожаръ и междоусобіе закричалъ:

«Эй братці, дивіться, що ляхи роблють! Не мордуйтесь же, дурно січучі ляхівъ: голими руками іхъ заберемъ, въ іхній огонь іхъ заженемъ: сами подохнуть. Оттеперъ-то, братці, помстімося за кривду нашу берестецьку, спалимъ, згубимъ нашихъ ворогівъ!» Козаки стремительно бросились на враговъ съ разныхъ сторонъ.

Конница, не пришедшая еще въ память отъ многихъ пуль и картечей, растерянная внезапнымъ и свирѣпымъ натискомъ козаковъ, бросилась въ разсыпную. Но отовсюду поражали ихъ враги, и густыя толпы поляковъ, словно робкое стадо, по выраженію современника, летѣли въ Бугъ. Нѣсколько тысячъ утонуло въ одно мгновеніе. Испуганные участью товарищей, другіе бросились въ обозъ, но козаки погнались за ними и вогнали въ огонь. Другіе бѣжали въ поле, въ лѣсъ, въ болото; козаки гонялись за ними, перерѣзывали дорогу, заходили съ боковъ, стрѣляли, рубили, кололи со всѣхъ сторонъ. Храбрѣйшіе, видя, что смерть неизбѣжна, столпились около гетмана и, въ отчаяніи, рѣшились дать отпоръ непріятелю, но всеобщее смятеніе лишило ихъ возможности

придти въ порядокъ; дымъ горящаго лагеря закрывалъ имъ глаза.

«Я не хочу болѣе жить! — кричалъ Калиновскій: — мнѣ стыдно смотрѣть на это восходящее солнце!»

Онъ бросился въ толпу непріятеля, искалъ смерти, получилъ нѣсколько ранъ, загнанный между деревьевъ: тамъ татарская стрѣла нанесла ему окончательный ударъ.

Враги отрубили мертвому гетману голову и доставили Нуреддину. Султанъ приказалъ нести ее предъ собою и торжественно показывалъ козакамъ. Подлѣ него ѣхалъ Золотаренко.

«Здохла собака, — кричалъ онъ: — теперъ уже не вкусить».

«Не доплатилъ намъ окупу, — говорилъ Нуреддинъ: — обѣщалъ прислать въ Крымъ и не сдержалъ слова».

«Дайте его голову намъ, — сказалъ Золотаренко: — ми іи пошлемо до нашого батька Хмельницкаго».

И козаки отнесли эту голову въ подарокъ своему гетману, въ доказательство своей побѣды.

Нѣмецкая пѣхота, состоявшая изъ восьми полковъ, стала въ углу, образуемомъ рѣкою Бугомъ, и рѣшилась не погибнуть безъ отпора. Начальство принялъ Марко Собѣскій, братъ Яна; мужественно отбили они нападавшихъ козаковъ.

Но вдругъ, будто сильный дождь изъ облака или вихорь пустынный, по выраженію украинскаго лѣтописца, Карачъ-мурза, съ четырнадцатью тысячами ногайцевъ, бросился на нихъ въ тылъ изъ-за другой стороны горы Батога. Ужасный крикъ огласилъ воздухъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ, разрѣзываемая насквозь, пѣхота смѣшалась и, противъ воли, положила оружіе; татары и козаки рубили ее по всѣмъ направленіямъ.

Собѣскій былъ убитъ.

«Многаго лишилось въ немъ отечество, — говоритъ со-

временникъ: — а еще болѣе родная мать, но никто не умѣетъ выразить печали, кромѣ того, кто ее чувствуетъ».

На протяженіи нѣсколькихъ миль, козаки, въ разсыпную, гонялись за бѣгущими воинами, поражая ихъ копьями и выстрѣлами, вытаскивали изъ болота и кустовъ и умерщвляли. Напрасно поляки бросали оружіе и молили о пощадѣ. «Не было къ нимъ милости за ихъ тиранства и *здырства*», говоритъ украинскій лѣтописецъ; татары хотѣли щадить ихъ, чтобы взявши въ плѣнъ, отпустить за выкупъ, но козаки заплатили мурзамъ за то, чтобъ не мѣшали имъ истребить враговъ. Нѣкоторые удачно переплыли чрезъ Бугъ, но не избавились отъ гибели: изъ окрестныхъ селъ и хуторовъ сбѣжались русскіе хлопы, обрадованные вѣстью освобожденія, и добивали бѣглецовъ косами и дубинами. Двадцать тысячъ поляковъ и служившихъ въ польскомъ войскѣ нѣмцевъ погибло въ этой несчастной битвѣ; половина изъ нихъ пала подъ картечами и пулями собственной артиллеріи и пѣхоты или утонула въ Бугѣ, прочіе были истреблены козаками и хлопами по полю. «Отъ се вамъ за Берестечко! отъ се вамъ за Трилиси! отъ се вамъ за унию! отъ се вамъ стацiи», приговаривали русскіе, избивая ихъ.

Нѣкоторые поляки избавились отъ смерти тѣмъ, что одѣвались въ женское платье и садились въ арбы вмѣстѣ съ татарками; другимъ татары вымазали порохомъ лицо, третьи прятались по шею въ тинѣ... Немногіе успѣли перейти Бугъ, но и тѣ погибли отъ хлоповъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Самуилъ, сынъ Калиновскаго; въ деревнѣ Бубновкѣ обломился подъ нимъ мостъ, прискочили мужики и не дали ему выкарабкаться изъ воды. Разсказываютъ, что молодая жена этого пана, не дождавшись своего мужа изъ подъ Батога и не сомнѣваясь, что онъ не былъ счастливѣе цѣлаго войска, отъ горести ничего не ѣла и не пила, и думала уморить себя. Врачи уговари-

вали окружавшихъ увѣрить ее, что Самуилъ живъ и находится въ татарской неволѣ. Бѣдная вдова продавала свои драгоцѣнности и раздавала на выкупъ супруга, а добрые люди нарочно поддерживали въ ней пустую надежду, чтобъ воспользоваться ея богатствомъ.

Старый Хмельницкій, получивъ въ подарокъ отъ сына голову Калиновскаго, отправилъ извѣстіе брату его, вмѣстѣ съ Потоцкимъ стоявшему съ войскомъ за Днѣпромъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ знакъ поруганія, послалъ ему остриженнаго коня съ веревкою вокругъ шеи, свитою изъ гривы и хвоста. Подождавъ, пока козаки безъ него окончатъ пораженіе войска, Хмельницкій, на третій день сраженія, явился въ обозъ, показывалъ видъ неудовольствія, гнѣвался на сына и на козаковъ за кровопролитіе, обласкалъ тридцать поляковъ, взятыхъ въ плѣнъ, увѣрялъ ихъ, что вся эта бойня сдѣлана своевольными, противъ его желанія и, въ доказательство своей невинности, приказалъ отъискать трупъ Калиновскаго: въ карманѣ его одежды нашли предостерегательную записку Хмельницкаго. Онъ обдарилъ шляхтичей и позволилъ имъ свободно отправиться въ Польшу. Распросивши татаръ, козацкій гетманъ узналъ, что они спасли отъ разъяренной толпы еще двѣсти пятьдесятъ шесть человѣкъ; онъ благодарилъ ихъ за это человѣколюбіе, выкупилъ плѣнниковъ, отправилъ ихъ въ Чигиринъ, приказывалъ козакамъ обращаться съ ними съ почтеніемъ и обѣщалъ немедленно выпустить, какъ скоро получитъ заплаченныя за нихъ деньги. Какъ побѣдитель, онъ взялъ себѣ всю артиллерію изъ пятидесяти семи орудій, а прочее предоставилъ союзникамъ; но татары были этимъ очень недовольны, потому что не взяли ничего; весь лагерь сдѣлался добычею пламени. Литовскій канцлеръ въ своихъ запискахъ говоритъ, что Калиновскій прежде накликалъ на себя ненависть Хмельницкаго. Онъ подговорилъ какого-то козака Бублика свести

со свѣта козацкаго гетмана, но убійца не успѣлъ совершить порученія, былъ схваченъ и на пыткѣ показалъ тайну [1]).

Хмельницкій надѣялся тогда, что господарь, узнавъ о побѣдѣ его, согласится на бракъ, и потому не пустилъ болѣе татаръ въ Молдавію. Задержавъ своего сына при себѣ, онъ написалъ Лупулу письмо, въ которомъ, по сказанію современника, выражался такъ:

«Не изволь, вельможный господарь, пренебрегать союзомъ со мною и отказывать въ своей дочери. Самъ услышишь, какое незагладимое пораженіе нанесъ я ляхамъ и убилъ въ нихъ воинственный духъ такъ, что они теперь не осмѣлятся воевать и не только примутъ такой миръ, какой я самъ дамъ имъ, но униженно будутъ испрашивать зборовскаго договора, столько разъ ими нарушеннаго. Не хвались своимъ происхожденіемъ и предками: больше чести сдѣлаться великимъ своимъ искуствомъ, чѣмъ быть обязаннымъ величіемъ только рожденію и титуламъ. Притомъ, если ты не согласишься по доброй волѣ, то исполнишь мое желаніе по-неволѣ».

Война была начата и Хмельницкій хотѣлъ воспользоваться временемъ, пока не собралось польское войско, чтобъ отнять снова Подоль, и потому тотчасъ изъ-подъ Ладыжина вступилъ съ войсками въ подольскую землю и занялъ Винницу. Въ то же время, показывая видъ будто не имѣетъ никакого намѣренія дѣлать Польшѣ вредъ, онъ послалъ къ королю письмо и оправдывалъ себя за разбитіе войска.

«Сынъ мой, — писалъ онъ: — шелъ на свадьбу, какъ

---

[1]). Histor. ab. exc. Wlad. IV. 103—104.—Woyna dom. Ч. 3. 69 — 74.—Annal. Polon. Clim. I. 321—330.— Histor. belli. cosac. polon. 218 —221.—Лѣтоп. Величка. I. 106—114. — Крат. истор. о бунт. Хмельн. 42.—Кратк. истор. опис. о коз. мал. нар. 66.—Latop. Jerl. 136—138.— Histor. Jan. Kaz. I. 144—150.—Jak. Michał. Ks. Pam. 654—656, 659.— Pam. Albr. Radz. II. 470.

вдругъ Калиновскій остановилъ его на дорогѣ, въ противность правамъ мира, когда и Богъ не отнимаетъ земли и воды ни у добрыхъ, ни у злыхъ. Я предостерегалъ гетмана и совѣтовалъ уступить съ дороги. Простите, ваше величество, моихъ козаковъ, если они, какъ веселымъ людямъ свойственно, простерли слишкомъ далеко свою шалость».

Чтобъ не допустить народъ до волненія, гетманъ послалъ по сосѣднимъ городамъ Украины и Подоліи универсалъ, въ которомъ описывалъ, какъ случилось пораженіе Калиновскаго и выражался такъ:

«Исполняя данный мною обѣтъ Рѣчи Посполитой, я предостерегалъ свирѣпаго Калиновскаго, но онъ посмѣялся моимъ убѣжденіямъ, и завязалъ сраженіе, которое, при Божіей помощи окончилось совершеннымъ пораженіемъ поляковъ, какъ обыкновенно бываетъ съ грабителями и разбойниками, нападающими скрытно на путешественниковъ въ дорогѣ» [1]).

Хмельницкій, въ заключеніе, приказывалъ народу не поднимать мятежа, но быть готовымъ на случай нападенія со стороны поляковъ [2]).

Татары требовали, чтобъ Хмельницкій позволилъ имъ ворваться въ Польшу загонами; козаки также совѣтовали идти на Львовъ, но Хмельницкій не хотѣлъ опустошать червонорусской земли, и безъ того слишкомъ пострадавшей; а чтобъ отвлечь ихъ отъ этого предпріятія, обѣщалъ имъ добычу въ Каменцѣ и рѣшился обратить всѣ силы на эту важную крѣпость. Еслибъ она была завоевана, онъ былъ бы увѣренъ, что Подоль остается въ рукахъ его. Онъ полагалъ, что свѣжій страхъ батогскаго пораженія не дастъ полякамъ скоро опомниться и заставитъ ихъ отдать крѣ-

¹) Истор. о през. бр.
²) Histor. ab. exc. Wlad. IV 103—104.

пость, потому и написалъ къ жителямъ Каменца и къ гарнизону крѣпости ласковое письмо, въ которомъ просилъ впустить въ крѣпость сына его Тимоѳея, съ цѣлью отъискать тамъ личныхъ враговъ своихъ, будто бы ушедшихъ отъ пораженія.

17-го іюня городъ Каменецъ послалъ къ Хмельницкому отвѣтъ, въ которомъ писали, что, услышавши объ истребленіи христіанскаго войска въ утѣху непріятелямъ св. креста, принимаютъ это бѣдствіе за кару отъ Бога, посланную за грѣхи и высокомѣріе, но вмѣстѣ съ тѣмъ просили Хмельницкаго, какъ человѣка крещенаго, вѣрующаго въ искупленіе кровію Христовою, прекратить разлитіе христіанской крови и отступить отъ города, не подавшаго ему никакой причины къ нападенію, соображая, что въ войнѣ жребій не въ одну сторону падаетъ [1]). Хмельницкій двинулся на Каменецъ, но долженъ былъ оставить свое намѣреніе: изъ Украины пришли угрожавшіе слухи о вторженіи польскаго войска; говорили даже, будто король вступаетъ въ русскую землю и хочетъ огнемъ и мечемъ принудить ее къ повиновенію. Сверхъ того, Тимоѳей просилъ отца отпустить его въ Молдавію. «Влюбленнаго юношу,—говоритъ польскій историкъ,—больше занимала мысль о бракѣ, чѣмъ о взятіи крѣпости; нетерпѣніе терзало его, когда онъ былъ столь близокъ отъ Волощины, гдѣ находилась его возлюбленная, когда онъ дышалъ съ нею однимъ воздухомъ и мѣнялся частыми вздохами» [2]). Хмельницкій отошелъ въ Украину.

Войско, испугавшее козаковъ, находилось дѣйствительно позади ихъ, но совсѣмъ по другому побужденію, нежели они предполагали. Братъ Калиновскаго не зналъ еще о погибели войска и хотѣлъ поспѣшить на помощь, а между

---

1) Jak. Michał. Xięga Pamiętn. 658.

2) Histor. ab exc. Wlad. IV. 107.

тѣмъ, желая выместить обиды на русскомъ народѣ, позволялъ подчиненнымъ дѣлать на пути всякія притѣсненія и злодѣянія, но войско не успѣло еще перейти на правый берегъ, какъ вдругъ разнеслася громовая вѣсть [1]), и самъ Калиновскій получилъ отъ Хмельницкаго извѣстіе съ остриженнымъ конемъ [2]). Предводители, чтобъ спасти жолнѣровъ отъ мести народа, бросились съ войскомъ, котораго было четыре полка [3]), за Десну, для того, чтобъ соединиться съ литовцами, но толпы вооруженнаго народа осыпали жолнѣровъ со всѣхъ сторонъ; тогда войско стремительно поворотило влѣво, побросало весь багажъ и, спасая единственно жизнь, переправилось чрезъ Днѣпръ—пѣхота на лодкахъ и просто на бревнахъ, а конница вплавь—и, какъ птицы, говоритъ лѣтописецъ [4]), полетѣло до Паволочи, а оттуда поскорѣе поспѣшило убраться на Волынь [5]). Однако это бѣгство стоило полякамъ не однихъ имуществъ: нѣкоторые отряды достались на жертву русскимъ. Предводитель одного изъ такихъ отрядовъ, Домарацкій, со многими панами стоявшій въ Прилукахъ, не успѣлъ убѣжать въ Польшу и, думая прорваться, какъ видно, въ Литву, бросился къ Конотопу, но козаки не дали имъ далеко уйти: они догнали ихъ у села Подлипнаго и, по приказанію прилуцкаго полковника Сомка [6]), отрубили имъ головы [7]).

Литовское войско также поспѣшило уйти изъ Сѣверщины съ такою же опасностью и потерями, какъ и ко-

---

[1]) Лѣтоп. Самов. 20.

[2]) Истор. о през. бр.

[3]) Latop. Jerl. 139.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 334.

[5]) Истор. о през. бр.

[6]) Прежній прилуцкій полковникъ Тимоѳей Носачъ получилъ чинъ войсковаго обознаго.

[7]) Лѣтоп. Величка. I. 119.

ронное. Въ Стародубѣ и Мглинѣ многіе литовцы заплатили жизнью за право собирать стаціи и насиловать женщинъ[1]).

Ненависть простого народа обратилась снова на владѣльцевъ. Въ Кіевѣ въ то время проживало множество шляхтичей, боявшихся жить въ своихъ маетностяхъ. Какъ только разнеслась вѣсть въ городѣ о батогскомъ пораженіи, они разбѣгались въ такомъ страхѣ, что покидали на дорогѣ возы съ припасами и одеждою и сожигали свои вещи, о чемъ очень сожалѣли, когда пришли въ память. Надъ тѣми, которые не успѣли убѣжать, повторялись сцены прежнихъ годовъ; доставалось не только виновнымъ, но и невиннымъ; не уважалась ни добродѣтель, ни кротость. Благочестивые люди старались всячески вразумить необузданный народъ, и одинъ севременный историкъ передалъ любопытное событіе, которое считалось въ Украинѣ за явленіе правосудія Божія. Былъ, говоритъ очевидецъ, въ Конотопѣ староста Сосновскій, человѣкъ почтенный и благочестивый. Пятеро дѣтей его возростали въ правилахъ чистоты и кротости. Даже въ кровавую эпоху 1648 года, когда разъяренные жители предавали смерти всякаго, кто только казался имъ панскаго рода, даже и тогда Сосновскій не убѣжалъ подобно другимъ и не покинулъ своего имѣнія. Свирѣпое гайдамацство, не щадившее младенцевъ, не уважавшее ни святыни алтарей, ни тишины могилъ, пощадило Сосновскаго; онъ пережилъ страшные четыре года въ Украинѣ, любимый русскими. Но, въ день Пятидесятницы 1652 года, пьяная вольница ворвалась въ замокъ, вытащила семейство, замучила его дѣтей и жену, а потомъ умертвила его самого. Спаслись только трое изъ его семейства. Тѣла убитыхъ бросили въ колодезь, глубиною до десяти саженъ. Въ день Воздвиженія Честнаго Креста, вода вдругъ поднялась до самой

---

[1]) Лѣтоп. Самов 21.

оконечности сруба, выбросила тѣла, совершенно невредимыя, и снова возвратилась въ свое мѣсто. Народъ со страхомъ смотрѣлъ на это чудо, какъ называетъ его лѣтописецъ, и раскаявался въ злодѣяніи. Тѣла мучениковъ похоронены съ честью всѣ въ одной могилѣ, близъ колодца, и надолго осталась объ этомъ память во всей Украинѣ [1]).

Гетманъ, прибывъ въ Украину, очень радовался, что войско выступило изъ нея, но вовсе не показывалъ съ своей стороны поощренія убивать и изгонять шляхтичей; напротивъ, онъ негодовалъ за мятежъ и казнилъ виновныхъ. «Если я приказывалъ козацкому товариществу быть на-готовѣ вооруженнымъ, на коняхъ, съ запасомъ живности, это сдѣлано было только на случай вторженія ляховъ», писалъ онъ къ одному изъ полковниковъ лѣвой стороны. «Но это не значитъ то, что на меня выдумываютъ, будто я, гетманъ, приказывалъ умерщвлять шляхту и урядниковъ въ Украинѣ и Сѣверщинѣ; напротивъ, я всегда и прежде приказывалъ, и теперь приказываю не причинять ни малѣйшаго оскорбленія панамъ, или изъяна ихъ имуществамъ. *Нехай кожний зъ свого тішиться, нехай кожний свого глядить:* козакъ своихъ вольностей, а тѣ, которые не приняты въ списокъ, должны служить панамъ и платить имъ десятую копу за то, что взорали панскіе ланы и сѣяли на нихъ хлѣбъ. А того, что они дѣлаютъ, не годится теперь дѣлать, и непослушный будетъ наказанъ военнымъ судомъ» [2]).

Гетманъ отдѣлялъ интересы собственно козацкаго сословія отъ интересовъ посполитыхъ людей. Козаки, пользуясь своими вольностями, долженствовали образовать новое свободное сословіе наравнѣ съ шляхтою, а панскіе

---

[1]) Лѣтоп. Самов. 20.

[2]) Собствен. универ. Хмельниц. (рукоп.)

люди опять должны были служить панамъ. Сословіе пановъ увеличивалось, потому что къ нему принадлежали уже и козацкіе чиновники, имѣвшіе ранговыя помѣстья. Состояніе посполитыхъ, правда, дѣлалось легче подъ покровомъ гетмана, чѣмъ прежде, но тѣмъ не менѣе посполитые были недовольны и этимъ; они хотѣли быть совершенно свободными земледѣльцами, равными по правамъ козачеству. Такимъ образомъ, съ самаго зборовскаго мира, возникъ антагонизмъ между козаками и посполъствомъ—важнѣйшая причина неустройствъ въ Украинѣ впослѣдствіи.

Господарь, получивъ извѣстіе о пораженіи Калиновскаго, увидѣлъ, что у него нѣтъ болѣе надежды противостоять Хмельницкому. Онъ не хотѣлъ слишкомъ внезапно сдѣлаться изъ союзника врагомъ Рѣчи Посполитой и написалъ королю, что не хочетъ отдать дочери своей за Тимоша; но, лишившись помощи, оставленъ теперь на произволъ неумолимому Хмельницкому, который, какъ думали тогда, домогался руки Домны для своего сына только для того, чтобъ низвергнуть Лупула и возвести на господарскій престолъ его зятя. Молдавскіе бояре требовали усильно, чтобъ онъ согласился немедля на предложеніе козацкаго гетмана.

«Неужели изъ угожденія полякамъ,—говорили они,—которые только обольщаютъ насъ словами, а въ бѣдѣ покидаютъ, неужели мы для нихъ должны опять терять свои имущества и, забѣжавъ въ лѣса, смотрѣть оттуда на пылающіе города и замки наши? Если ты, господарь, еще долѣе будешь похлѣбствовать полякамъ и наведешь на Молдавію козацкіе полки и дикія татарскія орды, то можетъ произойти бунтъ и отдадутъ престолъ Хмельницкому» [1]).

Лупулъ могъ всего надѣяться отъ подданныхъ. Много

---

[1]) Истор. о през. бр.

накопилъ онъ серебра и золота; чрезъ то нѣкоторыя семейства обѣднѣли; нѣкоторые бояре были находимы мертвыми на постелѣ: подозрѣніе падало на господаря; притомъ племянникъ его [1]), развратный и своевольный, съ толпою молодежи дѣлалъ въ Яссахъ безчинства и позорилъ боярскихъ женъ и дочерей. Лупулъ спѣшилъ избавиться отъ опасностей и написалъ къ гетману, что онъ всегда считалъ честью породниться съ его родомъ, что ему мѣшали поляки, а теперь онъ радуется, что уже нѣтъ болѣе препятствія. Онъ просилъ Тимоша на свадьбу, но умолялъ не водить съ собою татаръ.

«Беллона, богиня войны, не ходитъ въ дружкахъ», писалъ онъ. «Неприлично тебѣ являться на свадебное торжество съ такимъ множествомъ невѣжливыхъ кавалеровъ. Отпусти татаръ, оставь безпокойныя козацкія шайки въ Украинѣ, уговори отца не приближаться съ войскомъ къ Молдавіи и пріѣзжай съ Богомъ въ сопровожденіи домашней свиты» [2]).

Хмельницкій потребовалъ заложникомъ безопасности сына племянника Лупулова, который и пріѣхалъ въ Чигиринъ. Тогда Тимошъ, ввѣренный отцомъ попеченію Выговскаго, отправился на давно-желанный бракъ съ значительнымъ отрядомъ. Въ Ямполѣ, по обычаю того времени, встрѣтилъ его повѣренный отъ невѣсты, «великій дворникъ» волоскаго господаря Тома, съ шестиупряжною каретою и съ обильнымъ запасомъ съѣстнаго и напитковъ. чтобы проводить нареченнаго жениха до Яссъ. Онъ долженъ былъ привѣтствовать жениха отъ ея имени. На другой день молодой Хмельницкій перешелъ украинскую границу и въ первомъ молдавскомъ городѣ, Сорокѣ, встрѣтилъ его двоюродный братъ Луп уловъ съ четырьмя тыся-

---

[1]) Ист. Малор. Марк. I. 315.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 348.

чами почетной стражи: это былъ обрядъ гостепріимства; они провожали его съ почестями до столицы [1]).

Домна Розанда должна была предпочесть Вишневецкому молодца съ черными усами, съ грубымъ мужественнымъ лицомъ и отрывистою козацкою рѣчью. Тимошъ не имѣлъ тѣхъ качествъ свѣтскаго аристократа, которыми могъ похвастать его соперникъ; воспитанный среди грубой козацкой ватаги, Тимошъ не зналъ гостиннаго обращенія, за то никто лучше его не умѣлъ рубиться саблею, никто такъ мѣтко не попадалъ въ цѣль изъ ружья и изъ лука; всѣ изумлялись, когда онъ садился на степного татарскаго коня и, какъ молнія, вертѣлся на всемъ скаку [2]). Тимошъ обладалъ выраженіемъ мужества и воинственной силы, а это въ тотъ вѣкъ плѣняло женщинъ больше комплиментовъ и лести. Онъ нравился и матери Розанды. Желая угодить Хмельницкому, теща приготовляла свадебное пиршество по украинскому обычаю, а невѣста, въ вечеръ расплетанія косы, приказала себѣ пѣть козацкія думы [3]).

Когда женихъ подъѣхалъ къ Яссамъ, уже многочисленная толпа народа ожидала его у воротъ города; вышелъ на-встрѣчу гофмаршалъ, а за нимъ Лупулъ съ знатнѣйшими боярами. Тимошъ соскочилъ съ коня, припалъ къ ногамъ тестя и обнялъ его колѣни, а господарь поднялъ и поцаловалъ въ голову нареченнаго зятя. Господарь, говоритъ лѣтописецъ [4]), сказалъ ему тогда какой-то комплиментъ, «но дурень Тимошка не умѣлъ отвѣчать на него и стоялъ какъ столбъ», поглядывая на Выговскаго, за то писарь не проронилъ слова и разсыпался въ изъявленіяхъ любви. Потомъ господарь сѣлъ на коня и поѣхалъ позади

---

[1]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 121.—Шайноха. Домна Розанда. Русск перев. Русск. Мысль. 1881 г. Іюнь 280.

[2]) Истор. Мал. Марк. I. стр. 317.—Изъ архид. Павла.

[3]) Woyna dom. Ч. 2. 77. — Истор. о през. бр.—Pam. o wojn. koz. za Chm. 111.

[4]) Pam. o wojn. koz. za Chm. 110.

Тимоша. Женихъ былъ одѣтъ въ атласный жупанъ кармазиннаго цвѣта, а сверхъ его накинута была бархатная ферезея. Онъ былъ малаго роста, со слѣдами оспы на лицѣ, и въ своей фигурѣ казался какимъ-то разинею; и платье на немъ сидѣло такъ какъ, будто было не на него скроено. За нимъ везли повозки, наполненныя и подарками и товарами для продажи. Толпа повалила за ними съ восклицаніями и, при пушѣчной пальбѣ, при звонѣ колоколовъ, звукѣ бубенъ, трубъ, барабановъ, гости въѣхали во дворецъ. Гостя помѣстили во дворцѣ съ ассистенціею, состоявшею изъ Выговскаго, Тетери и еще нѣсколькихъ лицъ; прочимъ козацкимъ чинамъ — полковникамъ, асауламъ и сотникамъ отвели помѣщенія въ городѣ, назначивъ къ каждому пристава и опредѣливъ содержаніе; размѣстили также пріѣхавшихъ вслѣдъ за женихомъ козацкихъ свашекъ и всего имъ вдоволь отпустили. Въ тотъ же день у господаря былъ парадный обѣденный столъ и Тимошъ, переодѣтый въ другое платье на польскій образецъ, сидѣлъ рядомъ съ будущимъ тестемъ и изумилъ всѣхъ своимъ незнаніемъ обращенія. Всѣ гости ѣли, пили за здоровье, говорили какъ обычно за пирами, а Тимошъ молчалъ: ни бе, ни ме — выражается о немъ очевидецъ. Послѣ обѣда до поздней ночи гости веселились, играла турецкая музыка, а турки показывали разные фокусы. 31-го августа совершилось бракосочетаніе. Свадебное торжество представляло смѣшеніе украинскихъ обычаевъ съ молдавскими; козаки играли роль бояръ украинской свадьбы, а молдавскія боярышни были одѣты дружками; весь дворецъ былъ усыпанъ розмаринами; множество знатныхъ и простыхъ пировали на великолѣпномъ обѣдѣ при звукахъ невыносимой, по замѣчанію современника, сербской и турецкой музыки. Женихъ по-прежнему долго оставался неразговорчивымъ; господарь безпрестанно упрашивалъ его ѣсть, пить и веселиться и Тимошъ, наклонившись къ

одному изъ придворныхъ, произнесъ: дьякую очень его милости господарю — всего доволи. Чого-жъ більше треба! Это были первыя слова, которыя пришлось отъ него услышать. Потомъ Тимошъ вдругъ развеселился, послалъ за своими музыкантами, съ нимъ пріѣхавшими—органистомъ, віолончелистомъ, тремя скрипачами и бубенщикомъ; они заиграли по-польски и Тимошъ приказалъ пуститься въ плясъ своимъ козакамъ, которые лѣзли въ комнаты. Пиръ продолжался до часу ночи. Козацкія свашки такъ нагрузились, что завздорили съ молдавскими боярынями, которыя оскорбляли ихъ, выставляя имъ на видъ, что сами онѣ приличнѣе умѣютъ вести себя чѣмъ ихъ гостьи. Одна изъ свашекъ, Карпинская, говорила: «чи на блазенство мы до васъ приіхали. Коли вы приличнѣе насъ — зачѣмъ же вашу дочку за козака отдаете?» Спускаясь съ лѣстницы, она упала, будучи очень тучна и притомъ пьяна, послѣ чего ее съ трудомъ довели до кареты. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, послѣ торжественнаго обѣда и танцевъ, послѣдовавшихъ за обѣдомъ, дарили гостей: господарь, не считая приданаго, далъ зятю 2000 талеровъ, четырехъ лошадей съ сѣдельнымъ приборомъ, два аргамака, а послѣ окончанія танцевъ—кусокъ златоглаву, за что зять и поклониться ему не умѣлъ. Собственной дочери, новобрачной, господарь подарилъ 2000 червонцевъ, карету, повозки, нагруженныя разными дорогими вещами, Выговскому и полковникамъ тканей и денегъ (писарю 300, полковникамъ по 150 талеровъ); асауловъ и сотниковъ дарили деньгами. Тимошъ отдаривалъ тестя и тещу мѣхами, молдавскихъ бояръ деньгами, по-сту талеровъ; это для нихъ не было важнымъ подаркомъ. Изъ чужихъ пословъ былъ только посолъ мультанскаго (валахскаго господаря) и тотъ предъявилъ въ подарокъ господарю турецкую лошадь съ сѣдельнымъ приборомъ, а жениху коверъ и кусокъ златоглава. 6-го сентября господарь съ господаршею и съ придворными

обоего пола проводили зятя съ дочерью за городъ до того мѣста, гдѣ происходила встрѣча Тимоша. Новобрачная, прощаясь съ матерью, заливалась слезами. Отецъ, цѣлуя дочь прощальнымъ поцѣлуемъ, старался придать себѣ веселый видъ, но замѣтно было, что ему не легко было на душѣ. Онъ чуялъ, что этотъ вынужденный бракъ не принесетъ въ будущемъ счастія семьѣ его и всему роду [1]).

Во время бракосочетанія сына, Хмельницкій пошелъ за нимъ съ войскомъ и снова обратился на Каменецъ, на который, по замѣчанію поляковъ, у него былъ большой апетитъ. Онъ писалъ: «господамъ регментарамъ войтамъ, бурмистрамъ и всѣмъ мѣщанамъ привѣтъ отъ войска запорожскаго. По волѣ Божьей мы разгромили польское войско и по слѣдамъ бѣжавшихъ пришли подъ Каменецъ; не упрямьтесь, иначе мы, прося Бога, будемъ искать способовъ взять васъ, и не отступимъ, пока Божья воля не совершится. Если же вы покоритесь, то потерпите меньше вреда; мы, видя ваше смиреніе, не допустимъ кровопролитія и отойдемъ отъ васъ съ своимъ войскомъ. Вы окружены нашими силами; не надѣйтесь на польскія войска; ихъ много погибло. Сегодня же дайте намъ рѣшеніе, чтобъ мы знали вашу волю. Поручаемъ себя вашей дружбѣ и желаемъ всякаго благополучія».

Ему отвѣчали: «Получивъ отъ вашей милости извѣстіе о погубленіи вами христіанскихъ войскъ, къ утѣшенію враговъ св. креста, мы принимаемъ съ любовью эту праведную кару, которую Богъ ниспослалъ намъ за грѣхи, гордыню и пороки наши. Но мы не отчаяваемся въ его милосердіи, и такъ какъ вы искуплены кровью Христа и

---

[1]) Wojna dom. Ч. 2. 77.—Лѣтоп. Велич. I. 118.—Pam. o wojn. koz. za Chm. 110.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 121.—Описаніе свадьбы, составленное неизвѣстнымъ по имени очевидцемъ у Шайнохи, Домна-Розанда. Русск. переводъ. Русск. Мысль. 1881 г. Іюнь. стр. 280. Ссылка на рукопись Библ. Оссолинскихъ № 231, стр. 223.

вѣруете въ него, то мы просимъ вашу милость: не посягайте безъ причины на христіанскую кровь и отступите отъ города, который вамъ ничего не сдѣлалъ. Помните, что Богъ справедливъ и милосердъ, а жребій войны выпадаетъ неодинаково. Остаемся доброжелательны къ вамъ и къ войску запорожскому» [1]).

Хмельницкій осадилъ городъ и готовился взять его штурмомъ, но въ войскѣ распространилась моровая болѣзнь; татары требовали, чтобъ имъ позволили грабить города и села, и подняли такой ропотъ, что предводитель могъ опасаться междоусобной войны съ козаками. Онъ въ другой разъ отступилъ отъ Каменца, «и тогда, говоритъ польскій историкъ, онъ сдѣлалъ престранный поступокъ: не въ силахъ будучи укротить своевольство татаръ, онъ позволилъ имъ пуститься загонами по Украинѣ и въ то же время распустилъ по сосѣдству универсалы, которыми возбуждалъ козаковъ и народъ на этихъ союзниковъ» [2]).

Столь же оригинально казалось и то, что Хмельницкій, въ одно и то же время, два раза просилъ у короля и Рѣчи Посполитой прощенія и два раза штурмовалъ крѣпость Рѣчи Посполитой. На первое письмо, которое Хмельницкій послалъ къ королю, когда первый разъ думалъ взять Каменецъ, не было отвѣта. Сенаторы не могли подумать ничего, кромѣ того, что Хмельницкій ругается надъ безсиліемъ Польши. Батогское пораженіе, бѣгство жолнѣровъ изъ Украины, новое изгнаніе шляхты произвели сначала паническій страхъ во всемъ королевствѣ. «Поляки, говоритъ русскій лѣтописецъ [3]), ожидали появленія несметной арміи подъ Варшавой и собрались бѣжать въ Данцигъ и Пруссію: они бы убѣжали за море, прибавляетъ лѣтописецъ, еслибъ умѣли плавать по морю. Между тѣмъ,

[1]) Jak. Michał. Ks. pam. 658.

[2]) Hisuor. ab. exc. Wlad. IV. 107.

[3]) Истор. о през. бр.

дворяне русскаго воеводства страшились, чтобъ козаки не взбунтовали единовѣрныхъ хлоповъ, собрали отряды, укрѣпляли мѣстечки. Король въ такихъ обстоятельствахъ назначилъ чрезвычайный сеймъ, и 12-го іюня оповѣстилъ въ универсалѣ, что Польша снова находится въ опасности и требуетъ безотлагательнаго принятія мѣръ къ своему сохраненію» [1]).

Много перемѣнъ надобно было сдѣлать на этомъ сеймѣ; много знатныхъ пановъ погибло подъ Батогомъ или умерло въ короткое время. Мѣсто Калиновскаго занялъ Потоцкій, одинъ изъ сыновей стараго Николая; въ обозные, на мѣсто сына Калиновскаго, назначенъ Чарнецкій, вмѣсто Пржіемскаго — Сапѣга; въ русской землѣ явились новые воеводы: Ляндскоронскій получилъ воеводство русское; черниговское отдано было Тышкевичу, сыну стараго Яна. День батогской битвы открылъ не одному пану дорогу къ почестямъ и богатствамъ; староства убитыхъ въ сраженіи розданы панамъ, убѣжавшимъ изъ-за Днѣпра, въ награду за долгое терпѣніе отъ буйнаго народа.

Предлагали собрать посполитое рушенье, но депутаты не могли согласиться на это; прошедшій годъ побѣда надъ козаками слишкомъ дорого стоила хозяевамъ, и притомъ польскіе хлопы, пользуясь выходомъ помѣщиковъ, начали было подражать украинскимъ. Сеймъ далъ согласіе на посполитое рушенье только въ крайнемъ случаѣ, а до того времени рѣшилъ довольствоваться вербунками; положили собрать въ воеводствахъ пятьдесятъ тысячъ новаго войска, и назначили подать для содержанія такого числа воиновъ. Благородное юношество краковской академіи вызвалось добровольно идти подъ военныя знамена, «въ доказательство, говоритъ лѣтописецъ, что это заведеніе не только просвѣ-

---

[1]) Памят. кіевск. комм. II. 3. 19.

щаетъ поляковъ науками, но способствуетъ и къ охраненію отечества» [1]).

Хмельницкій, услышавъ о сборѣ сейма и зная, что дѣло касается его, послалъ снова депутатовъ въ Варшаву, препоручилъ имъ оправдать его и цѣлое козачество. Козацкій предводитель написалъ нѣсколько писемъ панамъ Рѣчи Посполитой, избралъ ихъ ходатаями. Одно изъ такихъ писемъ къ мазовецкому воеводѣ мы приведемъ для образчика:

«Калиновскій погибъ,—писалъ онъ,—но не отъ моего сына, потому что гетманъ напалъ на него безъ всякой причины. Не долженъ-ли былъ сынъ мой защищаться противъ произвола свирѣпаго тирана? Та война справедлива и богоугодна, когда берутъ оружіе въ защиту себя, когда не остается никакого средства, кромѣ оружія! Во все продолженіе своей воинской власти, Калиновскій поступалъ съ козаками безчеловѣчно; не вспоминая того, что дѣлалось давно, нельзя умолчать о недавнемъ. Въ несчастное время онъ напалъ на Украину, грабилъ, предалъ страну крайнему разоренію. Кучами тѣлъ человѣческихъ покрылъ онъ поля берестечскія, наполнилъ трупами болота, степи, лѣса, запрещалъ хоронить мертвыхъ, отдавая на съѣденіе звѣрямъ. Подъ Бѣлою-Церковью онъ не хотѣлъ мира и требовалъ совершеннаго истребленія всѣхъ козаковъ. Всю прошлую зиму онъ тиранилъ самымъ ужаснымъ образомъ простой народъ, и собственная моя жизнь была несвободна отъ его предательскихъ козней. Неумолимый, необузданный, онъ не только терзалъ людей, но простиралъ святотатственныя руки и на храмы Божіи; колокола, которыми народъ созывался на молитву, онъ переливалъ на орудія; онъ похищалъ все, что только пожелалъ. Сынъ мой шелъ въ Волощину жениться, а онъ изъ

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 353—354.

зависти преградилъ ему путь и вѣрно бы лишилъ жизни, еслибъ удалось. Но судьба опредѣлила иначе; свадебные факелы, приготовленные для брачной ночи, освѣтили убійство и задушили его своимъ дымомъ. Правда, сынъ мой поступилъ легкомысленно; но если Рѣчь Посполитая проститъ его, изъ уваженія къ молодости, то онъ загладитъ свой проступокъ; если же будутъ ему угрожать, то надобно опасаться, чтобъ и онъ не сталъ себѣ искать въ другомъ мѣстѣ обороны. Самъ непріятель долженъ сознаться, что Калиновскій не имѣлъ или разсудка, затрогивая невинныхъ, или счастья, не одолѣвъ вооруженныхъ» [1]).

Многіе были того мнѣнія, чтобъ не отвѣчать козакамъ.

«Хмельницкій, —говорили они,—столько разъ нарушая присягу, сдѣлался до того недостойнымъ всякаго довѣрія королевскаго, что еслибъ онъ приносилъ жертвы предъ алтаремъ и, преклоняя колѣни, клялся именемъ Бога живаго, то и тогда нельзя полагаться на него» [2]).

Но обстоятельства для поляковъ были до крайности угрожавшія: шведскій король хотѣлъ воспользоваться состояніемъ Польши и напасть на нее войною; царь московскій снова присылалъ требовать возмездія за пропуски въ титулахъ. Въ это время, нѣкоторые изъ благомыслящихъ членовъ Рѣчи Посполитой возвысили голосъ, доказывая, что не одно своевольство козаковъ и черни причиною бунтовъ.

«Мы обвиняемъ враговъ своихъ, а на себя не оглянемся,—говорили эти сыны отечества.—Что такое наша Польша? Адъ подданныхъ, осужденныхъ на вѣчную работу владѣльцамъ; дворяне, вмѣсто награды, за труды платятъ имъ безчеловѣчнымъ обращеніемъ, берутъ податки

---

1) Annal. Polon. Clim. I. 331.

2) Wojna dom. Ч. 3. 79.

съ участковъ земли, съ сохи, съ дыма, съ каждой головы и, наконецъ, выдумываютъ такiе поборы, какiе только могутъ взойти на умъ. Этого мало. Что остается бѣдному человѣку, послѣ панскихъ поборовъ, для прокормленiя съ женою и дѣтьми, то заберетъ у него жолнѣръ; найдетъ хоругвей десять въ одно село; всѣхъ надобно поить, кормить, каждому дай, а кто не захочетъ или, лучше сказать, не можетъ, у того повернутъ все кверху дномъ; придутъ еще слуги, возницы и до того оберутъ несчастнаго поселянина, что у него ни крохи не останется! Отъ этого хлопы разбѣгаются, бунтуютъ, города и мѣстечки пустѣютъ, поля остаются незасѣянными, прекращаются ремесла, останавливается торговля, и самые владѣльцы теряютъ свои доходы, и въ казнѣ вѣчныя недоимки. Жолнѣръ, который приходитъ защищать жителей отъ непрiятелей, поступаетъ съ ними хуже, чѣмъ непрiятель» [1]).

Всѣ эти обстоятельства заставили позвать на сеймъ козацкихъ депутатовъ. Они явились съ покорнымъ видомъ, но вмѣстѣ какъ невинные, желающiе оправдать себя отъ клеветы. Со слезами божились они всѣми святыми, что Хмельницкiй не зналъ о батогскомъ пораженiи и, въ доказательство, ссылались на письмо его, которымъ онъ предостерегалъ Калиновскаго.

«И вы еще плачете, — говорилъ имъ съ жаромъ канцлеръ: — когда, между тѣмъ, замышляете новыя козни противъ короля и Рѣчи Посполитой! Кровь христiанская, невинно вами пролитая, какъ кровь праведнаго Авеля, вопiетъ къ Богу объ отомщенiи, а вы думаете притворными слезами омыть столько клятвопреступленiй! О крокодилы, терзающiе человѣчество! о народъ невѣрный! накажетъ тебя Господь карою братоубiйцы Каина».

Но послѣ этихъ нравоученiй съ ними обращались ла-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 343.

сковѣе; отъ имени сейма назначены были коммиссарами Зацвилиховскій и Черный, издавна знакомые Хмельницкому. Во вниманіе къ раскаянію козаковъ объявляли всеобщее прощеніе и забвеніе батогскаго дѣла, а Хмельницкому и всему дому его обѣщаны особыя большія почести со стороны Рѣчи Посполитой, если только онъ совершенно прекратитъ союзъ съ татарами и дастъ въ залогъ своего сына.

Въ сентябрѣ Зацвилиховскій и Черный прибыли въ Чигиринъ. Не доѣзжая до резиденціи козацкаго гетмана, они были встрѣчены Тимошемъ, въ сопровожденіи двухсотеннаго коннаго отряда. Сынъ Хмельницкаго, отъ имени отца, просилъ ихъ на хлѣбъ-соль, привѣтствовалъ какъ дорогихъ гостей. Когда они въѣхали во дворъ, старикъ Хмельницкій встрѣчалъ ихъ у крыльца съ распростертыми объятіями, называя старыми друзьями; изъявлялъ радость, что видитъ ихъ. Съ особыми знаками гостепріимства они были приглашены къ торжественному столу. Хмельницкій наполнилъ кубки виномъ, провозгласилъ здоровье его королевскаго величества и пушечные выстрѣлы сопровождали заздравные кубки. Цѣлый день Хмельницкій не говорилъ о дѣлѣ, показывалъ видъ, какъ будто считаетъ ихъ своими частными гостями, а послы, радуясь пріему, надѣялись успѣха. Но утромъ, на другой день, когда они объявили ему, что пріѣхали отъ короля и Рѣчи Посполитой, Хмельницкій принялъ холодный тонъ и сказалъ:

«Я удивляюсь, господа, вашей отвагѣ, что вы, такія знатныя особы, пожаловали въ такой огонь, когда моровое повѣтріе свирѣпствуетъ повсюду. Что за дѣло, нетерпящее отлагательства? Право, я не надѣялся васъ видѣть».

«Намъ надобно удивляться, — сказалъ одинъ изъ пословъ: — слыша отъ твоей милости такой вопросъ, когда ты прислалъ къ королю просить прощенія своихъ преступленій и милосердія».

Хмельницкій вспыхнулъ, обнажилъ саблю и началъ махать у нихъ подъ носомъ, по выраженію лѣтописи:

«Милосердія! прощенія!—говорилъ онъ:—за что? за то, что не сдѣлалъ зла королю? Въ томъ ли мое преступленіе, что, послѣ разбитія Калиновскаго, удержалъ татаръ и козаковъ, и не допустилъ ихъ до вторженія въ Польшу въ то время, когда я не только могъ васъ уничтожить, но даже прогнать за Римъ? Такъ за этимъ вы пріѣхали? Что вы, въ самомъ дѣлѣ, представляетесь простаками? Что вы строите со мною шутки? Развѣ я не знаю, что король готовитъ на меня войско!»

«На посла нечего кричать,—возразилъ Черный:—посолъ какъ оселъ: несетъ то, что на него положатъ. Поступай, какъ тебѣ угодно съ нашими предложеніями, но ты долженъ помнить право народовъ, соблюдаемое повсюду».

Выговскій принялся уговаривать взбѣшеннаго гетмана и обращался то къ нему, то къ посламъ, уговаривая послѣднихъ вытерпѣть этотъ припадокъ вспыльчивости. Наконецъ Хмельницкій успокоился и сказалъ:

«Еслибъ не тебя, панъ Зацвилиховскій, моего давняго знакомца и пріятеля прислали съ этимъ посольствомъ, то я бы иначе поступилъ. Да и панъ Черненькій третій разъ уже у меня! Хорошо! Ну, что-жъ у васъ за условія?»

Ему подали пункты. Прочитавъ, Хмельницкій далъ такое рѣшеніе: «съ татарами я не могу разойтись, потому что ляхи ищутъ моей гибели; коммиссіи нечего теперь затѣвать, когда король готовится идти на меня войною: какъ ему угодно! Желаю, чтобъ онъ былъ предводителемъ; я готовъ встрѣтить его тамъ и тогда, гдѣ и когда онъ захочетъ. Сына я не пошлю въ залогъ, потому что одинъ малъ, а другой недавно женился: нельзя же ему оставить такъ скоро молодой жены! Мнѣ предлагаютъ почести; но тотъ, кого возвысила судьба, не нуждается

въ нихъ. Пусть прежде король и Рѣчь Посполитая подпишутъ зборовскій договоръ, тогда будетъ миръ, а безъ того невозможно мириться».

Послы королевскіе уѣхали, ничего не сдѣлавъ [1]). Между тѣмъ, генеральный судья Самойло Богдановичъ поѣхалъ въ Москву извѣстить его царское величество, что поляки не исполняютъ договоровъ, и просить царя принять Украину подъ свою крѣпкую руку [2]); а другіе послы — въ Турцію съ такими же предложеніями принять Украину въ покровительство.

Осенью около Ковеля собралось войско и король приказалъ гетману Потоцкому выступить въ Украину. Хмельницкій не опасался этого; онъ зналъ, что въ Польшѣ въ такое скорое время не соберутъ податей, опредѣленныхъ для платы войску. Въ самомъ дѣлѣ, не дойдя до Украины, жолнѣры начали роптать и Потоцкій принужденъ былъ распустить ихъ по окрестнымъ селеніямъ для собранія продовольствія; тогда жолнѣрство производило самыя ужасныя безчинства: это заставило Потоцкаго отнестись къ королю, который, сожалѣя о жителяхъ, приказалъ пріостановить походъ; между тѣмъ, наступила зима и жолнѣры разбрелись. Потоцкій надѣлалъ врагамъ смѣха своими приготовленіями.

1652 годъ оправдалъ предсказанія астрологовъ, къ которымъ тогда имѣли большую вѣру. Кромѣ батогскаго пораженія, Польша испытала почти всевозможныя бѣдствія. Все лѣто опустошало Польшу моровое повѣтріе; «и валялись трупы человѣческіе,—говоритъ лѣтопись,—какъ снопы по полямъ; осиротѣлыя семейства скитались по лѣсамъ и ущельямъ; звѣри забѣгали изъ дебрей въ людскія жи-

---

[1]) Wojna dom. Ч. 3. 81.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 122. — Лѣтоп. Величка. 1. 122—123.—Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. 354—355.

[2]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 484.

лища». Преданіе, сохраненное современниками, говоритъ, будто носильщики, подбиравшіе тѣла зачумленныхъ, испытавъ болѣзнь и думая, что въ другой разъ она не пристанетъ, мазали мозгами изъ зараженныхъ труповъ двери домовъ, чтобъ увеличить заразу и получить себѣ выгоды, обдирая одежды умершихъ. Подобные вымыслы всегда сопровождаютъ моровыя повѣтрія. Страшные пожары опустошили многолюдные города; отъ дождей погибъ хлѣбъ въ поляхъ; рѣки выступали изъ береговъ. Вода разрушала и сносила домы и истребляла людей. Въ одномъ мѣстѣ, по извѣстію современника, на плывшей по Вислѣ копнѣ сѣна сидѣли волкъ и коза въ совершенномъ дружелюбіи: общая опасность сдѣлала волка кроткимъ и козу безстрашною.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Набѣгъ Чарнецкаго на Украину.—Разоренія.—Битва подъ Монастырищемъ.—Сеймъ въ Брестѣ-Литовскомъ. — Письмо Хмельницкаго къ полякамъ.—Молдавскія дѣла.—Изгнаніе Лупула.—Водвореніе Лупула Тимоѳеемъ Хмельницкимъ.—Походъ Тимоѳея въ Валахію.—Битва.— Вторичное изгнаніе Лупула.—Союзъ поляковъ съ Ракочимъ.—Походъ Хмельницкаго.—Рада подъ Тарнополемъ.—Посольство Ждановича.— Московское посольство. — Универсалъ Хмельницкаго. — Сношенія съ Турціею, Крымомъ и Московіею.—Сочавская осада.—Смерть Тимоѳея Хмельницкаго.—Сдача Сочавы.—Походъ Хмельницкаго къ границамъ Молдавіи.—Встрѣча съ тѣломъ Тимоѳея.—Польскій лагерь подъ Жванцемъ.—Положеніе польскаго войска.—Совѣты пословъ.—Мнѣніе Любомирскаго.—Переговоры съ ханомъ.—Жванецкій договоръ.—Опустошеніе Руси татарами.

12-ть тысячъ войска появилось весною 1653 года въ Украинѣ [1]); это войско состояло изъ охотниковъ грабить и разорять. Предводительствовалъ имъ Чарнецкій, который, по смерти Іереміи, слылъ въ общемъ мнѣніи храбрѣйшимъ полководцемъ. Неутомимо было его трудолюбіе; когда онъ что-нибудь замышлялъ, то всегда первый и показывалъ примѣръ какъ дѣлать; замысловаты были его военныя хитрости, которыхъ не только враги, но и соб-

[1]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 115.

ственные подчиненные не могли проникнуть до времени; никто не могъ сравниться съ нимъ въ быстротѣ, съ какою онъ переправлялся черезъ рѣки и опасныя мѣста; никто не умѣлъ такъ держать въ повиновеніи войско; жолнѣры страшились его и покорялись его желѣзной волѣ, въ которой была какъ будто сверхестественная сила; онъ безпрестанно утруждалъ воиновъ маневрами и ученьемъ, пріучалъ жолнѣровъ къ безпокойствамъ и лишеніямъ; за малѣйшее непослушаніе казнилъ смертью, а въ награду позволялъ солдатамъ своевольничать, чтобъ пріучить ихъ не жалѣть ничего на свѣтѣ. Для него не существовало сострaданія надъ врагомъ. Корыстолюбивый, мстительный, свирѣпый, безчувственный къ слезамъ и крови, Чарнецкій рожденъ былъ для войны; огонь былъ у него вмѣсто души человѣческой, говорили современники [1]). Таковъ былъ полководецъ, котораго мы видѣли не разъ на второмъ планѣ и который теперь вступаетъ на свое славное поприще.

Въ началѣ 1653 года, когда еще зима была постоянна и замерзшія рѣки и болота способствовали вездѣ удобному прямому пути для войска, Чарнецкій явился въ сборномъ пунктѣ, назначенномъ для войска подъ Ковлемъ [2]) и оттуда въ мартѣ быстро вступилъ въ Брацлавщину. Всѣ селенья на пути были истребляемы; мѣстечки: Самогородокъ, Прилуки, Липовецъ, Ягубецъ, Линцы, Борщовка превращены были въ груды пепла [3]); жолнѣры рѣзали жителей безъ разбора, не щадя, говоритъ современникъ, ни красивой дѣвушки, ни беременной женщины, ни невинныхъ младенцевъ на материхъ персяхъ [4]). Набѣги

---

[1]) Korona Polska przez Kaspra Niesieckigo I. 349.

[2]) Jemiołowsk. Pamiętn. 38.

[3]) Крат. истор. о бунт. Хмельниц. 45.—Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 361.

[4]) Wojna dom. Ч. 3. 84.

поляковъ были внезапны и искусно скрываемы отъ молвы; Чарнецкій обыкновенно разглашалъ, что идетъ въ такой-то край, и когда тамошніе жители услышатъ объ этомъ и соберутся бѣжать, онъ вдругъ оборачивался въ противоположную сторону; едва только въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ украинцы узнаютъ объ истребленіи сосѣдняго мѣстечка, Чарнецкій появляется къ нимъ, какъ съ неба, и никто не спасется отъ губительнаго оружія. Въ мѣстечкѣ Погребыщѣ была тогда многочисленная ярмарка; вдругъ Чарнецкій неожиданно появился среди огромнаго стеченія народа; украинцы не только не могли спасти своихъ имуществъ, которыя подвозили какъ будто нарочно для враговъ, но и своей жизни. Всѣ безъ изъятія были перерѣзаны жолнѣрами съ такимъ варварствомъ, что самые современные польскіе писатели вспоминаютъ объ этомъ съ ужасомъ [1]). Оттуда войско обращалось въ разныя стороны и повсюду совершало такія же убійства и разоренія. Испуганные и ожесточенные жители довершали опустошеніе края; думая, что къ нимъ вступаетъ огромная сила польская, они сами жгли запасы и убѣгали, или запирались въ укрѣпленныхъ мѣстахъ [2]). Хмельницкій услышалъ сначала, будто въ Украину вступила немногочисленная партія [3]), а потому и послалъ противъ нея Богуна съ небольшимъ отрядомъ [4]) въ четыре тысячи человѣкъ. Самъ гетманъ готовился идти за нимъ вслѣдъ, занимался сборомъ войска и хотѣлъ пригласить орду [5]). Удивился и испугался винницкій полковникъ, когда узналъ и увидѣлъ, что надѣлалъ отрядъ Чарнецкаго. Узнавъ, что у непрія-

---

[1]) Wojna dom. Ч. 3. 84.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 312.

[3]) Pam. o wojn koz. za Chm. 116.

[4]) Pam. o wojn. koz. za Chm. 116.—Wojna dom. Ч. 3. 84.—Лѣтоп Величка. I. 128 —Annal. Polon. Clim. I. 362.

[5]) Лѣтоп. Величка. I. 129

теля уже тысячъ пятнадцать войска, Богунъ не рѣшался вступать съ нимъ въ неравный бой и хотѣлъ поспѣшно удалиться, чтобъ выступить снова съ сильнѣйшимъ войскомъ. Но Чарнецкій стремительно бросился уничтожить его. Богунъ, хитрый какъ лисица, по замѣчанію современника [1]), послалъ немедленно гонца къ Хмельницкому [2]) съ извѣстіемъ о силахъ непріятеля, а самъ бросился въ замокъ Монастырище, укрѣпленный валами и рвами. Это было въ половинѣ марта. Цѣль Богуна была задержать Чарнецкаго битвою, пока Хмельницкій нагрянетъ нечаянно. Дѣйствительно, Чарнецкій осадилъ Монастырище и для того, чтобъ увеличить въ глазахъ непріятеля свои силы, одѣлъ въ военное платье слугъ и погонщиковъ, и приказалъ производить сколько возможно болѣе шума [3]). Козаки защищались такъ отчаянно, что польскій генералъ потерялъ пять тысячъ войска во время штурма [4]), но тѣмъ упорнѣе хотѣлъ, во что бы ни стало, уничтожить сильнаго врага и лишить Украину искуснѣйшаго полководца. Наконецъ поляки овладѣли валомъ; защищавшій его козацкій сотникъ Дрозденко палъ въ сѣчѣ; загорѣлся замокъ: Богуну оставалось сдаться [5]). Онъ, разсчитывая по времени, что Хмельницкій недалеко, выскочилъ изъ замка среди огня и дыма, объявилъ, что идетъ поторопить гетмана, а оставшимся козакамъ приказалъ защищаться до прибытія новыхъ силъ. Храбрые козаки не сдавались въ полусгорѣвшемъ монастырѣ; каждый шагъ впереди поляки покупали жизнью; еще полторы тысячи человѣкъ потерялъ Чарнецкій въ отчаянной рѣзнѣ [6]), и вдругъ стрѣла

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 362.
[2]) Лѣтоп. Величка. I. 129.
[3]) Annal. Polon. Clim. I. 362.
[4]) Лѣтоп. Величка 129.
[5]) Annal Polon. Clim. I. 362.
[6]) Лѣтоп. Величка. I. 129

пронизала ему самому щеки: онъ упалъ безъ чувствъ и чуть было не захлебнулся кровью [1]). Въ довершеніе замѣшательства, позади польскаго войска раздался крикъ: «орда идетъ!» На войско нашелъ въ минуту паническій страхъ. Поляки, пораженные съ одной стороны вѣстью о непріятелѣ, съ другой, раною генерала, котораго почитали уже погибшимъ, въ безпамятствѣ побѣжали, покинувъ возы съ безчисленною добычею, награбленною въ несчастныхъ украинскихъ мѣстечкахъ и селахъ, покинули раненыхъ и больныхъ:—все летѣло безъ оглядки; вслѣдъ за бѣгущими повезли раненаго Чарнецкаго [2]). Не осталось ни одного поляка близъ Монастырища. Это была хитрость Богуна. Вышедъ изъ пылающаго замка, онъ пошелъ не къ Хмельницкому, а зашелъ въ тылъ польскаго войска и приказалъ крикнуть по-татарски [3]). Хмельницкій дѣйствительно былъ уже въ дорогѣ, но еще далеко отъ Монастырища; когда онъ приблизился и увидѣлъ чтó сдѣлалось, очень смѣялся надъ поляками, которые, замѣчаетъ ихъ историкъ [4]), сами не могли дать себѣ отчета: по какой причинѣ такъ постыдно убѣжали. Чарнецкій расположилъ свое войско на стоянкѣ въ шляхетскихъ маетностяхъ по берегамъ Случи [5]).

Вскорѣ Хмельницкій узналъ, что набѣгъ Чарнецкаго былъ только предварительнымъ началомъ замысла истребить все козачество и измѣнить русскую землю такъ, чтобъ въ ней некому было возставать на поляковъ. Въ Брестѣ-Литовскомъ собирался сеймъ и король сталъ теперь злѣйшимъ врагомъ Хмельницкаго. Онъ настаивалъ непремѣнно кончить войну, чего бы она ни стоила. Сеймъ, однако,

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 363.

[2]) Лѣтоп. Величка. I. 130.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 363.

[4]) Кратк. истор. о бунт. Хмельн. 46.

[5]) Pamiętn. Jemiołowsk. 38.

мало давалъ ему надежды; дворянъ съѣхалось немного, да и тѣ, которые пріѣхали, были болѣе склонны примириться съ Хмельницкимъ и отказаться отъ Украины. «Безпрестанная служба отечеству до того намъ надоѣла,— говоритъ современникъ [1]),—что мы не только уклонялись отъ битвъ, но даже и сидя въ домахъ не хотѣли давать отечеству помощи и обороны». Прошлогодняя зараза, голодъ, пораженія отнимали у поляковъ присутствіе духа и надежду на побѣду. Гадатели волновали умы новыми предсказаніями; опять появилась комета, которая, какъ толковали астрологи, своимъ явленіемъ всегда предсказывала продолжительныя бѣдствія [2]). Войско не хотѣло повиноваться, жалуясь, что ему не платятъ. О собраніи новаго посполитаго рушенья не хотѣли и слышать. «Мы готовы,— говорили послы,—лишиться послѣдней домашней утвари, лишь бы не слышать ненавистныхъ вицей и не проливать своей крови» [3]). Сеймъ опредѣлилъ вести войну регулярнымъ войскомъ, а для содержанія его наложить подымное, и на жидовъ поголовное. Вмѣсто посполитаго рушенья, однако, положили собрать такъ называемое лановое войско (agrarius miles, Lanowe ludzie); начальства воеводствъ и повѣтовъ должны были снаряжать отряды изъ сельскихъ жителей, которымъ положена была плата какъ кварцянымъ жолнѣрамъ и, сверхъ того, содержаніе и обмундировка. Положено держать ихъ три мѣсяца и заплатить за это время [4]). Положено назначить коммиссію для взиманія пособій, продовольствія, вооруженія, раздачи жалованья войску и содержанія крѣпостей и обозовъ [5]). Сборное мѣсто для войска назначено подъ Глинянами. Янъ Казимиръ

---

[1]) Wojna dom. Ч. 3. 86.
[2]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 122.
[3]) Wojna dom. Ч. 3. 88.
[4]) Annal. Polon. Clim. I. 365.—Histor. belli cosac. polon. 223.
[5]) Annal. Polon. Clim. I. 364.

вызвался самъ быть предводителемъ для предупрежденія несогласій. «Я иду снова,—говорилъ онъ,—и не положу оружія, пока совершенно не окончу этой гибельной войны» [1]).

Дошло до Хмельницкаго, что на Украину собирается новая туча. Гетманъ снова отправилъ письма къ королю и знатнымъ панамъ и, въ томъ числѣ, къ новому гетману, Станиславу Потоцкому, котораго избиралъ ходатаемъ; цѣль его была задержать, по обыкновенію, военныя дѣйствія поляковъ, пока онъ самъ соберется съ силами.

Въ своихъ письмахъ къ королю Хмельницкій обѣщался не двигаться съ своимъ войскомъ и не подавать повода къ войнѣ; просилъ приказать короннымъ и литовскимъ войскамъ не нападать на козаковъ и, между прочимъ, извѣщалъ, что козачество, желая прочнаго мира, просило ходатайства московскаго царя объ исполненіи просьбы относительно вѣры, церквей и правъ запорожскаго войска [2]).

Хмельницкій не получилъ отвѣта отъ короля, но Потоцкій писалъ къ нему, восхвалялъ милосердіе государя, укорялъ Хмельницкаго въ вѣроломствѣ и увѣрялъ, что король идетъ въ Украину какъ государь, чтобъ видѣть и успокоить свои области и ввести владѣльцевъ въ управленіе имѣніями, которыя отняты у нихъ взбунтовавшимся народомъ. «Пусть,—писалъ онъ,—крестьяне дожидаются спокойно и, собравшись въ громаду, склоняютъ головы проѣзжающему королю. А ты самъ, панъ гетманъ, со всѣмъ войскомъ оставайся на мѣстѣ и пошли изъ среды войска старшинъ предаться на волю и милость короля» [3]).

Послѣ сейма король уѣхалъ въ Глиняны къ войску [4]),

---

[1]) Wojna dom. Ч. 3. 86—88.—Лѣтоп. Величка. I. 132.

[2]) Памятн. кіевск. комм. III. 3. 33.

[3]) Тамъ же, III. 3. 30.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 367.

куда и прибылъ 26-го іюля [1]). Хмельницкій продолжалъ сношенія съ Московскимъ Государствомъ. Царь Алексѣй Михайловичъ присылалъ къ гетману стольника Якова Лихарева извѣстить, что ради православной вѣры и святыхъ Божьихъ церквей, царь хочетъ успокоить междоусобіе козаковъ съ поляками миромъ чрезъ посредство своихъ пословъ, которыхъ съ этою цѣлію отправитъ въ Польшу. Хмельницкій послалъ въ Москву Кондрата Бырляя и Силуана Мужиловскаго. Изъявляя царю благодарность за посредничество, эти посланцы, по гетманскому приказанію, говорили такъ:

«Гетманъ и войско запорожское, обнадежившись государевою милостію, посылали королю и панамъ просить, чтобъ они отложили до времени войну. Король и паны хотѣли было собрать сеймъ въ Брестѣ и съ сейма прислать козакамъ коммиссаровъ къ 24 марта; но они солгали, не прислали коммиссаровъ на срокъ, а вмѣсто того собираютъ войска, разоряютъ города, невинно мучатъ людей. А потому гетманъ и войско запорожское собираются противъ нихъ, и уже просили помощи у крымскаго хана, и крымскій ханъ будетъ имъ помогать. Мы не хотимъ мириться съ поляками потому, что они не стоятъ въ правдѣ, и просимъ, чтобы великій государь, ради православной вѣры, принялъ насъ подъ свою государскую высокую руку и помогъ намъ думою и ратными людьми. Турецкій салтанъ и крымскій ханъ много разъ звали насъ къ себѣ въ подданство, да мы имъ отказали: мимо великаго христіанскаго государя царя великаго князя Алексѣя Михайловича не хотимъ идти къ бусурманамъ въ подданство. Мы рады и той государевой милости, если царь чрезъ своихъ пословъ успокоитъ насъ миромъ: не выступаемъ изъ его государевой воли; пусть только государь изволитъ послать своего

---

[1]) Рукопись имп. п. библ. разнояз. Miscel. № 63.

гонца къ польскому королю поскорѣе, чтобы ляхи не наступали на насъ войною».

Вмѣстѣ съ тѣмъ посланцы извѣщали, что шведская королева посылала къ гетману своихъ пословъ, но ихъ на пути переняли поляки, и съ чѣмъ они ѣхали—неизвѣстно. Теперь гетманъ просилъ царя пропустить чрезъ свою землю гетманскихъ пословъ къ шведской королевѣ провѣдать: зачѣмъ она посылала къ гетману; а для вѣрности пусть царь изволитъ, вмѣстѣ съ козацкими послами, отправить въ Швецію кого-нибудь отъ себя [1]).

Между тѣмъ у Хмельницкаго явились новые враги, бывшіе его союзники, теперь испуганные возрастающимъ могуществомъ русскаго повелителя. Тимошъ на свадебномъ пиру увѣрялъ тестя въ готовности служить ему и, выказывая свою силу, говорилъ: «Отецъ мой купитъ у султана мультанскую землю Валахію, мы сгонимъ Бассарабу, тогда и Ракочи пусть бережется» [2]). Надобно знать, что два господаря—Василій Лупулъ волоскій (молдавскій) и Матѳей Бассараба мультанскій (валахскій)—были между собою въ давней непримиримой враждѣ. Оба состояли вассалами Оттоманской Порты, оба платили дань (Бассараба, получавшій до 35000 талеровъ дохода, платилъ 13000, Лупулъ, получавшій дохода до 400000 талеровъ, платилъ 75000 [3]), и кромѣ того поддерживали себя платежомъ подарковъ въ Константинополѣ. Обоихъ положеніе было шаткимъ, потому что всегда являлись претенденты, искавшіе средствъ подкупами при дворѣ султана низвергнуть господарей и себѣ выпросить ихъ мѣста. Враждебные другъ другу господари вредили одинъ другому при стамбульскомъ дворѣ, но Лупулъ былъ богаче Бассарабы и щедрѣе послѣдняго.

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Рос. III. 493.

[2]) Истор. о през. бр.

[3]) Kubala II. 177.

И тотъ и другой хотѣли бы низвергнуть соперника и овладѣть его землею, но турецкій дворъ не находилъ удобнымъ въ видахъ своей политики допускать соединеніе двухъ господарствъ подъ властію одного лица. Лупулъ видѣлъ буйный и предпріимчивый духъ зятя, боялся, чтобъ онъ не лишилъ его престола, хотѣлъ отвлечь его въ другую сторону и сталъ поддерживать въ немъ мысль о покореніи Валахіи. Лупулъ имѣлъ основаніе остерегаться своего свата Богдана, который въ это время поддѣлывался къ турецкому двору съ заискиваніями не совсѣмъ безопасными для молдавскаго господаря. Богданъ Хмельницкій въ декабрѣ 1652 г. послалъ къ великому муфтію письмо, исполненное любезностей и расположенія къ исламу: онъ предлагалъ на службу Оттоманской Имперіи 40000 козаковъ изъ трехсотъ-тысячнаго числа своего войска, а въ мартѣ 1653 г. четыре посла отъ Хмельницкаго являлись къ дивану съ просьбою утвердить отъ имени падишаха за нимъ владѣніе всѣми козацкими землями съ частію Молдавіи и надѣлить его на то грамотою. Посламъ Хмельницкаго дали почетную аудіенцію въ Диванѣ, подарили гетману барабанъ и знамя, дали отъ имени падишаха дипломъ на владѣніе козацкими землями, какъ надъ краемъ вновь поступавшимъ подъ верховную власть Турціи, но о Молдавіи не упоминали. Конечно, Лупулу съ этой стороны ничто не грозило еще, но всетаки показывало, что надобно было поставить дѣла такъ, чтобъ замыслы Хмельницкихъ нашли другой исходъ [1]). Въ семейный совѣтъ Лупула былъ допущенъ великій логофетъ (канцлеръ) Молдавіи, Стефанъ Гергица, который въ продолженіи долгихъ лѣтъ казался постояннымъ доброжелателемъ Лупула. Но Стефанъ былъ въ родственныхъ связяхъ съ соперниками Лупула: двоюродная сестра его была за Бассарабою, а самъ

[1]) Hammer. V, 580.

Стефанъ былъ женатъ на боярынѣ изъ Валахіи. Жена его, замѣтя безпокойство мужа, тайные совѣты при дворѣ, усильно начала допрашивать, что это значитъ и наконецъ убѣдила Стефана высказать тайну, которая немедленно была передана Бассарабѣ, а потомъ дошла и до Ракочи. Трансильванскій князь узналъ, что Богданъ Хмельницкій недоволенъ имъ за несоблюденіе уговора, когда, во время войны 1651 года, онъ долженъ былъ взять Краковъ. Ракочи имѣлъ давнее неудовольствіе противъ Лупула уже и потому, что братъ его Сигизмундъ былъ въ числѣ искателей руки дочери Лупула, а имъ всѣмъ равно не удалось. Теперь до него доходили слухи, что существуетъ такой проектъ: Тимоша Хмельницкаго, зятя Лупула, помѣстить въ Молдавіи, брата Лупула вмѣсто Матѳея Бассарабы въ Валахіи (мультанской землѣ), а самъ Василій Лупулъ получитъ во владѣніе Седмиградское княжество вмѣсто Ракочія. Лупулъ сносился объ этомъ тайно съ Фердинандомъ III императоромъ римскимъ чрезъ палатина венгерскаго Веселени Ференца, у котораго заискивалъ расположенія, и также подобные планы сообщилъ турецкому пашѣ, находившемуся въ Будѣ (Офенѣ). Послѣдній, чрезмѣрно алчный, принимая подарки отъ Лупула, захотѣлъ сорвать что-нибудь и съ его противниковъ и открылъ замыслы Лупула Ракочію и Матѳею [1]). Оба возблагодарили его щедро. Тогда Бассараба и Ракочи, предупреждая грозящую бурю, заключили союзъ изгнать съ господарства Лупула и предложили тайно логофету господарскій престолъ. Пробужденное властолюбіе, говоритъ современникъ, погасило въ немъ долговременную вѣрность. Стефанъ приступилъ къ договору. Тимошъ былъ въ Украинѣ; Лупулъ сидѣлъ въ Яссахъ, не подозрѣвая для себя никакой опасности и до такой степени довѣрился своему

---

[1]) Kraus. Siebenbürg. Chronik. I. 196.

логофету, что вручилъ ему 60000 червонцевъ для вербовки войска, намѣреваясь наступить на своихъ враговъ. Ракочи, знавшій черезъ своихъ секретныхъ агентовъ все, что дѣлалось во дворцѣ Лупула, пересылалъ въ видѣ любезности отъ имени своей жены женѣ молдавскаго господаря цвѣты, а между тѣмъ поручилъ своему полководцу Яношу Кемени войти съ военнымъ отрядомъ въ Молдавію и неожиданно схватить Лупула. Лупулъ любилъ охоту, но ѣздилъ на охоту не иначе, какъ въ видѣ военнаго похода, окружая себя множествомъ народа, и схватить его въ такомъ положеніи было трудно, а чтобъ онъ не уѣхалъ на охоту, Ракочи послалъ ему въ подарокъ двѣ бочки отличнаго венгерскаго вина съ нѣкіимъ Яномъ Барошемъ — человѣкомъ веселаго нрава, давно извѣстнымъ при дворѣ Лупула. Ракочи поручилъ Барошу забавлять господаря, кутить вмѣстѣ съ нимъ и не допускать выѣхать прежде, чѣмъ Кемени съ войскомъ успѣетъ перебраться черезъ горы. Стефанъ логофетъ, разсчитавши напередъ день, когда придетъ Кемени, отпросился у Лупула въ свое имѣніе подъ предлогомъ болѣзни жены своей. Къ счастію Лупула, соумышленникъ Стефана бояринъ Чіугулъ безъ него написалъ анонимное письмо, гдѣ изложилъ всю суть заговора противъ Лупула и послалъ съ неизвѣстнымъ ему человѣкомъ въ монастырь, а тамъ калугеръ препроводилъ это письмо къ Лупулу. Господарь по почерку узналъ, кто писалъ это письмо и позвалъ къ себѣ Чіугула. Тотъ явился съ сыномъ, палъ на колѣни и все разсказалъ въ подробности. Вмѣсто награды, которой, быть можетъ, тотъ себѣ ждалъ, Лупулъ убилъ его вмѣстѣ съ сыномъ. Потомъ господарь послалъ за бояриномъ Спатаромъ, третьимъ соумышленникомъ заговора: тотъ, ничего не зная, вошелъ тихо во дворецъ и сейчасъ-же Лупулъ собственноручно изрубилъ его и куски его тѣла приказалъ бросить псамъ. Послѣ этого тотчасъ-же съ женою

и дѣтьми Лупулъ самъ убѣжалъ окольными дорогами къ Днѣстру. Кемени погнался за нимъ и на переправѣ черезъ Днѣстръ, на паромахъ, Лупулъ едва не былъ схваченъ, а меньшой братъ его былъ раненъ. Лупулъ прибѣжалъ въ Каменецъ съ семьею и послалъ просить у Потоцкаго пріюта, преклоняя дарами губернатора, поставленнаго въ Каменцѣ отъ Потоцкаго. Немедленно, оставивши семью, отправился Лупулъ къ войску своему, разставленному по берегу Днѣстра, вступилъ въ битву съ Кемени подъ Старлокомъ, былъ разбитъ и бѣжалъ за Днѣстръ въ мѣстечко Рашковъ, гдѣ находился тогда зять его Тимоѳей Хмельницкій [1]). 6-го апрѣля 1653 г. Стефана посадили на господарство. Ракочи такъ оправдывалъ свой поступокъ съ Лупуломъ. Кромѣ того, что Лупулъ постоянно старался у оттоманскаго двора, чтобъ не допустить Ракочія получить въ наслѣдство область отца своего и при разныхъ иноземныхъ дворахъ устроивалъ козни, во вредъ Ракочію, онъ въ собственномъ своемъ владѣніи молдавскомъ тирански обращался съ подданными; послѣдніе не разъ уже приносили жалобы оттоманскому правительству и сообщали о своихъ утѣсненіяхъ извѣстія въ Седмиградскую землю; уже два года Ракочій имѣлъ позволеніе отъ оттоманскаго двора расправиться съ господаремъ, но все откладывалъ, ожидая исправленія, а теперь рѣшился исполнить позволенное оттоманскимъ правительствомъ дѣло и освободить бѣдныхъ подданныхъ молдаванъ отъ тирана [2]).

Тогда при турецкомъ дворѣ начался торгъ за Молдавію. Стефанъ подкупалъ подарками членовъ Дивана и обѣщалъ платить тройную дань. Съ своей стороны, Хмельницкій также разсыпалъ подарки, ласкалъ турокъ на-

---

[1]) Jerlicz. 144.—Kraus. I. 200.—Hist. ab exc. Wlad. IV. 126.—Annal. Polon. Clim. I. 366—367.

[2]) Gradelihni. 524. Engels Gesch. der Mold. 269.

деждою, что Украина будетъ данницею Оттоманской Порты, обѣщалъ завоевать Каменецъ. Между тѣмъ новый государь на первыхъ порахъ вооружилъ противъ себя бояръ. Два изъ нихъ отправились въ Константинополь, защищали изгнанника Лупула и умоляли сжалиться надъ несчастнымъ положеніемъ Молдавіи, растерзанной войною. Турецкій дворъ находился въ нерѣшимости, какой партіи ему держаться, и ограничивался тѣмъ, что къ Бассарабѣ и Ракочи посланъ былъ чаушъ съ приказаніемъ прекратить непріязненныя дѣйствія [1]). Тимошъ съ двѣнадцатью тысячами [2]) разнороднаго войска, собраннаго изъ козаковъ, украинскихъ левенцевъ, карпатскихъ горцевъ и татаръ, послѣ пасхи 1653 г. пошелъ на Молдавію и повелъ туда своего тестя [3]). Беззащитный Стефанъ убѣжалъ; Яссы достались побѣдителямъ. Тимошъ истребилъ остатокъ враждебной пѣхоты Ракочи, казнилъ враговъ тестя, и снова посадилъ его на господарство. Эта побѣда такъ возгордила его, что, по увѣренію одного историка, онъ ставилъ себя въ параллель съ Цезаремъ; говорилъ, что онъ пришелъ — побѣдилъ, даже не видя враговъ [4]). Тогда-то онъ рѣшился исполнить давнее намѣреніе покорить Валахію.

Усиливъ свое войско молдавскими полками, онъ вошелъ въ мультанскую землю (Валахію). Воины его грабили, убивали людей всякаго возраста и состоянія, сожигали жилища, насиловали женщинъ, оскверняли даже храмы; по увѣренію современника, одинъ разъ козаки не чувствовали въ себѣ силы зажечь храмъ, и Тимошъ за это закололь ихъ собственноручно. Такіе поступки вооружили

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 368.
[2]) Лѣтоп. Величка. I. 123.
[3]) Annal. Polon. Clim. I. 368.
[4]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 120.

жили противъ побѣдителя турецкій дворъ, который сталъ опасаться усиливающагося могущества Тимоша и изъявилъ ему неудовольствіе за возобновленіе вражды [1]). Тогда Бассараба, хотя уже престарѣлый — семидесяти лѣтъ отъ роду, но все еще бодрый и предпріимчивый, снова собралъ силы изъ валаховъ, сербовъ и разныхъ охотниковъ тысячъ до тридцати; былъ у него и отрядъ венгерцевъ, оставленныхъ Янушемъ Кемени, который, сдѣлавши свое дѣло и посадивши на молдавскій престолъ Стефана, удалился въ отечество не безъ затрудненій по поводу наводненія горныхъ рѣчекъ. На берегахъ рѣки Тележина [2]), непріятели встрѣтились 15-го мая. Сначала Тимоѳею и Лупулу повезло счастье въ войнѣ. Вышелъ противъ нихъ Стефанъ съ державшимися его молдаванами, немногимъ числомъ седмиградчанъ, оставленныхъ Кемени, и съ валахами, данными ему Бассарабою. Лупулъ и Тимоѳей съ козаками расположились на островѣ, стали окапываться и не поддавались непріятельскимъ попыткамъ выманить ихъ въ поле. Стефанъ, устроивши въ боевой порядокъ свои силы, отправилъ въ засаду валаховъ подъ предводительствомъ двухъ бояръ: тѣ сговорились оставить Стефана на произволъ судьбы въ самое жаркое время битвы. Стефанъ, сперва дравшійся храбро, упалъ духомъ, когда увидалъ, что у валаховъ дурное противъ него на умѣ; потерявши много войска, онъ убѣжалъ къ Матѳею, а его лучшая сила, состоявшая изъ седмиградчанъ въ числѣ тысячи двухъ сотъ человѣкъ, вся погибла. Бассараба, на третій день послѣ пораженія Стефана, былъ опять готовъ, и чтобъ на этотъ разъ предохранить себя отъ измѣны, поставилъ своихъ конныхъ бояръ и русскихъ, служившихъ у него волонтерами, въ срединѣ, а по бокамъ размѣстилъ

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 368.
[2]) Ibid. 369.—Wojna dom. Ч. 3. 89.

пѣхоту и тотъ родъ войска, который въ Турціи назывался семенами или чименами и приказалъ палить изъ пушекъ въ своихъ, если замѣтно станетъ, что свои колеблятся или думаютъ вырваться и уходить [1]). Произошла вторая кровопролитная битва на берегу другой небольшой рѣчки Яловца: опять сначала Тимошъ и Василій побѣждали, но вдругъ поднялась гроза и сильная буря съ дождемъ прямо въ глаза козакамъ. Молдаване, бывшіе въ войскѣ Тимоша, первые попятились назадъ, другіе передались валахамъ; козаки выбились изъ силъ, хотѣли поправить дѣло и не могли; Василій, спасая жизнь, убѣжалъ въ Галацъ, потомъ за нимъ оставилъ поле битвы Тимошъ и, наконецъ, полковники Носачъ и Пушкарь; храбрый начальникъ украинскихъ левенцевъ Грыцько сбилъ пѣхоту въ четвероугольникъ и, защищаясь, погибъ въ сѣчѣ, а двѣ тысячи козаковъ и нѣсколько тысячъ молдаванъ, лишенные начальниковъ, положили оружіе. Молдаване были отпущены на свободу своими единоплеменниками, а козаковъ, всѣхъ до единаго, Андроникъ, валахскій генералъ, приказалъ изрубить. «Этотъ народъ, — говорилъ онъ: — охотнѣе разстанется съ жизнью, чѣмъ съ своевольствомъ» [2]). По окончаніи битвы, по приказанію Матѳея были подобраны и погребены тѣла павшихъ въ бою. Три тысячи молдаванъ и валаховъ погребли подъ деревнею Финтою въ холмѣ, на которомъ для памяти былъ водруженъ каменный крестъ. Козацкія тѣла погребены были въ другомъ холмѣ при большой дорогѣ подъ Терговиштемъ. 18-го мая въ праздникъ Вознесенія, Матѳей съ торжествомъ вступилъ въ Терговиште какъ побѣдитель [3]).

Стефанъ на челѣ бояръ опять вступилъ въ Яссы, и

[1]) Kraus. 203—204. Engels. Gesch. der Wall. 295.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 369. — Kubala. II. 187.—Engels, Gesch. der Wallachien. 295.

[3]) Engels Geschichte der Wallachien. 295.

Молдавія въ другой разъ присягнула ему въ вѣрности. Жена Василія съ остатками имущества убѣжала въ Сочаву [1]). Тимоѳей воротился въ Украину, а потомъ снова двинулся въ Молдавію съ восемью тысячами на помощь господаршѣ [2]).

Тутъ-то враги ополчились на молодаго богатыря. Ракочи обратился къ Яну Казимиру, извѣщалъ о свѣжемъ пораженіи Тимоѳея, просилъ забыть прошлыя недоразумѣнія, убѣждалъ послать ему на помощь коронное войско какъ можно скорѣе, потому что наступаетъ время уничтожить сына Хмельницкаго, пока не подоспѣлъ отецъ его на выручку, а съ своей стороны обѣщалъ тридцать тысячъ войска и содѣйствіе Валахіи и Молдавіи къ укрощенію Хмельницкаго. Нѣкоторые изъ польскихъ пановъ не совѣтовали вступать въ союзъ съ Ракочи, напоминали о его недоброжелательствѣ, о связяхъ съ Хмельницкимъ, опасались, чтобъ онъ не измѣнилъ полякамъ въ самомъ критическомъ положеніи.

«Неблагоразумно отвергать чужую помощь, — говорили другіе: — самъ Богъ намъ посылаетъ ее въ то время, когда мы не умѣемъ укротить нашего врага. Хотя Ракочи сносился съ Хмельницкимъ во время безкоролевья, но это было дѣло политики. Онъ, рожденный отъ благородной крови, всегда въ душѣ гнушался тираномъ, вышедшимъ изъ подлаго званія ко вреду сосѣдей: а теперь, видя, что мятежникъ слишкомъ поднялся, понимаетъ, что надобно преградить ему дорогу и, конечно, останется ему всегдашнимъ непріятелемъ».

Послѣднее мнѣніе одержало верхъ и король согласился на предложеніе Ракочи [3]).

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 369.—Истор. о през. бр.—Лѣтоп. Величка. I. 145.

[2]) Истор. Мал. Росс. I. 291.

[3]) Wojna dom. Ч. I. 3. 91.

Лупулъ прибѣжалъ въ Чигиринъ къ своему свату Богдану Хмельницкому. Есть извѣстіе, что козацкій гетманъ, очень часто запивавшій, былъ тогда въ такомъ припадкѣ пьянства, что въ теченіи семи дней Лупулъ едва могъ выбрать такой трезвый часъ, чтобъ разсказать о своемъ бѣдствіи. Выслушавши его, Хмельницкій подалъ свату стаканъ вина и произнесъ: вотъ тебѣ лучшее лекарство отъ всѣхъ печалей. Лупулъ разсердился и будто потомъ сказалъ своимъ по этому поводу: и такъ не даромъ носятся слухи, что козаки — это медвѣди въ человѣческомъ образѣ или хоть и люди, но обратившіеся въ медвѣдей [1]). Лишенный престола, Василій показывалъ видъ, что ничѣмъ не раздражилъ Польшу, что онъ, по-прежнему союзникъ Рѣчи Посполитой, и потому, послѣ своего низверженія, послалъ къ королю просить вспомоществованія и какъ кажется попытка сдѣлана была съ вѣдома самого гетмана Хмельницкаго. Послы Лупула прибыли почти въ одно время съ Стефановыми и Ракочіевыми. Къ удивленію поляковъ, самъ Тимошъ обратился къ польскому правительству и обѣщалъ присоединить къ Рѣчи Посполитой подунайскія страны. Безъ дальнѣйшихъ разсужденій, поляки предпочли сторону Стефана и Ракочи. Король призналъ новаго господаря въ его достоинствѣ и отправилъ къ нему въ подарокъ вина и двухъ лошадей. Вдобавокъ, канцлеръ Корыцинскій получилъ въ то же время письмо отъ силистрійскаго паши; онъ изъявлялъ негодованіе на козаковъ за своевольство Тимоша, называлъ ихъ разбойниками и убѣждалъ всѣми силами усмирить ихъ [2]). Все клонилось ко вреду возраставшей Украины. Король послалъ на помощь венгерскимъ и валахскимъ войскамъ въ Молдавію шесть тысячъ польскаго войска, подъ на-

---

[1]) Carra Hist. de Mold. изд. 1777. стр 50. изд. 1781. стр. 46.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 378.

чальствомъ Кондрацкаго, и полторы тысячи нѣмецкой пѣхоты [1]), а потомъ Клодзинскаго съ волонтерами [2]). Два польскіе пана, Ясокльскій и Гембицкій, отправились къ седмиградскому князю съ предложеніемъ долговременнаго союза и содѣйствія къ укрощенію козаковъ взаимными силами Польши, Трансильваніи и двухъ подунайскихъ княжествъ [3]).

Василію и Тимошу оставалось надѣяться единственно на помощь Хмельницкаго. Скорбная вѣсть о неожиданномъ измѣненіи дѣлъ въ Молдавіи застала гетмана среди приготовленій къ отпору поляковъ, готовившихся вступить въ Украину. Онъ разсудилъ, что спасеніе зависитъ отъ одной скорости и рѣшился предупредить короля. Изъ глинянскаго лагеря приходили утѣшительныя вѣсти: говорили, что жолнѣры разбѣгаются и бунтуютъ. Хмельницкій взялъ съ собою тридцать тысячъ козаковъ [4]), нѣсколько тысячъ татаръ и бросился на Подоль. 6-го іюня подъ Печорами на Бугѣ, гдѣ гетманъ дѣлалъ смотръ своему войску, пріѣхалъ къ нему посланецъ Януша Радзивилла: Загоровскій. Литовскій гетманъ былъ теперь въ свойствѣ съ козацкимъ. Несчастіе молдавскаго господаря сближало ихъ. Самъ Радзивиллъ не любилъ Яна Казимира, и какъ многіе изъ литовскихъ пановъ того вѣка, не смотря на ополяченіе, сочувствовалъ подчасъ политической литовской особности; притомъ онъ былъ диссидентъ. Сближеніе между Радзивилломъ и Хмельницкимъ пошло бы можетъ быть далѣе, еслибы Хмельницкій не поставленъ былъ судьбою

---

[1]) Hist. ab. exc. Wlad. IV. 127.—Annal. Polon. Clim. I. 378.

[2]) Рук. И. П. Б. Misc. № 68.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 379.

[4]) Полки: чигиринскій (4,300), прилуцкій (3,500), миргородскій (2,000), полтавскій (3,000), кіевскій (3,000), бѣлоцерковскій (4,000), корсунскій (3,000), каневскій (4,000), черкасскій (3,400). См. Diariusz roku 1653. рук. Имп. П. Библ.

въ необходимость сдѣлаться предводителемъ хлопскаго возстанія, а Радзивиллъ былъ панъ и не могъ быть ничѣмъ другимъ. Теперь Радзивиллъ являлся только примирителемъ между королемъ и Хмельницкимъ. Въ такомъ смыслѣ онъ послалъ письмо съ Загоровскимъ.

Изъ Кіева козацкій отрядъ провожалъ Загоровскаго до Бѣлой-Церкви: тамъ встрѣтилъ его съ почетомъ Золотаренко, шуринъ Хмельницкаго, и слѣдовалъ съ нимъ до козацкаго обоза. При въѣздѣ въ обозъ встрѣчалъ его другой козацкій чиновникъ, миргородскій полковникъ Лѣсницкій. Посреди обоза стоялъ гетманскій шатеръ, близъ него шатеръ писаря. Выговскій, встрѣтивъ посланца, извинялся за гетмана, пригласилъ его прежде къ себѣ въ лагерь и по русскому обычаю предложилъ хлѣбъ-соль. Оба выпили. Спустя немного времени, обозный Коробка пригласилъ Загоровскаго къ гетману.

Какъ только посланецъ Радзивилла входилъ въ шатеръ гетмана, Хмельницкій шелъ къ нему съ радушною улыбкою, сталъ его обнимать и цѣловать. Загоровскій вручилъ ему письмо. Гетманъ передалъ его писарю, самъ сѣлъ и посадилъ возлѣ себя гостя. Писарь Выговскій читалъ письмо; Хмельницкій внимательно слушалъ, но два раза прерывалъ чтеніе. Такимъ образомъ, когда писарь прочиталъ въ письмѣ желаніе водворенія мира, Хмельницкій глубоко вздохнулъ и сказалъ: «Дай Господи, дай Господи миръ!»

Выговскій, читая далѣе, наткнулся на совѣтъ покориться королю.

Хмельницкій снова прервалъ чтеніе и сказалъ: «Я очень радъ и готовъ помириться; больше скажу: долго-ли, не долго-ли будетъ тянуться эта война, я всегда готовъ поклониться его величеству нашему законному государю и благодѣтелю». По окончаніи чтенія, Хмельницкій сказалъ посланнику: «Богъ мнѣ свидѣтель, хотя я иду теперь съ

войскомъ своимъ на войско его величества, но не затѣмъ, чтобы драться съ нимъ: Богъ это видитъ! Я затѣмъ иду, чтобы, при посредствѣ князя Радзивилла, отъ его величества короля нашего милосердаго государя, получить вѣчный миръ; пусть кровь христіанская перестанетъ литься, а я обращу всю свою силу на враговъ креста святаго. Клянусь Богомъ, не хочу войны!»

Хмельницкій говорилъ эти слова съ большимъ чувствомъ. Принесли горилки. Хмельницкій выпилъ, провозгласилъ здравіе князя Януша Радзивилла, и въ это время выпалили изъ пяти пушекъ. Потомъ выпилъ за здравіе того же князя писарь Выговскій, выпалили изъ двухъ пушекъ.

Послѣ горилки Хмельницкій снова говорилъ: «У короля войска будетъ тысячъ сорокъ пять, кромѣ посполитаго рушенья: такъ мнѣ говорили, правда-ли?»

«Не знаю», отвѣчалъ Загоровскій.

«А у васъ?» спрашивалъ Хмельницкій.

Загоровскій перечислилъ ему отдѣлы литовскаго войска. По его счету выходило тысячъ пятнадцать.

«Такъ, такъ, — сказалъ Хмельницкій, — я все знаю, все знаю. А вотъ пане Загоровскій, посмотрите на мое войско».

Онъ приказалъ заранѣе выставиться козакамъ, предложилъ Загоровскому лошадь и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ за обозъ. Надъ нимъ во все время пути держали бунчукъ. Козаки стояли въ строю, по бокамъ козацкихъ рядовъ копошились толпы татаръ.

«У меня войска тридцать тысячъ козаковъ, — сказалъ Хмельницкій: — его могло быть и больше, да я распустилъ его по домамъ. Нехай хлібъ роблють, а орды будетъ у меня тысячъ восемьдесятъ».

Загоровскій не сказалъ ему ничего, но замѣтилъ про себя, что у Хмельницкаго силъ будетъ менѣе, чѣмъ онъ

показывалъ. Козацкіе ряды стояли очень красиво; развѣвалось множество знаменъ, и между ними одно превосходило прочія величиною: оно было красное изъ адамашка, съ позолоченнымъ шаромъ на верху древка, и уже ветхое. То было знамя, подаренное козакамъ королемъ Владиславомъ, козаки дорожили имъ и держали при своей артиллеріи. Хмельницкій показалъ посланцу и свои пушки; нѣкоторыя поражали своею величиною: нужно было шесть лошадей, чтобы сдвинуть ихъ съ мѣста.

На другой день 7-го іюня Загоровскаго пригласили къ гетману на обѣдъ. Хмельницкій усердно угощалъ гостя, но въ то же время приказалъ татарамъ, мимо шатра своего, прогнать толпу польскихъ плѣнниковъ; двое изъ нихъ были племянники пана Маховскаго. Хмельницкій, какъ будто ничего не зная, сталъ съ любопытствомъ разспрашивать, что это за плѣнники? Объяснилось, что это польскій подъѣздъ, напавшій на селеніе Клинцы: тамъ неожиданно татары и козаки захватили поляковъ и привели плѣнными.

«Боже мой! Боже мой: — сказалъ со вздохомъ Хмельницкій, — люди его королевскаго величества бьютъ невинныхъ христіанъ и жгутъ города; я иду съ *покорою*, а паны ляхи войну замышляютъ».

Тутъ писарь Выговскій въ присутствіи Загоровскаго выкупилъ у татаръ племянниковъ пана Маховскаго, не предчувствуя вѣроятно, какое значеніе будетъ со временемъ имѣть для его собственной жизни этотъ панъ Маховскій, которому онъ теперь оказывалъ услугу.

11-го іюня Хмельницкій назначилъ отпускъ посланцу Радзивилла. Писарь Выговскій былъ съ нимъ. Хмельницкій былъ веселъ, любезенъ, пилъ за здоровье Радзивилла съ такими же церемоніальными выстрѣлами, какъ и при первомъ свиданіи и, прощаясь съ Загоровскимъ, произнесъ такую рѣчь:

«Если его милость, князь Радзивиллъ, успѣетъ насъ помирить, то пріобрѣтетъ себѣ вѣчную славу и обяжетъ войско запорожское вѣрною службою себѣ и своему тестю молдавскому господарю, котораго онъ, какъ сынъ, долженъ спасать вмѣстѣ съ моимъ сыномъ. Пане Загоровскій, проси князя Радзивилла, *нехай буде до насъ ласковъ, якъ отецъ и предки его були; нехай насъ съ королемъ помиритъ; а коли ласкі его королевской милости намъ не буде, такъ ми або добъемося до покою, або одинъ на другому поляжемо за вольности наши!* Мы по-неволѣ должны искать себѣ помощи: турецкій императоръ обѣщалъ намъ: турки ко мнѣ очень доброжелательны; и царь московскій обѣщалъ мнѣ помогать ради того, что я воюю за вѣру и святую церковь; татары надъ Днѣпромъ стоятъ, и сами просятъ дозволить помогать намъ войскомъ въ нѣсколько тысячъ. Татары въ моихъ рукахъ — благодѣтели наши! Но, правду сказать, у насъ съ ними скоро было бы разбратіе, лишь бы намъ съ Короною Польскою помириться, тогда бы ихъ не стало на Украинѣ; отъ Литвы мы не чаемъ напада. Да хоть бы и напали — что возьмутъ? У насъ ничего нѣтъ! *покрутяться по Украіні та й підуть до дому, а мы по старому будемъ на Украіні сидіти: трудно козацьке куріньня згубити, а хочь бы и подоліли насъ и обернули Украину въ пустиню, татаръ тимъ не стримаютъ.* Татарамъ тогда больше поля останется на кочевье и подальше въ Польшу пойдутъ» [1]).

Отпустивши Загоровскаго, Хмельницкій съ войскомъ шелъ далѣе; козаки взяли Гродецкій замокъ и, какъ говорили поляки, не пощадили тамъ ни шляхты, ни посполъства [2]).

Въ польскомъ лагерѣ не знали вовсе ничего, какъ

---

[1]) Рук. Импер. Публ. Библ. Polon. Fol. № 133.

[2]) Diariusz roku 1653. рук. И. П. Б.

вдругъ, подъ Зборовомъ, нечаянно наткнулся на козаковъ польскій отрядъ, подъ командою Пѣсочинскаго; отрядъ былъ истребленъ; однако, предводитель успѣлъ убѣжать въ польскій лагерь и принесъ нерадостную вѣсть, что Хмельницкій не ближе, какъ верстъ за сто отъ поляковъ. Такимъ образомъ, польское войско имѣло время приготовиться и встрѣтить непріятеля въ порядкѣ. Король ободрялъ подчиненныхъ своимъ примѣромъ и рѣшимостью. Напротивъ, эта стычка произвела тревогу между козаками. Плѣнные поляки объявили, что въ польскомъ лагерѣ огромное войско; что коммиссія нашла средства успокоить жолнѣровъ; что король заключилъ союзъ съ Валахіею и съ Ракочи дѣйствовать противъ Украины; что скоро должно присоединиться къ польскому войску посполитое рушенье.

Козаки волновались, роптали на гетмана. Хмельницкій, дойдя до Тарнополя, собралъ подъ Желковомъ все войско на раду: «Що намъ робить: чи итти на ляхівъ чи ні; орди немного маемо, и тая назадъ одступае». Такъ спрашивалъ онъ, хотя у него и всегда было въ обычаѣ спрашивать, по замѣчанію плѣннаго козака Уласенка. Всѣ козаки единогласно закричали: «Що Богъ и ти учинишъ, ми готови; яко почавъ, такъ и кінчай!» [1]).

Хмельницкій рѣшился послать еще разъ посольство къ королю. Посланникомъ избранъ былъ Ждановичъ, кіевскій полковникъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ козацкихъ чиновниковъ. Отправивъ эту депутацію, Хмельницкій отошелъ изъ Галиціи въ Украину и сталъ при Черномъ Островѣ [2]).

Ждановичъ явился тогда, когда для поляковъ представлялись новыя надежды успѣха въ предпринимаемой войнѣ. Ракочи и волохскіе господари приглашали Яна

---

[1]) Diariusz roku 1653.

[2]) Wojna dom. Ч. 3. 93.

Казимира съ войскомъ въ Молдавію для того, чтобъ не впустить туда гетмана, уничтожить Тимоѳея и тогда уже идти въ Украину. Король готовился выступить. Ждановича не допустили до короля и призвали предъ гетмана Потоцкаго.

Въ козацкомъ прошеніи сначала излагалось, что, послѣ бѣлоцерковскаго договора, не козаки, а поляки виновны въ возобновленіи кровопролитій, а потомъ было, между прочимъ, сказано: «Просимъ покорно, чтобъ на будущее время его величество король благоволилъ сохранить зборовскій договоръ, данный запорожскому войску; чтобъ наши русскія церкви и монастыри, согласно съ правами ихъ, оставались неприкосновенными съ своими имѣніями, а унія была бы уничтожена, какъ въ Польскомъ королевствѣ, такъ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Если же король и Рѣчь Посполитая не будутъ къ намъ милостивы, то мы, не желая болѣе кровопролитія, иными способами будемъ промышлять о своей безопасности» [1]). Самъ Ждановичъ, согласно тайному приказанію Хмельницкаго, присовокупилъ отъ себя, что козаки недовольны Хмельницкимъ за то, что онъ хочетъ отдать ихъ въ рабство туркамъ, и желаютъ остаться въ повиновеніи короля, но съ тѣмъ, чтобъ король утвердилъ зборовскій договоръ и унія была уничтожена. Но требованія уничтоженія уніи и утвержденія зборовскаго договора и въ устахъ недовольнаго Хмельницкимъ полковника, какъ и въ письмѣ самого Хмельницкаго, произвели одинаковое негодованіе въ собраніи пановъ, такъ называемомъ *колѣ* рыцарскомъ; самъ коронный гетманъ схватилъ булаву и хотѣлъ было ею бить пословъ.

«Оружіемъ! — кричалъ онъ: — оружіемъ я дамъ вамъ отвѣтъ на ваши глупыя и варварскія требованія».

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. III. 3. 54—56.

Присутствовавшіе паны едва удержали его [1]). Самъ король, услышавъ, понялъ, что посольство козацкое есть ничто иное, какъ обыкновенная хитрость Хмельницкаго. Послѣ совѣта призвали козацкихъ пословъ, и коронный гетманъ отвѣчалъ имъ такъ:

«Не измѣннику Хмельницкому, но всему войску запорожскому я отвѣчаю. Его величество не только не хотѣлъ читать вашего посланія, написаннаго съ согласія хитраго и двоедушнаго Хмельницкаго, но и видѣть тебя, полковникъ. Я просилъ за васъ и старался — напрасно! ваши преступленія и вѣроломства побѣдили наконецъ всякое милосердіе. Вамъ не будетъ спасенія, прежде чѣмъ войско запорожское не выдастъ самого Хмельницкаго, не разорветъ союза съ татарами и не задержитъ чауша, присланнаго отъ Порты [2]). Тогда пусть знатнѣйшіе изъ вашихъ, Выговскій и Богунъ, являются въ нашъ лагерь, надѣясь на безопасность. Вы останетесь заложниками, а одинъ, самый простой изъ васъ, отнесетъ отвѣтъ.

Это препоручено было какому-то сотнику, по имени Микитѣ [3]).

«Если,—говорилъ Ждановичъ:—воля вашей вельможности такова, что я долженъ здѣсь остаться, — противиться не смѣю, но скажу, что войско будетъ до крайности недовольно такимъ поступкомъ; оно подумаетъ, что меня уже нѣтъ въ живыхъ, придетъ въ ожесточеніе и также задержитъ нашихъ пословъ, когда случится вамъ послать. «Посолъ, какъ оселъ», говоритъ пословица,носитъ то, що на его зложено,—зъ чімъ мене послано, зъ тимъ назадъ повернутися повиненъ! Иначе вы въ сердцахъ козацкихъ возбудите чрезвычайную къ себѣ ненависть».

---

[1]) Annal. Polon. Clim. 375.—Лѣтоп. Величка. I. 136.—Wojna dom. Ч. 3. 98.—Latop. Jerl. 148.

[2]) Wojna dom. Ч. 3. 94.

[3]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 128.

По словамъ однихъ, коронный гетманъ отпустилъ кіевскаго полковника [1]), а другіе говорятъ, что удержалъ его, впрочемъ обращался съ нимъ вѣжливо [2]). Послѣднее вѣроятнѣе, потому что въ 1654 году Ждановичъ находился въ неволѣ у Радзивилла, которому онъ, вѣроятно, былъ переданъ изъ короннаго войска [3]).

Самъ Янушъ Радзивиллъ тогда напрасно старался склонить короля и пановъ къ миролюбію, совѣтовалъ обойтись съ Хмельницкимъ ласково, назначить коммиссаровъ для заключенія съ нимъ договора; вызвался самъ содѣйствовать этому, увѣрялъ что козацкій гетманъ согласенъ примириться, лишь бы видѣлъ со стороны Польши прочность такого примиренія и увѣрялъ, что Хмельницкій, доведенный до отчаянія, отдастся московскому царю; по его замѣчанію уже видно было, что Москва искала только предлога поссориться съ Рѣчью Посполитою, чтобы напасть за-одно съ козаками. Онъ совѣтовалъ приласкать Хмельницкаго, и сыновьямъ его дать староства. Его совѣты не были приняты [4]). Уваженія къ нему не было настолько, чтобъ не содѣйствовать врагамъ его тестя Лупула; забыто было долговременное расположеніе молдавскаго господаря къ Польшѣ: онъ былъ уже въ родствѣ съ Хмельницкимъ и этого было достаточно, чтобы поступать съ нимъ какъ съ врагомъ Польши.

Польское войско готовилось выступать, какъ вотъ, 20-го іюля, явился посолъ Алексѣя Михайловича, бояринъ Рѣпнинъ-Оболенскій съ товарищами. Аудіенція дана имъ во Львовѣ [5]). Они, по-прежнему, привезли требованія относительно пропуска въ титулѣ, показывали болѣе двух-

---

1) Лѣтоп. Величка. I. 138.
2) Histor. ab exc. Wlad. IV. 128.
3) Малорос. перепис. хранящ. въ Оруж. пал. 16.
4) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.
5) Рукоп. И. П. Б. разнояз. № 63.

сотъ писемъ многихъ польскихъ дворянъ съ ошибками въ титулѣ московскаго государя, требовали немедленно казнить ихъ смертью, жаловались на самого короля, который въ своихъ подлинныхъ грамотахъ дѣлалъ такія же ошибки, и требовали казни шляхтича Окуня за то, что въ Варшавѣ дурно отозвался о царѣ.

Паны отвѣчали на-отрѣзъ: здравый разсудокъ воспрещаетъ казнить людей смертною казнью безъ вины, тѣмъ болѣе, что ошибка въ титулахъ происходитъ не отъ коварства, а отъ недоразумѣній и невѣдѣнія.

«Съ нашей стороны,—прибавили они:—мы требуемъ прежде казни тѣхъ дворянъ московскихъ, которые пропускали бѣглыхъ козаковъ въ Московское Государство, а равно запрещеніе патріарху посвящать въ Польшу поповъ грекороссійской церкви».

Послѣ обоюдныхъ несогласій, бояринъ наконецъ заговорилъ въ первый разъ о Хмельницкомъ.

«Великій государь, его царское величество,—говорилъ бояринъ:—для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквѣй сдѣлаетъ брату своему, королевскому величеству, таковую *поступку*, что велитъ отдать вины людямъ, которые объявились въ пропискѣ въ государевомъ именованіи, если король и паны рады успокоить междоусобіе съ черкассами, возвратятъ православнымъ церкви, которыя были *оборочены* подъ унію, не будутъ впредь дѣлать никакого притѣсненія православнымъ и помирятся съ ними по зборовскому договору» [1]).

«Уніи,—отвѣчали паны,—король не можетъ истребить безъ нарушенія присяги; подъ Зборовомъ онъ никогда не обѣщалъ, чтобъ люди одной русской вѣры, а не униты жили въ Польшѣ; это то же, еслибъ мы требовали истребить въ Московскомъ Государствѣ старинную греческую

---

[1]) Полн. собр. зак. Росс. Имп. I. 298.

вѣру; но король позволяетъ жить въ своемъ государствѣ христіанамъ всѣхъ вѣроисповѣданій и утвердилъ права духовенства, какъ римско-католическаго, такъ и греческаго, слѣдуя примѣру предшественниковъ. Причиною междоусобій и мятежей отнюдь не греческая вѣра, которая въ Польшѣ никогда не была гонима, а запрещеніе козакамъ дѣлать самовольства, грабежи и обиды въ сосѣднихъ странахъ, безъ чего козаки не могутъ жить. Рѣчь Посполитая не можетъ уже мириться съ Хмельницкимъ ни по зборовскому, ни по бѣлоцерковскому договору, а помирится съ нимъ тогда, когда козаки останутся на прежнихъ основаніяхъ до междоусобія. Впрочемъ, если царь беретъ на себя посредничество въ примиреніи короля съ непокорными козаками, то будетъ-ли его величество отвѣчать за Хмельницкаго въ его повиновеніи, потому что онъ уже готовится принять турецкое подданство? Король предпринялъ идти съ войсками на козаковъ: если они положатъ оружіе и покорятся, то король даруетъ имъ прощеніе, а въ противномъ случаѣ, пусть московскій дворъ поможетъ намъ наказать этого мятежника какъ общаго врага».

Бояре не принимали отговорокъ и требовали немедленно мира съ козаками. Паны на-отрѣзъ отказались. Войско выступало въ походъ при глазахъ посредниковъ. Тогда бояринъ потребовалъ отпуска и, идя уже къ каретѣ, сказалъ панамъ послѣднее слово:

«Такъ какъ великій государь, его царское величество, для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, желая успокоить междоусобіе, хотѣлъ простить такихъ людей, которые за оскорбленіе чести государя достойны были смерти, но король Янъ Казимиръ и паны рады поставили это ни во что, поэтому великій государь, его царское величество, не будетъ терпѣть такого безчестія и не станетъ къ вамъ посылать своихъ пословъ, а

велитъ о всѣхъ вашихъ неправдахъ и о нарушеніи вѣчнаго договора писать во всѣ окрестныя государства къ государямъ христіанскимъ и бусурманскимъ, и за православную вѣру, и за святыя Божіи церкви, и за свою честь будетъ стоять, сколько подастъ ему помощи милосердый Богъ» [1]).

Поляковъ оскорбляло то, что московскій царь напоминалъ имъ о религіи. Они тогда говорили: никакое государство не имѣетъ права вмѣшиваться въ наши дѣла. Хорошее любопытство — знать, что дѣлается въ чужомъ домѣ! [2]).

Послѣ этого польское войско двинулось къ Галичу. «Мы шли,—говоритъ участникъ этого похода,—лѣсами и вертепами, потеряли довольно лошадей и людей; обломки покинутыхъ возовъ остались памятниками этого похода».

Поляки заложили обозъ между Галичемъ и Богуславцемъ, близъ памятника Хмелецкому, одержавшему побѣду надъ татарами. Тамъ они стояли около двухъ недѣль и въ это время послали Донгофа съ пятью тысячами на помощь Кондрацкому и Клодзинскому [3]).

Поляки не знали, куда и съ какимъ намѣреніемъ отошелъ Хмельницкій и были въ нерѣшимости, куда имъ слѣдовать: въ Молдавію-ли, куда призывали ихъ союзники, или въ Украину? Ляндскоронскій настаивалъ, чтобъ король шелъ въ Украину и поспѣшилъ уничтожить мятежъ, пока Хмельницкій находится въ неблагопріятномъ положеніи. Не таково было мнѣніе Любомирскаго, опытнаго совѣтника, постояннаго соперника короля. Онъ доказывалъ, что поляки обязаны теперь помогать союзникамъ; что, уничтоживъ Тимоѳея, они еще болѣе ослабятъ Хмельницкаго, а сами усилятся, и тѣмъ успѣшнѣе могутъ подавить возстаніе.

---

[1]) Полн. собр. зак. Росс. Имп. I. 299.

[2]) Рук. И. П. Б. разнояз. poligr. F. 133.

[3]) Рук И. П. Б. разнояз. Miscell. № 63.

Король не зналъ, чтó ему предпринять и приказалъ двинуться на Подоль, намѣреваясь поступить по обстоятельствамъ. Опять поляки совершали трудный путь по тѣснинамъ и дурнымъ переправамъ и стали обозомъ, сначала подъ Гусятиномъ, а потомъ перешли къ Каменцу. Поляки стали на такомъ пунктѣ, чтобъ преградить украинскому гетману дорогу, если онъ пойдетъ на помощь къ сыну. Янъ Казимиръ изъ обоза тріумфально въѣзжалъ въ Каменецъ; звонъ колоколовъ, стрѣльба изъ пушекъ, праздничное убранство цѣховъ, веселая музыка и крики: «виватъ»— все ободряло поляковъ. Безпрестанно къ нимъ прибывали новыя силы. Паны пріѣзжали въ обозъ со своими командами; панъ польный писарь привелъ 600 человѣкъ, панъ подчашій—700, коронный маршалъ—нѣсколько сотъ; все это были воины красиво вооруженные; воеводства посылали своихъ лановыхъ. Изъ нѣкоторыхъ русскихъ городовъ и мѣстечекъ приходили депутаты съ повинною; изъ этого поляки заключили, что Хмельницкій потерялъ свою нравственную силу надъ народомъ, твердили, что хлопы, испытавъ неудобства козацкаго правленія, рады повиноваться своимъ добрымъ панамъ и ихъ дозорцамъ [1]).

Хмельницкій, получивъ отвѣтъ на свое посольство, прибылъ въ Переяславль и, 13-го августа, разослалъ по всей Украинѣ универсалъ: онъ оповѣщалъ всѣмъ сословіямъ украинскаго народа о вѣроломствѣ поляковъ, которые привлекли, на пагубу Украинѣ, седмиградскаго князя и волоховъ; извѣщалъ, что очечество въ крайней опасности, и приглашалъ безъ замедленія оставлять всякія хозяйственныя занятія и даже жатву, и спѣшить въ вооруженіи въ Чигиринъ, чтобъ оттуда идти умирать, какъ выражался гетманъ, на *достославномъ полѣ битвы и принять отъ*

[1]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

десницы Всевышняго страдальческій вѣнецъ за истину [1]. Такое же посланіе отправлено было къ запорожцамъ.

Въ то же время Хмельницкій послалъ деньги въ Турцію, стараясь снова расположить въ свою пользу продажный дворъ. Хмельницкій увѣрялъ визиря, что Ракочи, соединившись съ поляками, думалъ освободиться изъ подданства Турціи, а для того-то и поставляетъ новаго господаря въ Молдавіи, дабы ослабить силу турецкой власти въ подунайскихъ земляхъ и имѣть для себя союзниковъ противъ турокъ,—что онъ въ заговорѣ противъ Турціи съ римскимъ императоромъ и Венеціею. Визирь, хотя и не былъ совершенно расположенъ въ пользу козачества, ясно видя, что Хмельницкій его обманываетъ, однако боялся допустить усилиться Ракочи, поэтому и обѣщалъ Хмельницкому помощь, хотя изъявилъ ему отъ имени падишаха неудовольствіе за самовольное вторженіе сына Хмельницкаго въ предѣлы земель, составлявшихъ Турецкую имперію. «Великому государю нашему,—писалъ визирь,—учинилось къ прогнѣвленію то дѣло, что сынъ твой съ ратными людьми вошелъ въ тѣ государства, которыя есть отчина нашего великаго государя, а тѣхъ государствъ господари, что межъ собою ссорятся, нашего великаго государя холопы. Ты, достовѣрный другъ нашъ, самъ вѣдаешь, что нашъ великій государь самодержавенъ и грозенъ, всѣ подданные его имѣютъ надъ собою страхъ и пребываютъ въ его повелѣніи и никто безъ воли его, великаго государя, не смѣетъ въ его государеву отчину вступить. Ты долженъ всегда это помнить, учинившись въ подданствѣ нашему великому государю, ты долженъ оберегать честь его государскую и творить его повелѣнія; если вы будете ходить этимъ путемъ и подобострашіе надъ собою имѣть, то вамъ день ото дня прибудетъ чести предъ иными нашими под-

---

[1]) Лѣтоп. Величка. I. 139—142.

данными. Унимай же своихъ ратныхъ людей и не вели имъ входить въ государство государя нашего: мы уже не одинъ разъ посылали къ хану крымскому повелѣніе, чтобъ шелъ къ вамъ на помочь, а ты сына своего возьми къ себѣ, и отпусти безъ задержанія посланнаго нашего; мы же челобитья ваши, друга нашего, будемъ доносить съ радѣніемъ великому государю нашему, четвертой части земли владѣтелю» [1]). Турецкая имперія въ это время была близка къ разложенію. На престолѣ сидѣлъ несовершеннолѣтокъ, при дворѣ господствовали гаремныя интриги, визири смѣнялись одинъ за другимъ; обыкновенно, смѣненный былъ казненъ смертію, а въ областяхъ происходили возмущенія; въ столицѣ безчинствовали янычары, усилившіеся до того, что составляли въ государствѣ настоящее правительство. Во внѣшнихъ дѣлахъ турки также не были счастливы. Венеціане одерживали надъ морскими турецкими силами побѣду за побѣдою. Въ такомъ положеніи мало можно было надѣяться пользы отъ союза съ Турціею, хотя и опасности отъ ней, въ ея тогдашнемъ состояніи, нельзя было бояться. Хмельницкій безстрашно манилъ быстро смѣнявшихся визирей подданствомъ козаковъ и въ Константинополѣ считали ихъ подданными падишаха. Но народъ южнорусскій и самые козаки не показывали расположенія къ турецкому господству и когда въ іюнѣ 1653 года, въ виду угрожавшей войны съ поляками, въ Тарнополѣ Хмельницкій, по поводу прибывшаго турецкаго посольства, заговорилъ на радѣ о такомъ господствѣ, поднялся рѣшительный ропотъ и отказъ даже слушать турецкаго посла [2]).

Другое посольство отправлено къ хану. Не трудно было снова преклонить его. Вѣроломный союзникъ остался въ

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 494.

[2]) Jak. Michał. Xięga pam. 666.—Jerlicza Latop. I. 148.

проигрышѣ отъ своей берестечской измѣны. Поляки приписывали побѣду своему искуству, а отнюдь не потачкѣ хана и, считая себя вправѣ разорвать утѣснительный зборовскій договоръ, перестали платить дань крымскому повелителю. Ханъ приказалъ крымскимъ и кизильбашскимъ ордамъ собираться въ походъ [1]). Исламъ-Гирей, съ своей стороны, старался расположить Турцію въ пользу своего предпріятія и представлялъ визирю, что въ настоящее время слѣдуетъ не давать Польшѣ усиливаться и отнять у ней Украину, какъ будто въ пользу Хмельницкаго, а впослѣдствіи можно будетъ легко завоевать ее и подчинить Турціи [2]).

Третье посольство отправлено было въ Москву. «Извѣщаю ваше царское величество,—писалъ Хмельницкій,—что король уже идетъ въ Украину, но мы, не хотя отдать на поруганіе церквей и монастырей Божіихъ и христіанъ на мучительство, бьемъ челомъ, чтобъ великій государь насъ пожаловалъ и приказалъ поскорѣе послать къ намъ помощь. Если ваше царское величество и теперь не сжалишься надъ провославными христіанами, просящими у тебя милости со слезами, то иновѣрцы насъ подобьютъ подъ себя и мы, по-неволѣ, должны будемъ чинить ихъ волю. Уже царь турецкій прислалъ къ намъ въ обозъ въ Борки своего посланца, приглашая въ подданство себѣ, но я ему отказалъ, надѣясь на государеву милость; а если ты, великій государь, насъ не пожалуешь и не примешь къ себѣ, тогда мнѣ остается свидѣтельствоваться Богомъ, что я многократно просилъ у государя милости и не получилъ. Но съ польскимъ королемъ у насъ мира не будетъ ни за что» [3]).

Въ началѣ августа Хмельницкій отправилъ сына Тимоѳея къ Молдавіи съ 20,000 козаковъ и съ нимъ двѣ

---

[1]) Wojna dom. Ч. 3. 97.—Кратк. истор. о бунт. Хмельн. 46.

[2]) Кратк. ист. опис. о Мал. Росс. 26.

[3]) Полн. собр. зак. Рос. Имп. I. 299.

тысячи татаръ съ ногайскимъ мурзою, которые соединились съ козаками у Калниболота [1]), а самъ на короткое время пріѣхалъ въ Суботово отдохнуть и сталъ ѣздить по своимъ пасѣкамъ и пить горилку. Тутъ пріѣхалъ къ нему царскій гонецъ Иванъ Ѳоминъ. Это былъ уже второй гонецъ: только что передъ нимъ былъ у него отъ царя стольникъ Ладыжинскій. Иванъ Ѳоминъ сообщалъ Хмельницкому, какъ и Ладыжинскій, что царь ожидаетъ какъ окончится посольство въ Польшу Рѣпнина-Оболенскаго и какъ узнаетъ, тогда послѣдуетъ царскій указъ. «Ты гетманъ Богданъ и ты писарь Иванъ и все войско запорожское на его государеву милость будьте надежны», говорилъ подъячій. — «У насъ, — сказалъ Хмельницкій, — и на умѣ того не было, чтобы съ поляками мириться, потому что подъ Зборовомъ и Бѣлою-Церковью они съ нами мирились и присягали и въ присягѣ своей не устояли. Пусть только его царское величество изволитъ прислать намъ ратныхъ людей, а я напишу листы въ Оршу, Могилевъ и иные бѣлорусскіе города: бѣлорусскіе люди тотчасъ начнутъ биться съ ляхами, а ихъ будетъ тысячъ двѣсти». Нѣсколько дней послѣ того Хмельницкій угощалъ царскаго гонца, потомъ на прощанье, 19-го августа, пріѣхалъ къ нему самъ. Подъячій описываетъ этотъ пріѣздъ такъ: гетманъ отслушалъ молебное пѣніе въ церкви Воскресенья и поѣхалъ ко двору, который отвели подъ постой царскому гонцу. Передъ гетманомъ вели двѣ лошади, накрытые попонами, трубачи играли на трубахъ, а позади гетмана ѣхало сто провожатыхъ козаковъ. Подъѣхавъ къ воротамъ, гетманъ слѣзъ съ лошади; всѣ провожавшіе его козаки также слѣзли съ лошадей и пошли за нимъ во дворъ. Гетманъ уже былъ пьянъ и сѣлъ было на дворѣ, но царскій гонецъ попросилъ его въ свѣтлицу. Тутъ Хмельниц-

[1]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 253.

кій говорилъ ему: «турецкій императоръ задержалъ было моего посланника Ильяша за то, что сынъ мой воевалъ волошскую землю, а какъ услышалъ, что я бью челомъ царю московскому о подданствѣ, тотчасъ отпустилъ Ильяша; турокъ боится, чтобъ великій государь не послалъ рати на его землю».—«Мнѣ сказывали,—говорилъ подъячій,—что къ тебѣ на помощь пришли крымцы».—«Да, правда,—сказалъ Хмельницкій, — и я съ ними иду на войну. Пусть только государь изволитъ принять насъ въ вѣчное подданство и пошлетъ намъ поскорѣе на помощь своихъ государевыхъ людей, а мы, кромѣ его, великаго государя, никому не бьемъ челомъ и не хотимъ поддаться. Крымскіе ханы и мурзы мнѣ друзья и меня послушаютъ и они съ татарами будутъ у его царскаго величества вѣчно въ холопствѣ. Теперь-то время пришло и подоспѣло счастье великаго государя. Иныя земли, которыя къ намъ близко подошли, будутъ у него, великаго государя, въ подданныхъ» [1]).

Козацкое войско увеличивалось; число собственно козаковъ простиралось до пятидесяти девяти тысячъ, изъ нихъ девять тысячъ было запорожцевъ, а остальные украинскіе козаки [2]).

Уже не было тогда одушевленія прежнихъ годовъ; безпрестанныя опустошенія наскучили народу. Къ тому же случился неурожай: до 12,000 народа ушло на Низъ, другіе продолжали переселяться въ Московщину. Приказаніе Хмельницкаго оставить сельскія занятія и работы и спѣшить въ его войско, повторяемое уже другой годъ, возбуждало въ народѣ ропотъ и даже сопротивленіе. Хмельницкій побуждалъ къ повиновенію жестокими мѣрами.

---

[1]) Акты Ю. и З. Р. Томъ III. 505–507.
[2]) Лѣтоп. Величка. I. 143.

Лоевцы вздумали ослушаться и не пошли работать укрѣпленія; за это Хмельницкій приказалъ жечь Лоевъ [1]).

Хмельницкій, точно какъ и враги его, былъ въ нерѣшимости, куда ему идти. Съ одной стороны, сынъ его просилъ скорѣе прибыть на помощь, съ другой—Украинѣ угрожало вторженіе поляковъ. Онъ рѣшился еще разъ вести переговоры съ поляками; посылать своихъ онъ боялся, чтобы и другаго посланника не задержали у себя ляхи, какъ Ждановича. Онъ послалъ къ королю плѣннаго шляхтича Полицкаго съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ миръ. Эта попытка пуще раздражила и ободрила поляковъ: «значитъ, — говорили они, — Хмельницкій боится насъ и не вѣритъ въ свои силы, теперь-то и нужно его уничтожить» [2]).

Сочавскій замокъ, на берегу Серета, избранъ былъ убѣжищемъ господаршею, какъ по причинѣ его неприступности, такъ и по близости къ Украинѣ, откуда можно было ожидать помощи отъ Хмельницкаго. Первоначально вошли въ крѣпость двѣ тысячи двѣсти молдаванъ, изъ которыхъ тысяча человѣкъ пѣхоты были наняты на счетъ господарши. Стефанъ съ нѣсколькими тысячами молдаванъ своей партіи явился подъ Сочавою, а Ракочи послалъ къ нему 10,000 седмиградчанъ подъ командою Петки Иствана, Микес-Мигали и Келемена съ тѣмъ, чтобы снова посадить Стефана на господарскомъ престолѣ и оставаться въ Молдавіи до тѣхъ поръ, когда власть Стефана совсѣмъ укрѣпится. Они расположились становъ подъ Сочавою, намѣреваясь добыть господаршу и всѣхъ державшихся стороны Лупула. Василій Лупулъ остался въ Рашковѣ. Тимошъ поспѣшилъ на выручку осажденнымъ въ Сочавѣ, а за Тимошемъ вслѣдъ шелъ другой козацкій отрядъ подъ начальствомъ искуснаго и опытнаго вождя, кальницкаго пол-

[1]) Рук. Имп. П. Б. польс. №. 133.
[2]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

ковника Николая Өедоренка. Число вошедшихъ въ предѣлы Молдавіи козаковъ простиралось, по сказанію однихъ историковъ, до семи тысячъ [1]), а по сказанію другихъ — до двѣнадцати тысячъ [2]). За милю отъ Днѣстра близъ пустого города Сороки, въ селѣ Цыпиловѣ, козаки напали на двухтысячный отрядъ, поставленный Стефаномъ Гергицею въ качествѣ сторожевого. Нападеніе сдѣлано было въ то время, когда эти люди спали: нѣкоторыхъ побили, другихъ взяли въ плѣнъ, иные ушли [3]). Тимошъ, провѣдавши заранѣе о всѣхъ движеніяхъ своихъ враговъ, какъ только перешелъ черезъ Днѣстръ, тотчасъ раздѣлилъ свое войско: четыремъ тысячамъ указалъ идти вверхъ Днѣстра и расположиться въ заросляхъ, а самъ съ восемью тысячами пошелъ впередъ, давши волю козакамъ грабить, разорять и сожигать все на пути: этимъ думалъ онъ, давши знать о своемъ появленіи расположеннымъ подъ Сочавою непріятелямъ, искусить ихъ на выступленіе изъ стана для битвы, а между тѣмъ четыре тысячи, поставленныя въ засадѣ, должны овладѣть ихъ укрѣпленнымъ становъ. Ему удалось. Стефанъ Гергица оставилъ въ окопахъ 200 молдаванъ и 300 доставленныхъ Ракочіемъ секлеровъ и бросился на козаковъ. Въ это время, составлявшіе засаду козаки овладѣли станомъ подъ Сочавою и начали тотчасъ же въ немъ укрѣпляться. Стефанъ и бывшій съ нимъ Петка Истванъ поворотили свои силы назадъ къ Сочавѣ, но уже не могли выбить засѣвшихъ тамъ козаковъ. Стефанъ Гергица и его седмиградскіе союзники принуждены были устроивать себѣ подъ Сочавою другой окопанный станъ. Около двухъ мѣсяцевъ велись каждый день ожесточенныя схватки. Тутъ-то Стефанъ выпросилъ себѣ

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 377.

[2]) Лѣтоп. Величка. I. 145.

[3]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 503

помощь поляковъ, а Ракочій въ сентябрѣ прислалъ къ нему своего лучшаго полководца Януша Кемени съ двухъ-тысячнымъ отрядомъ и съ двѣнадцатью большими пушками. Господарша съ вѣрными Лупулу молдаванами находилась въ сочавскомъ замкѣ, а Тимошъ съ козаками въ станѣ, отнятомъ у непріятеля. Станъ былъ обведенъ двойнымъ валомъ, а на валахъ вверхъ остріемъ были натыканы косы, служившія большою обороною, такъ какъ на нихъ нарывались и погибали многіе удальцы; кромѣ того, защитою служилъ глубокій ровъ вокругъ стана [1]. Прибытіе польскаго войска усилило Стефана. Сочава держалась. Козаки въ станѣ подъ Сочавою оборонялись съ чрезвычайнымъ мужествомъ: ни искуство, ни храбрость венгровъ, предводительствуемыхъ Янушемъ Кемени, не могли ничего сдѣлать. Вылазки козаковъ были часты, неожиданны и гибельны; предводители, утомившись, хотѣли уже оставить осаду, но тутъ явился еще новый польскій отрядъ изъ Бара; начальникъ его, старикъ Гувальтъ, пристыдилъ осаждавшихъ насмѣшками надъ трусостью и уговорилъ кончить начатое. Осажденные продолжали обороняться съ прежнею отвагою, хотя припасы ихъ истощались: они должны были довольствоваться тремя колодцами съ дурною и не изобильною водою. Поляки отняли у нихъ лучшую воду, заперли теченіе водопровода изъ Серета.

Тутъ пріѣхалъ отъ польскаго короля уполномоченнымъ Маховскій и послалъ предложеніе сдать замокъ. Господарша отвергла его съ презрѣніемъ. «Эта женщина, говоритъ современникъ, показала тогда, что у ней душа была выше ея пола» [2]; съ неутомимою дѣятельностью она лично всѣмъ завѣдывала, раздавала воинамъ муку, мясо, на-

---

[1]) Kraus. Siebenbürg.—Chron. I. 212.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 385.

питки, воду, сыпала козакамъ деньги; поддерживала къ себѣ любовь молдаванъ привѣтливостью и обѣщаніями; безпрестанно увѣряла, что они скоро будутъ избавлены, что Хмельницкій уже недалеко и скоро явится въ тылъ осаждающимъ. Безъ сомнѣнія, такъ бы и случилось, еслибъ неожиданное несчастіе не разрушило всѣхъ надеждъ.

Въ союзное осадное войско прибылъ Димитрій Вишневецкій, непримиримый врагъ Тимоѳея, отбившаго у него невѣсту. Онъ не зналъ соперника въ лицо, и посулилъ большія деньги тому, кто его укажетъ. Трое шляхтичей, взятые въ плѣнъ козаками и спасенные Тимоѳеемъ отъ смерти, взялись услужить князю. И вотъ, однажды, когда Тимоѳей ходилъ по валу между пушками, предатели указали на него. Инженеры направили туда колюбрину (такъ назывался тогда родъ пушекъ); ядро попало въ возъ, на которомъ стояла козацкая пушка; осколки дерева ударили Тимоша въ ногу и въ голову, и козаки отнесли въ замокъ предводителя окровавленнаго, безъ чувствъ [1]). По другому извѣстію разсказывается иначе: «Тимошъ, по козацкому обычаю, любилъ выпить до-пьяна и укладывался спать подъ шатромъ. Перебѣжчикъ изъ Сочавы указалъ польскимъ пушкарямъ мѣсто, гдѣ отдыхаетъ сынъ Хмельницкаго. Пушкарь направилъ туда орудіе, ядро попало въ сундукъ, стоявшій подлѣ спавшаго Тимоша. Осколокъ дерева повредилъ ему бедро, рана была опасная». «У него,—говоритъ одинъ полякъ:— была испорчена кровь отъ распутства: онъ перебралъ многихъ боярынь изъ свиты господарши своей тещи» [2]). Подобные слухи распускали поляки о своихъ врагахъ. Седмиградскій источникъ разсказываетъ, что Тимошъ хо-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 386. —Лѣтоп. Величка. I. 146.—Histor. ab exc. Wlad IV. 129.

[2]) Рук. И. П. Б разнояз. Misc. № 63.

тѣлъ понудить къ преступной связи съ собою свою тещу, которая, природная черкешенка, была рѣдкой красоты и сохранила ее даже въ лѣтахъ приближавшихся къ старости. Господарша съ трудомъ отбилась отъ его объятій, давши обѣщаніе прислать въ его шатеръ одинадцать женскаго пола особъ изъ своей свиты. Это было ею исполнено и Тимошъ выбралъ изъ присланныхъ трехъ, съ которыми каждый день забавлялся по-очереди; во время такой забавы постигла его смерть отъ выстрѣла, направленнаго по указанію одного трубача—перебѣжчика изъ козацкаго стана въ польскій, который, бывши прежде хлопомъ, за такую услугу получилъ свободу отъ своего пана [1]). «Явная небесная кара!...» восклицаетъ современный польскій историкъ, убѣжденный, что ядро, какъ громъ, убиваетъ не по нѣкоему случаю, а по начертанію высшаго правосудія [2]).

Козаки немедленно послали нарочнаго къ Хмельницкому. Не смотря на трудность прохода, гонецъ успѣлъ пробраться, но напрасно! Черезъ четыре дня Тимошъ скончался отъ антонова огня [3]). Господарша показала здѣсь въ высшей степени свое геройство. Она скрыла тѣло Тимоша, увѣряла, что онъ живъ, а между тѣмъ отдала команду Ѳедоренку и употребляла всѣ силы, чтобъ обороняться до прихода Богдана [4]).

Ѳедоренко съ козаками сдѣлалъ сильную вылазку, ударилъ на венгровъ и поляковъ и поразилъ такъ, что они потеряли множество убитыми и ранеными [5]). Они обратились въ бѣгство; побѣдители бросились расхищать лагерь. Но Кондрацкій и Донгофъ успѣли остановить бѣгущихъ:

---

[1]) Kraus. Siebenbürg.—Chron. I. 216—217
[2]) Wojna dom. Ч. 3. 99.
[3]) Истор. Мал. Росс. I. 292.
[4]) Annal. Polon. Clim. I. 386.
[5]) Лѣтоп. Величка. I. 146.

собравшись, они дали отпоръ; Ѳедоренко отступилъ въ крѣпость [1]).

Съ тѣхъ поръ храбрость давала козакамъ рѣшительный перевѣсъ; но обманъ не могъ продолжаться: козаки узнали, что Тимоша нѣтъ на свѣтѣ и взволновались. Изъ страха и уваженія они жертвовали жизнью за Хмельницкаго, но когда его не стало, имъ казалось излишнимъ подвергать себя гибели изъ-за чужихъ. Тогда господарша бросилась въ толпу и со слезами начала ихъ упрашивать. «Вы,—говорила она,—геройски сражались за живого своего полководца. Ужели теперь потеряете славу свою? Ужели предательски оставите меня, бѣдную сироту? Вспомните, что я родила ту, которая теперь носитъ во чревѣ плодъ Тимоѳея... еще нѣсколько дней—явится Богданъ; онъ уже близъ Умани и идетъ освободить насъ: вы будете спасены со славою и честью!»

Ея просьбы, ея мужество и рѣшимость обуздали на время козаковъ. Толпа привѣтствовала ее восклицаніями. Поднимая къ небу правыя руки, козаки обѣщали стоять за нее вѣрно до послѣдней капли крови [2]). Между тѣмъ, союзники усилили свои натиски: изъ польскаго королевскаго лагеря пришло извѣстіе, что Хмельницкій идетъ спасать осажденныхъ, а ханъ присоединяетъ свои орды къ нему на помощь. Король требовалъ, чтобъ Кондрацкій и Донгофъ постарались, какъ можно скорѣе, взять Сочавскую крѣпость [3]). Козаки, ободряемые господаршею и Ѳедоренкомъ, были въ безпрестанныхъ битвахъ, но голодъ между ними усиливался до того, что, лишенные хлѣба и воды, они грызли кожу [4]); изъ двадцати тысячъ остава-

---

[1]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 129.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 387.

[3]) Лѣтоп. Величка. I. 147.

[4]) Истор. Мал. Росс. I. 291.

лось въ живыхъ только восемь тысячъ [1]). Они съ часу на часъ дожидались Богдана, но Богданъ не приходилъ, а между тѣмъ, вмѣсто избавителей, могъ появиться къ нимъ польскій король съ войскомъ. Снова началось волненіе. Одни не надѣялись пощады отъ поляковъ, которыхъ раздражали упорствомъ [2]), истребивъ нѣсколько тысячъ союзниковъ во время осады [3]); другіе, напротивъ, изнуренные голодомъ, выбивались изъ силъ и готовы были сдаться, тѣмъ болѣе, что Маховскій нѣсколько разъ предлагалъ имъ пощаду отъ имени короля. Ѳедоренко предпочиталъ смерть сдачѣ. Но тогда господарша, видя крайность, сама сказала полковнику: «Уже теперь дѣться некуда; намъ бѣда не только отъ враговъ, но и отъ своихъ, потому что, съ часу на часъ, надобно ожидать явнаго возмущенія: если среди внутренняго безпорядка враги возьмутъ насъ, то истребятъ всѣхъ огнемъ и мечомъ, а если мы сдадимся на честныя условія, то спасемъ жизнь, свободу и имущества». Ѳедоренко послалъ трубача къ Кондрацкому [4]). «Мы готовы сдаться на предложенія отъ имени короля, — извѣщалъ онъ: — но знайте, что хотя козаки въ крайнемъ положеніи, хотя голодъ терзаетъ насъ и оружіе непріятельское не даетъ намъ ни на минуту покоя, однако мы готовы лучше, защищаясь, положить свои головы, какъ прилично храбрымъ, чѣмъ купить жизнь цѣною такой сдачи, которая будетъ гнусною» [5]).

Кондрацкій сообщилъ предложеніе Ѳедоренка Маховскому и Кемени [6]). Полководцы чрезвычайно обрадова-

---

[1]) Лѣтоп. Величка. 146.
[2]) Wojna dom. Ч. 3. 99.
[3]) Лѣтоп. Величка. I. 146.
[4]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 129.
[5]) Annal. Polon. Clim. I. 388.
[6]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 129.

лись, потому что боялись прибытія Хмельницкаго [1]). Немедленно составили и отослали Ѳедоренку предложенія такого содержанія:

«Козаки должны присягнуть въ вѣрности королю и Рѣчи Посполитой и въ сохраненіи пріязни къ седмиградскому князю и обоимъ волошскимъ господарямъ; положить предъ генералами и коммиссарами знамена, въ знакъ покорности и примиренія, и взять потомъ съ собою, исключая десяти, подъ которыми войдутъ въ польскій лагерь; положить также всѣ пушки и оружіе, и взять ихъ съ собою подъ клятвою, не обращать противъ союзниковъ, ни подъ какимъ предлогомъ не брать съ собою ничего, принадлежащаго собственно крѣпости, а также оставить имущество Тимоѳея и все, взятое во время войны въ молдавскихъ церквахъ; никого чужого не уводить съ собою, и не оказывать на пути въ Украину никакихъ непріязненныхъ дѣйствій. Господаршѣ предоставлено ѣхать съ своимъ сыномъ, со всею свитою и имуществомъ, куда ей угодно, а все, принадлежавшее бывшему господарю, казенное и боярское, должно перейти въ распоряженіе новаго господаря, Стефана» [2]).

Ѳедоренко принялъ условія. Впослѣдствіи носились слухи, что Кондрацкій, услышавъ о приближеніи Хмельницкаго и не желая со стыдомъ бѣжать изъ-подъ Сочавы, подкупилъ Ѳедоренка за большія деньги согласиться на мирныя условія. Скорую, послѣ того, смерть Кондрацкаго нѣкоторые приписывали ипохондріи, которая постигла его отъ горести о потерянныхъ деньгахъ [3]).

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 390.

[2]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 130. — Annal. Polon. Clim. I. 388. — Кратк. опис. о бунт. Хмельн. 49.—Wojna dom. Ч. 3. 100.—Лѣтоп. Величка. 147.—Ks. Pam. Jak. Mich. 688.—Рук. Имп. Библ. Misc. № 63.—Engels Geschichte der Moldawien.265— 272.—Geschichte der Wallachey стр. 296.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 390.

Какъ бы то ни было, 9-го октября Ѳедоренко, въ сопровожденіи сотниковъ и старшины, явился въ польскій лагерь и, въ присутствіи военачальниковъ, съ поднятыми вверхъ двумя пальцами, произнесъ предъ евангеліемъ присягу въ томъ, что козаки не будутъ предпринимать ничего непріязненнаго противъ Польши и союзниковъ [1]). Стефанъ вступилъ въ замокъ. «Жена Лупула,—говоритъ современникъ,—съ твердостью встрѣтила супругу соперника, теперь заступившую ея мѣсто [2]) и, сохраняя свое достоинство, уѣхала съ приближенными женщинами. Есть извѣстіе, что Стефанъ не отпустилъ ее безъ мщенія: онъ приказалъ распороть ноздри сыну Василія, чтобъ онъ не могъ быть господаремъ по причинѣ уродства» [3]). Узнавши о такомъ поруганіи роднаго дѣтища, злополучная мать чуть не умерла отъ скорби. Есть иное извѣстіе о судьбѣ сына Лупула—что онъ во время битвы подъ Сочавою былъ, подобно Тимошу, убитъ пушечнымъ выстрѣломъ [4]). Говорятъ, что и съ господаршею побѣдитель поступилъ довольно великодушно: онъ далъ ей на содержаніе имѣнія на семиградской границѣ [5]). Взявши Сочаву немного поживился новый господарь, какъ ожидалъ, думая что богатства Лупула несметны. Предусмотрительный Лупулъ заранѣе пустилъ свои капиталы въ оборотъ, раздавши на проценты венеціанскимъ, амстердамскимъ и гданскимъ негоціантамъ [6]). Сверхъ того разсказывали, что когда онъ убѣжалъ изъ Молдавіи, то недалеко отъ Днѣстра зарылъ везомое съ собою золото и, дабы не могли его отыскать другіе, убилъ служителей, которые копали землю, чтобы опустить

---

[1]) Ibid. I. 389.—Лѣтоп. Величка. I. 148.—Jak. Michał. 683.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 390.

[3]) Истор. Мал. Росс. I. 292.

[4]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 688.

[5]) Kraus. Siebenbürgische Chron. I. 200.

[6]) Annal. Polon. Climacter. I. 390.—Wojna dom. III. 101.

въ нее сокровища [1]). Побѣдителю въ Сочавѣ досталось не мало драгоцѣнныхъ камней и дорогихъ металлическихъ вещей, но это было большею частію раздарено поздравлявшимъ съ побѣдою новаго господаря [2]). Въ знакъ благодарности Стефанъ послалъ въ даръ польскому королю сто яловицъ, триста барановъ и восемьдесять бочекъ вина и меда къ столу [3]), заявляя вмѣстѣ съ тѣмъ готовность съ своими подвластными служить къ пользѣ Рѣчи Посполитой. Поляки изъ Сочавы взяли себѣ нѣсколько орудій и съ этой добычею отправились къ стану своего короля [4]).

Хмельницкій, получивши извѣстіе о ранѣ сына посреди своихъ приготовленій къ защитѣ Украины противъ нашествія короля, готоваго вступить въ русскую землю, въ порывѣ горести, перемѣнилъ свои планы и рѣшился двинуться въ Молдавію. Уже онъ разсылалъ три раза универсалъ, призывая всѣхъ козаковъ идти спасать его сына. Охотники находились. Прибыло на помощь къ Хмельницкому даже двѣ тысячи донцовъ [5]). Но окружавшіе гетмана старшины не слишкомъ горячо брались за дѣло, касавшееся семейства своего гетмана. На собранной радѣ полковники сказали: «Не потребно намъ чужу землю обороняти, а свою безъ остереганья метати; потреба намъ за себе стояти и свою землю обороняти». Гетманъ, бывъ тогда пьянъ, взбѣсился и саблею ударилъ по рукѣ черкасскаго полковника Ворончевка, но потомъ, опомнившись и, вѣроятно, увидѣвъ, что эта горячность еще болѣе вооружила противъ него подчиненныхъ, просилъ прощенія, три раза поклонился козакамъ въ землю, выкатилъ имъ меду и сквозь слезы умолялъ ихъ: «Дітки мои! Напийтеся

---

[1]) Kraus. Siebenbürg. Chron. I. 200.

[2]) Кратк. истор. о бунтахъ Хмельн. 49.

[3]) Wojna domowa III. 101.—Jak. Michał. Xięga Pam. 691.

[4]) Annal. Polon. Climacter. I. 390.

[5]) Jak. Michał. Xięga Pamiętn. 668.

та и мене не подайте!» Такая кротость восхитила вольныхъ козаковъ.

«Пане гетмане! — кричали козаки: — нехай твоя воля буде, а мы съ тобою усі готові» [1]).

Хмельницкій оставилъ для обереганія Украины полки: нѣжинскій, переяславскій и черниговскій, подъ наказнымъ начальствомъ Золотаренка и приказалъ ему стать подъ Черниговомъ, на случай вторженія литовскаго войска [2]). Въ Бѣлоруссію посланъ былъ съ козацкимъ отрядомъ Подобайло для возмущенія хлоповъ. Онъ разглашалъ, что московскій царь идетъ освободить ихъ отъ насилія польскихъ пановъ [3]). Козаки тѣмъ легче согласились идти въ Молдавію, что и война противъ поляковъ должна была разыграться въ этой странѣ, или въ ея сосѣдствѣ.

На дорогѣ неожиданно встрѣтилъ Богданъ козаковъ, возвращавшихся изъ Сочавы. Они везли съ собою гробъ Тимоѳея, покрытый двумя коврами. «Слава Богу! — сказалъ старикъ,—мой Тимоѳей умеръ какъ козакъ, и не достался въ руки враговъ» [4]).

Козаки представили ему плѣннаго польскаго ротмистра Могильницкаго. Вопреки договору, онъ напалъ на нихъ на пути и хотѣлъ отнять тѣло Хмельницкаго, но козаки разсѣяли отрядъ и взяли въ плѣнъ предводителя [5]). Польскій современникъ представляетъ это дѣло иначе и обвиняетъ въ вѣроломствѣ козаковъ. Могильницкій, по словамъ его, былъ данъ козакамъ для того, чтобъ привести ихъ въ королевскій лагерь для доставленія пушекъ; но на Днѣстрѣ, когда поляки вышли пасти лошадей, козаки напали на нихъ и насильно повлекли съ собою предводителя

---

1) Истор. Мал. Росс. I. прим. 302.

2) Лѣтоп. Самов. 21.

3) Annal. Polon. Clim. I. 392.

4) Истор. Мал. Росс. I. 293.

5) Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. 170.

въ Украину. Они обманули Кондрацкаго: они оставили ему четырехъ заложниковъ, выдавая ихъ за знатныхъ чиновниковъ, а потомъ объяснилось, что это были простые козаки [1]). Трудно рѣшить, кто правъ изъ историковъ воюющихъ между собою народовъ.

Хмельницкій приказалъ вести тѣло сына въ Чигиринъ, поставить въ церковь и не хоронить до своего возвращенія. Останки юноши были привезены, 22-го октября, въ Чигиринъ. Розанда Хмельницкая, родившая въ отсутствіе мужа двухъ близнецовъ, встрѣтила гробъ за городомъ, вмѣстѣ съ женою Богдана Хмельницкаго и дочерьми его. Погребальный звонъ сливался вмѣстѣ съ пушечными и ружейными выстрѣлами: такъ слѣдовало отдавать послѣдній долгъ рыцарю [2]).

Между тѣмъ отецъ съ двадцатью тысячами козаковъ шелъ далѣе; съ нимъ былъ изгнанный и безпріютный Василій Лупулъ. Ханъ слѣдовалъ Хмельницкому на помощь. Не безъ труда удалось Хмельницкому, вмѣстѣ съ Лупуломъ, упросить у хана дать изгнанному господарю двадцать тысячъ орды, чтобы спѣшить на выручку Сочавы. Но уже было поздно. Узнавши, что уже Сочава сдалась, Лупулъ воротился съ дороги. Дальнѣйшая судьба его была плачевна. Ракочи и господари молдавскій и валахскій вооружили противъ сверженнаго господаря диванъ и, въ угожденіе туркамъ, ханъ отправилъ Лупула въ Стамбулъ въ оковахъ. Тамъ его засадили въ Едикулъ и умеръ онъ въ заточеніи и въ нищетѣ, оставивъ по себѣ легендарное воспоминаніе о своихъ крезовскихъ сокровищахъ, разсыпавшихся прахомъ.

Простоявъ двѣ недѣли подъ Каменцемъ, поляки услышали о смерти Тимоша, очень обрадовались и разсудили, что теперь нечего ждать и слѣдуетъ идти

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 389.

[2]) Engels. Geschichte der Moldawien. 271.

въ Украину. Польскій король говорилъ своимъ панамъ, что онъ намѣренъ зимовать въ Кіевѣ [1]). Польское войско въ первыхъ числахъ октября двинулось по направленію къ Бару, но тутъ господари изъ подъ Сочавы прислали вѣсть, что Хмельницкій и ханъ со множествомъ ордъ буджацкихъ, черкасскихъ, добруджскихъ и ногайскихъ идутъ на нихъ [2]). Между панами сдѣлалось раздвоеніе; одни говорили: «незачѣмъ идти въ Украину; надобно воротиться и стать поближе къ сочавскимъ союзникамъ, чтобъ не подвергать ихъ опасности; другіе, напротивъ, доказывали, что если поляки отступятъ, то непріятель подумаетъ, что они робѣютъ и это придастъ ему бодрости. Среди раздумья чтó дѣлать, доставлены въ обозъ перехваченныя письма Хмельницкаго къ козакамъ, осажденнымъ въ Сочавѣ, гдѣ козацкій гетманъ обѣщалъ имъ скоро придти на помощь. Тогда мнѣніе, что слѣдуетъ отступать назадъ къ Каменцу, взяло верхъ. Вдобавокъ передовой отрядъ литовскаго конюшаго наткнулся подъ Баромъ на татаръ и принесъ страшную вѣсть, будто Хмельницкій и ханъ недалеко отъ Бара.

Вѣсть эта оказалась ложною; около Бара не было ни Хмельницкаго, ни хана; былъ только татарскій загонъ. Но поляки уже не пошли далѣе. Они думали, что непріятель гдѣ-нибудь недалеко. На насъ, стали тогда говорить осторожные, козаки и татары наскочутъ во время переправъ и будетъ съ нами то, что было подъ Зборовомъ [3]). Къ досадѣ отважныхъ, которымъ хотѣлось идти въ глубину русской земли и опустошать ее, также подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не разлучиться съ союзниками, поляки воротились подъ Каменецъ и остановились лагеремъ подъ

---

[1]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 680.

[2]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 668.

[3]) Рук. Имп. П. Библ. Miscell. № 63.—Wojna dom. Ч. III. 102.

Жванцемъ [1]), на берегу Днѣстра, противъ лежащаго за Днѣстромъ Хотина, въ пятнадцати верстахъ отъ Каменца.

Мѣстоположеніе, избранное польскимъ обозомъ, было очень выгодно для оборонительной войны: съ юга закрывалъ его Днѣстръ, съ сѣвера—большая болотистая долина рѣки Жванца, съ фронта—укрѣпленный замокъ, а съ запада—овраги и лѣса. Поляки сдѣлали мостъ на плашкотахъ черезъ Днѣстръ для сообщенія съ союзниками и насыпали спереди обоза баттареи [2]). Войско состояло изъ тридцати тысячъ польскихъ жолнѣровъ, двадцати, а по другимъ двадцати девяти тысячъ нѣмцевъ [3]) и восьми тысячъ новобранцевъ, присланныхъ изъ воеводствъ [4]); сверхъ того, на другой сторонѣ Днѣстра, около Хотина, стояли союзники: десять тысячъ венгровъ подъ начальствомъ Кемени и три тысячи волоховъ [5]). Польскіе писатели не показываютъ, какъ велико было число лановыхъ, а украинскій лѣтописецъ простираетъ число всего королевскаго войска около восьмидесяти тысячъ [6]). Можетъ быть и было такъ много народа въ польскомъ лагерѣ, потому что, кромѣ настоящихъ жолнѣровъ, поляки брали съ собою множество нефронтовыхъ слугъ и погонщиковъ, годныхъ къ битвѣ, которыхъ можно было употребить, при случаѣ, въ дѣло. Поляки получили радостное извѣстіе о взятіи Сочавы, а вслѣдъ затѣмъ прибыли въ обозъ послы отъ Ракочи и волошскихъ господарей съ желаніемъ счастія и успѣха польскому королю. 15-го октября въ обозѣ пѣли Te Deum и праздновали пораженіе козаковъ. Послы сед-

---

[1]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 685.

[2]) Рукоп. И. П. Библ. Misc. № 63.

[3]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 130.—Latop. Jerl. 157.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 394.

[5]) Ibid.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 130.—Jak. Michał. Xięga Pam. 685.

[6]) Лѣтоп. Величка. I. 151.

миградскаго князя представляли трудность помогать со стороны своего князя полякамъ, потому что самъ онъ вассалъ Турціи, и согласились, что Ракочи пришлетъ въ польское войско отрядъ въ качествѣ волонтеровъ. Дѣйствительно, послѣ того вскорѣ прибыло въ войско двѣ тысячи венгровъ подъ командою полковника Михаила Микѣши; волошскіе господари прислали также по тысячѣ волоховъ. Воевавшіе подъ Сочавой поляки присоединились къ своимъ [1]); силистрійскій паша, по взятіи Сочавы, двинулъ назадъ войска, предназначенныя для помощи Хмельницкому въ случаѣ необходимости [2]); онъ написалъ къ польскому канцлеру ласковое письмо [3]). Турція остерегалась столько же Хмельницкаго, сколько и Ракочи. Самъ ханъ, услышавъ о взятіи Сочавы, остановился и началъ снова охладѣвать въ своемъ предпріятіи. Такимъ образомъ много надеждъ представлялось полякамъ.

Надежды эти пока были пустыя. Хмельницкій обѣщалъ хану имущество Лупула, которое хотя на самомъ дѣлѣ растрепалось, но все еще въ воображеніи сосѣдей не потеряло своего легендарнаго блеска. Хмельницкій хану указывалъ, что теперь-то наступило самое удобное время уничтожить въ конецъ поляковъ [4]). Козацкій гетманъ составилъ тогда планъ войны очень замысловатый: онъ воспользовался мѣстностью, гдѣ стояли поляки, и научилъ хана послать татарскіе загоны на Волынь, чтобъ отрѣзать непріятельское войско отъ отечества [5]); онъ съ намѣреніемъ началъ медлить для того, чтобы продержать непріятеля до зимы [6]): онъ зналъ, что продовольствіе у поляковъ скоро истощится,

---

1) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

2) Лѣтоп. Величка I. 148.

3) Histor. ab exc. Wlad. IV. 130.—Jak. Michał. Xięga Pam. 693.

4) Annal. Polon. Clim. I. 391.

5) Ibid. I. 392.

6) Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. 171.

что воины, не получая жалованья, не запасшись на зиму теплымъ платьемъ, не станутъ служить, и готовился напасть на враговъ тогда, когда уже они дойдутъ до критическаго положенія. На сторонѣ Хмельницкаго было много выгодъ: онъ зналъ все, что дѣлалось въ польскомъ лагерѣ, между тѣмъ, какъ враги его не получали вѣрныхъ извѣстій о татарахъ и козакахъ. Хотя изъ польскаго лагеря, одинъ за другимъ, выѣзжали подъѣзды, кружили по Украинѣ, добѣгали даже до Днѣпра, но въ лагерь приводили какого нибудь поселянина, который или не зналъ ничего, или не хотѣлъ ничего сказать [1]).

Татарскіе загоны грабили по Волыни, Подоли и Червоной Руси до самаго Львова и протянулись линіею, чтобъ преградить полякамъ обратный путь. Семь козацкихъ полковъ, располагавшихся около Бѣлой-Церкви, также распустили загоны, напали неожиданно на Заславъ и Корецъ, нѣкоторыхъ изъ шляхты, которыхъ тамъ застали, изрубили, другихъ взяли въ плѣнъ: не одна шляхтянка бѣжала пѣшкомъ, потерявши мужа, не одинъ мужъ лишался жены и дѣтей. Печальная судьба постигала тогда этотъ край, говоритъ полякъ очевидецъ [2]). Поляки стояли до половины ноября въ бездѣйствіи. Лановые жолнѣры кричали, что срокъ ихъ кончился, что они обязывались служить только три мѣсяца и требовали отпуска. Всѣ убѣжденія и обѣщанія гетмана и полководцевъ были напрасны [3]). «Они, — говоритъ лѣтописецъ, — не дорожили честью, не стыдились безславія, самовольно убѣгали, не успѣвали уйти домой, обыкновенно попадались въ руки татарамъ и высказывали непріятелю о безпорядкахъ въ польскомъ лагерѣ [4]). Даже тѣ, которымъ удавалось изба-

[1]) Wojna dom. Ч. 3. 104.

[2]) Jak. Michał. Xięga Pamiętn. 687.

[3]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 168.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 326.—Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

виться отъ татарскаго загона, приходили домой полунагіе; слуги и погонщики обирали ихъ [1]). Въ то время своевольство дошло до такой степени, что шляхтичи набирали разнаго рода бродягъ, одѣвались въ татарское или козацкое платье, и безчинствовали въ селахъ и мѣстечкахъ. Бѣглецы изъ войска или попадались въ руки подобныхъ себѣ, или же сами собою увеличивали толпы разбойниковъ. Такіе безпорядки происходили безнаказанно; нѣкоторые попадались въ руки мѣщанамъ и, приведенные на судъ, были оправданы, потому что были дворяне [2]).

Примѣръ лановыхъ подѣйствовалъ и на кварцяныхъ. Послѣ праздника св. Мартина, обыкновенно польскія войска распускались на зимовыя квартиры. Жолнѣры роптали, что ихъ держатъ, вопреки законному положенію, притомъ не платятъ и не даютъ ѣсть. Многіе расходились самовольно. Король раздавалъ имъ деньги изъ собственной кассы [3]), но и то не успокоило ихъ, потому что въ лагерѣ недоставало продовольствія и за деньги; притомъ осенніе дожди и холодъ дѣлали несноснымъ положеніе воиновъ въ шалашахъ и палаткахъ. Воины окоченѣвали отъ стужи; распространились смертельныя болѣзни; въ особенности страдала нѣмецкая пѣхота, лучшее и надежнѣйшее войско въ обозѣ [4]). Въ то же время оставили короля и союзники. Венгры ушли, не смотря на то, что король платилъ имъ по-недѣльно: они отговаривались тѣмъ, что пришли подъ Хотинъ безъ зимней одежды—въ курткахъ и епанчахъ, безъ возовъ. Они стояли нѣсколько времени особнякомъ вблизи польскаго стана, въ надеждѣ даровъ отъ короля,

---

1) Wojna dom. Ч. 3. 103.
2) Kronika miasta Lwowa. 333.
3) Лѣтоп. Величка I. 149.—Wojna dom. Ч. 3. 103.
4) Wojna dom. Ч. 3. 103.

но дарить ихъ было нечѣмъ [1]). Молдаване не только ушли прежде всѣхъ, какъ только заслышали о приближающемся непріятелѣ [2]), но сдѣлались изъ союзниковъ врагами поляковъ: голодные польскіе жолнѣры пустились собирать продовольствіе по Молдавіи, грабили что попадало, разоряли домы, виноградники, скотные дворы и даже насиловали дѣвушекъ и женщинъ; взбѣшенные молдаване гонялись за ними и пришли въ такое ожесточеніе, что безъ разбора каждаго польскаго воина, котораго встрѣчали въ своихъ деревняхъ, рѣзали, либо сажали на колъ, топили въ водѣ, вѣшали на деревѣ [3]). При такомъ печальномъ положеніи войска, между его предводителями возникли несогласія; на короля роптали. «Мы,—говорили паны,—провели весну, лѣто и осень въ безполезныхъ разсужденіяхъ и совѣтахъ, и теперь должны сражаться зимою, когда у насъ нѣтъ ни одеждъ, ни припасовъ, когда голодный и голый жолнѣръ не въ силахъ зарядить пушки» [4]).

Хмельницкій, зная о такомъ положеніи непріятеля, увидѣлъ, что настаетъ, наконецъ, пора дѣйствовать и побудилъ хана осадить польское войско, чтобъ выморить его голодомъ. Въ самомъ дѣлѣ, поляки, по собственному сознанію ихъ, обречены были на гибель. Непріятельское войско двинулось на нихъ во второй половинѣ ноября.

Поляки все еще не знали ничего, и вѣрное извѣстіе о приближеніи хана принесъ вѣрный королю козакъ Ясногурскій. Онъ извѣстилъ, что сорокатысячная орда Исламъ-Гирея находится ужъ подъ Шаргородомъ, но что ханъ послалъ къ Ракочи и къ молдавскимъ господарямъ посольство. Вслѣдъ затѣмъ полковникъ Микѣша прислалъ

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 375.—Jak. Michałowsk. Xięga Pam. 700.—Jemiołowsk. Pamiętn. 44.

[2]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 130.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 395.

[4]) Wojna dom. Ч. 3. 105.

пойманнаго татарина. Этотъ плѣнникъ сообщилъ полякамъ утѣшительныя извѣстія: всѣ мурзы понуждаютъ хана оставить Хмельницкаго; турецкій чаушъ приказывалъ ему сдѣлать то же отъ своего правительства; ханъ ворожилъ, будетъ ли ему счастье: пущено двѣ стрѣлы на воздухъ,— обѣ упали остріемъ одна къ другой; изъ этого заключили, что обѣ стороны равносильны [1]. Тогда Шембергъ нарядился въ молдавское платье, взялъ изъ своего стопятидесятнаго отряда восемь человѣкъ и, встрѣтивъ татарскаго посла, привѣтствовалъ его на волошскомъ языкѣ и объявилъ, что господарь, услышавъ о посольствѣ хана, выслалъ его на встрѣчу. Отъ имени господаря онъ изъявлялъ желаніе измѣнить полякамъ и пристать къ татарамъ и козакамъ. Татаринъ довѣрился ему и продолжалъ съ нимъ путь, какъ вдругъ, воспользовавшись его оплошностью, Шембергъ съ своею малочисленною свитою схватилъ татарина и ускакалъ въ польскій лагерь [2]. Ханскія письма прочитаны были въ военномъ совѣтѣ. «Если ты,— писалъ ханъ къ Ракочи,—не отстанешь отъ поляковъ, то не сомнѣвайся, что тебѣ будетъ очень худо. Я изолью обильное мщеніе надъ цѣлымъ твоимъ народомъ; ты всему причиною: ты напалъ на стараго господаря и выгналъ его. Теперь, если хочешь спастись отъ совершеннаго разоренія, оставайся въ повиновеніи у Порты и отступи отъ поляковъ. Какую помощь можетъ дать тебѣ король противъ Оттоманской Порты, когда онъ не въ силахъ сладить съ своими взбунтовавшимися подданными? И теперь поляки сидятъ закопавшись въ землѣ. Мы съ ордою не отойдемъ отсюда, пока не попытаемъ счастія; зашедши такъ далеко, ворочаться, ничего надъ ними не сдѣлавши, было бы намъ вѣчное безславіе и неудовольствіе отъ Порты. Лучше намъ

---

[1]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 332.—Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

побрататься съ ними заразъ и дѣйствовать за одно [1]). Подобныя предложенія были уже въ другой разъ [2]) и, вѣроятно, страшась хана и Турціи, Ракочи самъ приказалъ Кемени заблаговременно уйти. Стефанъ молдавскій, овладѣвъ, съ помощью поляковъ, престоломъ, также разсудилъ спокойно пользоваться имъ.

Поляки начали распрашивать татарина. «Хмельницкій и ханъ, — сказалъ онъ: — знають, что войско ваше изнурено до крайности и намѣреваются отрѣзать вась оть Польши. Загоны заняли уже всю Подоль и Покутье; вась примкнуть къ Днѣстру и будуть всю зиму морить холодомъ и голодомъ. Для этого ханъ приказалъ татарамъ запастись тулупами» [3]). Тогда, говоритъ русскій лѣтописецъ, въ польскомъ войскѣ возникъ страхъ пилявскій, винницкій и зборовскій. Не только простыя, но и знатныя особы, безъ позволенія уходили [4]). Чрезъ нѣсколько дней посланный на подъѣздъ Гурскій принесъ вѣсть, что уже ханъ подъ Гусятинымъ. Намѣреніе хана было ясно: онъ могъ изъ-подъ Шаргорода ближе напасть, но пошелъ на западъ, чтобъ отнять у поляковъ подвозъ продовольствія и отрѣзать имъ путь въ Польшу [5]). Предводители собрали совѣтъ.

«Единственное средство, — говорили одни: — выйти на встрѣчу непріятеля и дать рѣшительное сраженіе».

«Это значитъ, — возражали имъ на совѣтѣ: — отдать на погибель короля и все войско. Посмотрите на нашихъ воиновъ и сравните съ непріятельскими: у непріятеля

---

[1]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 391.

[3]) Лѣтоп. Величка. I. 149.—Кратк. опис. о бунт. Хмельн. 50.—Wojna dom. Ч. 3. 104.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 396.

[5]) Wojna dom. Ч. 3. 106.—Лѣтоп. Величка. I. 150.—Рук. И. П. Биб. Misc. № 63.—Ks. Pam. Jak. Michał. 708.

сила такая же, какъ подъ Берестечкомъ! Да еще можетъ присоединиться къ Хмельницкому здѣшняя чернь. Гораздо лучше поскорѣе убѣжать домой чрезъ Покутье и какъ нибудь обмануть непріятеля».

Большинство придерживалось такого мнѣнія.

«Это невозможно,—говорили третьи:—всѣ проходы заняты козаками и татарами; они насъ будутъ преслѣдовать со всѣхъ сторонъ: намъ остается положиться на судьбу, молиться Богу и оставаться на мѣстѣ. Мѣстоположеніе здѣсь удобно: воды отнять у насъ нельзя [1]), а продовольствіе будемъ получать изъ Молдавіи [2]).

«А кто же поручится,—возражалъ имъ Любомирскій:—что враги не окружатъ насъ со всѣхъ сторонъ? Конечно, этого надобно ждать. Если мы останемся въ такомъ положеніи еще нѣсколько дней, то невѣрные будутъ насъ брать полуживыхъ отъ голода и холода и вязать какъ барановъ. Надобно было думать объ этомъ прежде; а когда мы уже допустили себя до такого положенія, то чтобъ, по крайней мѣрѣ, не погибнуть даромъ, предложимъ хану войти въ переговоры и попробуемъ разлучить татаръ съ козаками» [3]).

Противъ этого мнѣнія возникло неудовольствіе; начали еще совѣтовать раздѣлить свое войско и отправить часть его на татаръ. Любомирскій представлялъ несообразность такого предпріятія, но король, постоянно недовольный Любомирскимъ, грубо отвергнулъ его представленія [4]), и рѣшился узнать подлинно, гдѣ ханъ, и какъ расположены непріятельскія силы. Онъ приказалъ всему войску оставаться въ обозѣ и отправилъ къ Гусятину сильный отрядъ подъ начальствомъ Клодзинскаго.

[1]) Лѣтоп. Величка. I. 150.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 397.

[3]) Wojna dom. Ч. 3. 306.—Pam. o wojn. koz. za Chmiel. 127.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 397.

Янъ Казимиръ, по увѣренію современника, замышлялъ было съ нѣкоторыми приближенными уйти тихонько, оставя войско на произволъ судьбы, но другіе узнали и не допустили его до этого [1]). Убѣждаемый канцлеромъ Корыцинскимъ, онъ долженъ былъ по-неволѣ пристать къ мнѣнію Любомирскаго [2]). «Поляки, — говоритъ современникъ [3]), — увидѣли, что ни подъ Зборовомъ, ни въ другомъ мѣстѣ отечество не было въ такой опасности. Польша готова была лишиться всего священнаго и драгоцѣннаго, что называла своимъ, и даже предковскихъ гробовъ. Предводители съ ужасомъ замѣтили, что изъ всей пѣхоты осталось только четыре тысячи: остальное умерло или разбѣжалось.

Лановые убѣгали изъ обоза; ихъ примѣръ заразилъ и другихъ. 28-го ноября сдѣлалось общее смятеніе: перемышляне, бельзане, люблиняне, висличане, холмчане, опочняне, подлясцы—поднялись и толпами вырвались изъ обоза. Увлекаемые ихъ примѣромъ, кварцяные не слушали команды, бѣжали изъ обоза; другіе нападали на панскіе возы и грабили ихъ; такимъ образомъ ограбили возы короннаго хоружаго; гетманы, чтобы разнять драку и прекратить грабежъ и побѣгъ, приказали палить по своевольнымъ: такимъ образомъ легло значительное число жолнѣровъ, лановыхъ и пахолковъ. Это прекратило смуту, но послѣ того обозъ не досчитался многихъ. За то лановые изъ внутреннихъ польскихъ земель (сендомирчане, радомляне, пильзяне, черсчане, стенжичане, нурчане) не послѣдовали за товарищами и заслужили большую похвалу. Бѣжавшіе попадали въ руки татарамъ и козакамъ и тамъ разсказывали, что въ польскомъ войскѣ господствуютъ побѣги, недостатокъ и ужасающая смертность. Это при-

[1]) Latop. Jerlicza. 152.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 397.

[3]) Wojna dom. Ч. 3. 110.

давало ихъ непріятелямъ отваги, и Хмельницкій умолялъ хана двинуться на обозъ.

Послѣ потрясающаго смятенія въ польскомъ обозѣ, предводители только о томъ и совѣтовались, какъ бы склонить на свою сторону хана обѣщаніями и уступками, какъ вдругъ вѣрный полякамъ козакъ Яською Ясногурскій привелъ хлопа, который объявилъ, что посланъ отъ ханскаго визиря съ письмомъ къ польскому канцлеру [1]). Письмо это было такого содержанія:

«Неприлично такому монарху, какъ польскій король, закапываться въ землю и прятаться за ничтожными валами предъ голыми татарами. Къ чему томить и себя и васъ? Выходите въ поле и расправьтесь съ нами оружіемъ, или помиримся».

Канцлеръ отвѣчалъ ему такъ:

«Неприличнѣе хану, монарху, вести *побратимство* съ хлопами. Гораздо приличнѣе быть братомъ короля. Мы готовы и на то и на другое: и расправиться оружіемъ и заключить миръ [2]). А что вы насъ укоряете, что мы закапываемся въ землю, такъ у насъ такой обычай, такъ какъ у васъ въ обычаѣ, для легчайшаго побѣга, огораживаться одними кольями».

Получивъ это письмо, ханскій визирь написалъ къ Любомирскому, просилъ освободить своего слугу Фетака, попавшагося въ плѣнъ и предлагалъ маршалу идти по слѣдамъ своего отца и устроить миръ между монархами. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ Исламъ-Гирей написалъ къ Любомирскому и льстилъ ему, замѣчая, что считаетъ его болѣе другихъ пановъ способнымъ устроить важное дѣло [3]). Любомирскій исполнилъ желаніе визиря и изъявлялъ готов-

[1]) Рук. И. П. Б. Misc. разнояз. 63.

[2]) Лѣтоп. Величка. I. 151.—Wojna dom. Ч. 1. 107.—Кратк. истор. о бунт. Хмельн. 51.—Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

[3]) Jak. Michał. Ks. Pam. 705.

ность мириться, но показывалъ видъ, что поляки еще могутъ защищаться [1]). Вслѣдъ затѣмъ, 4-го декабря, прибылъ въ польскій обозъ татарскій посолъ Ахметъ-Кази-Атталыкъ. Онъ привезъ полное согласіе вступить въ переговоры, и проектъ мирныхъ статей: изъ него поляки увидали, что ханъ хочетъ возобновленія зборовскаго договора какъ для себя, такъ и для козаковъ. Посланникъ просилъ, чтобъ поляки отъ себя послали своихъ пановъ въ заложники и со стороны татаръ предлагалъ въ заложники мурзъ. Канцлеръ написалъ къ Шеферкази нѣсколько въ шутливомъ тонѣ; онъ воображалъ, съ какимъ радушіемъ они бы другъ друга угощали, еслибъ тотъ или другой попался въ плѣнъ; но въ то время, когда поляки обдумывали, какъ имъ вступать въ переговоры, прибѣжалъ въ обозъ посланный на подъѣздъ Клодзинскій. Онъ благополучно доходилъ до Гусятина, поймалъ языковъ и возвращался назадъ, но за десять верстъ отъ обоза, подъ селомъ Кудринцами, напали на него ногаи и разгромили въ-пухъ. Самъ онъ былъ раненъ двумя стрѣлами. Близость татарскихъ силъ къ польскому обозу перепугала поляковъ. Все войско готовилось дать отпоръ, ожидая съ часу на часъ нападенія. Дѣло о переговорахъ прервалось.

Прошло послѣ того два дня. 7-го декабря пріѣхалъ въ польскій обозъ тотъ же татарскій посолъ Ахметъ-Кази-Атталыкъ съ новымъ письмомъ отъ Шеферкази. «Если хотите дѣлать дѣло, такъ скорѣе дѣлайте, а пустяками времени не оттягивайте и насъ не водите. Возьмите въ руки зборовскія статьи и прочитайте ихъ. Развѣ не понимаете, что ханъ требуетъ прежнихъ упоминковъ, а онъ имѣетъ волю привести къ послушанію тѣхъ, которые причиною всей войны». Таковъ былъ смыслъ письма Шеферкази. Послѣ долгихъ разсужденій, король и паны отправили къ хану и визирю письма.

---

[1]) Annal Polon. Clim. l. 398.—Jak. Michałowsk. Xięga Pam. 708.

Король точно также, какъ въ оное время подъ Зборовомъ, изъявлялъ удивленіе, нашедши хана съ ордою тамъ, куда онъ, король, прибылъ для укрощенія своихъ непослушныхъ подданныхъ. Съ уѣзжавшимъ туда Ахметъ-Кази-Атталыкомъ, отправленъ былъ поручикъ польнаго гетмана Войниловичъ и Бѣчинскій съ небольшимъ отрядомъ. Ночью съ 8-го на 9-е декабря напали на нихъ ногаи, разгромили польскій отрядъ, ограбили поляковъ, съ самаго Ахметъ-Кази-Атталыка сорвали шапку, а письма, которыя везли посланцы, побросали въ болото. Утромъ узнали они, что разгромленный ими отрядъ ѣхалъ не на войну, а ради начинавшихся мирныхъ переговоровъ, и воротили награбленное [1]). Украинскіе лѣтописцы [2]) говорятъ, что когда Хмельницкій узналъ, что между ханомъ и поляками начинаются мирныя сношенія, то принялся всѣми силами отклонять хана отъ примиренія и убѣждалъ поскорѣе сдѣлать нападеніе; но ханъ искалъ только своей выгоды: ему нужно было возвратить дань, которой лишило его берестечское пораженіе; онъ боялся возвышенія Хмельницкаго, зналъ о его сношеніи съ московскимъ царемъ и давно уже внутренно былъ къ нему нерасположенъ [3]). Видя, что ханъ рѣшительно склоняется къ миру, Хмельницкій пригласилъ ногайскую орду, напавшую, какъ выше разсказано, на польскій отрядъ, провожавшій Атталыка.

Но это нападеніе не имѣло важныхъ послѣдствій. Войниловичъ съ Атталыкомъ воротились въ польскій обозъ; письма, которыя они потеряли, были снова написаны и они опять отправились къ хану.

Въ слѣдующіе дни поляки были въ тревогѣ. Они побаивались, не замышляютъ-ли козаки и татары провести

---

[1]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. Miscel. 63.—Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 714.

[2]) Лѣтоп. Величка. I. 151.

[3]) Истор. о през. бр.

ихъ, показываютъ для вида склонность къ переговорамъ, и протягиваютъ время, для того, чтобы имѣть возможность осадить польскій обозъ, пресѣчь полякамъ сообщеніе съ ихъ краемъ и истребить голодомъ. До поляковъ доходили вѣсти, что въ то время, когда они сидятъ подъ Жванцемъ и покушаются мирными средствами вырваться изъ бѣды, татарскіе загоны опустошаютъ прилежащій край: они стали появляться уже не только на Волыни, но и на Покутьи, около Золочева, Поморанъ, Подгаецъ, Галича, грабили, брали въ полонъ людей и даже Львовъ боялся ихъ посѣщенія. Къ пущей бѣдѣ жителей, разбѣжавшіеся изъ польскаго обоза лановые жолнѣры безчинствовали не лучше татаръ, да и бѣглые кварцяные отъ нихъ не отставали, а тутъ еще карпатскіе горцы, люди русскіе по происхожденію и вѣрѣ, выскакивали изъ своихъ ущелій партіями, носившими названіе опришковъ, нападали на поляковъ, и, гдѣ только могли, дѣлали имъ зло. Такимъ образомъ польскому войску было необходимо какъ можно скорѣе освободиться изъ осады и уйти изъ-подъ Жванца, чтобъ спасать свою землю отъ разореній всякаго рода [1]).

11-го декабря пріѣхалъ Атталыкъ снова съ письмами отъ хана и его визиря, въ отвѣтъ на письмо польскаго короля. Исламъ-Гирей разсыпался въ изъявленіяхъ дружбы и мира и объяснялъ, что онъ, послѣ зборовскаго договора, никогда бы не рѣшился идти въ польскую землю, еслибы справедливость не понуждала его помирить польскаго короля съ козаками [2]). Атталыкъ замѣчалъ, что нападеніе козаковъ сдѣлано по наущенію безбожнаго, какъ онъ выражался, Хмельницкаго [3]). Онъ предлагалъ самимъ полякамъ назначить мѣсто для переговоровъ, отрядить коммиссаровъ и размѣняться заложниками. Поляки указали мѣ-

[1]) Jak. Michał. Xięga Pamitn. 712—713.

[2]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

[3]) Hist. pan. Jan. Kaz. I. 137.—Annal. Polon. Clim. I. 409.

сто совѣщанія подъ Каменцемъ. Татары прислали заложникомъ знатнаго мурзу Хамамбета. Поляки отправили князя Корыцкаго, но татарамъ показалось мало одного заложника, и поляки присоединили къ нему яворовскаго старосту Яна Собѣскаго, будущаго польскаго короля.

13-го декабря, на разсвѣтѣ, прибыли подъ Каменецъ съ обѣихъ сторонъ коммиссары для заключенія мира. Коммиссарами съ польской стороны назначены были: коронный канцлеръ Корыцинскій, коронный маршалъ Любомирскій, русскій воевода Ляндскоронскій и два каштеляна: сендомирскій и волынскій [1]). Ханъ выслалъ съ своей стороны Шеферкази, Карачъ-мурзу и Сегинь-мурзу. Мѣсто для съѣзда выбрали близъ новаго замка. Польскихъ пановъ провожалъ двухтысячный отрядъ конницы; съ татарскими коммиссарами былъ также отрядъ своей конницы; и польское и татарское войско стояли за полверсты отъ мѣста съѣзда коммиссаровъ. Подалѣе отъ нихъ въ сторонѣ виднѣлся таборъ прибывшаго козацкаго отряда подъ начальствомъ писаря Выговскаго [2]).

«Государь мой,—началъ ханскій канцлеръ,—привѣтствуетъ брата своего, короля, и удивляется, почему зборовскій договоръ между ними нарушенъ; за Польшею остается неуплоченными хану болѣе ста тысячъ червонцевъ».

«Король, съ своей стороны, привѣтствуетъ хана и думаетъ, что вся Европа должна удивляться, почему зборовскій договоръ нарушенъ со стороны хана. Польскій король не отказывается отъ платежа ста тысячъ червонцевъ, если только его величество ханъ, помня нашъ союзъ, отступитъ отъ измѣнниковъ и нарушителей общественнаго спокойствія—козаковъ» [3]).

---

1) Рук. И. П. Б. разнояз. Miscell. №. 63.

2) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

3) Histor. ab exc. Wlad. IV. 132.

«Миръ можетъ состояться, если поляки, во-первыхъ, заплатятъ намъ сто тысячъ червонцевъ и будутъ потомъ ежегодно исправно платить намъ, на основаніи зборовскаго договора съ ханомъ; во-вторыхъ, если позволятъ ордѣ, возвращаясь, брать сколько угодно яссыру въ польскихъ областяхъ; въ-третьихъ, если подтвердятъ козакамъ зборовскій договоръ, и въ четвертыхъ, если дадутъ заложниками мира знатнѣйшихъ сенаторовъ» [1]).

Само собою разумѣется, что второе предложеніе было неслыханное и показывало полякамъ крайній упадокъ ихъ отечества. «Вы первые,—сказали поляки,—заговорили о трактатахъ, а теперь предлагаете такія условія, какихъ принять намъ нельзя. Мы не отрекаемся давать хану упоминки и будемъ доставлять ихъ чрезъ коммиссаровъ. За то пусть ханъ учинитъ разбратіе съ козаками и не дозволитъ своимъ татарамъ брать яссыръ въ нашемъ краѣ».

«Если козаки,—отвѣчалъ Шеферкази,—не будутъ оставлены при зборовскомъ договорѣ, а намъ не позволятъ брать яссыра по самую Вислу, если, притомъ, не пошлете къ намъ въ Крымъ двухъ знатнѣйшихъ пановъ въ заложники, то все это будутъ пустые разговоры: лучше отдадимъ съ обѣихъ сторонъ нашихъ заложниковъ и возьмемся за оружіе».

Первое совѣщаніе тѣмъ и кончилось. Коммиссары послали къ королю спрашивать: что имъ дѣлать? Они изъявляли готовность согласиться на татарскія условія только въ такомъ случаѣ, когда король дастъ имъ удостовѣреніе, (ассекурацію), которое бы оправдало ихъ, когда имъ придется отвѣчать предъ Рѣчью Посполитою.

Извѣстіе о татарскихъ требованіяхъ произвело тревогу, волненіе и несогласія между радными панами. Одни хра-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. 403.—Wojna dom. Ч. 3. 109. — Лѣтоп. Величка. I. 154.—Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

брились, говорили, что лучше отважиться на бой и испытать счастіе; другіе находили, что положеніе, въ какомъ находится польское войско, не дозволяетъ этого и, слѣдовательно, приходится помириться съ татарами во что бы то ни стало. Впрочемъ, взятые языки показывали, что и хану въ настоящее время нуженъ миръ. «Орда волнуется,—говорили они,—татары сердятся на Хмельницкаго: они здѣсь ему помогаютъ противъ васъ, а на ихъ домы нападаютъ калмыки!»

Волненія, происходившія въ польскомъ обозѣ и приготовленія къ битвѣ вслѣдствіе ободрительныхъ вѣстей, сообщенныхъ языками, стали извѣстны въ татарскомъ обозѣ; татары сдѣлали объ этомъ замѣчаніе польскимъ коммиссарамъ, находившимся подъ Каменцемъ, а коммиссары извѣщали радныхъ пановъ, что приготовленія къ битвѣ у поляковъ раздражаютъ татаръ и мѣшаютъ дѣлу миротворенія. Они просили денегъ задобрить ханскихъ коммиссаровъ [1]). По извѣстію украинскаго лѣтописца, король прислалъ имъ пять тысячъ червонцевъ на подарки визирю и мурзамъ, а современное извѣстіе [2]) говоритъ, что поляки обѣщали имъ, въ качествѣ подкупа, сорокъ тысячъ польскихъ злотыхъ, лишь бы татары отказались отъ ужаснаго требованія дозволить имъ собирать ясcыръ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой [3]).

Какъ бы то ни было, но 14-го декабря сенаторы прислали согласіе—такъ называемую ассекурацію на заключеніе мира съ татарами. Ассекурація эта была составлена въ такихъ выраженіяхъ: Сенатъ беретъ на себя отвѣтственность и будетъ стараться объ утвержденіи на сеймѣ договора, долженствующаго быть заключеннымъ на основаніи зборовскаго договора, какъ того требуетъ непріятель

[1]) Рук. И. П. Б. разнояз. Miscel. № 63.

[2]) Лѣтоп. Величка I. 154.

[3]) Jak. Michał. Ks. Pam. 716.

и на что поляки должны согласиться, избѣгая большаго несчастія, ибо, въ противномъ случаѣ, опасность угрожаетъ и особѣ наияснѣйшаго нашего короля и всему войску. Слово сенаторовъ должно служить порукою вѣрности, и мы всѣми мѣрами будемъ стараться, чтобъ миръ, вынужденный крайнею опасностію особѣ его величества, былъ утвержденъ на будущемъ сеймѣ [1]).

На другой день, по полученіи ассекураціи, въ понедѣльникъ 15-го декабря, польскіе коммиссары съѣхались снова съ татарскими [2]). Разсказываютъ польскіе историки, что въ этотъ разъ маршалъ Любомирскій, съѣзжаясь съ ханскимъ визиремъ, замѣтилъ, что конь подъ визиремъ споткнулся—и сказалъ: «вотъ вы не хотите мириться съ поляками, а ваши кони кланяются намъ и просятъ мира».— «Это мой конь лѣнится оттого, что ему приходится ѣхать на разговоры, а вотъ какъ придется ему ѣхать на битву, такъ онъ бодро подо мною пойдетъ» [3]).

Послѣ того, Шеферкази отозвалъ Любомирскаго въ сторону и сказалъ: «Не думайте, чтобъ ханъ цѣнилъ лучше побратимство съ глупою чернью, чѣмъ съ королемъ [4]). Лишь бы король наградилъ за это хана, то мы отступимъ отъ козаковъ» [5]).

Тогда договорились, что ханъ отказывается отъ козаковъ [6]); но, чтобъ не раздражать ихъ, для вида постановили, будто король, въ числѣ условій, подтверждаетъ зборовскій договоръ козакамъ [7]). Что касается права собирать

---

[1]) Рук. польск. Арх. Мин. Ин. Дѣл.

[2]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

[3]) Hist. pan. Jan. Kaz. I. 177

[4]). Histor ab. exc. Wlad. IV. 132.

[5]) Annal. Polon. Clim. I. 403.

[6]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 133.

[7]) Annal. Polon. Clim. I. 404. — Wojna dom. Ч. 3. 111. — Лѣтоп. Величка. I. 155.—Истор. о през. бр.

яссыръ, то коммиссары постановили такую сдѣлку: допускали татаръ въ продолженіе сорока дней грабить, разорять и уводить въ плѣнъ единственно русскихъ жителей, отнюдь не касаясь поляковъ [1]), т. е. дворянъ и католиковъ. Ляндскоронскій, сынъ воеводы, и Станиславъ Олесницкій отправились къ хану съ тѣмъ, чтобы оставаться у него заложниками вѣрности до уплаты суммы [2]).

Напрасно Хмельницкій умолялъ хана не покидать его; напрасно уговаривалъ мурзъ просить за него.

«Безъ всякой вины нашей,—говорилъ онъ хану,—твое величество оставляешь насъ и допускаешь снова пасть въ бездну несчастія. Я помню твои благодѣянія; моя душа чувствуетъ ихъ и я готовъ всегда отблагодарить за нихъ. Не обращай, государь, въ погибель нашу то покровительство, которое намъ приносило счастіе. Обратись лучше на поляковъ, зачинщиковъ раздора, чѣмъ преслѣдовать несчастныхъ козаковъ, лишенныхъ всякой помощи».

Но ханъ былъ глухъ къ его моленіямъ; онъ отговаривался, что сдѣлалъ для него все, что могъ, но не можетъ кормить голодныхъ татаръ обѣщаніями и словами. «Главное дѣло,—замѣчаетъ польскій лѣтописецъ,—Хмельницкій не могъ дать ему денегъ [3]) столько, сколько посулили поляки». Другой современникъ замѣчаетъ, что ханъ положилъ себѣ дѣйствовать такъ, чтобъ не допускать до совершеннаго перевѣса ни поляковъ, ни русскихъ, а какъ скоро одни начнутъ усиливаться, онъ начиналъ защищать слабѣйшихъ, дабы, такимъ образомъ, сосѣди безпрестанно сами себя терзали, а татары могли получать оттого свою пользу [4]). По заключеніи трактата ханъ поздравлялъ Хмель-

[1]) Histor. belli. cosac. polon. 223. Кратк. опис. о бунт. Хмельницкаго. 51.

[2]) Annal. Polon. Clim. l. 409.—Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 404.

[4]) Histor. belli cosac. polon. 224.—Истор. о през. бр.

ницкаго съ возвращеніемъ зборовскаго договора; а между тѣмъ отправилъ въ польскій лагерь тайнаго посла. «Ханъ,— говорилъ этотъ посолъ,—изъявляетъ желаніе помогать принудить къ повиновенію козаковъ. Пусть только пригласятъ татаръ воевать москалей и прикажутъ идти въ походъ и козацкому войску: тогда мы ихъ окружимъ и придавимъ [1]).

Хмельницкій узналъ, что поляки и татары заключили такой договоръ на погибель Украины. Онъ не могъ противиться и дѣйствовать самъ противъ поляковъ: онъ могъ опасаться, что ханъ открыто соединится съ врагами. У него оставалась одна надежда на московскаго царя и потому онъ поспѣшилъ удалиться съ своимъ войскомъ. 16-го декабря н. с. уѣхалъ король во Львовъ, а за нимъ пошли на зимовыя квартиры остатки польскаго войска. Изъ него болѣе двадцати тысячъ оказались погибшими подъ Жванцемъ отъ голода, стужи, болѣзней [2]), остальные вскорѣ забыли горе и начали дѣлать насилія поселянамъ [3]).

Тогда крымскія и ногайскія орды разсѣялись по брацлавскому и подольскому воеводствамъ, и весь край до самаго Люблина загорѣлся и задымился огнемъ и кровью. Это было слѣдствіе договора съ поляками! «О какое горе!— восклицаетъ лѣтописецъ,—какой плачъ, какое стенаніе! Языкъ не можетъ выразить всего ужаса этихъ дней: растлѣніе дѣвицъ, посрамленіе супругъ, лишеніе имуществъ, голодная смерть, стыдъ неволи и цѣпей!» [4]). Но и поляки были тогда же наказаны за договоръ: хотя положено было разорять однихъ русскихъ, однако, своевольные ногайцы опустошали всю русскую страну по самую Припеть, не разбирая своихъ жертвъ, разоряли и сожигали шляхетскіе домы, и болѣе пяти тысячъ шляхты—мужей, женъ и дѣ-

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 405.—Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 716.

[2]) Latop. Jerl. 153.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 405.

[4]) Истор. о през. бр.

вицъ—пошло на арканахъ въ Крымъ [1]). Современники разсказываютъ, что подъ Дубномъ отправлялась свадьба знатнаго пана, венденскаго каштеляна Кашевскаго; на свадьбѣ было много гостей. Вдругъ, когда началось свадебное пиршество, гости услышали крикъ народа: *татары! татары!* Увидѣли пожаръ. Они считали невозможнымъ попасться въ руки невѣрныхъ, и въ то время, когда нѣкоторые схватились было за оружіе, другіе смѣялись надъ испугомъ товарищей и опорожняли чаши: вѣроятно, надѣясь на договоръ, они полагали, что бѣда отъ татаръ грозитъ только отверженнымъ хлопамъ. Но татары ворвались въ палацъ, зажгли все строеніе, и всѣхъ гостей, жениха, свадебныхъ дружекъ и поѣзжанъ погнали въ Крымъ на веревкахъ. Только полуживая мать и невѣста скрылись въ болотѣ [2]). Янъ Сапѣга, писарь коронный, съ двумя братьями и съ двумя полками отправился отбивать плѣнниковъ отъ татаръ. Подъ мѣстечкомъ Тайкурами наткнулся онъ на сильный татарскій загонъ, былъ разгромленъ и взятъ въ неволю; рѣдкій изъ бывшихъ съ нимъ спасся тогда отъ неволи, успѣвши спрятаться въ кустахъ и болотахъ [3]).

Такое же разореніе постигло и козацкую Украину [4]). Ханъ, возвращаясь изъ подъ Жванца, позволилъ крымцамъ поступать съ украинцами, какъ угодно, и татары сожгли до основанія нѣсколько селеній и мѣстечекъ, а изъ другихъ увели въ плѣнъ всѣхъ жителей [5]). «Тогда,—говоритъ ста-

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 223.—Кратк. истор. о бунт. Хмельницкаго. 52.

[2]) Истор. о през. бр.--Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. 172.

[3]) Pamiętn. Jemiołowsk. 43.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 392.—Wojna dom. Ч. 3. 114.—Кратк. истор. о бунт. Хмельниц. 52. — Истор. о през. бр. — Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. 172.—Histor. belli cosac. polon. 224.

[5]) Истор. о през. бр.

ринная пѣсня:—*зажурилась* Украина и увидѣла, что негдѣ ей дѣться; тогда орда топтала конями маленькихъ дѣтей, рубила старыхъ, брала въ плѣнъ молодыхъ» [1]). Такъ-то разсчитывалась бѣдная Украина за свое шестилѣтнее побратимство съ невѣрными! «Бусурманы,—говоритъ лѣтописецъ,—въ соумышленіи съ поляками хотѣли погубить до конца русскій народъ, но Богъ, запинаяй лукавыхъ въ коварствѣ, обрати и постави яко же бѣ ему звѣстно въ неизслѣдимомъ совѣтѣ» [2])

---

[1]) Украин. народ. пѣсни, изд. Максим.

[2]) Истор. о през. бр.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Земсквя Дума въ Москвѣ.—Прибытіе московскихъ пословъ въ Переяславль.—Переяславская рада 8-го января 1694 года.—Присяга.—Московскіе послы въ Кіевѣ.—Утвержденіе Переяславскаго договора.

1-го октября 1653 года въ Москвѣ происходило великое событіе. Столица восточной Руси кипѣла множествомъ народа, прибывшаго изъ разныхъ сторонъ государства. Государь слушалъ обѣдню въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, гдѣ служилъ патріархъ Никонъ. Потомъ, осѣняемый хоругвями и образами, при громѣ колоколовъ, сопровождаемый духовенствомъ и мірянами, царь пошелъ въ гранитовую палату и, въ царственномъ одѣяніи, сѣлъ на тронъ. По бокамъ его сѣли духовные: патріархъ Никонъ, митрополитъ крутицкій Сильвестръ, сербскій митрополитъ Михаилъ, нѣсколько почетныхъ архимандритовъ и игуменовъ, бояре, окольничьи, думные дворяне, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, дворяне городовые, дѣти боярскіе; вся зала наполнилась людьми разнаго сословія; здѣсь были гости и торговые люди, наконецъ, выборные изъ посадовъ и уѣздовъ и стрѣльцы. Это была Земская Дума или Соборъ, собиравшійся въ важныхъ случаяхъ.

Думный дьякъ началъ читать вслухъ, что по послѣд-

нему миру съ поляками было постановлено писать царскій титулъ по его государскому достоинству, какъ великій государь самъ себя описуетъ, но что въ королевскихъ грамотахъ и письмахъ разныхъ польскихъ магнатовъ открыто много ошибокъ; что, кромѣ того, въ польскихъ книгахъ печатаны были такія «*злыя безчестья, и укоризны, и хулы, чего не только великимъ государямъ христіанскимъ, помазанникамъ Божіимъ, и простому человѣку слышати и терпѣти невозможно и помыслити страшно*»; что государь нѣсколько разъ посылалъ требовать удовлетворенія и не получалъ; что, притомъ, поляки дѣлали неоднократно разныя притѣсненія порубежнымъ жителямъ Московскаго Государства. Потомъ было объявлено, что гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ нѣсколько разъ въ прошедшихъ годахъ извѣщалъ государя, что паны рада и вся Рѣчь Посполитая возстали на православную вѣру греческаго закона и на святыя Божія восточныя церкви, отвращали запорожскихъ козаковъ отъ истинной православной вѣры, неволили къ своей религіи, запечатывали церкви Божіи, обращали въ унію и причиняли православнымъ такія поруганія и оскорбленія, какихъ не дѣлаютъ надъ еретиками и жидами. Вслѣдъ затѣмъ чтецъ описывалъ, какъ украинцы ополчились за вѣру, какъ принудили поляковъ согласиться на уничтоженіе уніи, но поляки не исполняли договоровъ и клятвъ своихъ; какъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ просилъ государя принять его подъ государеву высокую руку; а если государь не захочетъ, то, по крайней мѣрѣ, вступиться за нихъ и помирить ихъ съ поляками; какъ государь предлагалъ королю и Рѣчи Посполитой прощеніе оскорбителямъ царской чести, если, съ своей стороны, польское правительство помирится съ козаками на условіяхъ зборовскаго договора, перестанетъ преслѣдовать вѣру и уничтожитъ

унію, и какъ король и паны отказали въ этомъ и снова начали воевать съ козаками. Это изложеніе гласило въ концѣ, что турецкій царь зоветъ украинскую чернь въ подданство, но гетманъ лучше хочетъ, чтобъ принялъ его государь подъ свою руку.

По окончаніи чтенія началось отбираніе мнѣній и голосовъ. Бояре первые дали такое мнѣніе.

«Когда Янъ Казимиръ былъ избранъ на королевство, то присягалъ, чтобъ ему всѣхъ христіанъ, которыхъ вѣроисповѣданіе отлично отъ римско-католическаго, остерегать и защищать, и никакимъ образомъ ни самому никого за вѣру не притѣснять, ни другимъ того не позволять; а если онъ своей присяги не сдержитъ, то подчиненные его освобождаются отъ всякой вѣрности и послушанія. Но король Янъ Казимиръ своей присяги не сдержалъ: возсталъ на православную христіанскую вѣру греческаго закона, разорилъ многія Божія церкви, обратилъ другія въ унитскія. Слѣдовательно, гетманъ Хмельницкій и все войско запорожское стали теперь, послѣ нарушенія королевской присяги, вольные люди. А потому, чтобъ не допустить ихъ въ подданство турецкому султану или крымскому хану, слѣдуетъ гетмана, со всѣмъ войскомъ и со всѣми городами и землями, принять подъ высокую государеву руку».

Потомъ отбирались мнѣнія у прочихъ сословій; всѣ согласились на то же и приговорили, что государь долженъ объявить войну Польшѣ и Литвѣ за оскорбленіе вѣры и своей царской чести. Гости и торговые люди вызвались участвовать въ общемъ дѣлѣ отечества вспоможеніями; люди служилые говорили, что идутъ биться противъ польскаго и литовскаго короля, не щадя головъ своихъ и рады умереть за честь государя. Всѣ безъ исключенія изъявили охоту жертвовать и достояніемъ и жизнью за важное дѣло. Патріархъ и духовенство бла-

гословили государя и всю державу, и сказали, что они будутъ просить Бога, Пресвятую Дѣву и всѣхъ святыхъ о пособіи и одолѣніи [1]).

Послѣ этого приговора Земской Думы, царь послалъ трехъ уполномоченныхъ пословъ: боярина Бутурлина, окольничьяго Алферьева и думнаго дьяка Лопухина съ товарищами въ Переяславль для принятіи Украины подъ покровительство московскаго государя.

Послы прибыли въ Переяславль 31-го декабря, въ то время, когда еще Хмельницкій, только что воротившись изъ жванецкаго похода, находился въ Чигиринѣ, гдѣ хоронилъ сына и уговаривалъ къ принятію московской протекціи ея противниковъ. Онъ извинялся предъ послами невозможностью переѣхать черезъ Днѣпръ, по причинѣ хилаго льда. Дорогихъ гостей принималъ переяславскій полковникъ Тетеря, какъ хозяинъ города, тайный недоброжелатель московской власти. Онъ встрѣчалъ ихъ за пять верстъ отъ города съ сотниками и атаманами своего полка и шестью стами козаковъ. Какъ только послы къ нимъ подъѣхали, козаки бросились съ лошадей; заиграли трубачи, довбиши ударили въ котлы. Тетеря проговорилъ имъ рѣчь. Вмѣстѣ съ козаками послы слѣдовали до городскихъ воротъ; тамъ были разставлены козаки и привѣтствовали гостей ружейнымъ залпомъ. У воротъ стоялъ переяславскій протопопъ Григорій, со всѣмъ городскимъ духовенствомъ, въ полномъ облаченіи; около нихъ возвышались образа, церковные кресты и хоругви. Послы вышли изъ экипажей, приложились къ святынѣ, приняли благословеніе и окропленіе святою водою отъ духовенства и выслушали привѣтственное слово протопопа. Послѣ того они шли пѣшкомъ черезъ городъ, осѣняемые образами, при церковномъ пѣніи и громкихъ восклицаніяхъ народа,

---

[1] Подн. собр. законовъ Росс. Имп. I. 293—301, 306—308.

въ церковь, гдѣ отправлено было молебствіе о царскомъ семействѣ [1]).

6-го января пріѣхалъ гетманъ. Когда онъ выѣзжалъ изъ Чигирина, то сдѣлалъ обѣдъ послѣднимъ пятидесяти полякамъ, взятымъ на батогской битвѣ и только тогда выкупленнымъ. Отпуская ихъ, онъ сказалъ:

«Теперь, господа поляки, мнѣ кажется, что мы уже на вѣкъ разлучимся, такъ что вы не будете наши, а мы ваши; этой потери вы себѣ никогда не можете вознаградить, да и мы никогда уже не покажемъ склонности къ вознагражденію. Не наша вина, а ваша, а потому жалуйтесь на самихъ себя за то, что вы добровольно, по вашему неблагоразумію и легкомыслію потеряли [2]).

8-го января онъ назначилъ общую раду въ Переяславлѣ. На разсвѣтѣ, въ седьмомъ часу утра, довбиши ударили въ котлы; переяславская площадь начала наполняться. Между тѣмъ у гетмана происходила тайная рада съ генеральною старшиною. Гетманъ пригласилъ къ этому времени въ Переяславль всѣхъ полковыхъ старшинъ и много знатнѣйшихъ козаковъ. Посрединѣ толпы сдѣлано было просторное мѣсто. Въ одиннадцать часовъ гетманъ вышелъ на площадь, одѣтый парадно, прикрытый бунчукомъ; за нимъ шла вся старшина украинская. Генеральный асаулъ приказалъ молчать; народъ на улицѣ, на крышахъ домовъ слушалъ рѣчь своего повелителя.

«Панове полковники, асаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане! — говорилъ гетманъ: — всѣмъ вамъ извѣстно, какъ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ церковь Божію, озлобляющихъ все христіанство нашего восточнаго православія, хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобъ и имя

---

1) Истор. Мал. Росс. I. 309.

2) Лѣтоп. Величка. I. 160.

русскаго не упоминалось въ землѣ нашей. Всѣмъ намъ уже это стало несносно и видно нельзя намъ жить болѣе безъ царя. Поэтому мы собрали сегодня раду, явную всему народу, чтобъ вы съ нами избрали себѣ государя изъ четырехъ, какого захотите: первый царь турецкій, который много разъ призывалъ насъ подъ свою власть чрезъ своихъ пословъ; второй — ханъ крымскій; третій — король польскій, который и теперь можетъ принять насъ въ свою милость, если сами захотимъ; четвертый—царь православный Великой Руси царь восточный, котораго уже шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ царемъ и паномъ. Тутъ, котораго хотите, того и избирайте! Царь турецкій бусурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, какую бѣду терпятъ наши братья, православные христіане греки, и въ какомъ утѣсненіи они отъ безбожниковъ. Крымскій ханъ тоже бусурманъ; хотя мы, по нуждѣ, и свели съ нимъ дружбу, однако приняли черезъ то нестерпимыя бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христіанской! Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ не надобно и сказывать: сами знаете, что они почитали лучше жида и собаку, чѣмъ нашего брата, христіанина! А православный христіанскій царь восточный одного съ нами греческаго благочестія, одного исповѣданія; мы съ православіемъ Великой Руси едино тѣло Церкви, имѣющее главою Іисуса Христа. Этотъ-то великій царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ нашей Малой Руси, не презрѣвъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій, склонилъ теперь къ намъ милостивое свое царское сердце и прислалъ къ намъ своихъ великихъ ближнихъ людей съ царскою милостью. Возлюбимъ его съ усердіемъ! кромѣ его царской руки, мы не найдемъ благоотишнѣйшаго пристанища. Кто насъ не захочетъ послушать, тотъ пусть идетъ куда хочетъ: вольная дорога!»

Тысячи голосовъ отвѣчали:

«Волимъ подъ царя восточнаго! Лучше намъ умереть въ нашей благочестивой вѣрѣ, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганину!»

Тогда переяславскій полковникъ началъ обходить майданъ кругомъ и спрашивалъ:

«Всі чи тако соизволяете?»

«Всі!» кричалъ народъ.

Гетманъ закричалъ громкимъ голосомъ:

«Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою!»

Народъ восклицалъ:

«Боже, утверди! Боже, укрѣпи, чтобъ есми вовѣки вси едино были» [1]).

Потомъ начали читать приготовленныя условія, на которыхъ Украина должна соединиться съ Московіею [2]). Главнѣйшія изъ нихъ были: цѣлость Южной Руси по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, гдѣ жили козаки, по линію, утвержденную зборовскимъ договоромъ, то есть Украину лѣваго берега Днѣпра и на правомъ берегу нынѣшнюю губернію кіевскую, части подольской и волынской; право имѣть собственное управленіе, независимо отъ царскихъ чиновниковъ, право собственнаго законодательства и судопроизводства, право избирать гетмановъ и чиновниковъ вольными голосами, право принимать пословъ и сноситься съ иноземными государствами; сохраненіе муниципальныхъ правъ городовъ, неприкосновенность личныхъ правъ сословій: шляхетскаго, духовнаго, мѣщанскаго, козацкаго и посполитаго; неприкосновенность имуществъ, умноженіе реестроваго войска до 60,000, жалованья козакамъ изъ мѣстныхъ доходовъ, но по приведеніи ихъ въ извѣстность.

---

[1]) Полн. собр. закон. I. 318—319.—Истор. Мал. Росс. 41.

[2]) Лѣтоп. Величка. I. 172.

Украина обязывалась платить дань своему государю, но безъ вмѣшательства московскихъ сборщиковъ, и обязывалась помогать царю войсками на войнахъ, а царь долженъ былъ защищать ее и совершенно освободить отъ притязаній Польши.

Народъ былъ доволенъ такими лестными условіями. Послѣ совѣщанія вступили на раду послы. По обычаю того времени, они прежде всего спросили гетмана и старшину отъ имени царя о здоровьи, что означало царскую милость, потомъ Бутурлинъ произнесъ къ народу рѣчь.

Онъ излагалъ всѣ несчастія Украины, гоненіе за вѣру, многократныя посольства къ царю, принудившія, наконецъ, царя сжалиться надъ единовѣрцами; доказалъ, что присягавшій и несдержавшій присяги король болѣе не государь имъ.

«И такъ, великій государь, его царское величество,— прибавилъ онъ:—не хотя того слышать, чтобъ вамъ, единовѣрнымъ, православнымъ христіанамъ, быть въ конечномъ разореніи, а церквамъ благочестивымъ въ запустѣніи и поруганіи отъ латиновъ, велѣлъ васъ, гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское, со всѣми городами и землями, свободныхъ отъ подданства королю черезъ преступленіе имъ присяги, принять подъ свою высокую руку, и приказалъ своимъ царскимъ ратнымъ людямъ помогать вамъ противъ клятвопреступниковъ, разорителей вѣры христіанской. А вы всѣ—гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское, — видя къ себѣ милость и жалованье великаго государя нашего, его царскаго величества, должны ему, государю, служить, желать добра и надѣяться на его милость. Онъ же, великій государь, его царское величество, будетъ сохранять тебя и все войско запорожское въ своей милости, защищать и оборонять отъ всякихъ недруговъ» [1]).

[1]) Полн. собр. закон. I. 317.—Истор. Мал. Росс. 41.

После этого рада начала расходиться. Гетманъ сѣлъ съ послами въ карету и поѣхалъ въ соборную церковь для произнесенія присяги на вѣрность новому государю. За нимъ поѣхали старшины. На паперти собора стоялъ Григорій со всѣмъ переяславскимъ духовенствомъ и клирами всѣхъ церквей; о-бокъ его стояли московскіе духовные, пріѣхавшіе съ послами; изъ нихъ главнымъ былъ казанскій архимандритъ Преображенскаго монастыря, Прохоръ. На аналоѣ, посреди храма, лежала чиновная книга, присланная царемъ. Московскіе духовные хотѣли начинать обрядъ присяги, но гетманъ остановилъ ихъ и сказалъ:

«Слѣдуетъ прежде вамъ присягнуть отъ имени его царскаго величества въ томъ, что его величество, великій государь, не нарушитъ нашихъ правъ, даруетъ намъ на права наши и имущества грамоты и не выдастъ насъ польскому королю».

«Никогда не присягнемъ мы за своего государя,—отвѣчали послы:—да гетману и говорить о томъ непристойно: подданные должны дать вѣру своему государю, который не оставитъ ихъ жалованьемъ, будетъ оборонять отъ недруговъ, не лишитъ правъ и имѣній вашихъ».

«Мы поговоримъ объ этомъ съ полковниками и со всѣми людьми»,—отвѣчалъ гетманъ и вышелъ изъ церкви.

Чрезъ нѣсколько времени вошли въ церковь два полковника: переяславскій Тетеря и миргородскій Лѣсницкій-Саковичъ. Они требовали непремѣнно присяги.

«Это небывалое дѣло,—возражали послы:—одни подданные присягаютъ государю, а государю неприлично присягать подданнымъ».

«Однако, польскіе короли всегда намъ присягали», говорили полковники.

«Польскіе короли невѣрные и не самодержцы: они не хранятъ присяги своей, а государское слово перемѣнно не бываетъ»,—отвѣчали послы.

«Гетманъ и мы, вся старшина,—сказали козаки:—вѣримъ этому, но козаки простые не вѣрятъ и домогаются непремѣнно присяги за государя».

«Его царское величество,—возразили послы:—ради христіанской православной вѣры и святыхъ Божіихъ церквей изволилъ принять васъ подъ свою высокую руку по вашему челобитью, и вамъ надлежитъ помнить милость великаго государя, слѣдуетъ служить ему и всякаго добра хотѣть, войско запорожское привести къ вѣрѣ, а незнающихъ людей унимать отъ непристойныхъ рѣчей» [1]).

Полковники пошли къ гетману, и вскорѣ Хмельницкій и старшины прибыли въ церковь и на евангеліи присягнули въ вѣчномъ подданствѣ царю отъ имени всей Украины въ тѣхъ границахъ, въ какихъ она постановлена по зборовскому договору [2]).

Лѣтопись Величка, который пользовался записками Зорки, современника, утверждаетъ, будто бояре московскіе, послѣ присяги козаковъ, дали отъ имени монарха клятвенное обѣщаніе, что государь будетъ держать всю Малую Россію со всѣмъ войскомъ запорожскимъ подъ своимъ покровительствомъ, при ненарушимомъ сохраненіи всѣхъ ея древнихъ правъ, и охранять войсками и помогать казною отъ всякихъ непріятельскихъ нападеній [3]).

Послѣ священнаго обряда началось утвержденіе гетмана въ его гетманскомъ достоинствѣ. Бутурлинъ давалъ Хмельницкому дары царя: сначала знамя, потомъ булаву, далѣе ферезію или одежду, наконецъ шапку, и при подачѣ проговаривалъ рѣчи, въ которыхъ изображалъ символическое значеніе вещей [4]), а вслѣдъ затѣмъ раздаваемы были подарки войсковымъ старшинамъ, полковникамъ, полковымъ

---

[1]) Истор. Мал. Росс. 46.

[2]) Лѣтоп. Величка. I. 173.

[3]) Лѣтоп. Величка. I. 173.

[4]) Полн. собр. закон. Росс. Имп. I. 319—321.

чиновникамъ и простымъ козакамъ [1]). Цѣлый день присягали козаки и переяславскіе жители.

Послы отправили стольниковъ и стряпчихъ по всѣмъ городамъ и полкамъ Украины для приведенія къ присягѣ жителей, а сами избрали для себя три знатнѣйшіе города русскіе: Кіевъ, Нѣжинъ и Черниговъ, и 14-го января отправились въ Кіевъ. Тысяча кіевскихъ козаковъ встрѣтили ихъ, съ девятью распущенными знаменами, за десять верстъ отъ города. Они пристали къ нимъ и открыли торжественное шествіе. За козаками вели двѣнадцать царскихъ лошадей турецкой породы въ златоглавныхъ чепракахъ, которые волочились по землѣ; на нихъ лежали вышитыя золотомъ сѣдла. За ними шелъ полкъ дѣтей боярскихъ, одѣтыхъ въ собольи шубы; за ними еще рядъ турецкихъ лошадей, которыхъ сбруя сверкала золотомъ и жемчугомъ, и между ними несли четыре знамени, удивлявшихъ своею огромностью и работою: на одномъ изъ нихъ вышитъ былъ левъ, на другомъ единорогъ, на третьемъ и на четвертомъ морская рыба съ дѣвичьимъ лицомъ [2]). Послѣ того ѣхали послы [3]). Процессія слѣдовала къ Золотымъ воротамъ, и версты за полторы встрѣтило ихъ духовенство: тамъ былъ митрополитъ, черниговскій епископъ Зосима, печерскій архимандритъ Іосифъ Тризна, игумены и намѣстники разныхъ монастырей въ Южной Руси. Сильвестръ Коссовъ привѣтствовалъ ихъ такою рѣчью:

«Вы приходите,—говорилъ онъ,—отъ благочестиваго царя съ желаніемъ посѣтить наслѣдіе древнихъ великихъ князей русскихъ, къ сѣдалищу перваго благочестиваго русскаго великаго князя, и мы исходимъ вамъ во срѣтеніе; въ лицѣ моемъ привѣтствуетъ васъ оный благочестивый

---

[1]) Лѣтоп. Величка. I. 172.

[2]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

[3]) Latop. Jerl. 154.

Владиміръ, привѣтствуетъ васъ святый апостолъ Андрей Первозванный, провозвѣстившій на этомъ мѣстѣ сіяніе великой Божіей славы, привѣтствуютъ васъ начальники общежительства, преподобные Антоній и Ѳеодосій и всѣ преподобные, изнурившіе для Христа жизнь свою въ пещерахъ. Войдите въ домъ Бога нашего, на сѣдалище первѣйшаго благочестія русскаго и пусть вашимъ присутствіемъ обновится, какъ орляя юность, наслѣдіе благочестивыхъ русскихъ князей» [1]).

Такъ принужденъ былъ, по великорусскимъ извѣстіямъ, говорить митрополитъ; а по извѣстію очевидца, православнаго священника, *отецъ митрополита одъ жалю эбумíравъ* и все бывшее съ нимъ духовенство *за слезами світа не виділи* [2]).

При звонѣ колоколовъ послы пріѣхали въ Софійскій соборъ. Митрополитъ отслужилъ молебенъ, пропѣто многолѣтіе царской фамиліи.

«Отчего, ваше высокопреосвященство,—сказалъ Бутурлинъ:—никогда не писали къ царю и не искали себѣ милости царской въ то время, когда гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское неоднократно просили великаго государя, его царское величество, принять ихъ подъ свою высокую руку?»

«Происходившая между гетманомъ и государемъ переписка мнѣ была неизвѣстна,—отвѣчалъ Коссовъ:—теперь я долженъ молить Бога о многолѣтнемъ здравіи государя, государыни царицы и благовѣрныхъ царевенъ» [3]).

Кіевскіе козаки и горожане были приведены къ присягѣ. Духовенство не только не присягнуло, но и не согласилось послать шляхтичей, приказныхъ и дворовыхъ людей, служившихъ при митрополитѣ и другихъ духов-

---

[1]) Истор. Мал. Росс. I. примѣч. 320.

[2]) Рукоп. И. П. Б. рознояз. Miscell. № 63.

[3]) Истор. Мал. Росс. I. примѣч. 316.

ныхъ особахъ, монастырскихъ слугъ и всѣхъ вообще людей изъ имѣній, принадлежащихъ церквамъ и монастырямъ. Митрополитъ употреблялъ разные извороты, говорилъ, что за ними нѣтъ маетностей и потому имъ присягать не годится, изъявлялъ, что опасается мести короля тому духовенству, которое оставалось въ другихъ областяхъ Рѣчи Посполитой, и не хочетъ отвѣчать за невинныя души, ссылался на архимандрита, а печерскій архимандритъ ссылался на него. Митрополитъ не склонился и тогда, когда думный дьякъ Лопухинъ угрожалъ ему царскою опалою и гетманскимъ гнѣвомъ; даже на предложеніе Лопухина объясниться объ этомъ дѣлѣ съ бояриномъ Бутурлинымъ, митрополитъ объявилъ на-отрѣзъ, что ему незачѣмъ видѣться и говорить съ бояриномъ. Тѣмъ не менѣе, однако, на другой день послѣ такого упорства, 19-го января, шляхта, слуги, дворовые люди, козаки и мѣщане, жившіе за митрополитомъ и печерскимъ архимандритомъ, были приведены къ присягѣ.

Духовенство послѣ того удержало свою независимость еще на пятьдесятъ лѣтъ: впослѣдствіи оно хотя и признало себя подъ благословеніемъ патріарха московскаго, но оставалось подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ константинопольскаго патріаршаго престола [1]). Сильвестръ Коссовъ и кіевское духовенство, какъ мы видѣли, отличались въ высшей степени покорностью властямъ; они всегда были удалены отъ всякихъ мятежныхъ замысловъ, поэтому скорая перемѣна власти казалась для нихъ предосудительною. Притомъ оно смотрѣло на московскихъ русскихъ какъ на народъ грубый и даже о тождествѣ своей вѣры съ московскою вѣрою возникало у нихъ недоразумѣніе и сомнѣніе; имъ даже приходила мысль, что велятъ перекрещиваться.

---

[1]) Wojn. dom. Ч. 3. 115.—Крат. опис. о бунт. Хмельн. 53.—Annal. Polon. Clim. I. 416.

«Царь,—писалъ въ то время черниговскій протопопъ,—обицуеть се всіхъ при правахъ и маетностяхъ удержати, хто се добровольне придасть и охреститьсе». Недоброжелатели распространяли даже слухи, что москали будутъ принуждать малоруссовъ къ усвоенію московскихъ обычаевъ, запретятъ обуваться въ сапоги и черевички, а велятъ носить лапти [1]).

Надобно принять во вниманіе и то, что духовные, классъ образованнѣйшій въ Украинѣ, съ малыхъ лѣтъ получали воспитаніе на польскій образецъ и привыкли къ польскимъ понятіямъ и западному образу воззрѣнія.

Изъ Кіева бояре, недовольные духовенствомъ, отправились въ Нѣжинъ, гдѣ полковникъ Золотаренко, шуринъ Хмельницкаго, принялъ ихъ со всѣми почестями, и городъ присягнулъ безъ сопротивленія. Черниговъ присягнулъ также легко 28-го января, и послы уѣхали въ отечество.

Хмельницкій, ожидая, что поляки, какъ только узнаютъ о томъ, что козаки присягнули царю, тотчасъ начнутъ мстить, 17-го января написалъ такой универсалъ къ козачеству.

«Панове полковники, сотники и вся атаманія войска запорожскаго и городоваго. Добраго здоровья вамъ желаю отъ Бога и учиняю вамъ извѣстнымъ, чтобъ вы были осторожны въ замкахъ и исполняли воинскія обязанности, по обычаю, какъ сами знаете: чтобъ у васъ пороха, свинца, борошна и всякаго продовольствія было довольно, потому что я съ королемъ лядскимъ мира не постановилъ, и вы непріятелей нашихъ ляховъ бейте, если они посмѣютъ нападать на насъ, а царь московскій, сражаясь за вѣру, будетъ помогать вамъ; препоручаю васъ Господу Богу» [2]).

Тогда Хмельницкій отправилъ посланниками генеральнаго судью, Самойла Богдановича Заруднаго, и переяслав-

[1]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. № 63.

[2]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. Miscell. № 63.

скаго полковника, Павла Тетерю, въ Москву. Они пріѣхали въ Москву въ началѣ марта съ просьбою о подтвержденіи договорныхъ статей.

Эти статьи заключали въ себѣ тѣ же условія, какія предназначены были на переяславской радѣ. Царь утвердилъ ихъ почти всѣ съ незначительными ограниченіями: въ числѣ послѣднихъ важнѣйшимъ было то, что гетманъ, хотя имѣлъ право принимать иностранныхъ пословъ, однако долженъ былъ доносить государю и задерживать такихъ, которые пріѣхали бы съ какимъ нибудь предложеніемъ, неблагопріятнымъ для московскаго правительства, и не ссылаться съ турецкимъ султаномъ и польскимъ королемъ безъ соизволенія государя [1]).

СТАТЬИ,

ПОСТАНОВЛЕННЫЯ ВЪ МОСКВѢ СЪ ПОСЛАНЦАМИ ГЕТМАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Бьютъ челомъ великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея великія и малыя Россіи самодержцу и многихъ государствъ государю и обладателю, его царскаго величества подданные, Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго, и все войско запорожское, и весь міръ христіанскій россійскій, чтобъ его царское величество пожаловалъ ихъ тѣмъ, о чемъ посланники ихъ бити челомъ учнутъ, а они его царскому величеству во всякихъ его государскихъ повелѣніяхъ служити будутъ во вѣки, и что на которую статью царскаго величества изволенье, и то подписано подъ статьями.

1) Чтобъ въ городѣхъ урядники были изъ ихъ людей обираны къ тому достойные, которые должны будутъ подданными царскаго величества уряжати, и доходы всякіе

[1]) Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. I. 184—199.

въ правду въ казну царскаго величества отдавати, для того, что царскаго-бъ величества воевода прiѣхавъ, учалъ права ихъ ломать и уставы какiе чинить, и тобъ имъ было въ великую досаду, а какъ тутошнiе ихъ люди, гдѣ будутъ старшiе, то они противъ правъ своихъ учнутъ исправляться.

И сей статьѣ царское величество пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челобитью; а быти-бъ урядникомъ въ городѣхъ, войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, лавникамъ, и доходы всякiе, денежные и хлѣбные сбирать на царское величество, и отдавать въ его государеву казну тѣмъ людямъ, которыхъ царское величество пришлетъ; да тѣмъ же присланнымъ людямъ, кого для тое сборныя казны царское величество пришлетъ, и надъ тѣми сборщиками смотрѣть, чтобъ дѣлали правду.

2) Писарю войсковому, чтобъ, по милости царскаго величества, 1000 золотыхъ польскихъ для подписокъ давать, а на судей войсковыхъ по 300 золотыхъ польскихъ, а на писаря судейскаго по 100 золотыхъ польскихъ, на писаря, да на хорунжаго полковаго по 50 золотыхъ, на хорунжаго сотницкаго 30 золотыхъ, на бунчужнаго гетманскаго 50 золотыхъ.

Царское величество пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челобитью: а давать тѣ деньги изъ тамошныхъ доходовъ.

3) На писаря и на судей войсковыхъ на 2 человѣка, и на всякаго полковника, и на асауловъ войсковыхъ и полковыхъ, чтобъ по мельницѣ было для прокормленiя, что расходъ имѣютъ великой.

Царское величество пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челобитью.

4) На подѣлку наряда войсковаго, и на пушкарей, и на всѣхъ работныхъ людей, которые у наряда бываютъ, чтобъ царское величество пожаловалъ, изволилъ учинить свое царское милостивое призрѣнье какъ въ зиму, такъ

и о станахъ; такожде на обознаго арматнаго 400 золотыхъ, а на хорунжаго арматнаго 50 золотыхъ.

Царское величество пожаловалъ, велѣлъ давать изъ тамошнихъ доходовъ.

5) Послы, которые издавна къ войску запорожскому приходятъ изъ чужихъ краевъ, чтобъ гетману и войску запорожскому, которые въ добру-бъ были, вольно приняти; а только бъ что имѣло быть противно царскаго величества, то должны они царскому величеству извѣщати.

По сей статьѣ царское величество указалъ пословъ о добрыхъ дѣлѣхъ принимать и отпускать, а о какихъ дѣлѣхъ приходили и съ чѣмъ отпущены будутъ, о томъ писать къ царскому величеству подлинно и вскорѣ; а которые послы присланы отъ кого будутъ царскому величеству съ противнымъ дѣломъ, и тѣхъ пословъ и посланниковъ задерживать въ войскѣ, и писать объ нихъ о указѣ къ царскому величеству вскорѣ-жъ, а безъ указа царскаго величества, назадъ ихъ не отпускать; а съ турскимъ салтаномъ и съ польскимъ королемъ, безъ указа царскаго величества, не ссылаться.

6) О митрополитѣ кіевскомъ посланникамъ изустный наказъ данъ; а въ рѣчахъ посланники били челомъ, чтобъ царское величество пожаловалъ, велѣлъ дать на его маетности свою государскую жалованную грамоту.

Царское величество пожаловалъ митрополиту и всѣмъ духовнаго чина людямъ на маетности ихъ, которыми они нынѣ владѣютъ, свою государскую жалованную грамоту дать велѣлъ.

7) Чтобъ царское величество изволилъ рать свою вскорѣ прямо къ Смоленску послать, не отсрочивая ничего, чтобъ непріятель не могъ исправиться и съ иными совокупитися, для того, что войска нынѣ принуждены, чтобъ никакой ихъ лести не вѣрили, еслибъ они имѣли въ чемъ дѣлать.

Царское величество изволилъ на непріятеля своего, на

польскаго короля идти самъ, и бояръ и воеводъ послать со многими ратьми по просухѣ, какъ конскіе кормы учнутъ быть.

8) Чтобы наемнаго люду здѣ по рубежу, отъ ляховъ, для всякаго безстрашія, съ 3000, или какъ воля царскаго величества будетъ, хотя и больше.

Царскаго величества ратные люди всегда на рубежѣ для Украины обереганья есть, и впредь стоять учнутъ.

9) Обычай тотъ бывалъ, что всегда войску запорожскому платили; бьютъ челомъ и нынѣ царскому величеству, чтобъ на полковниковъ по 100 ефимковъ, на асауловъ полковыхъ по 200 золотыхъ, на асауловъ войсковыхъ по 400 золотыхъ, на сотниковъ по 100 золотыхъ, на козаковъ по 30 золотыхъ польскихъ давать.

И въ прошлыхъ годѣхъ присылалъ къ царскому величеству гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское, и били челомъ многижды, чтобъ его царское величество ихъ пожаловалъ для православныя христіанскія вѣры и святыхъ Божьихъ церквей за нихъ вступился, и принялъ ихъ подъ свою государеву высокую руку, и на непріятелей ихъ учинилъ имъ помочь. И великому государю нашему, его царскому величеству, въ то время подъ свою государеву высокую руку приняти было васъ не мочно, потому-что у его царскаго величества съ короли польскими и великими князи литовскими было вѣчное доканчаніе. А что съ ихъ королевскія стороны, царскаго величества отцу, блаженныя памяти великому государю, царю и великому князю, Михаилу Ѳедоровичу, всея Руссіи самодержцу и многихъ государствъ государю и обладателю, и дѣду его государеву, блаженныя памяти великому государю, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всея Руссіи, и великому государю нашему, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Руссіи самодержцу, его царскому величеству, учинились

многія безчестія и укоризны; и о томъ по королевскимъ грамотамъ, и по сеймовому уложенью, и по конституціи, и по польскимъ договорамъ царское величество ожидалъ исправленія, а гетмана Богдана Хмельницкаго, и все войско запорожское хотѣлъ съ королемъ польскимъ помирить черезъ своихъ государевыхъ великихъ пословъ, тѣмъ способомъ: буде Янъ Казимиръ—король учинитъ съ ними миръ по зборовскому договору, и на православную христіанскую вѣру гоненія чинить не учнетъ, и уніятовъ всѣхъ выведетъ; и царское величество виннымъ людямъ, которые за его государскую честь довелись смертныя казни, вины ихъ хотѣлъ отдать, и о томъ посылалъ къ Яну Казимиру—королю своихъ государевыхъ великихъ и полномочныхъ пословъ, боярина и намѣстника великопермскаго князя Бориса Александровича Рѣпнина-Оболенскаго съ товарищи, и тѣ царскаго величества великіе и полномочные послы о томъ мирѣ и о поступкахъ королю и паномъ радѣ говорили всякими мѣрами, и Янъ Казимиръ—король и паны рада ни на которую мѣру не сошли, и то великое дѣло поставили ни во что, и тѣхъ царскаго величества великихъ и полномочныхъ пословъ отпустили безъ дѣла. И великій государь нашъ, его царское величество, видя такія съ королевскія стороны многія неисправленья, и грубости, и неправды, и хотя православную христіанскую вѣру и всѣхъ православныхъ христіанъ отъ гонителей и хотящихъ церкви Божія разорити и вѣру христіанскую искоренити, отъ латынъ оборонити, подъ свою государеву высокую руку васъ принялъ; а для вашія обороны, собравъ русскія и татарскія и нѣмецкія рати многія, идетъ самъ великій государь нашъ, его царское величество на непріятелей христіанскихъ, и бояръ своихъ и воеводъ шлетъ со многими ратьми, и на тотъ ратный строй, по его государеву указу, роздана его государева казна многая, и нынѣ имъ, посланникамъ, о жалованіи на войско запо-

рожское говорить, видя такую царскаго величества милость, и къ нимъ оборону, не доведось. А какъ былъ у гетмана, у Богдана Хмельницкаго, государевъ ближній бояринъ и намѣстникъ тверскій, Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ товарищи, и гетманъ говорилъ съ ними въ разговорѣхъ о числѣ войска запорожскаго, чтобъ учинить 60000; а хотя бъ де того числа было и больше, и государю де въ томъ убытка не будетъ, потому-что они жалованья у государя просить не учнутъ; да имъ Самойлу и Павлу, и инымъ людямъ, которые въ то время при гетманѣ были, про то вѣдомо-жъ, а что въ Малой Россіи въ городѣхъ и мѣстѣхъ какихъ доходовъ, и про то царскому величеству невѣдомо, и великій государь нашъ, его царское величество, посылаетъ доходы описать дворянъ; а какъ тѣ царскаго величества дворяне доходы всякіе опишутъ и сметятъ, и въ то время о жалованьи на войско запорожское, по разсмотрѣнію царскаго величества, и указъ будетъ. А нынѣ царское величество, жалуя гетмана и все войско запорожское, хочетъ послать своего государева жалованья, по давнымъ обычаемъ предковъ своихъ, великихъ государей, царей и великихъ князей россійскихъ, гетману и всему войску запорожскому золотыми.

10) Крымская орда, если бы имѣла вкинутися, тогда отъ Астрахани и отъ Казани надобно на нихъ наступити, такожде и донскимъ козакамъ готовымъ быть, а нынѣ еще въ братствѣ дать сроку, и ихъ не задирать.

Царскаго величества указъ и повелѣнье на Донъ къ козакамъ послано: буде крымскіе люди задора никакого не учинятъ, и на нихъ ходить и задора чинить не велѣно; а будетъ крымцы задоръ учинятъ, и въ то время царское величество укажетъ надъ ними промыслъ чинить.

Кодакъ, городъ на рубежѣ отъ Крыма, въ которомъ гетманъ всегда по 400 человѣкъ держитъ и кормы всякіе имъ даетъ, чтобъ и нынѣ царское величество пожаловалъ

кормами и порохомъ къ наряду изволилъ построити; также и на тѣхъ, которые за порогами коша берегуть, чтобъ царское величество милость свою изволилъ показать, понеже нельзя его самаго безъ людей оставляти.

О той статьѣ царскаго величества милостивый указъ будетъ впередъ, какъ про то вѣдомо будетъ, по скольку какихъ запасовъ въ тѣ мѣста посылывано, и сколько будетъ доходовъ въ сборѣ на царское величество.

А что въ письмѣ же вашемъ написано: какъ великій государь нашъ, его царское величество, гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское пожалуетъ, свои государскія грамоты на вольности ваши дать велитъ, тогда вы смотръ межъ собою учините, кто будетъ козакъ или мужикъ. А чтобъ число войска запорожского было 60,000, и великій государь нашъ, его царское величество на то изволилъ, тому числу списковымъ козакамъ быть велѣлъ; и какъ вы—посланники будете у гетмана, у Богдана Хмельницкаго, и вы-бъ ему сказали, чтобъ онъ велѣлъ козаковъ разобрать вскорѣ и списокъ имъ учинилъ, да тотъ списокъ за своею рукою прислалъ къ царскому величеству вскорѣ [1]).

---

[1]) ПРОШЕНІЕ

ГЕТМАНА БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО КЪ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДОГОВОРНЫХЪ ПУНКТОВЪ.

Божіей милостію, великій государю царю и великій княже, Алексѣю Михайловичу, всея великія и малыя Россіи самодержче, и многихъ государствъ государю и обладателю, твоему царскому величеству.

Мы, Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго, и все войско запорожское, и весь міръ христіанскій россійскій, до лица земли челомъ бьетъ:

Обрадовався вельми съ пожалованья великаго и милости неисчетныя твоего царскаго величества, которую намъ изволилъ твое царское величество показать, много челомъ бьемъ тебѣ, государю нашему,

ЖАЛОВАННАЯ ГРАММОТА.

Божіею милостію, мы великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя Руссіи самодержецъ, пожаловали есмя нашего царскаго величества подданныхъ Богдана Хмельницкаго, гетмана вой-

---

царскому величеству, и служити прямо и вѣрно во всякихъ дѣлѣхъ и повелѣніяхъ царскихъ твоему царскому величеству будемъ по вѣки, только просимъ вельми, яко и въ грамотѣ просили есмы, изволь намъ, твое царское величество, въ томъ всемъ пожалованьѣ и милость свою царскую указати, о чемъ посланники наши отъ насъ твоему царскому величеству будутъ челомъ бити.

1) Вначалѣ, изволь, твое царское величество, подтвердить права и вольности наши войсковыя, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ запорожскомъ, что своими правами суживалися и вольности свои имѣли, въ добрахъ и въ судахъ чтобъ ни воевода, ни бояринъ, ни стольникъ въ суды войсковые не вступались, но отъ старшихъ своихъ чтобъ товарищество суждены были: гдѣ три человѣка козаковъ, тогда два третьяго должны судити.

Подъ сими статьями помѣта думнаго дьяка Алмаза Иванова:

Сей статьѣ указалъ государь и бояре приговорили: быть такъ по ихъ челобитью.

2) Войско запорожское въ числѣ 60 тысячъ чтобъ всегда полно было.

Указалъ государь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью 60 тысячъ человѣкъ.

3) Шляхты, которые въ Россіи обрѣтаются и вѣру, по непорочной заповѣди Христовой, тебѣ, великому государю нашему, твоему царскому величеству, учинили, чтобъ при своихъ шляхецкихъ вольностяхъ пробывали и межъ себя старшихъ на уряды судовые обирали, и добра свои и вольности имѣли, какъ при королѣхъ польскихъ бывало, чтобъ и иные, увидя такое пожалованье твоего царскаго величества, клонилися подъ область и подъ крѣпкую и высокую руку твоего царскаго величества со всѣмъ міромъ христіанскимъ. Суды земскіе и градскіе черезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами себѣ добровольно оберутъ, исправлены быти имѣютъ какъ и прежде сего; тако-жъ шляхта которые казну свою имѣли по крѣпостямъ на маетностяхъ тогда и нынѣ, любо чтобъ имъ поплачено, или на маетностяхъ довладѣти дано.

Симъ статьямъ указалъ государь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

ска запорожскаго, и писаря Ивана Виговскаго, и судей войсковыхъ, и полковниковъ, и ясауловъ, и сотниковъ и все войско запорожское, что, въ нынѣшнемъ во 162 году, какъ, по милости Божіей, учинились подъ нашею государскою высокою рукою онъ — гетманъ Богданъ Хмельницкій, и все войско запорожское, и вѣру намъ великому

---

4) Въ городѣхъ урядники изъ нашихъ людей чтобъ были обираны на то достойные, которые должны будутъ подданными твоего царскаго величества, исправляти или удержати, и приходъ належащей въ правду въ казну твоего царскаго величества отдавати.

Указалъ великій государь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью, а быти бъ урядникомъ, войтомъ, бурмистромъ, райцомъ, лавникомъ, и доходы денежные и хлѣбные и всякіе на государя збирать имъ и отдавать въ государеву казну тѣмъ люцямъ, которыхъ государь пришлетъ и тѣмъ людемъ, ково для тое зборныя казны государь пришлетъ, надъ тѣми зборщиками смотрѣть, чтобъ дѣлали правду.

5) На булаву гетманскую, что надано со всѣми принадлежностями староство чигиринское, чтобъ и нынѣ для всего ряду прибывало.

Указалъ государь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

6) Сохрани Боже смерти на пана гетмана (понеже всякъ человѣкъ смертенъ, безъ чего не мочно быти) чтобъ войско запорожское само межъ себя гетмана избирали и его царскому величеству извѣщали, чтобъ то его царскому величеству не въ кручину было, понеже тотъ давной обычай войсковой.

Государь указалъ и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

7) Имѣній козацкихъ, чтобъ никто не отнималъ; которые землю имѣютъ и всѣ пожитки съ тѣхъ земель чтобы при тѣхъ имѣніяхъ добровольно имѣли; вдовъ послѣ козаковъ остальныхъ чтобы и дѣти такія жъ вольности имѣли, какъ предки и отцы ихъ.

Быть по ихъ челобитью.

8) Писарю войсковому чтобъ, по милости его царского величества, одна тысяча золотыхъ для подписковъ также и мельницу для прокормленія, что великій расходъ имѣетъ.

Быть по ихъ челобитью, давать изъ тамошнихъ доходовъ.

9) На всякаго полковника, чтобъ по мельницѣ было, для того, что расходъ великій имѣютъ, но когда милость будетъ твоего царскаго величества, и больше того, чѣмъ твое царское величество пожаловать изволишь.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью.

10) Также на судей войсковыхъ по 300 золотыхъ, и по мельницѣ, а на писаря судейскаго по 100 золотыхъ.

государю, и нашимъ государскимъ дѣтямъ, и наслѣдникамъ на вѣчное подданство учинили, и, въ мартѣ мѣсяцѣ, присылали къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству онъ гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское посланниковъ своихъ, Самойла Богданова судью войсковаго, да Павла Тетерю полков-

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью, а про судей допросить сколько судей.

11) Также асауламъ войсковымъ и полковымъ, что на услугахъ войсковыхъ завсегда обрѣтаются и хлѣба пахать не могутъ, по мельницѣ бъ имъ было, просить твоего царскаго величества.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью.

12) На подѣлку снаряду войскового и пушкарей и на всѣхъ людей работныхъ у снаряду, просимъ твоего царскаго величества, изволь имѣти свое царское милостивое призрѣніе, яко о зимѣ, такъ и о станахъ, такожде на обознаго по 400 золотыхъ.

Государь пожаловалъ, велѣлъ давать изъ тамошнихъ доходовъ.

13) Права, наданыя изъ вѣковъ отъ княжатъ и королей какъ духовнымъ и мірскимъ людемъ, чтобъ ни въ чемъ не нарушены были.

Государь пожаловалъ велѣлъ быть по тому.

14) Послы, которые изъ вѣка изъ чужихъ земель приходятъ къ войску запорожскому, чтобъ пану-гетману и войску запорожскому, которые къ добру-бъ были, вольно приняты, чтобъ то его царскому величеству въ кручину не было, а чтобы имѣло противъ его царскаго величества быти, должны мы его царскому величеству извѣщати.

Государь указалъ и бояре приговорили: пословъ о добрыхъ дѣлѣхъ прімати и отпускать, а о какихъ дѣлѣхъ приходили и съ чѣмъ отпустятъ, о томъ писать къ государю; а которые послы присланы отъ кого будутъ съ противнымъ дѣломъ государю, и тѣхъ задерживать и писать объ нихъ государю; а безъ государева указу ихъ не отпускати, а съ турскимъ салтаномъ и съ польскимъ королемъ безъ государева указу не ссылаться.

15) Какъ по польскимъ землямъ дань вдругъ отдается, воли бы есмя и мы, чтобъ цѣною вѣдомою давать отъ тѣхъ людей, которые твоему царскому величеству належатъ; а если бы инако быти не могло, тогда ни на единаго воеводу не позволятъ, о томъ договариваться развѣ бы изъ тутошныхъ людей обобравши воеводу, человѣка достойнаго, имѣетъ тѣ всѣ доходы въ правду его царскому величеству отдавать.

Сей статьѣ государь указалъ и бояре приговорили быть по тому,

ника переяславскаго; а въ листѣ своемъ къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, гетманъ писалъ и посланники били челомъ, чтобъ намъ, великому государю, его гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское пожаловати, велѣти прежнія ихъ права и вольности войсковыя, какъ издавна бывали при великихъ кня-

---

какъ выше сего написано, збирать войтомъ, и бурмистромъ, и райцомъ и лавникомъ, а отдавать въ государеву казну тѣмъ людемъ, кого государь пришлетъ, и тѣмъ людемъ надъ зборщики смотрѣть, чтобы дѣлали правду.

16) А то для того имѣютъ посланники наши договариваться, что наѣхавъ воевода права бы ломати имѣлъ и установы какія чинилъ, и тобъ быти имѣло съ великою досадою, понеже праву иному не могутъ вскорѣ навыкнуть и тяготы такія не могутъ носити; а изъ тутошнихъ людей когда будутъ старшие, тогда противъ правъ и установъ тутошнихъ будутъ исправляться.

О правахъ государевъ указъ и бояръ же приговоръ написанъ въ иныхъ статьяхъ.

17) Прежде сего отъ королей польскихъ никакого гоненія на вѣру и на вольности наши не было, всегда мы всякаго чину свои вольности имѣли, и для того мы вѣрно и служили; а нынѣ, за наступленія на вольности наши, побуждены его царскому величеству подъ крѣпкую и высокую руку поддаться. Прилѣжно просити имѣютъ послы наши, чтобъ привилея его царское величество намъ на хартіяхъ писанныя съ печатьми вислыми, единъ на вольности козацкіе, а другіе на шляхетскіе, далъ, чтобъ на вѣчныя времена непоколебимо было; а когда то одержимъ, мы сами смотръ межъ себя имѣти будемъ, кто козакъ, тотъ будетъ вольность козацкую имѣть, а кто пашенной крестьянинъ, тотъ будетъ должность обыклую его царскому величеству отдавать, какъ и прежде сего; такоже и на люди всякіе, которые его царскому величеству подданные, на какихъ правахъ и вольностяхъ имѣютъ быти.

Государь указалъ и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

18) О митрополитѣ помянути имѣютъ, какъ будутъ разговаривати, и о томъ посломъ нашимъ изустный наказъ далъ есмь.

Государь указалъ и бояре приговорили: митрополиту на маетности его, которыми нынѣ владѣетъ, дать жалованную грамоту.

19) Také Такожде просити прилѣжно послы наши имѣютъ его царскаго величества, чтобъ его царское величество рать свою вскорѣ прямо къ Смоленску послалъ, не отсрочивая ничего чтобъ непріятель не могъ исправиться и съ иными совокупиться для того, что войска нынѣ

зѣхъ русскихъ и при королѣхъ польскихъ, что суживались и вольности свои имѣли въ добрахъ и судахъ, и чтобъ въ тѣ ихъ войсковые суды никто не вступался, но отъ своихъ бы старшинъ судились, подтвердити и прежнихъ бы ихъ правъ, каковы даны духовнаго и мірскаго чина людямъ отъ великихъ князей русскихъ и отъ коро-

---

принуждены, чтобъ никакой ихъ лести не вѣрили если бъ они имѣли въ чемъ дѣлать.

Указалъ государь и бояре приговорили: про походъ ратныхъ людей объявить посланникамъ, съ котораго числа государь самъ и бояре, и ратные люди, съ Москвы пойдутъ а къ гетману не писать.

20) И то надобное дѣло припомнити, чтобы наемнаго люду здѣ по рубежу отъ ляховъ, для всякаго безстрашія, съ 3000, или, какъ воля его царскаго величества будетъ хотя и больше.

Допросить въ коихъ мѣстахъ по рубежу стоятъ.

21) Обычай тотъ бывалъ, что всегда войску запорожскому платили; просить и нынѣ его царскаго величества, чтобъ на полковника по 200 золотыхъ, на асауловъ войсковыхъ по 400 золотыхъ, на сотниковъ по 100 золотыхъ, на козаковъ по 30 золотыхъ.

Отговаривать. Великій государь, его царское величество, для православныя христіянскія вѣры, хотя ихъ отъ гонителей и хотящихъ разорити церкви Божія и искоренити вѣру христіянскую, отъ латынъ оборонити, собралъ рати многія и идетъ на непріятелей, и свою государеву казну для ихъ обороны ратнымъ людемъ раздалъ многую. А какъ были у гетмана, у Богдана Хмельницкаго, государевъ ближній бояринъ и намѣстникъ тверской, Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ товарищи, и говорилъ съ гетманомъ о числѣ войска запорожскаго, и гетманъ говорилъ: хотя число войска запорожскаго и велико будетъ, а государю въ томъ убытка не будетъ, потому что они жалованья у государя просить не учнутъ; а говорилъ гетманъ при ихъ, при судьѣ и при полковникѣ, и имъ нынѣ о томъ говорить не доводится.

22) Орда естьли бы имѣла вкинуться, тогда отъ Астрахани и отъ Казани надобно на нихъ наступати, такожде и донскимъ казакамъ готовымъ быть; а нынѣ еще въ братствѣ дати сроку а ихъ не задирать.

Сказать: на Донъ къ казакамъ государево повелѣнье послано будетъ: буде крымскіе люди задору никакого не учинятъ, на нихъ не ходить, а буде задоръ учинятъ, и въ то время государь укажетъ надъ ними промыслъ чинить.

23) Кодакъ городъ, который есть сдѣланъ на рубежу отъ Крыму,

лей польскихъ, не нарушить и на тѣ бъ ихъ права дати нашу государскую жалованную грамоту, за нашею государскою печатью; и чтобъ число войска запорожскаго списковое учинить шестьдесятъ тысячъ, а было бъ то число всегда полно. А будетъ судомъ Божіемъ смерть случится гетману, и намъ бы великому государю поволить войску запорожскому, по прежнему обычаю, самимъ, межъ себя гетмана обирати, а кого оберутъ, и про то намъ великому государю объявляти; имѣній козацкихъ и земель, которыя имѣютъ для пожитка, чтобъ у нихъ отнимать не велѣть, также бы и вдовъ, послѣ козаковъ осталыхъ, дѣти повольности имѣли, какъ дѣды и отцы ихъ, и мы, великій государь, наше царское величество, подданнаго нашего, Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго, и все наше царскаго величества войско запорожское пожаловали, велѣли имъ быти подъ нашего царскаго величества высокою рукою, по прежнимъ ихъ правамъ и привиліямъ, каковы имъ даны отъ королей польскихъ и отъ великихъ князей литовскихъ, и тѣхъ ихъ правъ и вольностей нарушивати ничѣмъ не велѣли, и судитись имъ велѣли отъ своихъ старшинъ по своимъ прежнимъ правамъ, а число войска запорожскаго указали есмя, по ихъ же челобитью, учинить списковаго 60000 всегда полное. А буде судомъ Божіимъ смерть случится гетману, и мы великій

въ которомъ панъ гетманъ всегда по 400 человѣкъ тамъ имѣетъ и кормы всякіе имъ даетъ, чтобъ и нынѣ его царское величество какъ кормами, такъ и порохомъ къ наряду изволилъ построити; также и на тѣхъ, которые за порогами Коша берегутъ, чтобъ его царское величество милость свою изволилъ показать, понеже нельзя его самаго безъ людей оставити.

Допросить: по сколько корму человѣку на тѣхъ 400 человѣкъ даютъ и за порогами для Коша сколько чековѣкъ, и о чемъ за нихъ бьютъ челомъ.

Доложить государю, бояре говорили: которые государевы всякихъ чиновъ люди учнутъ бѣгати в ъгосударевы черкасскіе города и мѣста, и тѣхъ бы сысковъ отдавати.

государь поволили войску запорожскому обирати гетмана, по прежнимъ ихъ обычаямъ, самимъ межъ себя, а кого гетмана оберуть и о томъ писати къ намъ великому государю, да тому жъ новообранному гетману на подданство и на вѣрность вѣру намъ, великому государю, учинити, при комъ мы, великій государь, укажемъ. Также и именій козацкихъ и земель, которыя они имѣютъ для пожитка, отнимати у нихъ и вдовъ послѣ козаковъ оставлыхъ и дѣтей не велѣли, а быти имъ за ними по прежнему. И по нашему царскаго величества жалованью, нашимъ царскаго величества подданнымъ Богдану Хмельницкому, гетману войска запорожскаго, и всему нашему, царскаго величества, войску запорожскому быти подъ нашею, царскаго величества, высокою рукою, по своимъ прежнимъ правамъ и привиліямъ, и по всѣмъ статьямъ, которыя писаны выше сего, и намъ, великому государю, и сыну нашему государю царевичу князю Алексѣю Алексѣевичу и наслѣдникамъ нашимъ служити и прямити и всякаго добра хотѣти, и на нашихъ государскихъ непріятелей, гдѣ наше государское повелѣнье будетъ, ходити и съ ними битись, и во всемъ быти въ нашей государской волѣ и послушаньи на вѣки. А о которыхъ о иныхъ статьяхъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству тѣ вышеимянованные посланники Самойло и Павелъ, именемъ Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго, и всего нашего царскаго величества войска запорожскаго били челомъ и подали нашимъ, царскаго величества, ближнимъ боярамъ боярину и намѣстнику казанскому князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, боярину и намѣстнику тверскому Василью Васильевичу Бутурлину, окольничему и намѣстнику каширскому Петру Петровичу Головину, думному дьяку Алмазу Иванову статьи, и мы, великій государь, тѣхъ статей выслушали милостиво, и что на которую статью наше царскаго величе-

ства изволенье, и то велѣли подписать подъ тѣми жъ статьями, да тѣ статьи съ нашимъ царскаго величества указомъ велѣли дать тѣмъ же посланникамъ Самойлу и Павлу, и хотимъ его, гетмана Богдана Хмельницкаго, и все войско запорожское держать въ нашемъ, царскаго величества, милостивомъ жалованьи и въ призрѣньи, и имъ бы на нашу государскую милость быть надежнымъ [1]).

---

[1]) См. Полн. Собр. Зак. Росс. Имперіи. Т. I, стр. 322—327. — Въ своемъ изслѣдованіи о Богданѣ Хмельницкомъ г. Буцинскій приходитъ къ такому заключенію, что во время посольства статьи нѣсколько разъ переписывались и измѣнялись, а въ окончательной редакціи ихъ было 14. Мы пользовались редакціею, внесенною въ Полное Собраніе Законовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Неудачный сеймъ въ Польшѣ.—Объявленіе войны Алексѣемъ Михайловичемъ.—Второй сеймъ.—Завоеваніе русскими Литвы.—Пораженіе литовцевъ подъ Шкловомъ.—Взятіе Смоленска.—Неудовольствія въ Украинѣ.—Универсалъ короля.—Хитрость Богдана.—Союзъ Польши съ Крымомъ.—Вступленіе польскихъ войскъ въ Украину.—Взятіе Буши.

Шестилѣтняя война съ украинцами не только привела Польшу въ разстроенное положеніе, но поразила уже поврежденныя нравственныя силы польской націи. Слабость власти, эгоизмъ, своеволіе, продажность, низость еще болѣе развились въ ней съ этого времени и низвергали ее въ гибель. По прибытіи короля въ Варшаву собрали сеймъ; жаловались на короля, приписывали неудачу медленности во Львовѣ; волынцы и подольцы кричали, что правительство отдало ихъ на зарѣзъ татарамъ; литовцы обвиняли короля за то, что онъ раздражалъ Московское Государство и не умѣлъ удержать съ нимъ мира; всѣ вообще жаловались на подати, повинности и военные постои. Но среди этихъ обвиненій никто не могъ дать совѣта о спасеніи отечества. Нѣсколько знатныхъ магнатовъ добивались гетманства въ Коронѣ и Литвѣ и заводили одинъ противъ другаго интриги. Наконецъ, не постановивъ ничего, не избравъ никакихъ средствъ къ обо

ронѣ государства, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій для внутренняго порядка въ разоренной странѣ, послы разошлись. Прусскій посолъ сорвалъ сеймъ своимъ всемогущимъ посольскимъ *не позволяю* [1]). «О, несчастное отечество!—восклицаетъ полякъ современникъ,—о, еслибъ можно было укоротить твою свободу!» [2])

Алексѣй Михайловичъ объявилъ формально войну. Король, желая по крайней мѣрѣ хотя отсрочить грозящую опасность, отправилъ въ Москву посломъ сенатора Млоцкаго. Примасъ, архіепископъ гнѣзненскій, написалъ убѣдительное письмо къ Никону и умолялъ именемъ любви Христовой убѣдить царя не проливать христіанской крови. По извѣстію польскихъ лѣтописей, патріархъ началъ совѣтовать Алексѣю Михайловичу не мѣшаться въ междоусобную рѣзню поляковъ съ козаками: онъ вспоминалъ несчастія, которыя потерпѣла Россія въ смутныя времена междуцарствія; представлялъ, что Хмельницкій можетъ легко примириться съ поляками и, вмѣсто благодарности Москвѣ, обратить на нее оружіе по приказанію короля [3]). Но царь слишкомъ ясно видѣлъ пользу своей державы; притомъ, казалось предосудительнымъ оставить предавшійся ему народъ въ руки враговъ. Млоцкій возвратился съ извѣстіемъ, что московское войско идетъ къ литовской границѣ [4]).

Тогда король въ іюнѣ снова собралъ сеймъ. Шляхтичи, видя крайнюю опасность, на этотъ разъ дѣйствовали согласнѣе, предоставили королю право собрать посполитое рушенье, назначили подати для платы войску и сдѣлали постановленіе объ укрѣпленіи Смоленска. Чтобъ

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 364.

[2]) Wojna dom. Ч. 3. 88.

[3]) Wojna dom. Ч. 4. 118. — Истор. о бунт. Хмельн. 53. — Annal. Polon. Clim. I. 417.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 415.

не отягощать себя, открыли новый источникъ доходовъ: начали давать дворянское достоинство за деньги. Король назначилъ коронныимъ великимъ гетманомъ Потоцкаго, а польнымъ—Ляндскоронскаго, великимъ литовскимъ гетманомъ—Радзивилла, пріобрѣвшаго воинскую репутацію со времени войны противъ козаковъ, а польнымъ литовскимъ—Радзивиллова врага, Гонсѣвскаго. Самъ король выѣхалъ въ Гродно наблюдать надъ войною [1]).

Московское войско, подъ начальствомъ князей Серебрянаго и Хованскаго, въ числѣ сорока тысячъ, вступило въ Литву въ концѣ мая [2]). За нимъ вслѣдъ, съ другимъ войскомъ, слѣдовалъ самъ царь [3]). У москвитянъ было сто пятьдесятъ пушекъ, отличные артиллеристы и инженеры, вызванные изъ Голландіи, Франціи и Швеціи [4]). Хмельницкій послалъ на помощь царю три полка: черниговскій, нѣжинскій и вновь составленный имъ изъ сѣверскихъ жителей подъ названіемъ стародубскаго и охотныхъ козаковъ, всего до двадцати тысячъ войска; главное начальство поручено было Золотаренку, который назывался наказнымъ гетманомъ, имѣлъ неограниченную власть въ походѣ и, въ знакъ своего сана, получилъ булаву и бунчукъ [5]).

Войска Рѣчи Посполитой въ Литвѣ не было на-готовѣ: по случаю сорваннаго сейма, не сдѣлано было никакихъ распоряженій къ оборонѣ. Московскіе люди разсѣялись по всей Литвѣ и сразу завоевали Бѣлый, Дорогобужъ, Серпейскъ, Дубровну, Невель, Мстиславль, Рославль, Оршу,

---

[1]) Ibid. 424—427.

[2]) Ibid. I. 415.

[3]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 142.—Лѣтоп. Самов. 22.—Истор. о през. бр.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 438.

[5]) Лѣтоп. Самов. 22.—Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 428.—Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. 266.

Копысъ, Шкловъ, Гору, Друю [1]). Царь осадилъ Смоленскъ, въ которомъ заперся съ гарнизономъ и шляхтою воевода Филиппъ Обуховичъ. Козаки взяли Рѣчицу, осадили Гомель, но не могли взять его и присоединились къ царскому войску подъ Смоленскомъ [2]). Осада Смоленска длилась упорно. Неприступное положеніе города и могучія укрѣпленія защищали городъ болѣе, чѣмъ люди [3]),

Литовское войско снаряжено было только въ августѣ; собралось посполитое рушенье и Радзивиллъ двинулся отбивать Смоленскъ. Первыя дѣйствія литовцевъ были удачны. Отрядъ Гонсѣвскаго и Мирскаго напалъ подъ Оршею на спящихъ русскихъ и разбилъ ихъ [4]). Это возгордило Радзивилла; онъ надѣялся уничтожить враговъ, однако, необходимость защищать отечество не заставила его помириться съ Гонсѣвскимъ; оба полководца дѣйствовали наперекоръ одинъ другому и посылали королю другъ на друга доносы [5]). Простонародіе въ бѣлорусскомъ краѣ сразу, какъ только вступили въ край московскія воинскія силы, заявило непріязнь къ Рѣчи Посполитой и наклонность признать надъ собою московскую власть. «Хлопы,—говоритъ полякъ современникъ,—не показывали къ намъ никакого добраго расположенія, напротивъ, умышленно сообщали нашимъ ложные слухи, чтобъ ихъ подвести [6]). Посполитое рушенье, приставшее къ войску, увидѣло вокругъ себя непріятельскіе отряды и взбунтова-

[1]) Лѣтоп. Самов. 23. — Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. 206. — Wojna dom. Ч. 4. 122.—Лѣтоп. Величка. I. 187.—Истор. о през. бр.—Histor. ab. exc. Wlad. IV. 143.

[2]) Лѣтоп. Самов. 23.—Повѣств. о томъ, что случилось въ Украинѣ 15.—Истор. о през. бр.

[3]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 142.

[4]) Wojn. dom. Ч. 4. 123.- Опис. о бунт. Хмельниц. 54.

[5]) Annal. Polon. Clim. I. 425—428.

[6]) Jak. Michałowsk. 721.

лось: шляхтичи не слушали ни угрозъ, ни убѣжденій, покинули знамена и разбѣжались [1]). Радзивиллъ надѣялся на кварцяное войско, пошелъ далѣе и подъ Шкловомъ наткнулся на сильное непріятельское войско, въ которомъ было пятнадцать тысячъ московскихъ людей подъ главнымъ начальствомъ Трубецкаго и нѣсколько тысячъ козаковъ съ Золотаренкомъ; это войско послано изъ-подъ Смоленска. Здѣсь, 12-го августа, соединенныя русскія войска окружили со всѣхъ сторонъ Радзивилла и одержали блистательную побѣду; литовцы попадались въ плѣнъ, кидали оружіе и бѣжали во всѣ стороны. Русскіе побрали у нихъ всѣ пушки и знамена; самъ гетманъ едва спасся отъ погони и убѣжалъ въ Минскъ [2]).

Съ тѣхъ поръ города сдавались одинъ за другимъ. Могилевъ самъ отворилъ ворота русскимъ [3]); на другомъ концѣ литовской границы сдался Полоцкъ съ своею твердою крѣпостью, потомъ сдался Витебскъ [4]); черниговскій полковникъ Подобайло взялъ Гомель, Пропойскъ, Новый Быховъ, но, осадивъ Старый Быховъ, былъ убитъ, къ сожалѣнію современниковъ, скорбѣвшихъ о его молодости и отвагѣ. Тѣло его съ честью было погребено въ Ильинскомъ черниговскомъ монастырѣ, который полковникъ возобновилъ на свой счетъ послѣ разоренія батыевскаго [5]). Золотаренко съ другимъ отрядомъ снова возвратился къ царю подъ Смоленскъ; городъ держался еще до конца сентября; наконецъ, Обуховичъ, видя, что нѣтъ ему болѣе

---

[1]) Малор. переп. хран. въ моск. оруж. палатѣ. 13.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 429.—Hist. ab exc. Wlad. IV. 143.—Histor Jan. Kaz. I. 189.—Лѣтоп. Величка. 189.—О томъ, что случ. въ Украинѣ. 15.—Wojna dom. Ч. 4. 127.—Истор. о през. бр.

[3]) Малорос. переп. хран. въ московск. оруж. палатѣ. 13.

[4]) Ibid. — Annal. Polon. Clim. I. 428. — Histor. ab exc. Wlad. IV 142.—Лѣтоп. Самов. 23.

[5]) Лѣтоп. Величка I. 190.

помощи, сдалъ городъ, выговоривъ прежде себѣ съ гарнизономъ свободный пропускъ [1]). Царь на челѣ бояръ и всей своей ратной силы, держа въ рукахъ крестъ и государственное яблоко — знакъ своей власти [2]), вступилъ въ Смоленскъ и приказалъ обратить въ православныя церкви костелы, которые были обращены поляками изъ церквей. Алексѣй Михайловичъ очень былъ доволенъ козаками, которые показали свое искусство и храбрость подъ Смоленскомъ и, въ знакъ уваженія, приглашалъ къ столу старшинъ, угощалъ простыхъ козаковъ и раздавалъ имъ золотыя медали [3]). Послѣ того царь уѣхалъ къ себѣ въ столицу, а московскія и козацкія войска продолжали брать города и замки.

Бѣлоруссія и Литва оставались безотпорны. Войска не было. Русскіе мѣщане и угнетенные владычествомъ пановъ поселяне съ радостью принимали своихъ единовѣрцевъ. Болѣе двухсотъ городовъ поддались царю. Успѣхъ былъ бы еще дѣйствительнѣе, еслибъ русскіе, какъ московскіе люди, такъ и козаки, вели войну съ большимъ воздержаніемъ; но въ тотъ вѣкъ воевать и разбойничать значило одно и то же. Побѣдители жгли и разоряли шляхетскіе дворы, оскверняли костелы, мучили ксендзовъ, насиловали женщинъ. Московскіе люди говорили: «Теперь мы поквитаемся съ вами тѣмъ же, что дѣлали поляки и литовцы у насъ» [4]). Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ насилій, жители Шклова, принявшіе прежде московскій гарнизонъ,

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 436—437. Histor. ab. exc. Wlad. IV. 142.— Истор. о през. бр.

[2]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 726.

[3]) Лѣтоп. Самов. 23.—Истор. о през. бр.—Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. 206.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 140.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 195.—Мал. переп. хран. въ оруж. палатѣ. 13.

неожиданно перерѣзали всѣхъ царскихъ воиновъ и снова впустили литовцевъ [1]).

Такъ проходилъ 1654 годъ въ Литвѣ. Другое войско московское, подъ начальствомъ Бутурлина, находилось въ Украинѣ въ соединеніи со всѣмъ козацкимъ войскомъ, надъ которымъ командовалъ Хмельницкій. Какъ только Хмельницкій присягнулъ царю, возникла сильная партія нежелавшихъ быть подданными московскаго государя. Изъ замѣчательныхъ лицъ козацкаго сословія являются между недовольными Сирко, впослѣдствіи кошевой атаманъ, и Богунъ. Сирко не хотѣлъ повиноваться и ушелъ съ толпою недовольныхъ за пороги [2]). Богунъ отрекался отъ присяги со всѣмъ Побужьемъ.

Польское правительство узнало о такомъ несогласіи между врагами и старалось извлечь изъ этого свою пользу. 28-го февраля король выдалъ универсалъ къ русскимъ мѣщанамъ и поселянамъ, называлъ ихъ милыми и вѣрными, объявлялъ всему народу милость.

«Дошло до насъ, — было сказано въ универсалѣ, — что злобный измѣнникъ Хмельницкій, не довольствуясь ни пролитіемъ христіанской вашей крови въ продолженіе долговременнаго междоусобія, ни погибелью столькихъ душъ, взятыхъ въ плѣнъ невѣрными, ни поколебаніемъ вашей вѣрности, запродалъ васъ на вѣчное мученіе царю московскому, подъ нестерпимое ярмо, противное вашей свободѣ, и принуждаетъ васъ присягать противъ воли этому мучителю; однако, между вами нашлось много постоянныхъ въ вѣрности, которые, увидя измѣну мятежника, отступили отъ него. Мы, похваляя васъ за постоянство, считаемъ долгомъ предостеречь тѣхъ, которые принуждены были насиліемъ, какъ намъ извѣстно, цѣловать крестъ

---

[1]) Wojna dom. Ч. 4. 127.—Лѣтоп. Величка. I. 190.

[2]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 182.

царю и совѣтуемъ, чтобъ они образумились заранѣе, остались въ подданствѣ намъ и всей Рѣчи Посполитой и дали объ этомъ знать прежде, чѣмъ войска наши вступятъ, а мы желаемъ принять всѣхъ съ милостью и радушіемъ, и обѣщаемъ хранить ваши древнія права и вольности».

Чрезъ мѣсяцъ послѣ того, подольскій воевода извѣщалъ жителей Подоліи, что войско вступаетъ для преслѣдованія мятежниковъ, и совѣтовалъ заранѣе прибѣгнуть изъ подъ вѣчно-мучительнаго ярма московскаго подъ милостивыя крылья его королевской милости [1]).

Какъ скоро коронный гетманъ узналъ, что Богунъ противится Хмельницкому и не хочетъ присягнуть царю, то послалъ къ нему въ Кальникъ [2]) какого-то Павла Олекшича съ предложеніемъ гетманства надъ козаками, дворянскаго достоинства и любаго староства въ Украинѣ [3]).

Но Богунъ Москвы только боялся, а поляковъ давно уже ненавидѣлъ. Онъ задумалъ, однако, воспользоваться довѣріемъ пана. Польскій историкъ говоритъ, что онъ отвѣчалъ коронному гетману въ такомъ смыслѣ:

«Москва овладѣла Украиною—Хмельницкій сдѣлался мучителемъ и ищетъ головы моей за то, что я отсовѣтовалъ козацкимъ полкамъ идти подъ московское ярмо; теперь я скитаюсь безъ всякаго пристанища. Вы спасете меня, если отправите ко мнѣ войско въ Кальникъ для соединенія съ недовольными козаками и для нашего охраненія» [4]).

Въ то же время Богунъ отослалъ Хмельницкому предложеніе поляковъ въ доказательство своего безкорыстія [5]), и просилъ прислать поскорѣе войско, чтобъ окружить ко-

---

[1]) Малор. переп. хран. въ московск. оруж. палатѣ. 11--12.
[2]) Annal. Polon. Clim. I. 417. Рук. И. П. Б. Misc. 63.
[3]) Истор. Мал. Росс. II. 6.
[4]) Annal. Polon. Clim. I. 417.—Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. 208.
[5]) Истор. Мал. Росс. II. 6.

роннаго гетмана, котораго онъ обманываетъ. Изъ писемъ польскаго гетмана видно, что Богунъ оставлялъ безъ отвѣта два обращенныя къ нему письменныя увѣщанія. Неизвѣстно, были ли онѣ писаны послѣ приведеннаго выше письма Богуна, или же Богунъ, никогда этого письма не писалъ. Въ послѣднихъ числахъ марта изъ польскаго стана, расположеннаго подъ Межибожьемъ, вышло войско для истребительной прогулки по Руси. Брацлавскій воевода съ двѣнадцатью хоругвями волонтеровъ, волоховъ, набранныхъ и приведенныхъ товарищемъ покойнаго Кондрацкаго Войцеховскимъ, вырѣзалъ Немировъ; улицы этого города были покрыты трупами, говоритъ участникъ дѣла; нѣсколько сотъ жителей обоего пола и всякаго возраста убѣжали въ большой каменный погребъ: ихъ стали оттуда выкуривать дымомъ; волохи хотѣли, по крайней мѣрѣ, вытащить старшихъ и предлагали всѣмъ пощаду, если только ихъ выдадутъ; никто никого не выдалъ, никто не сдавался; всѣ задохлись въ дыму, числомъ до трехъ тысячъ душъ. Истребивъ Немировъ, этотъ отрядъ примкнулъ къ польному гетману, «потомъ,—говоритъ другой участникъ описываемыхъ событій,—мы разошлись по разнымъ путямъ отрядами и гдѣ только встрѣчали мѣстечко, слободу, деревню—истребляли въ нихъ все хлопство; остальное доканчивалъ огонь». Въ четвергъ передъ пасхою жолнѣры взяли Ягубецъ. Богунъ оттуда передъ тѣмъ только что вышелъ. При видѣ подошедшихъ враговъ, тамошній храбрый атаманъ воодушевилъ русскихъ такъ, что они всѣ до единаго рѣшились лучше погибнуть, чѣмъ покориться ляхамъ, а священники напоминали имъ святость присяги, недавно данной православному государю. Было ихъ тысячи три: всѣ они погибли послѣ упорной защиты. На первый день пасхи жолнѣры напали на мѣстечко Мушировку. И тамъ русскіе не послушались польскихъ увѣщаній, и погибали какъ слѣдовало погибать, «надѣлавши намъ

вреда,—говоритъ полякъ-очевидецъ, — тому изъ нашихъ пронизали щеку стрѣлою, другого задѣли косою, а больше всего допекли намъ дубьемъ да колодами». Къ несчастью русскихъ, у нихъ было мало огнестрѣльнаго оружія; и поляки множество изъ нихъ перестрѣляли изъ ружей, а потомъ, когда вломились въ замокъ... «тутъ,—говоритъ тотъ же очевидецъ полякъ,—у насъ просто руки утомились отъ рубки ихъ!»—Погибло тамъ тысячъ до пяти русскаго народа обоего пола и всякаго возраста. Покушеніе на Брацлавъ полякамъ не удалось: полковники Носачъ и Золотаренко, засѣвшіе въ этомъ городѣ, отбили ихъ. Польный гетманъ подступилъ къ Умани, гдѣ находились Богунъ и Глухъ. Расположившись въ хуторахъ, польный гетманъ посылалъ къ Богуну увѣщаніе вступить съ нимъ въ переговоры; но Богунъ не отвѣчалъ ему. Хотѣлъ было польный гетманъ выманить козаковъ ночью на вылазку въ поле и навести на засаду, но ему не удалось перехитрить Богуна. Поляки отошли отъ Умани, разорили и сожгли нѣсколько окрестныхъ русскихъ поселеній и ушли. Тѣмъ кончилась эта весенняя прогулка ихъ [1]).

Хмельницкій извѣстилъ о поступкѣ Богуна Алексѣя Михайловича, который послалъ винницкому полковнику похвалу за постоянство, твердость и непоколебимость, и поручилъ Хмельницкому привести его къ присягѣ: присягнулъ ли Богунъ государю — неизвѣстно [2]).

Митрополитъ, а съ нимъ и православное малороссійское духовенство, вовсе недружелюбно отнеслось къ дѣлу о подданствѣ московской державѣ, хотя сознавало свое безсиліе, чтобы надолго и съ энергіей противодѣйствовать. Уже при первомъ прибытіи въ Кіевъ митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, какъ мы уже видѣли, показалъ большую

[1]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. № 63.

[2]) Истор. Мал. Росс. II. 6.

холодность въ обращеніи съ великороссійскими чинами и долго не хотѣлъ посылать къ присягѣ царю шляхту, приказныхъ и дворовыхъ слугъ своихъ, представляя, что король сталъ бы мстить узнавши, что кіевскій митрополитъ посылалъ своихъ слугъ къ присягѣ чужому государю. Послѣ того въ мартѣ назначенные въ Кіевъ царскими воеводами кн. Ѳедоръ Куракинъ и Волконскій жаловались царю, что митрополитъ не дозволяетъ строить острога на горѣ рядомъ съ Софійскимъ соборомъ на мѣстѣ, отмѣренномъ для этой цѣли въ 820 саж., потому что эта земля издавна есть собственность Софійскаго собора, монастырей Архангельскаго и Никольскаго и Десятинной церкви. Когда ему представляли, что острогъ нужно построить для обереганія жителей, и другаго удобнаго мѣста нѣтъ, митрополитъ сказалъ: «оберегайте ихъ отъ Кіева верстъ за двадцать или далѣе, а я на этой землѣ города строить не позволю». Ему сказали, если онъ и не позволитъ, то всетаки острогъ будетъ построенъ. Тогда митрополитъ съ запальчивостію сказалъ: «если будете противъ моей воли строить городъ—я буду съ вами биться». Царскіе воеводы замѣтили неприличіе такихъ словъ, напомнили о присягѣ царю. Митрополитъ сказалъ: «гетманъ съ войскомъ запорожскимъ поддался подъ государеву высокую руку, а я со всѣмъ соборомъ не посылалъ къ царю бить челомъ объ этомъ. Мы духовные, живемъ сами о себѣ ни подъ чьею властію». Воеводы замѣтили: «ты прежде былъ подъ королевскою областью, а нынѣ сталъ подъ государевою высокою рукою, а потому слушайся государева указа и намъ въ государевыхъ дѣлахъ не чини никакой преки и раздора».—Митрополитъ на это замѣчаніе отвѣчалъ: «былъ я подъ королевскою властью, а теперь буду подъ тою властью подъ чьею велитъ Богъ быть. Вы только видите начало, подождите конца».

На такую выходку воеводы сказали: «или ты, митрополитъ, не боишься Бога, что такъ говоришь? Видно ты великому государю добра никакого не хочешь какъ-бы измѣною!» Митрополитъ разгорячился, сталъ говорить по-польски и воскликнулъ: «почекайте, почекайте! Скоро вамъ конецъ будетъ». — «Видимъ, — сказали воеводы,—видимъ отъ тебя, митрополитъ, дурно и измѣну и скажемъ тебѣ на-прямикъ: не слушаемъ твоего указа, а слушаемъ указовъ своего государя и будемъ городъ ставить на томъ мѣстѣ, гдѣ показано». Воеводы съ этими словами оставили митрополита и, вернувшись къ себѣ, позвали кіевскаго наказного полковника Павла Яненка (правившаго кіевскимъ полкомъ за отсутствіемъ настоящаго полковника Антона Ждановича, задержаннаго въ Польшѣ еще въ 1653 году), сотниковъ, кіевскаго войта, бурмистровъ и нѣсколькихъ мѣщанъ. Они объявили, что митрополитъ не допускаетъ строить острога на мѣстѣ, указанномъ для такой постройки, что митрополитъ говоритъ, будто онъ съ гетманомъ и съ козацкими полковниками не былъ въ единомысліи о подданствѣ московской державѣ и ничего о томъ не зналъ. Тогда полковникъ и другіе бывшіе съ нимъ у воеводъ лица отправились къ митрополиту. Воротившись отъ него, они сообщили воеводамъ, что митрополитъ изъявляетъ готовность просить прощенія за свою горячность въ разговорѣ съ воеводами. «За его досадныя слова къ намъ, пусть его Богъ проститъ, — сказали воеводы:—а вотъ какъ онъ говорилъ, что будетъ биться съ царскими людьми и иныя непристойныя слова, такъ этого утаить нельзя!» Они послали обо всемъ донесеніе въ Москву, а между тѣмъ въ Кіевѣ стали строить острогъ на прежде указанномъ мѣстѣ. Въ Москвѣ сочли, что до поры до времени нужно до извѣстной степени снисходить къ непривычкѣ новыхъ царскихъ подданныхъ къ своему положенію и послали въ Кіевъ воеводамъ царскій указъ

объявить митрополиту, чтобъ онъ не огорчался, потому что вмѣсто отобранной подъ постройку острога земли, дана будетъ Софійскому двору другая земля. Митрополитъ долженъ былъ по-неволѣ смириться, но всетаки продолжалъ относиться недружелюбно къ царскимъ воеводамъ: въ слѣдующемъ затѣмъ мѣсяцѣ воеводы жаловались, что митрополитъ съ ними не держитъ совѣта ни о какомъ дѣлѣ. Съ своей стороны царскіе воеводы начинали стѣснять и духовную власть кіевскаго архипастыря. Такъ,—митрополитъ посылалъ игумена Златоверхомихайловскаго монастыря Ѳеодосія Василевича, въ Могилевъ, для отобранія послѣ умершаго нареченнаго епископа церковныхъ вещей, а въ Слуцкомъ монастырѣ этого Ѳеодосія пригласили быть архимандритомъ. Митрополитъ утвердилъ его въ этомъ санѣ, но кіевскіе воеводы объявили Ѳеодосію, что-бъ онъ не смѣлъ ѣздить въ Литву безъ государева указа. Вѣроятно нерасположенію митрополита слѣдуетъ приписать и то обстоятельство, что когда получено было извѣстіе о побѣдахъ, одержанныхъ въ Литвѣ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и кіевское духовенство должно было служить по этому поводу благодарственное молебствіе, митрополитъ не былъ на такомъ молебствіи, отговариваясь болѣзнію, хотя и былъ принужденъ, когда ему въ келіи офиціально объявили о царскомъ торжествѣ, приказать въ знаменіе радости палить изъ пушекъ въ своемъ Софійскомъ монастырѣ. Передъ пасхою въ томъ же году митрополитъ Сильвестръ отправилъ тайно въ Варшаву двухъ чернецовъ сообщить королю, что православное духовенство вовсе не хочетъ быть въ соединеніи съ московскими людьми и прежде никогда не изъявляло такого желанія, а теперь оно узнало, что Москва намѣрена ихъ перекрещивать и они желаютъ оставаться по-прежнему подъ королевскою властью: пусть только король скорѣе пришлетъ войско для ихъ освобожденія, а кіевскіе жители постараются выгнать

изъ Кіева московскихъ людей. Тогда король вспомнилъ объ одномъ грекѣ, который былъ взятъ въ плѣнъ на берестечской битвѣ. Звали его Иванъ Тафляры. Король приказалъ освободить его изъ подъ стражи, обласкалъ и поручилъ отправляться въ Украину и распространять пять королевскихъ универсаловъ къ войску запорожскому, въ которыхъ убѣждали козаковъ быть вѣрными Рѣчи Посполитой, такъ какъ уже ихъ духовенство заявило желаніе быть подъ королевской рукою.

Грекъ, получивши отъ польскаго короля эти универсалы, вмѣсто того, чтобъ ихъ распространять согласно королевскому указанію, вручилъ ихъ Богдану Хмельницкому, а потомъ отправился въ Москву и тамъ также сообщилъ о замыслахъ митрополита. Это обстоятельство не повлекло однако за собою вредныхъ послѣдствій для митрополита. Въ іюлѣ того же года Сильвестръ Коссовъ испрашивалъ себѣ царскаго прощенія за нѣкоторыя противности, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ не давать вѣры клеветамъ, распускаемымъ про него изъ ненависти. Гетманъ съ своей стороны ходатайствовалъ за митрополита и въ письмѣ къ царю изображалъ его мужемъ святой жизни, много потерпѣвшимъ за преданность православной восточной церкви. Тогда дѣло шло главнымъ образомъ о томъ, чтобъ удержать малороссійскую церковь въ давней зависимости отъ константинопольскаго патріархата и чтобъ ее не силовали подчиняться патріарху московскому. Разомъ съ ходатайствомъ о митрополитѣ, гетманъ ходатайствовалъ предъ царемъ и о тогдашнихъ архимандритахъ и игуменахъ, и въ томъ числѣ о Ѳеодосіи Василевичѣ, который и самъ въ своей челобитной оправдывался отъ злословія кіевскихъ воеводъ. Вообще въ Кіевѣ малороссійскіе духовные сановники, люди, получившіе высшее по тому времени воспитаніе, съ трудомъ могли сходиться съ великороссіянами, которыхъ находили грубыми и невѣжественными. Впрочемъ,

начальствовавшіе въ Кіевѣ царскіе служивые люди мало довѣрія встрѣчали и отъ особъ мірскаго званія. О кіевскомъ наказномъ полковникѣ Павлѣ Яненкѣ царскіе воеводы писали къ царю, что онъ умышленно скрываетъ отъ нихъ то, о чемъ доноситъ своему гетману. Кромѣ того царскіе воеводы писали, что въ Кіевъ нужно прислать поболѣе ратныхъ людей «для шатости черкасской». Выражаясь такимъ образомъ, они заявляли, что считаютъ власть царскую очень нетвердою въ краѣ, такъ недавно повидимому добровольно подчинившемся московской державѣ [1]).

Но во все лѣто польское войско не начинало рѣшительной войны. Оно не смѣло идти на помощь къ литовскому, потому что, въ такомъ случаѣ, Хмельницкій и Бутурлинъ, пользуясь беззащитностью южныхъ предѣловъ, могли вторгнуться въ королевство. Оно не начинало непріятельскихъ дѣйствій въ Украинѣ, потому-что политика трудилась надъ пріобрѣтеніемъ союзниковъ. Господари обязывались дѣйствовать въ пользу Польши и прислать вспомогательное войско; впрочемъ, Стефанъ въ то же время посылалъ мирныя предложенія и къ Хмельницкому, а Хмельницкій съ своей стороны, приглашалъ его принять покровительство московскаго царя и послать въ Москву бояръ [2]). По извѣстію современника, господаря молдавскаго, у Хмельницкаго въ Чигиринѣ появился тогда Михаилъ, родственникъ валахскаго господаря, жившій до того времени при нѣмецкомъ императорѣ. Хмельницкій хотѣлъ отдать за него свою дочь и, съ помощью валахскаго господаря Михаилова родственника, низвергнувъ молдавскаго господаря, посадить вмѣсто него своего зятя, а потомъ, съ помощью Турціи, которую снова надѣялся преклонить на

[1]) Акты южн. и зап. Росс. X. 259. 387—390. 393. 399. 407. 431. 725. 751. 753. 774.

[2]) Малорос. переп. хран. въ московск. оруж. палатѣ. 17.

свою сторону посредствомъ обѣщаній подданства, низвергнуть седмиградскаго князя и посадить на его мѣсто своего свата Лупула [1]). По внушенію Хмельницкаго, московскій государь послалъ къ молдавскому господарю Стефану и валахскому Матѳею свои грамоты, приглашавшія ихъ содѣйствовать Хмельницкому и царю во имя единой вѣры. Въ грамотѣ къ Стефану говорилось: «когда польскій король Янъ Казимиръ будетъ просить у тебя помощи на подданныхъ нашихъ гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское, желая истребить истинныя христіанскія церкви и искоренить православную вѣру, ты, памятуя единую съ нами православную вѣру, ни въ чемъ не помогай непріятелямъ нашимъ, которые всегда хотятъ истребить нашу христіанскую греческую вѣру и желаютъ упадка нашихъ церквей, но о замыслахъ ихъ давай знать нашему величеству, также бояръ и воеводъ нашихъ и Богдана Хмельницкаго гетмана войска запорожскаго о томъ увѣдомляй, а мы, великій государь, обѣщаемъ тебѣ всегда нашу государскую милость». Но Стефанъ не былъ увѣренъ, что Московское Государство въ борьбѣ съ Польшею одержитъ верхъ, и потому отослалъ эту грамоту польскому королю въ знакъ своей вѣрности и признательности. Янъ Казимиръ извѣщалъ объ этомъ седмиградскаго князя и замѣтилъ, что большая опасность грозитъ всѣмъ и Турецкой имперіи въ томъ числѣ, потому что русскіе соединяются подъ знаменемъ вѣры и начинаютъ уже возмущать своихъ единовѣрцевъ, турецкихъ подданныхъ: сербовъ, болгаръ и грековъ [2]). Ракочи отвѣчалъ, что къ его удивленію, безъ всякаго повода съ его стороны, Хмельницкій присылалъ къ нему предложеніе возобновить дружбу [3]). Ракочи также хитрилъ, какъ и молдавскій господарь. Самъ

[1]) Памят. кіевск. комм. III. 3. 82.

[2]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 727.

[3]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

онъ какъ увидѣлъ, что надъ Польшей собирается новая туча, предполагая что нибудь для себя выиграть, обращался къ Хмельницкому, приписывалъ происшедшее несогласіе дерзости сына Хмельницкаго, напавшаго своевольно на Валахію, увѣрялъ, что звалъ Тимоѳея для переговоровъ, а Тимоѳей, вмѣсто отвѣта, началъ непріязненныя дѣйствія противъ седмиградскихъ войскъ. Теперь седмиградскій князь просилъ забыть прошедшее и предлагалъ войску запорожскому свои услуги [1]). Всѣ — и господари и Ракочи и Хмельницкій, хитрили другъ передъ другомъ; всѣ обѣщали Хмельницкому союзъ и дружбу и въ то же время дружили съ его врагами. Только возобновленіе союза козаковъ съ крымскимъ царствомъ сдѣлалось невозможнымъ послѣ соединенія съ великоруссами, которыхъ крымцы почитали злѣйшими врагами.

Весною, 1654 года, польское правительство послало въ Бахчисарай Яскульскаго очернить предъ новымъ ханомъ Хмельницкаго, обличить его въ сношеніи съ москвитянами, заклятыми врагами Крыма, побудить хана дѣйствовать вмѣстѣ съ поляками противъ москвитянъ и козаковъ и за то обѣщать деньги и подарки; а въ доказательство того, что Хмельницкій отдался московскому царю, Яскульскій повезъ съ собой копію универсала козацкаго гетмана къ украинцамъ.

Пріѣхавъ въ Бахчисарай, Яскульскій былъ позванъ къ хану. Визирь, вѣроятно, принимая во вниманіе важность положенія своего хана и печальное состояніе Польши, которая нуждалась въ союзѣ съ Крымомъ, не хотѣлъ было давать ему ханскаго коня, на которомъ посолъ долженъ былъ ѣхать на аудіенцію.

«Наша вѣра, — говорилъ онъ: — не позволяетъ намъ прислать коня».

---

[1]) Малорос. переп. хран. въ московск. оруж палатѣ. 17.

«А наша вѣра, — возразилъ Яскульскій: — не позволяетъ мнѣ ѣхать на своемъ конѣ, потому что мой конь исхудалъ, да притомъ, его величество король достоинъ такого уваженія отъ хана».

Полякъ настоялъ на своемъ: ему дали коня. Потомъ визирь хотѣлъ было заставить его, по восточному обычаю, поцѣловать полу своего платья. Яскульскій воспротивился и настоялъ на томъ, что ему позволили, по европейскому обычаю, поцѣловать ханскую руку [1]).

Послѣ первой аудіенціи заставили посла ждать въ бездѣйствіи около трехъ недѣль. Въ то время въ Бахчисараѣ явились послы московскіе, венгерскіе отъ Ракочи и козацкіе. Всѣ предлагали свои услуги и искали расположенія хана. Хмельницкій писалъ къ хану: «Если мы вошли въ дружбу съ Москвою, то это мы сдѣлали, вспоминая совѣты вашей ханской милости. Мы видѣли, что поляки отовсюду привлекаютъ къ себѣ людей противъ насъ; отчего же и намъ не дѣлать того же. Лучше намъ имѣть друзей въ той сторонѣ, которая прилегаетъ къ Смоленску и другимъ королевскимъ городамъ. Притомъ это сдѣлалось не отъ меня, а по волѣ цѣлаго войска. Отъ договора подъ Каменцемъ ничего хорошаго не вышло: король не утвердилъ для насъ зборовскаго договора, а ваши люди, между тѣмъ, причиняли намъ великія и нестерпимыя кривды. Наши посланцы намекнули передъ вашимъ царскимъ величествомъ будто Москва имѣла овладѣть нами; такая у насъ въ прежнее время была вѣдомость, но теперь о томъ уже нѣтъ никакой рѣчи. Когда проявится у насъ что-нибудь новое по этой части, мы не замедлимъ увѣдомить о томъ вашу царскую милость. Покорно просимъ вашу ханскую милость не вѣрьте тому, что на насъ наговариваютъ. Наши враги клевещутъ на

---

[1]) Памят. кіевск. комм. III. 59—64.

насъ, и сами подъ нами яму копаютъ; Потоцкій съ поляками, венграми и волохами напалъ на насъ, опустошилъ много мѣстечекъ, перебилъ много народа. Слышно, что и Радзивиллъ съ литовскимъ войскомъ приближается къ Любечу и Лоеву; поэтому, если бы ихъ войска стали болѣе угрожать намъ, то ваша ханская милость подайте намъ помощь по силѣ вѣчнаго договора. Мы будемъ обязаны отслуживать за это, помогая вамъ противъ вашихъ непріятелей» [1]).

Крымцы понимали, что сосѣди давали большое значеніе тому положенію, какое принималъ Крымъ въ предстоящихъ смутныхъ событіяхъ. Ханъ созвалъ большой совѣтъ изъ салтановъ, мурзъ и агъ. Всѣ раздѣляли ненависть противъ Москвы; но нѣкоторые мурзы, испытавшіе на себѣ щедрость Хмельницкаго, возстали противъ союза съ поляками.

«Пока у насъ было побратимство съ козаками, говорили они, мы наполняли Крымъ польскими невольниками, а теперь чтó возьмемъ, воюя противъ козаковъ за поляковъ? Козаки бились за свободу, а намъ доставался яссыръ; не будетъ намъ такой выгоды, когда будемъ сражаться за поляковъ. Поляки люди гордые: ходятъ въ богатыхъ одеждахъ, въ дорогихъ шубахъ, въ турецкихъ сапогахъ: не станутъ они биться для нашей выгоды» [2]).

Но вражда противъ москвитянъ заглушала такія представленія. Выгоды Крыма побуждали татаръ предпочесть въ настоящее время союзъ съ поляками; однако, они хотѣли повести дѣло такъ, чтобъ поляки имъ кланялись и просили ихъ союза, а не они поляковъ.

Визирь призвалъ Яскульскагó и обходился съ нимъ довольно сухо. Яскульскій просилъ отпустить польскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ въ набѣги. Визирь отговари-

[1]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 443.—Histor. Jan. Kaz. I. 198.

вался, исчислялъ различныя прежнія вины этихъ плѣнниковъ противъ Крыма, наконецъ сказалъ рѣшительно:

«Напрасно и говорить о томъ, что взято саблею!»

Яскульскій коснулся татарскихъ набѣговъ, причинившихъ Польшѣ опустошенія; визирь съ гнѣвомъ закричалъ:

«Какъ, гордецы! вы еще хотите приказывать хану? А знаете ли, что если ханъ соединится съ козаками и москвитянами—вся Польша погибнетъ!»

«Это въ Божьей волѣ,—отвѣчалъ Яскульскій, испугавшійся своихъ замѣчаній:—но я сказалъ это не для того, чтобъ приказывать его милости, хану, а чтобъ показать вамъ честность и правду нашу, за которыя мы терпѣли отъ васъ непріязненность».

«Козаки прислали къ намъ пословъ,—сказалъ визирь:—они просятъ союза съ нами; они говорятъ, что если обратились къ москалямъ, то потому, что король не послалъ къ нимъ ни пословъ, ни грамоты: надобно было вамъ удерживаться отъ войны съ ними. Зачѣмъ сами ихъ затрогиваете?»

«Удивляюсь,—возразилъ Яскульскій: — что вы придираетесь къ тому, что его королевское величество не посылалъ Хмельницкому ни пословъ, ни грамотъ. Приличнѣе будетъ, если рабъ прежде поклонится своему господину. Видали ли вы, чтобъ ханъ писалъ письма къ мятежникамъ, когда у васъ былъ бунтъ?»

«Козаки,—сказалъ визирь:—говорятъ, что они послали къ вамъ посломъ Антона, а вы его задержали».

«Этому уже годъ,—отвѣчалъ Яскульскій:—а послѣ жванецкаго договора они не присылали пословъ. Хмельницкій и себя самого и всю Украину отдалъ московскому царю, и Москва въ городахъ королевскихъ и шляхетскихъ поставляетъ свое начальство и беретъ доходы. А когда кто у кого что нибудь отнимаетъ, какъ не защищать своего?»

«Видимъ, что козаки плуты, — сказалъ визирь. — Мы

пошлемъ къ нимъ своего посла вмѣстѣ съ ихъ посломъ и предложимъ, чтобъ они покорились королю, возвратили бы Украину, а сами шли бы съ нами воевать москвитянъ. Если же этого не сдѣлаютъ, тогда поднимемъ вмѣстѣ съ вами на нихъ сабли».

Наконецъ визирь совершенно искренно выразился, сказавъ Яскульскому:

«Все сдѣлаемъ только тогда, когда получимъ отъ васъ упоминки».

Такимъ образомъ, на первый разъ Яскульскій не получилъ ничего, кромѣ обѣщаній, и писалъ немедленно о необходимости скорѣе выслать денегъ какъ крымскому хану, такъ равно и окружавшимъ его лицамъ. Каждый изъ нихъ изъявлялъ готовность ходатайствовать предъ ханомъ съ своей стороны, если получитъ польскіе злотые. Московскіе послы были отправлены съ отказомъ. Посланецъ Хмельницкаго полковникъ Семенъ Савичъ выдержалъ отъ хана упреки. «Зачѣмъ, — говорилъ ему ханъ: — Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ безъ нашего вѣдома оставилъ польскаго короля и поддался подъ руку московскаго государя? Вонъ уже московскій государь Смоленскъ, говорятъ, и другіе города у польскаго короля побралъ, а ваши козаки посажали московскихъ воеводъ у себя въ городахъ, а меня объ этомъ не спрашивали?» «Польскій король и поляки,—отвѣчалъ Савичъ,— не устояли въ правдѣ по договору, города наши и въ нихъ церкви и домы жгутъ, людей побиваютъ. О Смоленскѣ и другихъ городахъ, будто взятыхъ москвитянами, я не знаю ничего, а въ нашихъ городахъ нѣтъ царскихъ воеводъ, кромѣ одного Кіева». По увѣренію Яскульскаго, ханъ далъ Савичу самую непріятную аудіенцію; на представленіе его онъ нѣсколько разъ возражалъ ему:

«Лжешь, сякой-такой сынъ, холопъ!» [1]).

[1]) Акты Южн. и Зап. Росс. X. 589.—Рук. И. П. Б. Miscell. № 63.

Послы Хмельницкаго были отправлены вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ, привезшимъ гетману грамоту, въ которой ханъ изъявлялъ готовность сохранить прежнее братство съ козаками, но съ тѣмъ, чтобъ Хмельницкій отступилъ отъ московскаго царя, иначе грозилъ соединиться съ поляками, навести, сверхъ того, на Украину венгровъ, молдаванъ, волоховъ и предать ее опустошенію.

Хмельницкій отвѣчалъ ему:

«Мы не можемъ отступить отъ царя московскаго; мы помнимъ, что Господь Богъ строго наказываетъ каждаго за нарушеніе присяги. И потому, не ища никакого предлога къ нарушенію мира, мы, полагаясь на свою справедливость, будемъ молиться Богу, готовые умереть, отбивая отъ предѣловъ своихъ всякаго непріятеля. Всемогущій Творецъ будетъ охранять справедливыхъ и воздастъ местью за несправедливость. А что ваша ханская милость стращаетъ насъ венграми, молдаванами, волохами и великою силою крымскихъ войскъ, то мы полагаемъ надежду болѣе на Бога, чѣмъ на огромность войскъ московскаго царя и силу запорожскаго войска. Богъ въ одно мгновеніе поражаетъ великія войска, противящіяся Его святой волѣ. Вы насъ вините, что мы государю московскому поддались и московскія ратныя силы къ намъ на помощь идутъ, а отчего-жъ вы ляховъ не вините за то, что не устояли въ присягѣ, данной подъ Каменцемъ и тотчасъ стали на наши города находить войною, побили много нашихъ и старыхъ и малыхъ, да еще иноземцевъ сосѣдей на насъ подвигаютъ—нѣмцевъ, венгровъ, волоховъ, мультанъ, да и васъ прельщаютъ, чтобъ вы на своей къ намъ присягѣ не устояли? Мы ожидали, сообразно постановленному подъ Каменцемъ миру, привилегій на зборовскія статьи, а ляхи, призвавши къ себѣ противъ насъ еще иноземцевъ, стали насъ бить, намѣреваясь до конца искоренить, и мы искали себѣ помощи—и вотъ великій государь, царь московскій,

за насъ заступился, не оставилъ насъ православныхъ такихъ же какъ и онъ самъ христіанъ, и за то мы и дѣти наши отнюдь на его государство рукъ поднимать не будемъ и вамъ противъ него помощи не дадимъ. Но съ вами желаемъ быть по-прежнему въ совѣтѣ, а если вы съ нами также останетесь, то мы обѣщаемъ вамъ, что внизу Днѣпра и Дона отъ козаковъ ни одинъ волосъ вашъ не пропадетъ и вольно будетъ вашимъ людямъ кочевать на поляхъ нашихъ безъ опасенія. Если-жъ вы насъ не послушаетесь, то вольно вамъ такъ дѣлать, только ужъ немного вамъ доставаться будетъ лядскаго добра, когда съ нами размиритесь: не будете одѣваться въ дорогія сукна, а станете ходить въ кожухахъ по-прежнему».

Такъ отношенія къ Крыму до поры до времени оставались неопредѣленными. Ханъ и его мурзы сердились на Хмельницкаго и козаковъ, но еще не высказались отъявленными врагами изъ недавнихъ друзей и союзниковъ, а Богданъ Хмельницкій хотѣлъ передъ мусульманскими союзниками укрыть совершившееся уже подданство царю московскому и представить дѣло такъ, какъ будто съ Москвою заключенъ только дружескій союзъ противъ поляковъ, и то въ крайнемъ случаѣ, когда поляки, нарушая только что постановленный договоръ, не даютъ Украинѣ покоя, и вынуждаютъ по-неволѣ искать противъ нихъ всякихъ союзниковъ [1]).

Между тѣмъ, послы Рѣчи Посполитой—Бѣгановскій и Янъ Собѣскій поѣхали въ Царьградъ упрашивать турецкаго визиря побуждать хана противъ Хмельницкаго [2]). Въ день пасхи польское посольство представлялось падишаху въ числѣ двѣнадцати особъ, на которыхъ по турецкому обычаю надѣли дорогіе кафтаны. Турки объяснили,

[1]) Памят. кіевск. комм. III. 3. 118.—Акты Южн. и Зап. Росс. X. 593.
[2]) Annal. Polon. Clim. I. 409.—Histor. Jan. Kaz. I. 179.

что ихъ дворъ оказываетъ большое вниманіе Польшѣ: «не было примѣра, — говорили они, — чтобы иноземное посольство, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, представлялось нашему государю». Удостоившись видѣть падишаха въ залѣ, увѣшанной и устланной драгоцѣнными тканями и наполненной благовоніями, поляки были приглашены на аудіенцію къ великому визирю, сидѣвшему за круглымъ столомъ съ Капуданъ-пашею и другими сановниками. «Мы просимъ, — сказали поляки, — чтобъ были посланы къ крымскому хану эмиры съ повелѣніемъ идти вмѣстѣ съ нашимъ королемъ на войну противъ москвитянъ. Крымскій ханъ взялъ съ насъ за то жалованье». — «Какъ вы договорились подъ Жванцемъ?» спросили ихъ. — «Мы на томъ условились, — отвѣчали поляки, — чтобъ намъ вмѣстѣ воевать Москву». — «А на письмѣ есть у васъ договоръ?» спрашивалъ визирь. — «Мы вмѣсто писемъ дали обоюдно закладъ», сказали поляки. — «Такъ - ли?» допрашивали ихъ недовѣрчиво турки. — «Головами своими ручаемся, что такъ», отвѣчали поляки. — «Хорошо, — сказалъ визирь, — велю написать хану, и узнаю, а вы не спѣшите».

Послѣ того визирь отправилъ къ хану эмира узнать, дѣйствительно-ли подъ Жванцемъ состоялся договоръ воевать противъ Москвы, а поляки оставлены были въ Константинополѣ, до полученія вѣсти изъ Крыма. При нихъ пріѣзжали въ турецкую столицу козацкіе и московскіе послы, и поляки съ досадою замѣчали, какъ мусульмане радовались, что христіанскіе народы ссорятся между собою и нуждаются въ благосклонности турецкаго двора. Турки, какъ будто для того, чтобы дразнить поляковъ, помѣстили вблизи ихъ козацкаго посла, но, однако, потомъ перевели его подалѣе по просьбѣ огорченнаго этимъ польскаго посольства. «Мы, — говорили турки, — будемъ держаться той стороны, какую приметъ новый крымскій ханъ» [1]).

[1]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. 63.

Ислама Гирея уже не стало на свѣтѣ. Говорили, что украинская плѣнница, взятая въ его гаремъ, отравила его въ отмщеніе за измѣну ея отечеству. Подозрѣвали даже здѣсь козни Хмельницкаго [1]). Наслѣдникомъ Ислама сдѣлался братъ его Махметъ-Гирей; онъ поѣхалъ въ Константинополь за утвержденіемъ въ своемъ достоинствѣ и находился тамъ во время пребыванія польскихъ пословъ. Этотъ новый ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу поляковъ. Онъ объявилъ турецкому правительству, что дѣйствительно братъ его заключилъ съ поляками договоръ и онъ самъ, по примѣру брата, пойдетъ за поляковъ противъ москвитянъ и козаковъ. Тогда верховный визирь объявилъ польскому посольству, что Турція дозволяетъ хану, сообразно съ заключеннымъ договоромъ, вмѣстѣ съ поляками воевать противъ москвитянъ [2]). Визирь увѣрялъ ихъ, что еслибъ поляки и прежде просили содѣйствія турокъ, то не испытали бы столько золъ [3]). Визирь видѣлъ, что Хмельницкій только обманывалъ диванъ, когда изъявлялъ желаніе поддать Украину Оттоманской Портѣ. Турція опасалась возвышенія Русской державы, и потому въ то время легко было расположить ее къ Польшѣ.

Новый ханъ отправилъ своего посла въ Варшаву и 13-го іюня заключенъ былъ договоръ на такихъ условіяхъ: король обязывался давать каждогодно упоминки крымскому царю, а крымскій царь будетъ за ними посылать своихъ мурзъ въ Каменецъ. За это крымскій царь обязывался со всею своею ордою помогать Польшѣ противъ всякаго непріятеля; и такъ какъ московскій царь, соединившись съ козаками, вступилъ войною въ польскіе предѣлы въ Бѣло-

[1]) Annal. Pol. Clim. I. 407.

[2]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

[3]) Wojna dom. Ч. 4. 120.

руссію и Украину, то ханъ обязывался воевать противъ козаковъ, москвитянъ и мятежнаго русскаго хлопства [1]).

Возвращаясь изъ Турціи, въ сентябрѣ, ханъ близъ Очакова встрѣтилъ поляка Корыцкаго, посланнаго къ нему отъ имени польскихъ гетмановъ.

«Скажи своимъ гетманамъ, — сказалъ ему ханъ, — что я все сдѣлаю для короля и Рѣчи Посполитой, какъ поставилъ съ нимъ въ договорѣ братъ мой [2]).

Возвратившись въ Крымъ, онъ засталъ тамъ снова явившагося Яскульскаго. Онъ пріѣхалъ за утвержденіемъ договора, заключеннаго ханскимъ посломъ въ Варшавѣ. На этотъ разъ крымцы дали полякамъ почувствовать, что татары сильнѣе поляковъ и послѣдніе болѣе нуждаются въ союзѣ, чѣмъ они. Польскій посланникъ просилъ отпустить заложниковъ, которыхъ дали поляки татарамъ подъ Жванцемъ, такъ какъ между Польшею и Крымомъ уже заключенъ дружественный союзъ.

«Этого не будетъ, — сказалъ визирь, — вамъ нельзя довѣрять: вы слова своего не держите».

«Его королевское величество, — сказалъ Яскульскій, — уже присягнулъ въ прочности мира. Онъ не желаетъ, чтобъ они оставались здѣсь и Рѣчь Посполитая не хочетъ тратиться на ихъ содержаніе; притомъ, родственники ихъ безпрерывно осаждаютъ короля просьбами объ ихъ освобожденіи».

«Вамъ жаль заложниковъ, — сказалъ визирь, — а мы не жалѣемъ для васъ нѣсколькихъ тысячъ войска. Нѣтъ, скажу вамъ по истинѣ: если я подъ Каменцемъ не позволилъ этого, когда мнѣ за шею дождь лилъ, такъ теперь подавно не позволю, потому что я весь сухъ».

«Присягою, — представлялъ полякъ, — король и Рѣчь

[1]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

[2]) Памятн. кіевск. комм. III. 3. 82.

Посполитая болѣе дали вамъ ручательства дружбы, чѣмъ оставленіемъ у васъ заложниковъ. Не надобно оскорблять его величество. Развѣ нашъ король у васъ безъ заложниковъ не имѣетъ вѣры. Всѣ другіе народы вѣрятъ слову нашего государя».

«Мы вамъ не вѣримъ,—сказалъ визирь,—и до тѣхъ поръ не будемъ вѣрить, пока наша сабля, вмѣстѣ съ вашей, не омоется московскою и козацкою кровью. Заложники будутъ оставаться у насъ до тѣхъ поръ, пока на самомъ дѣлѣ не останется того, о чемъ мы теперь говоримъ на словахъ, пока наши беи не войдутъ въ дружбу съ вашими военачальниками».

«Упоминки, слѣдуемые хану, уже въ Каменцѣ,—сказалъ Яскульскій,—вы можете прислать за ними. Его величество отпустилъ плѣнныхъ татаръ и проситъ также васъ отпустить нашихъ людей; вотъ онъ и прислалъ роспись имъ».

«На счетъ плѣнниковъ,—сказать визирь,—я вамъ вотъ что скажу: не думайте, чтобъ мы были себѣ такъ какіе нибудь людишки; за вѣжливость мы съумѣемъ отплатить вѣжливостью».

Скоро послѣ того наступилъ байрамъ, а послѣ праздника, татары день ото дня откладывали утвержденіе договора. Полякъ жаловался, что драгоцѣнное время пропадаетъ, а силы татарскія не приходятъ на помощь Польшѣ. Визирь тянулъ дѣло съ поляками оттого, что, тѣмъ временемъ, пытался убѣдить Хмельницкаго отступить отъ Москвы. Крымцамъ не хотѣлось окончательно разсориться съ козаками; и Турція была того же мнѣнія. Поляки, такъ долго въ угодность мусульманскимъ властямъ, давившіе козаковъ, не въ силахъ были гнести ихъ и удерживать отъ нападенія; надобно было опять подвергать прежнимъ опасностямъ черноморскіе берега. Уже прошлою весною, услыхавши, что крымскій ханъ дружитъ съ по-

ляками и Турція также стала къ нимъ благосклонна, козаки плавали по Черному морю, грабили берега Крыма, нападали на Измаилъ и Килію, гдѣ перебили не мало мусульманъ [1]), приставали къ правому и къ лѣвому побережью и опустошали окрестности Ерегли и Бальчика [2]), появлялись и за четыре мили отъ Константинополя: имъ тамъ не посчастливилось; они вышли было на берегъ, въ надеждѣ пошарпать невѣрныхъ, но турки окружили ихъ и разбили: тридцать козаковъ взяли живьемъ и привезли въ Константинополь, гдѣ ихъ казнили самымъ мучительнымъ образомъ. Вслѣдъ за этимъ морскимъ набѣгомъ, можно было ожидать другаго, какъ случалось прежде: гораздо благоразумнѣе казалось ладить съ этимъ воинственнымъ народомъ. Поэтому-то и крымское правительство пыталось не доходить до окончательной вражды съ козацкимъ гетманомъ, и послало къ нему Тохтамышъ-агу съ предложеніемъ отстать отъ ненавистной для мусульманъ Москвы и воевать москалей вмѣстѣ съ татарами и поляками. Хмельницкій 24-го октября отписалъ визирю такъ: «Мы не можемъ отступить отъ союза съ Москвою, потому что ляхи затягиваютъ на насъ нѣсколько земель, и вы сами этого не видите и пишете къ намъ неправду. Твоя милость былъ съ нами пріятелемъ: не мы нарушаемъ присягу, а вы; Богъ вамъ судья. Мы останемся въ Украинѣ и, призвавши на помощь Бога, станемъ противъ васъ обороняться. Неужели хорошо будетъ, если вы съ нами разорвете братство? Вы ѣли хлѣбъ и соль съ нами и были въ покоѣ. Уговорите лучше хана оставаться съ нами въ вѣчномъ союзѣ. Мы на поляковъ не нападаемъ, а они всяческими способами хотятъ насъ искоренить. Да Богъ имъ не поможетъ!»

Получивъ это письмо, крымское правительство разсу-

---

[1]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn 727.

[2]) Hammer. V. 601.

дило, что нѣтъ возможности поладить съ Хмельницкимъ, а оставлять его въ соединеніи съ Москвою опасно; для этого оказалось нужнымъ сдружиться съ поляками.

Не прежде, какъ 18-го ноября, пригласили Яскульскаго къ хану. Махметъ-Гирей сказалъ:

«Братъ мой Исламъ заключилъ съ вами союзъ и присягнулъ идти вмѣстѣ съ вами на каждаго непріятеля; то же дѣлаю и я. Сообщи это брату моему королю польскому и всей Рѣчи Посполитой».

Яскульскій поблагодарилъ хана, а Махметъ-Гирей, взявши въ руки договоръ, сказалъ:

«По примѣру всѣхъ монарховъ, отдаю тебѣ этотъ договоръ. Въ немъ моя святая присяга на вѣчныя времена».

Яскульскій просилъ, чтобъ ханъ присягнулъ и также чтобы его мурзы вмѣстѣ съ нимъ присягнули.

«Въ договорѣ написана присяга», сказалъ Махметъ-Гирей.

«Ваше царское величество, — сказалъ визирь, — не упорствуйте сотворить такъ, какъ хотятъ поляки».

Склоняясь къ совѣту визиря, ханъ приказалъ подать себѣ книгу, и по этой книгѣ (Алкорану) произнесъ присягу, которой смыслъ былъ таковъ: «пусть меня поразитъ Богъ, если я помыслю отступить отъ васъ, обѣщаю вѣчную вражду всѣмъ вашимъ врагамъ. Въ этомъ помоги мнѣ Боже!»

Яскульскій требовалъ, чтобъ мурзы и беи присягнули также, но ханъ и визирь не соглашались: «какъ одинъ Богъ на небѣ и на землѣ, — сказалъ Махметъ-Гирей, — такъ я одинъ государь въ своемъ государствѣ».

Визирь прибавилъ: «у насъ не то, что у васъ; вашъ король не смѣетъ сдѣлать никому того, что почитается несправедливостью. У насъ же, что ханъ скажетъ, то и дѣлается: одно его слово—и мы всѣ готовы положить головы подъ мечъ! Впрочемъ, какъ сойдетесь съ мурзами и беями—тамъ пускай себѣ они хоть съ женами и дѣтьми присягаютъ вамъ!»

Съ этимъ отпущенъ былъ Яскульскій [1]).

Ханъ въ знакъ расположенія отпустилъ до двухъ сотъ польскихъ плѣнниковъ и въ томъ числѣ бѣднаго Кашовскаго, захваченнаго такъ неожиданно на собственной свадьбѣ [2]). Оставленъ былъ какой-то Ромашкевичъ. Вслѣдъ затѣмъ ханъ извѣстилъ короля, что сильная орда, подъ предводительствомъ его сына Менгли-Гирея, немедленно отправится въ Украину для соединенія съ поляками противъ русскихъ. Мѣсто для соединенія назначено подъ Чернеіовцами [3]).

Современный польскій историкъ [4]) говоритъ, что, поладивши съ поляками, ханъ приказалъ обрѣзать ноздри посланцу Хмельницкаго, пріѣзжавшему къ нему съ письмомъ, и въ такомъ видѣ отправилъ его къ гетману.

Сношенія поляковъ съ ханомъ продолжались до конца ноября, а гетманы не осмѣливались выступить въ походъ, и стояли лагеремъ сперва подъ Межибожьемъ, потомъ подъ Тарнополемъ.

Оба русскія войска—козацкое и присланное въ Украину великороссійское, всю весну и большую часть лѣта 1654 года не предпринимали наступательныхъ военныхъ дѣйствій. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ этимъ недоволенъ и упрекалъ Хмельницкаго за медленность. Хмельницкій указывалъ на то, что польскій король собирается съ войскомъ вступить въ Украину и кромѣ того опасность угрожаетъ отъ крымцевъ, которые, будучи въ союзѣ съ поляками въ качествѣ такихъ союзниковъ, могутъ не сегодня-завтра ворваться и производить опустошенія въ Украинѣ. Поэтому нельзя козакамъ выступать въ чужой край, а надобно въ чаяніи къ себѣ недобрыхъ гостей оставаться

---

[1]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 443.—Wojna dom. Ч. 4. 124.

[3]) Памятн. кіевск. комм. III. 3. 106.

[4]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 146.

для обороны своего края. Хмельницкому на такія представленія отвѣчали изъ Москвы, что отъ крымцевъ оборонять Украину будетъ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ и сверхъ того донскіе козаки сдѣлаютъ нападеніе на Крымъ, для отвлеченія татарскихъ силъ отъ Украины. Исполняя царскій указъ, Хмельницкій въ августѣ выступилъ въ походъ, сошелся съ царскимъ воеводою Андреемъ Бутурлинымъ и до половины сентября простоялъ подъ опустѣлымъ городомъ Бердичевомъ. Царскій воевода побуждалъ его идти съ нимъ на Волынь, въ сходъ ко князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, но Хмельницкій представлялъ, что ему, гетману, никакъ нельзя вести своего войска далеко, когда онъ навѣрное знаетъ, что польскій король подкупилъ крымскаго хана и крымцы нежданно могутъ появиться и станутъ разорять край, притомъ же и самое войско великорусское, бывшее съ Бутурлинымъ малолюдно и ненадежно. Дѣйствительно войско, о которомъ говорилъ Хмельницкій, скоро показало свою несостоятельность: оно разбѣжалось и самъ Андрей Бутурлинъ заболѣлъ, а Хмельницкій отступилъ назадъ [1]) и расположился обозомъ подъ Каневомъ [2]). Вѣроятно Хмельницкій былъ недоволенъ Андреемъ Бутурлинымъ и вообще въ Украинѣ что-то не ладилось послѣ присоединенія къ Московскому Государству. Изъ польскихъ источниковъ видно, что въ то время, когда Хмельницкій, подступя къ границамъ Волыни, не рѣшался вступить туда всѣмъ своимъ войскомъ, часть русскихъ была таки недолго на Волыни. Коронный гетманъ, услышавши о движеніи Хмельницкаго къ Волыни отправилъ противъ непріятеля полковника Суходольскаго съ десятью хоругвями, но высланный отрядъ былъ разбитъ [3])

---

[1]) Истор. Соловьева. X. 163.

[2]) Jemiołowsk. Pamiętn. 48.

[3]) Ibid.

вступившими на Волынь русскими, которые разорили тамъ нѣсколько городковъ и ушли въ Украину. Коронный гетманъ впослѣдствіи объяснялъ, что онъ не подалъ помощи Суходольскому, потому что дожидался татарской орды, а объ ея скоромъ прибытіи сообщалъ посланецъ Рѣчи Посполитой въ Крыму, Яскульскій.

Наконецъ, когда пришло извѣстіе, что ханъ присылаетъ въ скоромъ времени орду для соединенія съ польскими войсками, Потоцкій двинулся на укрощеніе отпавшей Руси. Войско его, по русскимъ историкамъ, простиралось до шестидесяти тысячъ [1]), по сказанію польскихъ историковъ—около сорока, по другимъ—около тридцати тысячъ [2]), изъ которыхъ болѣе двадцати тысячъ было одной конницы [3]).

Поляки обратились на мѣстечко Бушу [4]), недалеко отъ Днѣстра, которое послѣ сожженія Могилева служило убѣжищемъ подольскимъ левенцамъ или такъ называемому поднѣстранскому полку. Мѣстечко лежало на высокой горѣ; оно было тогда хорошо укрѣплено валами, съ одной стороны защищено ставомъ и раздѣлялось на три половины: двѣ назывались городами, а третья, зàмокъ, назывался пригородкомъ. Туда укрылось шесть тысячъ левенцовъ съ женами, дѣтьми и имуществами, подъ начальствомъ какого-то Гречки [5]), двѣнадцать тысячъ жителей обоего пола, и толпа молдавскихъ удальцевъ, служившихъ въ украинской вольницѣ. Польское войско было слишкомъ велико; подоляне заранѣе рѣшились умереть, но не сда-

---

[1]) Лѣтоп. Величка. I. 208.

[2]) Lat. Jerl. 151.

[3]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 199.—Annal. Polon. Clim. I. 444.

[4]) Нынче мѣстечко Яруга, при сліяніи водъ Мурахвы и Буши, въ могилевскомъ уѣздѣ.

[5]) Pamiętn. Jemiołowsk. 48.

ваться на поруганіе непріятелю. Какъ только польскій отрядъ приблизился къ стѣнамъ города, его привѣтствовали сильнымъ залпомъ со стѣнъ; быстро вылетѣли козаки изъ воротъ, разсѣяли непріятелей; погибъ самъ начальникъ отряда. Ободренные левенцы, въ знакъ торжества, ударили въ колокола, но вслѣдъ затѣмъ бросился на штурмъ Чарнецкій съ нѣсколькими полками. Онъ увидѣлъ, что одна брама (ворота) стояла ниже прочихъ: тамъ стѣна спускалась съ полугоры: туда направилъ онъ жолнѣровъ. Левенцы дали сильный отпоръ, отступили и впустили поляковъ въ браму; но когда торжествующіе враги вошли въ мѣстечко и уже удалялись отъ брамы, въ которую вошли, вдругъ за ними сдѣлался пожаръ, а спереди бросились на нихъ осажденные мужчины и женщины съ оружіемъ, косами, рогатинами и дубинами. Поляки были наткнуты въ огонь; множество погибло, и самъ Чарнецкій, съ прострѣленною ногою, едва успѣлъ выскочить.

Гетманы, видя такое упорство, жалѣли людей и послали въ городъ трубача съ предложеніемъ милости, прощенія и совершеннаго забвенія мятежа; но левенцы съ поруганіемъ разстрѣляли этого трубача въ виду непріятелей.

Тогда предводители приказали идти на генеральный штурмъ цѣлому войску. Бушу окружили со всѣхъ сторонъ. Ляндскоронскій приказалъ конницѣ оставить лошадей и лѣзть на скалы: послалъ туда даже погонщиковъ и слугъ. Долго всѣ усилія были напрасны: левенцы сыпали на нихъ градомъ пуль, спускали огромныя бревна и колоды; поляки падали съ укрѣпленія; Буша была невредима. Чарнецкій замѣтилъ, что можно спустить воду изъ пруда, который примыкалъ къ городу въ самомъ приступномъ мѣстѣ: сдѣлали плотину, вода обмельчала, и въ то время, когда козаки должны были отражать во всѣхъ пунктахъ сильнѣйшій приступъ, польская конница побросала коней, перешла чрезъ прудъ и бросилась на

одну башню; козаки долго защищали это мѣсто, множество жолнѣровъ погибло, но часъ-отъ-часу прибывали новыя силы къ слабому мѣсту, сдѣлали въ стѣнѣ проломъ, зажгли башню и посыпались въ мѣстечко, между тѣмъ, какъ другіе, пользуясь раздѣленіемъ силъ осажденныхъ, всходили на стѣны въ иныхъ мѣстахъ. Невозможно было держаться противъ огромнаго войска. Гречка палъ въ битвѣ. Русскіе, въ ожесточеніи, не хотя отдаваться врагамъ, зажгли свои домы и начали умерщвлять другъ друга. Жена убитаго сотника Завистного сѣла на бочку пороха, сказавъ: «не хочу послѣ милаго мужа доставаться игрушкою солдатамъ!» зажгла бочку и взлетѣла на воздухъ. Ободренныя ея примѣромъ, женщины бросали въ пламя и въ колодцы своихъ дѣтей и сами кидались за ними. Погибло шестнадцать тысячъ храбраго народа. Все имущество сдѣлалось добычею огня; жолнѣры не вознаградили себя за потерю товарищей и за собственныя раны. Семьдесятъ женщинъ успѣли скрыться въ пещерѣ, находившейся недалеко отъ мѣстечка и закрытой густымъ терновникомъ. Но нѣкоторыя, бѣжавши, потеряли по дорогѣ свои намитки. Это замѣтили слуги и полковникъ Целарій получилъ приказаніе принудить къ сдачѣ скрывшихся. «Сдавайтесь, — кричали имъ жолнѣры: — мы обѣщаемъ вамъ жизнь, прощеніе, цѣлость вашего имущества. Не губите себя напрасно». Изъ пещеры имъ отвѣчали выстрѣлами. Целарій не сталъ посылать жолнѣровъ на безполезную смерть, но увидѣлъ другой способъ выжить ихъ изъ убѣжища: неподалеку изъ горы протекалъ источникъ; онъ приказалъ отвести его и направить прямо въ пещеру. Женщины потонули, но ни одна не отдалась въ руки побѣдителей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Самоотверженіе русскихъ.—Истребленіе украинскихъ мѣстечекъ и селеній.—Битва подъ Охматовомъ.—Сношеніе Хмельницкаго съ Швеціею.—Война Швеціи съ Польшею.—Успѣхи шведовъ.—Бѣгство польскаго короля.—Походъ козаковъ и москвитянъ въ Червоную Русь.—Битва подъ Гродекомъ.—Осада Львова.—Бесѣда Хмельницкаго съ Любовицкимъ.—Свиданіе Хмельницкаго съ ханомъ.—Взятіе Люблина.

Коронный гетманъ выдалъ жителямъ Подоли всеобщій универсалъ, въ которомъ извѣщалъ о наказаніи, постигшемъ Бушу за упорство, и совѣтовалъ всѣмъ, для избѣжанія подобнаго жребія, покориться, обѣщая милость и прощеніе. «Но твердыя сердца русскія не имѣли надъ собою никакого состраданія, — говоритъ историкъ: — всѣ готовились послѣдовать примѣру Буши и погибнуть съ честью» [1]). Изъ-подъ Буши поляки вступили въ ту часть Побужья, которая называлась Брацлавщина. «Прежде всего намъ слѣдуетъ, — говорили предводители: — до прибытія непріятеля, очистить отъ мятежниковъ Побужье, а потомъ уже пойдемъ въ самое логовище непріятельское и завоюемъ Кіевъ, какъ приказывалъ король». Шпіоны доносили, что Хмельницкій, самъ расположившись станомъ

---

[1]) Annal. Polon. Clim. 1. 444—446.

близъ Канева, назначилъ Брацлавль главнымъ пунктомъ охраненія Побужья, и что въ этомъ городѣ находится сильный козацкій гарнизонъ. Польскіе отряды завоевали по окрестностямъ Брацлавля города и мѣстечки, взяли Тимановку, которую покинулъ начальникъ охочихъ козаковъ Махержинскій [1]). Жители сначала показали отвагу и на предложеніе поляковъ сдаться, отвѣчали: «вы, ляхи, сами намъ піддайтеся, а того хто васъ колотить выдайте, мы вамъ дамо істи и пити а вы ся верніть до дому». Но когда предводитель козацкій ихъ покинулъ, они просили у поляковъ милосердія [2]). Главное войско отправилось на Брацлавль. Чарнецкій съ сильнымъ отрядомъ пошелъ впередъ лѣсомъ и развѣдалъ, что въ Брацлавлѣ двѣнадцать тысячъ козаковъ, полки: винницкій подъ начальствомъ Богуна, брацлавскій, подъ начальствомъ Зеленскаго, лубенскій полтавскій, а наказнымъ гетманомъ Мизко [3]). Къ изумленію поляковъ, когда они подошли къ городу, то не увидѣли стражи за стѣнами, ни людей на валахъ: всѣ городскія ворота были отворены настежъ; живая душа не показывалась изъ города! «Это хитрость Богуна, — сказалъ Чарнецкій: — онъ нарочно представляется безпечнымъ и лѣнивымъ, но вѣрно спряталъ гдѣ нибудь войско и готовитъ намъ какую нибудь ловушку». Восемь разъ обходили поляки вокругъ Брацлавля; ворота были отворены: никто не появлялся. Поляки не могли понять, что это значитъ, терялись въ догадкахъ и боялись каждую минуту попасть въ-просакъ. Вдругъ 8-го декабря козаки стремительно бросились изъ Брацлавля и стали надъ Бугомъ въ боевомъ порядкѣ. Поляки бросились на русскихъ; русскіе дали сильный залпъ, потомъ перешли мостъ, со-

---

[1]) Рук. И. П. Б. № 63.

[2]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 732.

[3]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63—Пам. кіев. ком. III. 3. 41. Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 733.

жгли его и пошли по дорогѣ къ Умани въ виду многочисленнаго непріятельскаго войска, но у нихъ былъ убитъ наказный гетманъ Мизко-Дубиня. Поляки за ними не послѣдовали, зная что въ небольшомъ отрядѣ козацкомъ былъ Богунъ; враги непремѣнно ожидали какой нибудь хитрой продѣлки.

«Такъ-то мы упустили пташекъ», писалъ коронный гетманъ [1]).

Отошедши отъ Брацлавля, коронный гетманъ расположился въ Тростянцѣ, русскій воевода въ Александровѣ, а обозный Чарнецкій въ Ладыжинѣ. Ожидали татарскаго войска, о которомъ тогда выражались поляки, что оно ползло какъ ракъ [2]). Разослали еще разъ универсалы, убѣждали въ нихъ русскій народъ покориться, и угрожали ему жестокими карами за непокорность. Изъ Винницы и изъ Ильменецъ прислали къ нимъ съ повинною, но въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только были собраны вооруженныя шайки, покоряться не хотѣли. Особенное упорство показала тогда Демовка — мѣстечко, принадлежавшее Вишневецкому. Владѣлецъ, взявши прежде Балановку, подступилъ къ Берладу: оттуда вооруженная шайка хлоповъ въ глазахъ князя пробилась черезъ лѣсъ въ Демовку. Вишневецкій погнался за нею до Демовки. Тамъ было уже до 4000 вооруженныхъ хлоповъ и кромѣ того отрядъ козаковъ съ сотниками: Заруднымъ, Яковенкомъ и Юркевичемъ. Никакія увѣщанія не дѣйствовали. Русскіе упорно отбивались. Вишневецкій долженъ былъ отступить. «Но не годилось, — говоритъ въ своемъ письмѣ коронный гетманъ: — давать поблажку хлопскому упрямству». Вишневецкому прислали свѣжей пѣхоты, драгуновъ и пять пушекъ. Тогда Вишневецкій подступилъ снова къ Демовкѣ.

[1]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

[2]) Pamiętn. Jemiołowsk. 49.

Послѣ сильнаго сопротивленія со стороны русскихъ, поляки гранатами зажгли мѣстечко, ворвались туда и вырѣзали всѣхъ жителей безъ различія пола и возраста. Тѣ, которые были съ оружіемъ, заперлись въ замкѣ, отбивались отъ поляковъ до послѣдней капли крови и погибли въ битвѣ, нанеся много вреда врагамъ своимъ. По извѣстію современника, въ Демовкѣ погибло тогда до 14.000 русскаго народа. Кромѣ жителей и пришедшихъ къ нимъ вооруженныхъ людей, тамъ было много хлоповъ, прибѣжавшихъ туда со своими семьями изъ окрестностей, ради спасенія отъ жолнѣрскихъ неистовствъ. Немногіе изъ бывшихъ въ замкѣ были взяты живьемъ, но ихъ не пощадили; такимъ образомъ, начальствовавшіе козаками три сотника, взятые поляками, были тотчасъ же казнены, подъ тѣмъ предлогомъ, что разъ уже они были взяты поляками въ плѣнъ и отпущены, а потомъ снова взялись за оружіе.

За бойнею въ Демовкѣ послѣдовало разореніе сосѣднихъ мѣстечекъ и селъ. «Горько будетъ вашему величеству увѣдать,—писалъ королю коронный гетманъ,—о разореніи вашего государства; но иными средствами не можетъ усмириться неукротимая хлопская злоба, которая до сихъ поръ только возрастаетъ».

Между тѣмъ ожидаемая поляками орда явилась: по однимъ, ее было до тридцати, по другимъ—до сорока тысячъ человѣкъ. Это была только передовая часть татарской силы, назначенной на помощь полякамъ. Главное начальство надъ нею дано Менгли-Гирею, сыну крымскаго хана, но это было только для вида, такъ какъ ему было всего 16 лѣтъ отъ роду. Всѣмъ распоряжался мурза Хамамбетъ. Ногайскою ордою начальствовалъ Келимбетъ-мурза. Они расположились у Ободовки. За ними долженъ былъ придти съ остальною силою султанъ Калга и смѣнить Менгли-Гирея. Послѣ перваго свиданія съ поляками,

татары просили, чтобъ имъ дали для зимовки пространство между Бугомъ и Днѣстромъ, и чтобы въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ, гдѣ расположится польскій гарнизонъ, были съ поляками по-поламъ и татары; гдѣ польскій полковникъ, тамъ съ нимъ мурза или бей, а гдѣ самъ гетманъ, тамъ салтанъ Калга. Поляки должны были на это согласиться, тѣмъ болѣе, что города и мѣстечки были имъ непріязненны, и предохранять ихъ отъ татарскаго обращенія поляки не имѣли нужды [1]). Впрочемъ салтанъ и мурзы сами обѣщались запретить своимъ татарамъ жечь селенія и брать яссыръ, подъ страхомъ обрѣзанія ушей за такіе поступки.

Татары настаивали, чтобъ поляки шли въ походъ въ Украину прежде нихъ, а они выйдутъ черезъ недѣлю. Поляки съ неохотою должны были исполнить это требованіе; между тѣмъ татары, ставъ кошемъ, по своему обычаю принялись за грабежи, не смотря на увѣренія салтана и мурзъ, что этого не будетъ.

10-го января (20-го н. ст.), соединенное войско поляковъ и татаръ пошло къ Умани, гдѣ, какъ услышали они, заперлись полковники, ушедшіе такъ смѣло отъ Брацлавля. Городъ Умань былъ въ то время обнесенъ тремя высокими валами и тремя сухими рвами. Кромѣ двѣнадцати тысячъ козаковъ, тамъ были вооруженные хлопы и мѣщане; по извѣстію, передаваемому польскимъ историкомъ, въ этомъ городѣ было до тридцати тысячъ народа — число, вѣроятно, преувеличенное. Богунъ приказалъ полить валы водою и, покрытые льдомъ, они свѣтились какъ стекло, при утреннемъ солнцѣ, въ глазахъ союзниковъ, расположившихъ кругомъ города неизмѣримый обозъ для показанія своей силы [2]). Сначала Потоцкій отправилъ впе-

---

[1]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63. Jak. Michałowsk. Xięga. Pamiętn. 739.
[2]) Annal. Polon. Clim. 1. 451.

редъ короннаго обознаго Чарнецкаго съ милостивымъ универсаломъ, приглашавшимъ русскихъ сдаться и принести покорность Рѣчи Посполитой [1]), «но уманцы,—говоритъ современникъ,—пушечною стрѣльбою показали намъ свое повиновеніе» [2]). На другой день, въ полдень, назначили опять генеральный штурмъ. Тогда коронный гетманъ осадилъ городъ и приказалъ пустить туда гранаты, но ему не удалось произвести пожаръ. Козаки покрывали крыши домовъ мокрыми кожами и полстями, да и вообще время было влажное [3]). Союзники, подъ выстрѣлами осажденныхъ, овладѣли первымъ валомъ, вступили въ ровъ, но Богунъ нечаянно сдѣлалъ вылазку и обратилъ въ бѣгство огромную толпу враговъ [4]). Въ это время посланные на подъѣздъ съ жолнѣрами Дружкевичъ и Гроздецкій привели языковъ, которые дали показаніе, что Хмельницкій соединенными силами козаковъ и москвитянъ спѣшитъ обойти осаждающихъ. Поляки повѣсили языковъ въ награду за сообщенныя вѣсти, потомъ скоро оставили Умань и двинулись на встрѣчу Хмельницкому, не зная впрочемъ, гдѣ столкнутся съ нимъ. Съ поляками отправился и Хамамбетъ-мурза на челѣ орды своей [5]). Пройдя около тридцати верстъ, они встрѣтили на дорогѣ татарскій загонъ. Татары объявили, что они только что дрались съ козацкимъ отрядомъ, который ушелъ въ Охматовъ и тамъ заперся. Этимъ козацкимъ отрядомъ начальствовалъ полтавскій полковникъ Пушкаренко. Поляки подумали тогда, что извѣстіе, полученное подъ Уманью, относилось единственно къ этимъ козакамъ и разсудили уничтожить малый отрядъ, убѣжавшій въ незначительное укрѣпленіе, а потомъ сво-

[1]) Рук. Имп. Публ. Биб. Misc. № 63.
[2]) Памятн. кіевск. комм. III. 3. 44.
[3]) Рук. Имп. Публ. Библ. Misc. № 63.
[4]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 146.
[5]) Рук. Имп. Публ. Библ. Misc. № 63.

бодно продолжать осаду Умани. Войско приступило къ Охматову и на зарѣ (29-го января) начало палить въ Охматовъ [1]).

Хмельницкій въ то время былъ недалеко. Онъ также не зналъ, что войско польское велико. Богунъ, еще до пришествія татаръ, въ Брацлавлѣ видѣлъ только часть его, потому что другая невидима была за кустарниками. Плѣнникъ далъ гетману невѣрное извѣстіе. Соединенное русское войско козаковъ и москвитянъ простиралось по однимъ до 60,000 [2]), по другимъ польскимъ источникамъ до 80,000, или до 90,000 [3]), кромѣ калмыковъ; но Хмельницкій не счелъ нужнымъ тащить его въ походъ. Когда дошла до него вѣсть, что поляки приступили къ Умани, онъ оставилъ обозъ подъ Бѣлою-Церковью, гдѣ находился главнокомандующій московскими войсками, Бутурлинъ, а самъ отправился вмѣстѣ съ бояриномъ Василіемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, взявъ только двадцать пять тысячъ [4]).

Когда поляки начали палить подъ Охматовомъ, Хмельницкій съ Шереметевымъ завтракали въ Ставищахъ, верстъ за десять слишкомъ отъ Охматова. Услышавъ громъ орудій, они немедленно поѣхали въ саняхъ и дали приказъ двинуться всему двадцатипятитысячному войску въ путь съ обозомъ. Польскій отрядъ Рощица, посланный высматривать непріятеля, узналъ о немъ заранѣе и донесъ своимъ гетманамъ. Тогда польское войско оставило подъ Охматовомъ Шемберга и двинулось на встрѣчу русскимъ [5]).

Войска встрѣтились другъ съ другомъ на закатѣ солнца,

---

1) Annal. Polon. Clim. I. 452—455.

2) Jemiołowsk. Pamiętn. 51.

3) Annal. Polon. Clim. ibid.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 147.—Histor. Jan. Kaz. I. 207.

4) Лѣтоп. Величка. I. 209.

5) Рук. Имп. Публ. Библ. Misc. № 63.

на полѣ, которое называлось отъ маленькаго тамъ текущаго протока, *Бавы*, гдѣ теперь деревушка Багва [1]).

Съ обѣихъ сторонъ началась жестокая, упорная битва, продолжавшаяся пять часовъ въ темную, морозную ночь. Пушечная и ружейная пальба была, по сказанію современниковъ, такъ часта, что было ясно какъ въ день [2]). Перевѣсъ былъ на сторонѣ поляковъ. Потоцкій занялъ возвышеніе—и польскіе выстрѣлы были дѣйствительнѣе русскихъ; со всѣхъ сторонъ заходили поляки и прорывали ряды пѣхоты. «Богъ помогъ намъ, — писалъ очевидецъ, черниговскій воевода, — прорвать ихъ таборъ, отнять 21 (по другому извѣстію въ письмѣ Чарнецкаго только 16) пушку и нѣсколькихъ московскихъ капитановъ взять въ плѣнъ» [3]). Въ союзномъ войскѣ распространилось смятеніе.

Какъ только поляки отступили отъ Умани, Богунъ вышелъ за ними изъ крѣпости, прошелъ счастливо черезъ оставленный польскій обозъ и въ самое несчастное для своихъ время неожиданно появился сзади польскаго войска и ударилъ въ тылъ. Эта внезапность до того поразила поляковъ, что они смѣшались, среди ночи не могли разсмотрѣть, что это за войско и какъ велико оно, оставили Хмельницкаго и вступили въ сраженіе съ новымъ непріятелемъ. «Нельзя было разобрать кто съ кѣмъ бьется, кто свой, а кто непріятельскій», говоритъ очевидецъ [4]). Три тысячи жолнѣровъ погибло въ той сѣчѣ. Богунъ съ своею горстью разрѣзалъ ряды многочисленнаго войска и соединился съ Хмельницкимъ [5]), который, пользуясь тѣмъ временемъ, когда поляки занялись битвою съ Богуномъ,

---

1) Лѣтоп. Величка. I. 209.

2) Histor. ab. exc. Wlad. IV 147—Jemiołowsk. Pamiętn. 52.

3) Рук. И. П. Б. Misc. № 63—Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 742. 745.

4) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

5) Лѣтоп. Величка. I. 210.—Wojna dom. ч. 4. 130.

устроивалъ къ защитѣ свой обозъ [1]). Козаки набрали тогда труповъ и сдѣлали изъ нихъ валъ [2]).

Московскій предводитель съ неудовольствіемъ замѣтилъ Богуну: для чего онъ оставилъ Брацлавщину на разграбленіе и завелъ по слѣдамъ своимъ непріятеля, о которомъ ложно писалъ, будто онъ не силенъ? «Когда приманиваютъ птичекъ,—отвѣчалъ Богунъ,—то всегда бросаютъ имъ что-нибудь на кормъ» [3]). Богунъ имѣлъ планъ завести польское войско въ средину Украины, чтобъ оно наткнулось на соединенное русское войско; но, во-первыхъ, обманулся самъ, не зная силы поляковъ, а во-вторыхъ, Хмельницкій и москвитяне взяли съ собой слишкомъ мало войска. При такомъ неравенствѣ силъ, оставалось только и остальному войску отступить къ Бѣлой Церкви, къ главному обозу. Но поляки обложили русскихъ на пути со всѣхъ сторонъ; надобно было пробиваться силою. Хмельницкій устроилъ тройной рядъ саней, связанныхъ цѣпями, поставилъ на нихъ пѣхоту и артиллерію, а въ средину помѣстилъ конницу и такимъ образомъ на другой день двинулся на проломъ [4]). Поляки напирали на него со всѣхъ сторонъ; русскіе отбивались съ чрезвычайнымъ рвеніемъ и искуствомъ, защищались не только выстрѣлами, но оглоблями отъ саней, дубинами и рукопашнымъ боемъ. Прусская пѣхота, одѣтая въ панцыри, закрытая мѣдными щитами, надѣясь на такое вооруженіе, хотѣла, какъ говоритъ лѣтописецъ, пріобрѣсть себѣ славу, и вся погибла; конные наскакивали на сани и теряли лошадей. Такъ прошло два дня; поляки выбились изъ силъ и оставили преслѣдованіе. Они проводили непріятелей до мѣстечка Буки и не рѣшились идти за ними далѣе къ Бѣлой Церкви, гдѣ стояло остав-

---

1) Histor. ab exc. Wlad. IV. 147.

2) Лѣтоп. Самов. 24.

3) Annal. Polon. Clim. I. 453.

4) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 147.

шееся, не взятое въ походъ войско. При этомъ сдѣлался такой сильный морозъ, какой рѣдко бываетъ въ этихъ странахъ: воины съ трудомъ могли держать въ рукахъ мушкеты и окоченѣвали отъ стужи [1]). Козаки, вспоминая эти трудные дни, прозвали съ тѣхъ поръ это урочище *Дрыжи-поле*, то-есть: поле дрожи. Соединенное русское войско благополучно прибыло къ Бѣлой Церкви, впрочемъ, не безъ значительной потери: съ обѣихъ сторонъ пало въ сраженіи до пятнадцати тысячъ [2]).

Поляки приписывали избавленіе Хмельницкаго измѣнѣ татаръ и въ особенности Хамамбета, который, какъ говорили они, взялъ съ Хмельницкаго, своего стараго союзника, большіе подарки за то, чтобъ пропустить его [3]). «Я, — говоритъ въ письмѣ своемъ черниговскій каштелянъ Замойскій, — ночью съ тремя полками былъ на стражѣ и далъ ему, Хамамбету, знать, что непріятель хочетъ бѣжать: орда можетъ легко его разгромить. Когда день наступилъ, мы вышли въ поле, вывели артиллерію и послали за ордою, а орда пошла въ загоны и намъ пришлось защищаться своими грудьми. Еслибъ татары поспѣшили въ пору, мы бы одержали побѣду подъ Охматовомъ» [4]). «Еслибы, — писалъ Чарнецкій, — наши союзники помогли намъ тогда хоть бы только своимъ обычнымъ алаканьемъ, то вѣрно мы бы навсегда успокоили Украину и много утѣшенія доставили бы королю своими трудами» [5]). Татары самовольно оставили польское войско и разбрелись заго-

---

[1]) Pamiętn. Jemiołowsk. 53.

[2]) Лѣтоп. Величка. I. 211.—Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

[3]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.—Hist. ab exc. Wlad. IV. 147.—Pamiętn. Jemiołowsk. 53.

[4]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.—Jak Michałowsk. Xięga Pamiętn. 743.

[5]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 746.

нами грабить Украину [1]). Тогда Хмельницкій отправилъ Богуна съ десятью тысячами для преслѣдованія ихъ. Полководецъ быстрый, искусный, знавшій всѣ пути въ Украинѣ — бросался стремительно изъ одной стороны въ другую, настигалъ татаръ въ разныхъ мѣстахъ, освобождалъ плѣнниковъ, отнималъ награбленное. «Восемь тысячъ,—говоритъ лѣтописецъ,—не минуло Богуновыхъ рукъ; изъ нихъ двѣ тысячи пятьсотъ доставлено было Хмельницкому». Въ короткое время вся орда была изгнана [2]). Но не надолго: въ началѣ марта прибылъ салтанъ Калга съ шестидесятью тысячами на новое горе Украинѣ [3]).

Поляки, оставивъ Хмельницкаго, продолжали истреблять мѣстечки и селенія украинскія. Такъ были разорены: Кристіанополь, Устье, Берлады, Каменица, Киріевка, Лещыновка, Кѣсинцы, Берестки, Дмитрашевка, Пашковка. Вмѣстѣ съ поляками разоряли русскихъ татары. Сами поляки назначили имъ двадцать населенныхъ мѣстностей для содержанія, но они не стѣснялись ничѣмъ и гдѣ хотѣли, тамъ и брали яссыръ [4]). Всѣ эти разоренія сопровождались самыми безчеловѣчными убійствами и вездѣ русскіе показывали величайшее упорство и твердость, вездѣ погибали не прежде, какъ давъ отпоръ врагамъ, и польскіе предводители увидѣли весною, что зимній походъ стоилъ имъ значительной потери людей. «Особенно пострадала пѣхота,—говоритъ очевидецъ,—одни замерзли, другіе побиты, третьи померли, четвертые убѣжали [5]) а остальные терпѣли нужду, потому что имущества русскихъ доставались огню, а не имъ». Поляки безъ сожалѣнія осуж-

[1]) Истор. о през. бр.

[2]) Лѣтоп. Величка. I. 212.

[3]) Histor. Jan. Kaz. I. 212. Pamiętn. Jemiołowsk. 53.

[4]) Рукоп. И. П. Библ. Misc. № 63.—Annal. Pol. Clim. I, 459. Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 749.

[5]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

дали русскія области на разореніе и своимъ и татарамъ. Лучше пусть, говорили они, все въ прахъ обратится, нежели отчизна будетъ въ постоянномъ страхѣ отъ этихъ мятежниковъ [1]).

Снова начали поляки собирать и усиливать войско: безпрестанно прибывали новыя толпы татаръ; поляки дали своимъ союзникамъ консистенцію въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, въ Сорокѣ, въ Рашковѣ и въ прилежащихъ къ этимъ городкамъ селамъ, а также у Каменца; польское войско расположилось около Брацлавля. Весь постъ татары и польскіе охотники нападали на мятежныя села и мѣстечки, забирали въ плѣнъ людей: этимъ, по своему обычаю, занимались татары, а польскіе жолнѣры, нахватавши русскихъ людей обоего пола и разнаго возраста, промѣнивали ихъ татарамъ за луки, стрѣлы, иногда за какую нибудь полоть солонины—и татары набрали тогда громадное число русскаго ясcыра, такъ что полякъ современникъ опредѣляетъ это число въ 200,000. Послѣ пасхи татары ушли въ Крымъ, куда погнали свою добычу. За ними и польское войско, въ виду разгоравшагося ожесточенія къ нему русскаго народа, перешло на западъ и расположилось въ воеводствѣ бельзскомъ, на Волыни и въ Червоной Руси, гдѣ было дальше отъ козаковъ... [2]). Между тѣмъ съ сѣвера возстала страшная туча, грозившая не только поколебать, даже уничтожить польскую Рѣчь Посполитую.

Уже давно Хмельницкій обратилъ вниманіе на Швецію и старался вооружить ее противъ Польши. Неизвѣстно, когда именно украинскій гетманъ вошелъ въ сношеніе съ шведскимъ дворомъ, но въ 1650 году, какъ говорено было выше, отправлялись въ Стокгольмъ посланники какъ-будто татарскіе, но въ самомъ дѣлѣ отъ козацкаго вождя. Въ

---

1) Pamiętn. Jemiołowsk. 54.

2) Pamiętn. Jemiołowsk. 53.

1652 году польскій подканцлеръ Радзѣевскій побуждалъ королеву Христину противъ отечества, и въ то же время отправилъ къ Хмельницкому посла, предлагая гетману прислать въ Стокгольмъ посланниковъ, знающихъ греческій языкъ, на которомъ особенно любила изъясняться ученая королева, и держать въ шведской столицѣ резидента [1]). Посолъ Радзѣевскаго, Ясинскій, не дошелъ до Хмельницкаго и, проговорившись неосторожно на дорогѣ, былъ схваченъ Зацвилиховскимъ. Но сношенія Украины съ Швеціею были скоро возобновлены. Послѣ сраженія подъ Батогомъ, Хмельницкій отпустилъ въ Швецію двухъ взятыхъ въ плѣнъ капитановъ, родомъ шведовъ, служившихъ въ польскомъ войскѣ, и писалъ, неизвѣстно къ кому именно, что теперь Польшѣ нанесенъ ударъ и удобно можно поколебать ее [2]). Въ 1653 году онъ отправлялъ нарочное посольство въ Швецію; по всему видно, резидентъ Хмельницкаго дѣйствительно находился въ Стокгольмѣ, какъ предлагалъ Радзѣевскій. Этотъ резидентъ былъ, какъ кажется, аѳинскій игуменъ Даніилъ грекъ [3]). При Христинѣ трудно было подвинуть шведовъ, потому что королева болѣе любила литературу и греческую словесность, чѣмъ оружіе; но когда, въ 1654 году, она отказалась отъ престола и преемникомъ ея сдѣлался пылкій и предпріимчивый герцогъ цвейбрикенскій Карлъ Густавъ, тогда возникло недоумѣніе между польскимъ и шведскимъ кабинетами. Хмельницкій подущалъ новаго короля противъ своихъ враговъ. По извѣстію украинскаго лѣтописца, Хмельницкій взялъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ ленной прусской пѣхоты въ дрижипольской битвѣ; они были родомъ шведы. Гетманъ увидѣлъ удобный случай черезъ нихъ отправить

---

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 167.—Памятн. кіевск. комм. III. 3. 10—18.

[2]) Лѣтоп. Величка. I. 217.

[3]) Histor. belli cos. polon. 268.

къ шведскому двору депешу, потому что отправить ее чрезъ козацкое посольство было трудно: надобно было посламъ ѣхать или чрезъ Польшу, гдѣ ихъ могли поймать, или чрезъ Московское Государство, гдѣ такое посольство возбудило бы подозрѣніе царя. Гетманъ зналъ, что Карлъ Густавъ ищетъ предлога къ войнѣ и убѣждалъ его напасть на Рѣчь Посполитую, находящуюся въ крайнемъ положеніи, обѣщалъ оказывать свое содѣйствіе къ покоренію Польши. Король, приготовляясь къ такому замыслу, отправилъ посломъ въ Украину генерала Вильгельма Карлуса, который ѣхалъ подъ видомъ купца чрезъ Московское Государство съ подарками и грамотою, въ которой король уполномочивалъ его заключить условія съ козаками. Хмельницкій постановилъ воевать взаимно Польшу и не мириться одинъ безъ другаго. Онъ послалъ королю трехъ турецкихъ коней съ богатымъ приборомъ, три янчарки, три буйволовыхъ рога и три козацкія одежды вишневаго бархата, украшенныя жемчугомъ и золотомъ: одежды эти назывались шабельтасами и кулечницами [1]).

Не трудно было королю шведскому начать войну. Онъ придрался къ Яну Казимиру за употребленіе титула — «шведскій». Война поведена была съ успѣхомъ. Деморализованное польское войско въ Великой Польшѣ передалось непріятелю. 29-го іюля Познань со всею Великою Польшею отдались въ подданство шведскому королю, на условіяхъ сохраненія религіозныхъ и гражданскихъ правъ. Варшава сдалась безъ боя. Мазовія присягнула побѣдителю. Король Янъ Казимиръ бѣжалъ въ Силезію. Краковъ, защищаемый Чарнецкимъ, держался до 7-го октября и сдался на основаніи трактата, обезпечивавшаго гарнизону свободный выходъ, а городу и провинціи—неприкосновенность правъ церковныхъ и гражданскихъ. Такимъ обра-

[1]) Лѣтоп. Велич. 1. 218.

зомъ вся Польша досталась почти безотпорно въ руки иноземцевъ. Паны не считали для себя предосудительнымъ присягать Карлу Густаву; замѣчательно, что, въ числѣ измѣнниковъ, были враги Хмельницкаго: Конецпольскій и Димитрій Вишневецкій.

Въ то же время русскіе завоевали Могилевъ, Минскъ, Ковно и наконецъ Вильну, которая сильно пострадала отъ разоренія. Алексѣй Михайловичъ въѣхалъ въ столицу Ягеллоновъ и повелѣлъ именовать себя великимъ княземъ литовскимъ. Гетманъ Радзивиллъ продолжалъ спорить съ Гонсѣвскимъ, арестовалъ своего соперника, а потомъ отдался шведамъ, подобно многимъ другимъ магнатамъ. Впрочемъ, онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что это сдѣлалъ онъ для того, чтобъ поссорить московскаго царя съ шведскимъ королемъ, чтобъ и тотъ и другой захотѣли овладѣть Литвою и стали бы воевать между собою за нее, что дѣйствительно и случилось [1]). Южная часть Литвы была завоевана козаками; только Старый Быховъ, сильнѣйшая крѣпость, не сдался: Золотаренко, командовавшій осаднымъ войскомъ, былъ убитъ на герцѣ; послѣ смерти наказнаго гетмана, простые козаки начали своевольничать, напали на купеческій обозъ съ водкою, перепились и хотѣли перебить старшинъ, когда тѣ стали удерживать ихъ буйство; старшины, съ своей стороны, должны были употребить рѣшительныя мѣры и перебили множество бунтовщиковъ. Отъ этого войско бѣжало, и такъ оставлена была осада. Козаки препроводили тѣло убитаго предводителя въ Нѣжинъ, а оттуда въ Корсунь, гдѣ погребеніе его оставило послѣ себя долгую память страннымъ приключеніемъ. Поляки впослѣдствіи разсказывали, будто, во время панихиды, трупъ Золотаренка приподнялся изъ гроба и сказалъ: «*Утікайте, утікайте!*» Вслѣдъ затѣмъ

---

[1]) Jak. Michał. Ks. pam. 764.

громъ поразилъ церковь и сжегъ ее съ трупомъ и со множествомъ народа. Коховскій выдаетъ это событіе за несомнѣнную истину, слышанную впослѣдствіи отъ Выговскаго; но украинскій лѣтописецъ, бывшій самъ лично при погребеніи Золотаренка, объясняетъ, что церковь св. Николая, гдѣ поставлено было привезенное тѣло полковника, дѣйствительно загорѣлась, но отъ неосторожности пономаря, положившаго непотушенныя свѣчи на полкѣ близко деревянной стѣны; занялась стѣна, а затѣмъ сгорѣла вся церковь. Въ нее былъ одинъ только входъ и выходъ и во время суматохи погибло народа до четырехсотъ тридцати человѣкъ [1]).

Среди успѣховъ русскихъ и шведовъ въ войнѣ съ поляками, Хмельницкій и Бутурлинъ двинулись въ іюлѣ содѣйствовать союзникамъ. Съ ними было до тридцати [2]) а по извѣстіямъ поляковъ,—до шестидесяти [3]) тысячъ козацкаго и московскаго войска. Цѣль козацкаго гетмана была завоевать южныя части Польскаго Королевства, населенныя русскими, и такимъ образомъ довершить освобожденіе своего народа. Русскіе приступили къ Каменцу, но простоявъ около него три съ половиною недѣли, отошли [4]).

Король, соразмѣрно тремъ непріятелямъ, напавшимъ на Польшу, раздѣлилъ войско на три части: двѣ изъ нихъ постыдно отдались врагамъ; третья выставлена была противъ Хмельницкаго подъ начальствомъ гетмана Потоцкаго. Это войско было не очень велико, но, конечно, и не такъ мало, какъ говорятъ польскіе историки, простирающіе его только до четырехъ тысячъ. Оно должно было

---

[1]) Лѣтоп. Самов. 25. Почти въ такомъ же видѣ передаетъ это событіе другой современникъ Ерличъ (стр. 179).

[2]) Лѣтоп. Величка. I. 220.

[3]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 232.

[4]) Latop. Jerl. 172.

пополниться посполитымъ рушеньемъ, которое уже получило третьи вици; но дворяне многихъ воеводствъ не захотѣли идти въ походъ. «Одинъ король,—говорили они,—имѣетъ право предводительствовать ополченіемъ посполитаго рушенья; а такъ какъ король убѣжалъ, то мы не считаемъ себя въ обязанности находиться подъ командою гетмана». Каждый заботился о себѣ; шляхтичи поскорѣе убѣгали съ семействами и имуществами въ Венгрію: другіе, пользуясь суматохою, составляли партіи и вмѣсто того, чтобъ идти къ войску, нападали по дорогамъ на бѣгущихъ, грабили, безчинствовали. Карпатскіе гуцулы, съ своей стороны, разсыпались шайками по Червоной Руси, соединялись съ жителями и нападали на пановъ. Только изъ Волыни, Бельза и Перемышля прибѣжало нѣсколько отрядовъ въ войско, потому что уже нельзя было пробѣжать за границу, и приближеніе непріятеля поневолѣ заставляло ихъ взяться за оружіе [1]). Потоцкій долженъ былъ дать Хмельницкому отпоръ на Подоли; но какъ только услышалъ, что русскіе недалеко, то отретировался безъ боя до самаго Львова. Русскіе вступили въ Червоную Русь: Потоцкій для удержанія ихъ выслалъ полковника Войловича съ тридцатью хоругвями. Подъ Бучачемъ наткнулся онъ на передовой русскій отрядъ; поляки вперты были въ болотистую рѣку Серетъ и множество ихъ потонуло. Хмельницкій и Бутурлинъ шли далѣе впередъ; города и замки, одинъ за другимъ, падали или сдавались; въ нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ въ Ягельницахъ, гарнизоны приставали къ козакамъ [2]). Въ чортковскомъ замкѣ хлопы схватили собственнаго владѣльца Павла Потоцкаго и выдали русскимъ: его отправили въ Кіевъ, а оттуда въ Москву. Дворяне покидали свои усадьбы и замки

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 233—235.

[2]) Latop. Jerl. 172.—Pamiętn. Jemiołowsk. 60.

и спѣшили днемъ и ночью ко Львову. За ними по слѣдамъ шли также быстро русскіе и такимъ образомъ они приблизились ко Львову. Потоцкій не рѣшился тамъ дать сраженія и отступилъ къ Слонигродеку, иначе Гродеку, четыре мили отъ Львова. Испуганные львовскіе мѣщане сожгли свои предмѣстья, едва возобновленныя послѣ посѣщенія козаками Львова, ровно семь лѣтъ назадъ. Въ концѣ сентября, Хмельницкій оставилъ значительную часть войска подъ Львовомъ а другую часть отправилъ — до сорока тысячъ, если вѣрить польскому историку, —въ погоню за польскимъ войскомъ съ миргородскимъ полковникомъ Лѣсницкимъ; великоруссы пошли съ ними подъ начальствомъ стольника Ромодановскаго и Гротуса.

Потоцкій почиталъ мѣсто за Гродекомъ при урочищѣ Камень-Бродъ чрезвычайно удобнымъ для обороны: впереди города было большое глубокое озеро, которое наполнялось множествомъ впадающихъ протоковъ. Поляки стояли за этимъ озеромъ и разставили кругомъ себя караульныхъ. Но передовые козацкіе отряды подкрались искусно и истребили караульныхъ: тогда козацкое войско воспользовалось лѣсистымъ мѣстоположеніемъ, закрывавшимъ видъ, разобрало въ сосѣднихъ селахъ хаты, ночью при лунномъ свѣтѣ, сдѣлало плотину и перешло на другую сторону протоковъ. Поляки услышали объ этомъ; ихъ отрядъ побѣжалъ препятствовать переходу непріятеля [1]), но былъ опрокинутъ козаками. Русскіе свободно очутились на другомъ берегу и вошли въ городъ; въ городѣ сдѣлался пожаръ: поляки бросились тушить; русскіе посреди пламени разогнали ихъ и бросились въ ихъ лагерь. Потоцкій защищался около трехъ часовъ [2]); московскіе люди стали было подаваться назадъ; поляки погнали рейтаровъ мос-

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 234 —Annal. Polon. Clim. II. 36.

[2]) Annal. Polon. Clim. II. 36.

ковскаго войска саблями, но не могли имъ нанести большаго вреда, потому что рейтары были съ головы до ногъ закованы въ желѣзо: рейтары, уходя отъ преслѣдовавшихъ ихъ поляковъ, навели ихъ на свою пѣхоту, составлявшую средину войска; тутъ русскіе сразу ударили на оба крыла польскаго войска и оба крыла пришли въ замѣшательство, а за ними смѣшался и центръ [1]). Въ это время въ польскомъ войскѣ кто-то крикнулъ: «*новое войско идетъ на насъ!*» Это произвело паническій страхъ; все бросилось бѣжать, сломя голову, покидавъ артиллерію, знамена, ружья; русскіе напирали на нихъ и съ чела и съ боковъ и гнали къ мѣстечку Брухнали. Гетманъ коронный Потоцкій сталъ было защищаться на брухнальской брамѣ и чуть было не попалъ въ плѣнъ, множество дворянъ было схвачено во время погони: весь таборъ достался русскимъ. Поляки бѣжали до мѣстечка Яворова. Наступившая ночь прекратила преслѣдованіе. Войско, всполошившее поляковъ, дѣйствительно приближалось, но это былъ отрядъ перемышльскаго посполитаго рушенья, который, въ свою очередь, немедленно разбѣжался [2]).

Побѣдоносное козацкое войско возвратилось ко Львову. Русскіе расположились кругомъ города по полямъ и горамъ; Хмельницкій поставилъ обозъ близъ загородной церкви св. Юрія, гдѣ слушалъ богослуженіе. Гетманъ, 3-го октября, послалъ къ магистрату ласковое письмо, припоминалъ свою умѣренность въ 1648 году, извѣщалъ о разбитіи послѣдняго войска польскаго и требовалъ сдачи города, обѣщая городу свою особенную милость. Письмо это было прочитано въ ратушѣ въ собраніи мѣщанъ при губернаторѣ Бутлерѣ и нѣсколькихъ панахъ, начальствовавшихъ войскомъ (были тогда Ожга, Ржевускій, рот-

---

[1]) Kron. miast. Lw. 355.

[2]) Histor. belli cosac. polon. 234.— Jemiołowsk. Pamiętn. 62.

мистръ лановой пѣхоты Унишевскій). Думали, толковали и не порѣшили, что дѣлать. На другой день рано пріѣхалъ отъ Хмельницкаго трубачъ за отвѣтомъ—и магистратъ послалъ съ нимъ короткій отвѣтъ, въ которомъ, поблагодаривши Хмельницкаго за обѣщанныя милости, сказалъ такъ: «находясь подъ властью военныхъ людей, назначенныхъ отъ короля для обороны города, мы ничего не просимъ, кромѣ того, чтобъ ваша милость, по высокому разсужденію своему, избавили насъ отъ кровопролитія». Этимъ отвѣтомъ мѣщане давали Хмельницкому понять, что они не могутъ дѣйствовать по собственной волѣ. Это было для Хмельницкаго ни то, ни се, и онъ опять послалъ трубача съ письмомъ такого содержанія: «Видно, что вы надѣетесь себѣ откуда-то помощи. Ваша надежда напрасна. Войска наши, истребивши коронное войско, идутъ въ глубину Польши, и мы останемся здѣсь, пока вы не покоритесь. Присылайте завтра рано рѣшеніе свое. Милосердіе наше еще не закрыто для васъ».

И на это письмо не послѣдовало отвѣта, потому что военные начальники ни на что не рѣшались, а мѣщане не могли отвѣчать иначе, какъ имъ прикажутъ.

5-го октября, не получивши рано требуемаго рѣшенія, Хмельницкій приказалъ ударить со всѣхъ сторонъ на городъ изъ пушекъ. Это заставило пановъ на что-нибудь рѣшиться; съ ихъ дозволенія магистратъ отписалъ Хмельницкому и изъявлялъ желаніе вступить въ переговоры, но просилъ дать заложниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послано было письмо Выговскому: просили писаря ходатайствовать у гетмана, чтобъ сталось по желанію города.

«Милостивые государи,—отвѣчалъ имъ въ письмѣ Хмельницкій, — вижу, что вы столько легкомысленны, сколько упрямы, когда, видя къ себѣ нашу милость, вздумали вмѣсто покорности, требовать какихъ-то заложниковъ. Если хотите отъ насъ пощады и не желаете за свое упрямство

погибели себѣ и людямъ, то, оставивши всякую надежду, дайте намъ свое рѣшеніе, не ожидая отъ насъ никакихъ заложниковъ и мы, видя покорность вашу, оставимъ васъ въ добромъ здоровьѣ. Иначе не наша будетъ вина. Итакъ уже мы унижаемъ свое достоинство, уговаривая васъ».

Въ такомъ же смыслѣ отвѣчалъ имъ и писарь, объяснивши, что просьба ихъ объ заложникахъ огорчаетъ гетмана. Мѣщане готовы были исполнить волю Хмельницкаго, но губернаторъ и паны противились. «Какъ же,— говорили они,—намъ посылать къ нему пословъ безъ заложниковъ, когда онъ распускаетъ слухи, что хочетъ привести городъ къ подданству московскому царю». Къ счастью за мѣщанъ былъ львовскій подкоморій Ожга.

Послѣ долгихъ споровъ, рѣшили наконецъ отправить къ Хмельницкому депутатовъ съ тѣмъ, чтобъ они узнали, чего хочется отъ Львова козацкому гетману. Всѣ обратились тогда къ тѣмъ мѣщанамъ, которые въ 1648 году видались съ Хмельницкимъ и познакомились тогда съ козацкою старшиною и полковниками. Они сначала упирались, потому что нѣкоторые военные и духовные напугали ихъ, наконецъ согласились. То были Самуилъ Кусѣвичъ или Кушевичъ, Криштофъ Захновичъ и Павелъ Лавришевичъ. Они пригласили идти съ собою еще двоихъ: Гонсіоркевича и синдика Хоминскаго. «Депутаты, — говоритъ современный дневникъ, — прошли среди громадныхъ полковъ москвитянъ и русскихъ, кланялись имъ вѣжливо и отъ нихъ получали привѣтствія». 6-го октября они вошли сначала въ шатеръ генеральнаго асаула Ковалевскаго, а оттуда слуга (pokojowy) Хмельницкаго, Соболь, позвалъ ихъ въ шатеръ гетмана. Хмельницкій сидѣлъ на лавкѣ, подлѣ стола, со сложенными на крестъ ногами, по турецкому обычаю; съ нимъ были: Иванъ Выговскій, братъ его Данило, генеральный обозный Носачъ, генеральный судья Зарудный, миргородскій полковникъ Сахновичъ-Лѣсницкій

и переяславскій полковникъ Тетеря. Все это были люди, по уму и образованію, стоявшіе выше прочихъ, особенно Тетеря, который, по замѣчанію современника, не только хорошо зналъ латинскій, польскій и славянскій языки, но обладалъ ученостью (eruditus). Кромѣ старшинъ, депутаты нашли здѣсь переодѣтаго гонца Яна Казимира, родственника Выговскаго, пріѣхавшаго съ цѣлью склонить Хмельницкаго къ примиренію чрезъ посредство писаря, пріобрѣтавшаго со дня на день болѣе власти надъ Хмельницкимъ. Янъ Казимиръ готовилъ явное посольство къ Хмельницкому и послалъ этого гонца для предварительнаго расположенія козацкаго начальства въ пользу поляковъ; здѣсь былъ гонецъ отъ крымскаго хана и какой-то грекъ Іоаннъ, который, по замѣчанію современника, былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ дѣлѣ соединенія Хмельницкаго съ царемъ. Гетманъ, при входѣ депутатовъ, приподнялся, привѣтствовалъ ихъ вѣжливо и просилъ сѣсть.

«Мы пришли въ этотъ край по необходимости, — сказалъ Хмельницкій послѣ первыхъ привѣтствій, — мы всегда удалялись пролитія невинной крови христіанской, никогда не подавали сами ни малѣйшей причины къ этому, но коронное войско Рѣчи Посполитой безпрестанно вносило мечъ и огонь въ Украину и принуждало насъ защищать жизнь. Прошлою зимою, въ противность миру, гетманы соединились съ татарами, напали на Украину, варварски истребляли жителей; татары грабили и разоряли насъ своими загонами и такимъ образомъ войско запорожское вызвано было къ войнѣ, хотя, быть можетъ, его величество король этого и не хотѣлъ. Богъ послалъ намъ побѣду и недавно мы разсѣяли враговъ нашихъ подъ Гродекомъ, что они могутъ сами засвидѣтельствовать».

Хмельницкій позвалъ двухъ плѣнныхъ: сына воеводы подольскаго Потоцкаго и Быковскаго, и вѣжливо просилъ ихъ сѣсть рядомъ съ собою. Вошли также двое началь-

ныхъ людей московскаго войска: стольникъ Ромодановскій и иностранецъ Гротусъ. Хмельницкій продолжалъ разсказывать о битвѣ и побѣдѣ козаковъ.

Московскіе люди, вмѣшавшись въ разговоръ, смѣялись надъ трусостью польскаго войска и отпускали полякамъ оскорбленія.

«Напрасно такъ думаете, — замѣтилъ Потоцкій, — напрасно приписываете себѣ побѣду надъ коронным войскомъ; насъ побѣдили не вы, но мужественные козаки. Еслибъ пѣхота козацкая не поспѣшила выручить васъ, то московское войско потерпѣло бы большое пораженіе».

Хмельницкій и полковники дали замѣтить, что имъ нравилось такое мнѣніе побѣжденныхъ. «De aliis rebus cras plura loquemur» (о другихъ дѣлахъ поговоримъ завтра поболѣе), сказалъ Выговскій Кушевичу. Московскіе начальники сидѣли недолго и ушли. Депутаты замѣтили, что, несмотря на свѣжій союзъ украинцевъ съ москвитянами, уже между ними посѣялась какая-то недовѣрчивость. Еще яснѣе увидѣли они это, когда наступилъ обѣдъ: духовникъ Хмельницкаго читалъ молитву и не упоминалъ имени царя.

Но тѣмъ не менѣе Хмельницкій, казалось, дѣйствовалъ сколько для пользы Южной Руси, столько же и для славы царя покровителя. Депутаты, пробывъ у Хмельницкаго день, возвратились въ городъ съ письмомъ Хмельницкаго, въ которомъ гетманъ предоставлялъ магистрату еще обдумать свое положеніе и прислать депутатовъ на другой день. Это сдѣлано было, какъ кажется, для того, чтобы увѣрить мѣщанъ, что они могутъ вполнѣ довѣрять ему и присланные къ нему люди вполнѣ безопасны. На другой день, 7-го октября, депутаты пришли снова въ лагерь.

Выговскій встрѣтилъ ихъ. Хмельницкаго не было.

«Не желаете-ли,—сказалъ писарь:—повидаться съ Ва-

сильемъ Васильевичемъ, главнокомандующимъ московскаго войска?»

«Мы не имѣемъ къ нему писемъ,—отвѣчали депутаты,— и, не смѣя преступить предѣлы нашей обязанности, не можемъ входить въ такіе переговоры».

«Я совѣтую вамъ,—сказалъ Выговскій:—оказать имъ по крайней мѣрѣ честь, какъ гостямъ, и соблюсти ихъ обычай: пусть трое изъ васъ поднесутъ имъ бѣлаго хлѣба и вина,—таковъ у нихъ обычай».

Трое изъ депутатовъ исполнили это, взяли хлѣбъ и пошли, но прибавили, что не будутъ входить съ ними въ трактаты.

Между тѣмъ къ Выговскому и къ оставшимся съ нимъ двумъ депутатамъ вошелъ Хмельницкій и заговорилъ о состояніи Польши.

«Еще никогда, — сказалъ онъ: — не доходила Польша до подобнаго бѣдствія; его величество, король Янъ Казиміръ оставилъ свое королевство; шведы взяли Краковъ; нѣтъ болѣе никакого войска и я сдѣлался теперь господиномъ земли русской. Нѣтъ болѣе надежды полякамъ». Это было приготовленіе.

Возвратились депутаты отъ Бутурлина.

«Что, какъ принялъ васъ Василій Васильичъ?» спросилъ ихъ Хмельницкій.

«Очень дурно, очень неласково,—сказали депутаты:— онъ отъ насъ не принялъ ни хлѣба, ни вина, и требуетъ, чтобъ мы отдали городъ и замокъ и присягнули московскому царю,—и губернаторъ тоже: намъ это удивительно. Мы не могли дать ему никакого рѣшенія, обѣщались поговорить объ этомъ съ панами».

«Такъ и быть должно,—сказалъ отрывисто Хмельницкій:—иначе не будетъ ничего».

«Василій Васильичъ требуетъ отъ васъ справедливаго,— сказалъ Выговскій, ударяя съ жаромъ кулакомъ по столу:—

всѣ обстоятельства должны вамъ показать, что Польша потоптала права божескія и человѣческія. Польшу Богъ оставилъ. Куда сягнула козацкая сабля—тамъ и козацкое владѣніе. Городъ Львовъ, находясь подъ властью поляковъ, будетъ терпѣть всегдашнія утѣсненія и католики не перестанутъ преслѣдовать нашу православную греко-русскую вѣру. Мы не попустимъ, чтобъ наша вѣра гдѣ-нибудь была утѣсняема».

Въ самомъ дѣлѣ, въ недавнее время львовяне могли убѣдиться, что полякамъ нельзя было ни въ чемъ довѣрять. Принужденный зборовскимъ договоромъ, Янъ Казимиръ даровалъ, 12 февраля 1650 года, дипломъ, которымъ предоставлялъ полную свободу русскому народу во Львовѣ, возвратилъ каѳедры, церкви и церковныя имѣнія православнымъ духовнымъ и даровалъ право свободнаго книгопечатанія львовскому русскому братству; но послѣ разбитія Хмельницкаго подъ Берестечкомъ, всѣ эти права были нарушены безъ всякаго повода со стороны города, братство ограблено, его типографіи и имѣнія отданы въ подарокъ одному придворному льстецу Студзинскому и, въ добавокъ, русскіе горожане были въ судахъ и въ своихъ торговыхъ оборотахъ всячески преслѣдуемы не только католиками, но даже іудеями.

«Позволено-ли говорить намъ?» сказалъ тогда Кушевичъ, одинъ изъ депутатовъ.

«Говорите! — сказалъ Хмельницкій: —говорите рѣшительно и смѣло, теперь не шуточное дѣло».

«Милостивый панъ гетманъ, — сказалъ Кушевичъ: — жизнь наша въ рукахъ вашихъ, и если мы воротимся въ городъ, то должны приписать это милости вашей; но присягать на имя царя московскаго не станемъ:—мы уже разъ присягнули Яну Казимиру и сохранимъ свою вѣрность въ какое бы положеніе судьба ни поставила нашего государя. Смѣемъ надѣяться, что, при стараніи вашемъ,

милостивый панъ, и войска запорожскаго, вся Украина снова возвратится подъ власть собственнаго государя. Если-жъ мы теперь измѣнимъ нашему законному монарху и отдадимся чужому, то вы сами, милостивый панъ, и все войско запорожское, почтете насъ до крайности легкомысленными. Что подумаетъ самъ царь московскій о вѣрности и добродѣтели нашей? Просимъ покорно васъ, милостивый панъ, не принуждайте насъ къ тому, чего не можемъ мы сдѣлать безъ нарушенія совѣсти».

Выговскій снова началъ-было убѣждать ихъ, но Кушевичъ прервалъ его и сказалъ:

«Напрасно тратите время: мы ничего не скажемъ, кромѣ того, что до тѣхъ поръ, пока живъ нашъ милостивый монархъ, Янъ Казиміръ, мы не будемъ присягать другому государю, да еслибъ мы изъ боязни поступили такъ, какъ вы хотите—губернаторъ и весь городъ не примутъ этого».

Старшинамъ козацкимъ, цѣнившимъ всегда твердость, понравилась такая рѣшимость депутатовъ.

Sitis constantes et generosi (вы постоянны и благородны), сказалъ потихоньку Павелъ Тетеря.

Послѣ того заговорили о современныхъ дѣлахъ. По этому поводу козаки сказали: «Войско запорожское никогда не отдавалось въ рабство московскому царю, оно за свободу свою билось и за свободу войну противъ ляховъ начало».

Съ тѣхъ поръ цѣлый октябрь шла переписка между членами магистрата и козаками. Нѣсколько разъ приходили къ гетману депутаты и просили не приневоливать ихъ къ присягѣ. Выговскій, который при свиданіи такъ сильно настаивалъ сдаться Алексѣю Михайловичу, писалъ тайно къ Кушевичу, чтобъ горожане не сдавались московскому царю. Среди переговоровъ происходила пальба, но преимущественно отъ московскихъ людей. Козаки мало имъ помогали и расходились самовольно по окрестностямъ:

они вообще не любили осадъ. Выговскій употреблялъ всякія хитрости, чтобъ не было принято рѣшительныхъ мѣръ. Тогда на Хмельницкаго подѣйствовалъ львовскій православный владыка Арсеній. Онъ, явившись къ гетману, умолялъ его именемъ Христа не губить русскаго православнаго народа, и Хмельницкій ограничился, наконецъ, тѣмъ, что потребовалъ съ города окупа 400,000 злотыхъ, да кромѣ того извѣстное количество суконъ, матерій и сапоговъ. Подъ Львовъ пріѣхалъ посланецъ отъ Карла Густава, какой-то Гамоцкій, родомъ львовскій армянинъ, но съ юныхъ лѣтъ служившій въ Швеціи. Онъ привезъ отъ своего государя лестныя предложенія. Карлъ Густавъ предоставлялъ себѣ все, что завоевалъ у поляковъ, а Хмельницкому отдавалъ всю русскую землю, но просилъ козаковъ въ настоящее время удалиться изъ Червоной Руси и дожидаться мира.

Хмельницкій могъ надѣяться, что въ предполагаемомъ всеобщемъ мирѣ русской землѣ даруется независимость отъ Польши, такъ точно, какъ онъ уже видѣлъ недавно примѣръ подобнаго признанія голландцевъ свободными отъ испанскаго владычества. Гетманъ считалъ долгомъ не раздражать своего союзника, шведскаго короля. «Не надѣйтесь болѣе на своего короля Яна Казимира, — писалъ онъ горожанамъ: — объ немъ говорить нечего; уже шведскій король овладѣлъ Краковомъ, а мы съ нимъ вошли въ братство и положили такой договоръ, что шведскій король и московскій царь съ козаками въ союзѣ всѣ разомъ наступятъ на Польшу. Мы уже и подѣлились. Король шведскій пусть удержитъ то, что ему Богъ далъ, а намъ помогъ Богъ овладѣть нашею русскою землею, такъ мы за нее стоимъ и хотимъ, чтобъ и волки были сыты и овцы цѣлы; по христіанству такъ желаю». Между тѣмъ, разнесся слухъ, что ханъ выступилъ на помощь Польшѣ противъ Хмельницкаго. Это заставило гетмана поскорѣе

кончить дѣло со Львовомъ, чтобъ татары тѣмъ временемъ не овладѣли Украиною. Хмельницкій быстро согласился на шестьдесятъ тысячъ злотыхъ, и получилъ ихъ даже не деньгами, а преимущественно товарами [1]).

Депутаты застали Хмельницкаго въ меланхоліи, какъ они выразились. «Я узналъ, — сказалъ онъ: — что татары напали на Украину и надѣлали много вреда людямъ и имуществамъ. Хочу непремѣнно завоевать Крымъ. Зимою пойду на него съ моимъ козацкимъ и съ московскимъ войскомъ». Въ то время, 29-го октября, прибылъ посланникъ отъ Яна Казимира, Станиславъ Любовицкій; съ нимъ былъ Самуилъ Грондскій, одинъ изъ историковъ нашей эпохи, котораго Любовицкій, встрѣтивъ на дорогѣ, пригласилъ съ собою. Король понялъ, что причиною всѣхъ бѣдствій Польши — Хмельницкій, и старался преклонить его обѣщаніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ не оставилъ и прежней польской политики противъ козаковъ. Любовицкій съ письмомъ, исполненнымъ самыхъ лестныхъ и даже униженныхъ комплиментовъ, везъ съ собою другое письмо къ татарскому хану, въ которомъ Янъ Казимиръ возбуждалъ крымскаго повелителя противъ Хмельницкаго. Этотъ Любовицкій былъ однимъ изъ кліентовъ Оссолинскаго и, вмѣстѣ съ канцлеромъ, посѣщалъ Украину при Владиславѣ IV, и потому былъ знакомъ съ Хмельницкимъ.

Хмельницкій, прочитавъ письмо короля и выслушавъ убѣжденія Любовицкаго, отвѣчалъ:

«Любезный кумъ! вспомни, что намъ было обѣщано подъ Замостьемъ, подъ Зборовомъ, подъ Бѣлою Церковью и въ другихъ мѣстахъ, и что мы получили? Всѣ обѣщанія давались намъ подъ руководствомъ науки *вызуитовъ*, которые говорятъ: не должно держать слова, даннаго схи-

---

[1]) Рук. И. П. Б. разнояз. ист. f № 5.—Supl. ad Hist. Russ. Monum. 193—210.—Kron. miasta. Lwowa. 338—376.

зматикамъ. И гдѣ тѣ обѣщанія, которыя король давалъ намъ послѣ своего избранія? Едва только онъ короновался на царство, тотчасъ же послалъ противъ насъ войско; то же дѣлалось послѣ другихъ договоровъ. Поляки нарушали права гостепріимства, называли насъ хлопами, били нагайками, отнимали имѣнья, выгоняли изъ домовъ. Когда козаки, не терпя всего этого, убѣгали и покидали женъ съ дѣтьми, потому что въ зимнюю погоду не могли съ собою брать ихъ, польскіе жолнѣры насиловали женъ нашихъ, а уходя изъ нашего края, сожигали бѣдныя хижины наши часто съ дѣтьми. А когда козаки противоставали панамъ, то поляки, мало того, что топили ихъ тайно въ мѣшкѣ, такъ, чтобъ нельзя было найти ни слѣдовъ убитыхъ, ни отыскать виновника: этимъ не удовольствовались... еще сажали ихъ на высокія колья, чтобъ выказать всеобщую ненависть къ русскимъ и презрѣніе къ ихъ безсилію. Но что всего оскорбительнѣе, они не щадили священниковъ нашихъ, а еще преимущественнѣе мучили ихъ и такимъ образомъ вооружили противъ себя людей, которые всего болѣе склонны къ спокойствію. Столько претерпѣвъ, бывъ столько разъ обмануты, мы принуждены искать, для облегченія нашей участи, средствъ, которыхъ нельзя уже никакимъ образомъ оставить. Поздно испрашиваетъ король нашей помощи, поздно и напрасно думаетъ онъ о примиреніи козаковъ съ поляками».

«Мы не можемъ отрицать,—сказалъ Любовицкій:—что король нѣсколько разъ обѣщалъ козакамъ свои милости и не исполнялъ ихъ; но ты самъ, панъ-гетманъ, провидя причину этого, когда-то, во время зборовскаго трактата, сказалъ: «самъ король человѣкъ добрый, но королевскія собаки будутъ на него лаять до тѣхъ поръ, пока не встревожатъ его». Едва король сталъ на сеймѣ стараться за васъ передъ чинами государства, какъ самые презрѣнные послы дворяне, изъ которыхъ иной не зналъ, гдѣ мать

родила его, а другой не стоилъ самъ по себѣ двухъ грошей, подняли такой крикъ, что бѣдный король онѣмѣлъ и долженъ былъ нарушить свои обѣщанія. Но теперь наияснѣйшій король объявилъ, что будетъ признавать благородными не тѣхъ, которые ведутъ длинный рядъ генеалогіи отъ дѣдовъ, а тѣхъ, кто окажетъ теперь услугу отечеству. Поэтому, оставьте забвенію все прошедшее и помогите помазаннику Божію: вы будете уже не козаками, а друзьями короля; вамъ будутъ даны достоинства, коронныя имѣнія; уже онъ не дастъ себя обманывать, не позволитъ нарушать своего покоя этимъ собакамъ, что теперь разбѣжались и покинули господина, котораго должны были защищать».

Такъ говорилъ королевскій посолъ, отправленный къ татарамъ для подущенія ихъ противъ тѣхъ, которымъ обѣщалъ такія золотыя горы.

По окончаніи рѣчи, Выговскій вышелъ, а Хмельницкій сѣлъ подалѣе и началъ говорить съ старшиною. Тогда Грондскій подходитъ къ своему товарищу и говоритъ:

«Надобно прежде всего помнить, что не отъ короля зависитъ королевство, а отъ королевства король; будетъ королевство — съищется король, а погибнетъ королевство — и королю не будетъ мѣста. Выхваляй короля, да не срами же и королевства. Притомъ о братьяхъ въ отсутствіи надобно говорить такъ, какъ бы они были здѣсь».

Любовицкій вспыхнулъ, въ досадѣ подбѣжалъ къ Хмельницкому и сказалъ:

«Панъ гетманъ! насъ здѣсь двое. Этотъ человѣкъ посланъ не королемъ, а я самъ пригласилъ его: онъ теперь укоряетъ меня за то, что я говорю о дворянствѣ. Прикажите арестовать его».

Грондскаго увели, но чрезъ нѣсколько минутъ Любовицкій вспомнилъ, что Грондскій знаетъ о письмахъ къ татарамъ, и когда вошелъ Выговскій, онъ объяснилъ, что

неосторожно раздражилъ своего товарища и просилъ выпустить его.

Выговскому не трудно было найти предлогъ. Онъ отвелъ въ сторону гетмана и сказалъ ему:

«Уже по всему лагерю, и между козаками и между москалями, распространяются толки, что гетманъ приказалъ арестовать королевскаго посла. Народное право не позволяетъ дѣлать насилія и ему, какъ равно и Любовицкому».

Гетманъ, въ свою очередь, разсудилъ, что это сдѣлано опрометчиво и притомъ московскіе люди тотчасъ узнаютъ, что онъ принимаетъ пословъ отъ короля польскаго, на что не согласился царь въ договорѣ. Онъ приказалъ немедленно позвать Грондскаго.

«Садитесь и слушайте господа, — сказалъ онъ, — вы принесли намъ прекрасныя предложенія отъ короля; но возможно-ли ихъ принять или невозможно? Выслушайте эту побасенку. Въ древнія времена, говорятъ, жилъ у насъ поселянинъ очень зажиточный; всѣ сосѣди завидовали ему. У этого поселянина былъ домашній ужъ, который никого не кусалъ: хозяева ставили всегда ему молоко въ нору и онъ часто ползалъ между семьею. Случилось однажды: дали мальчику молока; приползъ и ужъ и сталъ хлебать молоко изъ чашки; за это мальчикъ ударилъ его ложкой по головѣ, и ужъ укусилъ мальчика. На жалобный крикъ дитяти прибѣжалъ отецъ, и узнавъ, что ужъ укусилъ сына, бросился убивать животное; ужъ успѣлъ вложить голову въ нору, а хвоста не успѣлъ; хозяинъ отрубилъ ему хвостъ. Мальчикъ умеръ отъ укушенія, а ужъ остался уродомъ и съ тѣхъ поръ боялся выходить изъ норы. Вскорѣ послѣ того, богатства этого человѣка начали значительно уменьшаться, наконецъ, онъ пришелъ въ крайнюю бѣдность и, желая узнать причину, побѣжалъ къ знахарямъ и говорилъ имъ: «Скажите, прошу я васъ: что это зна-

читъ, что въ прошлые годы я меньше прилагалъ старанія о хозяйствѣ, а всего у меня было много: ни у кого не было такъ много и такихъ прекрасныхъ воловъ, какъ у меня, ни у кого коровы не давали столько молока, ни у кого овцы не давали такой блестящей шерсти, нигдѣ кобылы не рожали такихъ складныхъ жеребятъ, нигдѣ поля не приносили такой обильной жатвы, ничьи сады не оглашались такимъ множествомъ пчелъ; стада мои не страдали отъ болѣзней; я самъ не зналъ никакихъ непріятностей; домъ мой посѣщали гости; ни у кого изъ сосѣдей не было такого многочисленнаго семейства; нищій не отходилъ отъ моего дома съ пустыми руками; ни въ чемъ не было недостатка; всякаго добра было у меня обильно. Но вотъ, за нѣсколько лѣтъ, разсѣялось все, что я собралъ впродолженіе жизни, и между сосѣдями нѣтъ бѣднѣе меня; и хотя я изнемогаю отъ трудовъ для поддержанія жизни, однако ничто мнѣ нейдетъ въ пользу, но съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Скажите, если знаете, причину моего горя и нельзя-ли пособить ему?» Ему отвѣчали: «Пока ты въ прошлые годы хорошо обходился съ своимъ домашнимъ ужомъ, онъ принималъ на себя всѣ грозившія тебѣ несчастія, а тебя оставлялъ свободнымъ отъ нихъ; теперь же, какъ между вами стала вражда — всѣ бѣдствія обрушились на тебя. Если ты хочешь прежняго благополучія, примирись съ ужомъ». Жена понесла ужу молоко, но ужъ наѣлся молока и снова спрятался въ нору. Нѣсколько времени наблюдалъ за этимъ хозяинъ и началъ приглашать его заключить прежнюю дружбу. Тогда ужъ ему отвѣчалъ: «Напрасно хлопочешь, чтобъ была между нами такая дружба, какъ прежде, потому-что какъ только я посмотрю на свой хвостъ, потерянный за твоего сына, тотчасъ и возвращается ко мнѣ досада; съ другой стороны, и ты, какъ только вспомнишь, что лишился сына, тотчасъ закипитъ въ тебѣ отцовское негодованіе, такъ что

ты готовъ размозжить мнѣ голову. Поэтому достаточно будетъ дружбы между нами, если ты будешь жить въ своемъ домѣ какъ тебѣ угодно, а я въ своей норѣ, и будемъ помогать другъ другу». То же самое, господинъ посолъ, случилось между поляками и русскими. Было время, когда въ этомъ огромномъ зданіи Рѣчи Посполитой мы вмѣстѣ наслаждались счастьемъ, радовались общимъ успѣхамъ нашимъ: козаки отклоняли отъ королевства грозящія опасности и сами принимали на себя удары варваровъ. Жители Польши, сохраняя козаковъ въ свободѣ, не досадовали на то, если и они хлебали изъ того молока, которое находили въ углахъ, куда не достигали называющіе себя единственно сынами древняго отечества. Тогда Королевство Польское процвѣтало и сіяло счастьемъ въ глазахъ всѣхъ народовъ; всѣ народы ему завидовали; никто не бралъ добычи съ Польскаго Королевства, но куда только польскія войска шли совокупно съ козацкими силами, вездѣ торжествовали, вездѣ воспѣвали побѣдныя пѣсни. Но, впослѣдствіи, называющіе себя дѣтьми королевства начали нарушать свободу русскихъ и начали бить ихъ по головѣ, а русскіе, когда сдѣлалось имъ больно, начали кусаться; тогда случилось, что и русскихъ большая часть отсѣчена, и сыновъ королевства не мало пропало. Съ тѣхъ поръ, какъ только придутъ этимъ народамъ на память бѣдствія, нанесенныя другъ другу, тотчасъ возникаетъ досада, и хотя начнутъ мириться, но отъ малѣйшей причины не доводится дѣло до конца. Мудрѣйшій изъ смертныхъ не можетъ сдѣлать того, чтобъ между нами установился твердый и продолжительный миръ, какъ только такъ: пусть Королевство Польское откажется отъ всего, что принадлежало къ княжествамъ земли русской, пусть уступитъ козакамъ въ управленіе цѣлую Русь до Владимира, и Львовъ, и Ярославль, и Перемышль, съ уговоромъ, чтобъ мы, сидя себѣ въ Руси своей, какъ въ но-

рахъ, отклоняли враговъ отъ Королевства Польскаго; но я знаю: еслибъ въ цѣломъ королевствѣ осталось только сто пановъ, и тогда-бъ они не согласились на это. А козаки, пока будутъ имѣть оружіе, также не отстанутъ отъ этихъ условій. Поэтому прощайте, кумъ».

Помолчавъ, Любовицкій вынулъ изъ кармана пакетъ и сказалъ:

«Панъ гетманъ! Ея величество, королева, надѣясь, что я застану вашу вельможность въ вашей резиденціи, написала письмо къ госпожѣ супругѣ вашей вельможности. Не знаю, здѣсь ли въ лагерѣ ея вельможность, и полагаю, что никому вѣрнѣе не могу отдать письма наияснѣйшей королевы, какъ вашей вельможности».

Онъ подалъ письмо и вмѣстѣ съ нимъ драгоцѣнный камень, который королева Марія посылала въ даръ козачкѣ. Хмельницкій прочиталъ, прослезился и, поднявъ къ небу глаза, сказалъ:

«Боже всемогущій! что значу я предъ лицомъ Твоимъ? — червь презрѣнный, и вотъ какое значеніе даровала мнѣ милость Твоя, что къ моей Аннѣ наияснѣйшая королева польская пишетъ письма и удостоиваетъ ее просить о заступленіи предо мною! Твое это дѣло; не мнѣ принадлежитъ оно, но силѣ Твоей и божественной благодати, за которую да будетъ имя Твое благословенно во вѣки!»

Онъ обратился къ Любовицкому и сказалъ:

«Я не могу исполнить того, чего проситъ ея величество чрезъ письмо и чрезъ васъ: нельзя нарушить тѣснаго союза, который мы заключили съ москалями и шведами. Изъ тѣхъ провинцій, которыя слѣдуютъ по договору козакамъ, я могу уступить ихъ величествамъ воеводства: люблинское, бельзское, волынское и русское, а ярославское удержу за собою. Хотѣлъ здѣсь остаться на зиму, но, изъ уваженія къ наияснѣйшему королю,

выхожу изъ этой земли. Если угодно его величеству, пусть возвратится изъ Силезіи и начнетъ переговоры съ шведами и москвитянами; дальнѣйшее предоставимъ времени. Козаки останутся вѣрными союзниками Рѣчи Посполитэй, если Рѣчь Посполитая чрезъ коммиссаровъ своихъ торжественно признаетъ русскій народъ свободнымъ, какъ, десять лѣтъ назадъ, призналъ испанскій король голландцевъ. А теперь прошу обѣдать» [1]).

Надежда, что Рѣчь Посполитая принуждена будетъ признать самостоятельность Украины, побудила еще болѣе Хмельницкаго оставить Львовъ и показать склонность къ примиренію съ поляками. Онъ пожелалъ видѣться съ комендантомъ Гродзицкимъ, который нѣкогда въ Кодакѣ былъ взятъ въ плѣнъ козацкимъ гетманомъ и отпущенъ. Гродзицкій явился къ своему побѣдителю безъ заложниковъ, довѣряя слову гетмана, и разговаривалъ о дѣлахъ.

Слушая увѣренія коменданта въ преданности Яну Казимиру, Хмельницкій сказалъ:

«Я самъ вѣрный союзникъ Яна Казимира, и первымъ доказательствомъ моего расположенія будетъ отступленіе отъ города. Постановляйте, какія хотите, условія съ москвитянами, я ихъ оставляю и иду себѣ въ свое русское владѣніе» [2]). «Я удостовѣрился собственными глазами,— писалъ послѣ того Гродзицкій: — что между козаками и москвитянами нѣтъ согласія и ладу; самъ Хмельницкій мнѣ сказалъ, что не хочетъ знать Москвы: она очень груба» [3]).

8-го ноября козацкое войско пошло въ путь. Хмельницкій проѣхалъ подъ самыми стѣнами города въ виду

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 239—249.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 203—204.

[2]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 201.

[3]) Рук. Арх. иностр. дѣлъ (польская).

многочисленныхъ жителей. Надъ нимъ несли гербъ его, абданкъ, бѣлый бунчукъ и два знамени: одно красное, другое бѣлое съ изображеніемъ Михаила архангела, поражающаго дракона. Тридцать знаменъ съ гербами полковъ и частей освобожденной Руси возвышались за нимъ посреди войска. Гродзицкій и офицеры его вѣжливо прощались съ гетманомъ; онъ привѣтливо кланялся [1]). Вслѣдъ затѣмъ, чрезъ два дня, двинулось въ путь и войско московское подъ командою Бутурлина.

Любовицкій, получивъ отвѣтъ отъ Хмельницкаго, услышалъ, что татары недалеко и поспѣшилъ къ нимъ, но былъ схваченъ козаками. Неизвѣстно, успѣлъ ли онъ отдать письмо татарамъ и задержанъ ли былъ онъ на возвратномъ пути, или же козаки не допустили его до хана; во всякомъ случаѣ, кажется, этимъ онъ былъ обязанъ своему товарищу Грондскому, потому что козаки, задержавъ Любовицкаго, отпустили однако Грондскаго. Грондскій прибѣжалъ къ гетманамъ Потоцкому и Ляндскоронскому, которые собирали разсѣянное войско подъ Сендомиромъ, и наговорилъ, что самъ былъ свидѣтелемъ, какъ посланецъ Яна Казимира отъ имени короля просилъ козаковъ помогать королю уничтожить вольность Рѣчи Посполитой, чтобъ самому сдѣлаться неограниченнымъ государемъ. Гетманы и множество пановъ, слушая это, перешли къ шведамъ [2]). Любовицкаго козаки повезли съ собою.

Русскія войска пошли раздѣльно, по всему видно, по причинѣ неудовольствія между Бутурлинымъ и гетманомъ. Татары, находившіеся недалеко, воспользовались этимъ; ханъ послалъ сильный отрядъ орды занять пространство, раздѣлявшее союзныя войска, и перерѣзалъ

---

[1]) Kron. miasta Lw. 345. 376.

[2]) Histor. belli cosac. polon. 255.

сообщеніе между козаками и москвитянами, а другіе татарскіе отряды напали на тѣхъ и другихъ. Самъ ханъ атаковалъ Хмельницкаго; козаки счастливо отбили нападеніе, но москвитяне потеряли много убитыхъ; въ числѣ плѣнныхъ былъ сынъ Бутурлина. Ханъ однако не рѣшился отваживаться на дальнѣйшую упорную борьбу, потому что не надѣялся на скорую помощь отъ Яна Казимира; онъ притомъ думалъ, что болѣе окажетъ услуги союзнику, если преклонитъ къ нему козаковъ. Извѣстивъ Хмельницкаго о плѣненіи сына Бутурлина, онъ предлагалъ выпустить его, если Хмельницкій отпуститъ Любовицкаго. Хмельницкій согласился. Бутурлинъ былъ отпущенъ къ отцу, а Любовицкій поѣхалъ къ Яну Казимиру [1]).

Тогда Махметъ-Гирей изъявилъ Хмельницкому желаніе повидаться съ нимъ. Взявъ двухъ мурзъ заложниками, гетманъ отправился къ хану въ ставку его близъ Заложицъ [2]). Въ шатрѣ Махметъ-Гирей сидѣлъ на коврѣ, разостланномъ на землѣ; кругомъ него были придворные. Хмельницкій привѣтствовалъ повелителя Крыма и поднесъ ему въ подарокъ серебряный позолоченый конскій уборъ, осыпанный драгоцѣнными камнями; но ханъ бросилъ подарокъ на землю съ видомъ пренебреженія и закричалъ:

«Зачѣмъ соединился съ москалями? Ты не искалъ ихъ помощи тогда, когда, при нашемъ содѣйствіи, неблагодарный, сложилъ съ себя ярмо рабства и ниспровергъ польскія силы, столь страшныя при Сигизмундѣ III и Владиславѣ всѣмъ окрестнымъ государствамъ, особенно москалямъ, которые принуждены были избрать царемъ своимъ Владислава!»

Гетманъ съ твердостью выслушалъ этотъ крикъ, потомъ

---

[1]) Ibid. 252.

[2]) Рукоп. польск. Арх. И. Д.

изложилъ хану исторію войны и представлялъ, что напрасно татары приписываютъ себѣ блестящіе успѣхи козаковъ и освобожденіе Южной Руси.

«Правда,—говорилъ онъ: — выпросилъ я у покойнаго хана охотныхъ татаръ; но подъ Жовтыми-Водами и Корсуномъ была только небольшая орда Тугай-бея: не татары, а козаки разбили польское войско и плѣнили двухъ гетмановъ; подъ Пилявою было только четыре тысячи съ Карачъ-мурзою, а я разсѣялъ многочисленное войско и взялъ безчисленную добычу. Все это, конечно, сдѣлали не татары! Подъ Збаражемъ хоть и пришелъ ханъ, но съ намѣреніемъ причинить бѣду христіанамъ, потому что Украина тогда же потерпѣла разореніе отъ орды. А если вы и помогли намъ, то сколько выгодъ получили? Не говорю о добычѣ польской, о плѣнникахъ, за которыхъ вы получили выкупъ; вспомните, что теперь вамъ свободно можно плавать по морю и по Днѣпру, а прежде никто не смѣлъ пуститься на воду, страшась козаковъ. Вы прежде хаживали въ кожаныхъ тулупахъ, а теперь ходите въ золототканныхъ одеждахъ,—все это по милости козаковъ. А чѣмъ вы заплатили намъ? Времени не достанетъ исчислять всѣ ваши оскорбленія и коварства; но я припомню тебѣ ихъ, чтобъ ты не считалъ меня трусомъ предъ тобою. Вспомни, какъ я подъ Берестечкомъ ополчился противъ трехсотъ тысячъ королевскаго войска; два дня сражались козаки и побѣждали, бѣжали враги, умирали на полѣ знатные полководцы, но на третій день, ханъ, начальствовавшій правымъ крыломъ войска, въ то время, когда наши начали одолѣвать непріятеля, вдругъ, безъ всякой причины, постыдно убѣжалъ съ сраженія; когда я хотѣлъ остановить его и, оставя войско свое, молилъ возвратиться и не быть подобнымъ боязливой женщинѣ, онъ задержалъ меня—и я погубилъ свое войско и въ одинъ день уничтожилъ прежнія мои побѣды! Такова-то ваша татарская

пріязнь! Чрезъ обманъ хана мы должны были допустить ляховъ въ Украину на погибель нашу. Вспомни, что сдѣлалось подъ Жванцемъ: еслибъ козаки были одни, то, конечно, принудили бы изнемогающихъ отъ осады поляковъ признать русское наше отечество свободнымъ, и тогда же былъ бы конецъ войнѣ, и цѣлы бы остались города, села, люди; но вы, догадавшись, что если мы помиримся, то уже вамъ нельзя будетъ свободно ходить въ Польшу и полонить христіанъ, какъ скотовъ безсловесныхъ, помѣшали нашему союзу ради своей бусурманской пользы, послали тайно къ ляхамъ, извѣщая ихъ, что вы и прежде всегда хотѣли находиться съ ними въ согласіи, но только боялись раздражить козаковъ, и предлагали отдать насъ на поруганіе и погибель. И ляхи, обезумленные злобою, будучи въ состояніи безъ вашей бусурманской пріязни присягнуть козакамъ въ сохраненіи мира и такимъ образомъ избавить себя и королевство отъ упадка, что было въ нашей, а не въ татарской волѣ, ляхи, не понимая тайно устроенной вами для нихъ западни, обрадовались нашему миру, дали вамъ сто тысячъ злотыхъ червонцевъ и позволили разорять города и села и брать людей въ неволю! Вы всегда мѣшали намъ примириться, какъ бы слѣдовало христіанамъ съ христіанами, для того, чтобъ самимъ терзать Польшу и Украину».

«Предъ покойнымъ предшественникомъ нашимъ,—сказалъ ханъ:—не смѣлъ бы ты, Хмельницкій, такъ разглагольствовать, а теперь кротость наша возбуждаетъ тебя къ дерзости».

«Къ чему многословіе?—отвѣчалъ Хмельницкій:—дѣло и безъ словъ видно. Предшественникъ твой, умершій ханъ, такъ почиталъ меня, еще незначительнаго человѣка, что, по словесному прошенію моему, далъ мнѣ четыре тысячи человѣкъ; а ты не стыдишься съ гнѣвомъ говорить мнѣ—во всемъ тебѣ равному вождю народа».

«Я имѣю право,—отвѣчалъ ханъ:—гнѣваться на тебя, потому что ты на насъ всегда клевещешь, будто мы воюемъ не съ войскомъ, а съ женами и дѣтьми во время жатвы; будто мы умышленно погубляемъ Русь вашу: этого умысла не было у насъ; но по вашему прошенію мы рѣшились защищать васъ отъ насилія, какъ свободный народъ, хотя и враговъ нашихъ».

«Покойный ханъ,—сказалъ Хмельницкій: — подущалъ меня идти съ ляхами на единовѣрныхъ москвитянъ, и мурза его грозилъ меня самого погубить; но еще явственнѣе видна вражда ваша къ украино-русскому народу, когда, во время мира, вы сожигали наши жилища, убивали и брали въ плѣнъ жителей. Конечно, вы о томъ стараетесь, чтобъ обезсилить народы русскіе, разорить и даже погубить ихъ, чтобъ такимъ образомъ возвысить татарское свое племя. Вотъ и теперь, взявъ съ поляковъ деньги, ты враждуешь противъ насъ и противъ монарха русскаго».

«Знаешь ли ты, Хмельницкій,—сказалъ Махметъ-Гирей:—какъ много татаръ въ Московскомъ царствѣ? Всѣ они готовы помогать намъ; а ты обезумѣлъ, не подумалъ съ кѣмъ разбратался и къ кому присталъ? или у тебя войска больше, чѣмъ нѣкогда у всѣхъ князей русскихъ, поляковъ, угровъ, нѣмцевъ, когда ханъ Бату истребилъ ихъ и сколько вѣковъ владѣли татары Кіевомъ и всѣми русскими землями?»

«Тебя, напротивъ, омрачила гордыня,—сказалъ Хмельницкій: — до того, что думаешь устрашить меня, какъ малоумнаго отрока. Я очень хорошо знаю, что царства: сибирское, казанское, астраханское, касимовское, рязанское и другія не могутъ тебѣ подать помощи, потому что они уже подъ властью московскаго самодержавія, а прочіе татары не пойдутъ далеко для прихотей вашихъ. Что хвалитесь Батыемъ? Вѣдь война, словно мечь обоюдоострый,

обращается на обѣ стороны; Батый пріобрѣлъ, Мамай погубилъ; за пріобрѣтеніями всегда слѣдуютъ потери».

«Хорошо,—сказалъ ханъ:—довольно толковать, ступай, скоро узнаешь, что значатъ татарскія силы».

Хмельницкій ушелъ и отступилъ въ Украину [1]).

Когда Хмельницкій стоялъ подъ Львовомъ, отрядъ соединеннаго русскаго войска подступилъ къ Люблину 15-го октября. Современникъ простираетъ его до десяти тысячъ. Другой отрядъ, по однимъ извѣстіямъ — до шести, а по другимъ—болѣе десяти тысячъ, двинулся до Вислы, чтобъ преградить бѣгство изъ Люблина полякамъ. Городъ былъ беззащитенъ и потому едва козаки ударили на краковское предмѣстье и жидовскій городъ, какъ магистратъ выставилъ бѣлое знамя. Явились къ русскимъ послы; одинъ изъ этихъ пословъ былъ іезуитъ, и козаки не утерпѣли, чтобъ не ограбить его до ниточки. Царскій воевода потребовалъ отдачи всего имущества жидовъ, католическихъ духовныхъ и шляхты, всѣ орудія, выдачи всѣхъ жидовъ, окупъ съ города и присяги на вѣрность царю Алексѣю Михайловичу. Русскіе почитали Люблинъ старымъ своимъ городомъ и, слѣдовательно, наслѣдіемъ царей московскихъ. Городъ согласился безропотно. Члены магистрата, отъ имени всего Люблина, присягнули служить вѣрою и правдою царю, его супругѣ и его благороднымъ дѣтямъ, заплатили десять тысячъ злотыхъ чистыми деньгами, а на пятнадцать тысячъ дали шелковыхъ тканей и металлическихъ издѣлій, выдали нѣсколько пушекъ и погнали жидовъ на убой козакамъ. Русскіе даровали имъ жизнь, однако ограбили и зажгли такъ называемый жидовскій городъ, часть Люблина, исключительно населенную евреями. Пожаръ продолжался шесть дней; сами козаки разламывали близкіе домы, чтобъ не дать огню распро-

---

[1]) Истор. о през. бр.

страниться за предѣлы еврейскихъ жилищъ. Въ католическихъ монастыряхъ происходило кривавыя сцены: въ монастырѣ св. Бригитты, куда убѣжало множество католическихъ духовныхъ и свѣтскихъ католиковъ, произошла страшная рѣзня: монахинь убивали, или продавали, какъ животныхъ. Очевидецъ замѣчаетъ, что между москвитянами господствовали умѣренность и порядокъ; но козаки старались одинъ другаго превзойти въ звѣрствѣ. «Казалось,—говоритъ онъ,—сами фуріи вселились въ нихъ». Неизвѣстно, что сталось съ имуществомъ дворянъ, но кажется, что воевода отказался отъ конфискаціи его, потому что, описывая подробно событія этихъ дней, современникъ не говоритъ, чтобъ ихъ лишили имущества; грабили только тѣхъ, которые попались въ руки своевольному козачеству. Воевода установилъ въ Люблинѣ новый магистратъ изъ выборныхъ членовъ, включивъ въ число ихъ двухъ русскихъ и двухъ диссидентовъ и взялъ частицу животворящаго креста, которою славился городъ. 27-го октября соединенное русское войско отошло отъ Люблина. Очевидецъ замѣчаетъ, что тогда происходили неудовольствія между царскимъ воеводою и предводителемъ козаковъ, Даниломъ Выговскимъ.

Люблинцы не имѣли столько твердаго духа, какъ жители Львова. Не сдержавъ присяги Яну Казимиру, они не сдержали ее и Алексѣю Михайловичу. Сначала шведы овладѣли городомъ, — Люблинъ призналъ власть Карла Густава; чрезъ нѣсколько времени, потомъ, поляки выгнали шведовъ—и Люблинъ присягнулъ Яну Казимиру, прежнему своему государю [1]).

Между тѣмъ съ Турціею отношенія повидимому опять становились благопріятными для Хмельницкаго. Отъ сентября 1655 года сохранилась султанская грамота къ гет-

---

[1]) Relat. von. der Verstörung der Stadt Lublin.

ману Богдану Хмельницкому, нѣсколько поясняющая эти отношенія. Она гласитъ такъ: «Послы ваши Романъ и Яковъ принесли намъ отъ васъ поклонъ и отдали грамоту, въ которой вы сообщаете, что Махметъ-Гирей, ханъ крымскій, соединился съ ляхами, да кромѣ того съ венграми и съ разными людьми земли нашей и воевалъ противъ васъ, нарушивъ свою присягу, и вы, видя вокругъ себя враговъ, принуждены были позвать къ себѣ Москву на помощь. Тѣмъ не менѣе, однако, вы прибѣгаете къ намъ и просите, чтобъ мы васъ подъ руку нашу и подъ оборону приняли, сообразно давнимъ писаніямъ вашимъ. Мы васъ яко вѣрныхъ и доброжелательныхъ слугъ нашихъ беремъ подъ нашу оборону и обѣщаемъ помогать вамъ противъ каждаго вашего непріятеля. Прежде визирь мой не отворялъ ко мнѣ дверей посламъ вашимъ, но теперь, уразумѣвши подлинно изъ вашей грамоты, послали мы во всѣ земли наши, дабы всѣ о томъ знали и никакой причины къ несогласію вашей милости не давая, жили съ вами въ дружелюбіи и рукъ противъ васъ не поднимали. По всѣмъ моимъ землямъ я приказалъ оповѣстить, что войско запорожское состоитъ подъ рукою моею, именуя васъ, паче всѣхъ другихъ, вѣрными и доброжелательными слугами моими. Затѣмъ просимъ тебя, гетманъ Богданъ Хмельницкій, держи въ обузданіи войска свои, чтобъ ни сухопутьемъ, ни моремъ не входили въ государства наши и не осмѣливались опустошать ихъ, помня, что и мы всѣмъ землямъ нашимъ повелѣли пребывать съ вами въ пріязни. Особливо же и о томъ приложите стараніе, чтобъ московскіе козаки въ государства наши моремъ не ходили и государствъ нашихъ не опустошали, и если бы кто близкій къ вамъ или далекій сталъ намъ непріятелемъ и воевать противъ насъ захотѣлъ, вы были бы готовы съ войскомъ своимъ идти на него. А мы тоже обѣщаемъ: кто бы только сталъ вамъ непріятелемъ и началъ противъ васъ воевать, окажемъ

вамъ помощь тотчасъ, какъ только вы намъ о томъ дадите знать. Для лучшей вѣрности вы потребовали отъ насъ присяги и присяга наша такова есть: свидѣтельствуемся тѣмъ, кто сотворилъ небо и землю и всѣхъ насъ, подъ рукою котораго мы всѣ живемъ,—свидѣтельствуемся и всѣми пророками, которыхъ признаемъ какъ мы, такъ и вы: пусть они станутъ на ономъ свѣтѣ свидѣтелями въ томъ, что я со всѣмъ государствомъ своимъ хочу соблюсти мою присягу. Ты, гетманъ Богданъ Хмельницкій, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ присягаете быть намъ вѣрными и доброжелательными слугами, а мы присягаемъ имѣть васъ вѣрными и доброжелательными слугами нашими, и такъ вы о насъ вѣрьте, что мы васъ за вѣрныхъ слугъ своихъ имѣемъ, и мы вѣрить будемъ, что вы желаете быть нашими вѣрными слугами. Какъ съ прежнимъ крымскимъ ханомъ Исламъ-Гиреемъ вы жили въ дружелюбіи, такъ и съ нынѣшнимъ крымскимъ ханомъ Махметъ-Гиреемъ живите въ дружелюбіи, а также съ молдаванами, валахами и венграми, какъ съ нашими слугами, пребывайте въ дружелюбіи. Мы же помня, что вы пребывали съ нами въ долголѣтней дружбѣ и о ней не забывали, вмѣстѣ съ отпускаемыми къ вамъ вышеупомянутыми вашими послами, отправляемъ къ вамъ посломъ нашимъ Шагинъ-агу, черезъ котораго, по нашему обычаю, посылаемъ вамъ шесть кафтановъ: примите ихъ благодушно и не забывайте насъ. Ибо какъ мы читаемъ четыре книги, Моисеемъ намъ данныя, на которыхъ и присягу нашу принесли, то ваше посольство нынѣ окончилось и, разъ присягнувши, надобно много лѣтъ намъ жить въ дружескомъ согласіи» [1]).

Эта грамота, писанная чрезъ полтора года слишкомъ послѣ присяги козаковъ на вѣрность московскому государю,

---

[1]) Ар. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Польши съ Турціею.

показываетъ, что гетманъ передъ своимъ давнимъ сюзереномъ падишахомъ старался объяснить свою связь съ московскою державою такъ, что это было не болѣе какъ союзъ противъ поляковъ, притомъ возбужденный крайнимъ положеніемъ и неимѣніемъ ни откуда помощи вслѣдствіе несоблюденія присяги Махметъ-Гиреемъ, ставшимъ козакамъ изъ союзника непріятелемъ. Это была неправда: договоръ съ московскою державою былъ не простымъ союзомъ противъ поляковъ, а подданствомъ и состоялся никакъ не потому, что Махметъ-Гирей сталъ врагомъ козаковъ, а еще при Исламъ-Гиреѣ, и самая враждебность новаго крымскаго хана произошла вслѣдствіе соединенія козаковъ съ Московскимъ Государствомъ. Изъ приведенной султанской грамоты видно, что уже при стамбульскомъ дворѣ нѣкоторое время существовало недовѣріе къ козацкому гетману: самъ падишахъ извѣщаетъ, что его визирь не отворялъ дверей оттоманскаго монарха посламъ Богдана Хмельницкаго, пока наконецъ присланныя гетманомъ объясненія и увѣренія не возстановили дружелюбныхъ отношеній султана къ козакамъ, и пока Богданъ Хмельницкій не возобновилъ прежняго своего обязательства, состоявшагося въ 1650 году. Тогда только оттоманскій дворъ могъ снова признавать его какъ прежде своимъ вассаломъ, наравнѣ съ крымскимъ ханомъ и господарями волошскимъ (молдавскимъ) и мультанскимъ (валахскимъ).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Посольство въ Москву.—Высокомѣріе шведовъ.—Польское посольство къ Хмельницкому.—Польское посольство къ московскому царю.—Виленскій договоръ.—Неудовольствіе Хмельницкаго.—Угрозы Австріи.—Договоръ съ Швеціею и Ракочи о раздѣлѣ Польши.—Вторженіе Ракочи въ Польшу.—Беньйовскій у Хмельницкаго.—Болѣзнь Хмельницкаго.—Подозрѣніе въ отравѣ. — Избраніе Юрія Хмельницкаго преемникомъ Богдана.—Послѣднее московское посольство у Хмельницкаго.—Изгнаніе Ракочи изъ Польши.—Примиреніе съ Польшею.—Границы Украины.—Кончина Богдана Хмельницкаго.—Погребеніе его тѣла.

Возвратясь въ Чигиринъ, Хмельницкій собралъ раду и, съ согласія козаковъ, отправилъ къ Алексѣю Михайловичу посольство. Онъ благодарилъ царя за оказанное великорусскимъ войскомъ содѣйствіе къ защитѣ и освобожденію отъ поляковъ Южной Руси, изъявилъ желаніе, чтобъ Волынь и Червоная Русь, земли, принадлежащія къ древней русской системѣ княжествъ, были также возвращены отъ Польши, какъ и Украина, и просилъ напередъ, чтобъ великодушный царь, соблюдая Южную Русь подъ покровительствомъ высокодержавной десницы своей, былъ хранителемъ ея самостоятельности и благополучія народнаго.

Между тѣмъ, Польша начала въ 1656 году оправляться отъ ужасныхъ ударовъ, воздвигнутыхъ на нее русскими и шведами. Удаленіе Хмельницкаго, слухъ о расположеніи

его къ королю ободряли поляковъ. Шведы раздражали побѣжденныхъ. Карлъ Густавъ, вмѣсто того, чтобъ оказывать уваженіе къ республиканскому порядку польской націи, показывалъ видъ побѣдителя, открыто говорилъ, что его сабля предпишетъ законы побѣжденнымъ; шведы начали дѣлать самовольства, оскорблять религію. Ихъ поступки произвели то, что паны мало по малу начали предаваться прежнему королю: гетманы Конецпольскій и Вишневецкій были уже снова слугами Яна Казимира; наконецъ, въ особенности, взволновалъ польскій народъ набѣгъ шведовъ на Ченстоховскую обитель, предметъ всеобщаго религіознаго уваженія. Воззванія короля, Чарнецкаго и Любомирскаго возбудили народъ; поляки вдругъ какъ будто переродились; голосъ церкви гремѣлъ противъ враговъ-протестантовъ; оживился духъ народный. Чарнецкій одержалъ блистательную побѣду надъ непріятелемъ; Варшава была осаждена поляками; король шведскій удалился въ Пруссію, гдѣ возбуждалъ на Польшу ея вассала, бранденбургскаго курфирста.

Среди этихъ успѣховъ, король отправилъ въ маѣ разомъ два посольства къ русскимъ: одно къ Хмельницкому, другое къ царю; Ляндскоронскій пріѣхалъ въ Чигиринъ, былъ встрѣченъ, по обыкновенію, вѣжливо, но съ перваго вида замѣтилъ, что Хмельницкій не тотъ, какимъ надѣялся его застать. Причина была та, что Хмельницкій узналъ о тайнѣ Любовицкаго.

«Я не могу болѣе довѣрять его величеству,—говорилъ онъ:—я уже испыталъ, что король столько же высокомѣренъ въ счастіи, сколько уклончивъ въ несчастіи».

Ляндскоронскій убѣждалъ его содѣйствовать оружіемъ противъ шведскаго короля, не говорилъ ни слова о московскомъ государѣ, разсыпалъ ничего незначущія обѣщанія дружбы и признательности, но непоказывалъ согласія Рѣчи Посполитой признать Украину независимою.

«И только-то? и болѣе ничего? — сказалъ Хмельницкій съ гнѣвнымъ хохотомъ. — Каково-жъ послѣ этого безуміе вашего короля и всѣхъ вашихъ сенаторовъ! Вы просите себѣ въ союзники козаковъ, которыхъ еще прошлый годъ, во время войны подъ Ставищемъ, грозили истребить однимъ ударомъ, не предлагаете никакихъ прочныхъ условій мира, а хотите употребить для своей защиты кровь русскую! Не говорите какую награду представляете за то, что храбрые воины будутъ падать какъ жертвы вашей прихоти! Довольно обманывать насъ, довольно считать насъ глупцами! Полякамъ, за ихъ всегдашнее вѣроломство, никто въ мірѣ не повѣритъ; было время—мы соглашались на миръ, изъ уваженія къ королю, который всегда въ душѣ имѣлъ противное тому, что показывалъ на видъ. Пусть знаетъ Польша, что мы не войдемъ съ нею въ дружескіе договоры, пока она не откажется отъ цѣлой Руси. Пусть поляки формально объявятъ русскихъ свободными и тогда мы будемъ жить съ вами, какъ друзья и сосѣди, а не какъ подданные и рабы, и тогда напишемъ клятвенный договоръ на вѣчныхъ скрижалахъ. Но я знаю, пока въ Польшѣ будутъ властвовать паны—не быть миру между русскими и поляками».

Ляндскоронскій удалился изъ Чигирина [1]).

Посольство въ Москву было успѣшнѣе для поляковъ. Униженныя просьбы и лестныя обѣщанія Яна Казимира склонили Алексѣя Михайловича оказать великодушіе. Посолъ императора австрійскаго, принявшаго въ этомъ дѣлѣ роль посредника, Алегретти, природный славянинъ изъ Рагузы, объясняясь кстати по-русски, умѣлъ подѣйствовать на бояръ и духовныхъ. Патріархъ Никонъ, съ своей стороны, убѣждалъ царя помириться съ поляками и обратить оружіе на шведовъ, чтобы отнять Ливонію и земли,

[1]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 244.

издавна принадлежавшія Великому Новгороду. Царь имѣлъ поводъ къ неудовольствіямъ противъ шведовъ. Въ то время, когда онъ считалъ себя уже государемъ завоеванной Литвы, литовскій гетманъ, Янушъ Радзивиллъ, поддался шведскому королю, и такимъ образомъ Карлъ Густавъ, казалось, вырывалъ у московскаго государя его пріобрѣтенія. Царь отправилъ своихъ полномочныхъ въ Вильну, гдѣ съ полномочными Рѣчи Посполитой, въ сентябрѣ 1656 года, заключили трактатъ, по которому Рѣчь Посполитая обязывалась, по смерти Яна Казимира, избрать на польскій престолъ Алексѣя Михайловича, а Алексѣй Михайловичъ, считая уже Польшу какъ бы своимъ достояніемъ, обѣщался защищать ее и обратить оружіе противъ шведовъ, бывшихъ своихъ союзниковъ [1]). Украинскій лѣтописецъ [2]) говоритъ, будто на этомъ съѣздѣ пословъ, было постановлено, что царь приметъ на себя долгъ усмирить и подчинить козаковъ власти Короны Польской, которая будетъ ему принадлежать, а въ другомъ мѣстѣ самъ отрицаетъ это. Видно изъ всего только, что такое мнѣніе господствовало въ Украинѣ. Хмельницкому и вообще козакамъ былъ очень не по-сердцу разрывъ Московскаго Государства со Швеціею; онъ парализовалъ планы козацкаго гетмана, которому хотѣлось бы напротивъ, чтобъ Москва воевала до конца Польшу вмѣстѣ со Швеціею и дружелюбно подѣлилась съ нею пріобрѣтеніями. Отъ этого, когда пріѣхалъ въ Чигиринъ одинъ московскій гонецъ, то его не допустили до гетмана, а писарь вырвалъ у него письмо «сердитымъ обычаемъ» [3]). Но дѣлать было нечего.

Хмельницкій послалъ на виленскій съѣздъ своихъ пословъ [4]), которые должны были говорить въ пользу Юж-

[1]) Полн. Собр. Зак. I. 405—410, 411.

[2]) Лѣтоп. Величка. I. 272. 366.

[3]) Акты Ю. и З. Р. III. 549.

[4]) Лѣтоп. Самов. 26.

ной Руси, но коммиссары царя Алексѣя Михайловича напоминали имъ, что Хмельницкій и козаки—подданные, а потому не должны осмѣливаться подавать голоса тамъ, гдѣ рѣшаютъ ихъ судьбу посланники государей [1]). Они принуждены были уѣхать, еще до окончанія переговоровъ.

Въ Украинѣ между тѣмъ умы были въ волненіи. Распространился слухъ, что Украину отдаютъ Польшѣ. Воротившись во-свояси, козацкіе посланники, какъ потомъ разсказывалъ московскимъ посламъ отецъ писаря Выговскаго, Евстафій, въ присутствіи старшины, бросились къ ногамъ гетмана, плакали, обнимали его ноги, и вопили. «Погибло войско запорожское! Нѣтъ намъ помощи ни откуда! Негдѣ головы преклонить! Мы не знаемъ подлинно, какой уговоръ постановили царскіе полномочные послы съ лядскими коммиссарами. Царскіе послы насъ и въ посольскій шатеръ не впустили; мало того, до шатра издалека не пускали, словно псовъ въ церковь Божію. А ляхи намъ по совѣсти сказывали, что у нихъ учиненъ миръ по поляновскому договору, чтобъ всей Украинѣ съ войскомъ запорожскимъ быть по-прежнему во власти у нихъ, ляховъ. А если войско запорожское, со всею Украиною, не будетъ въ послушаніи у ляховъ, такъ царское величество будетъ ратью своею помогать ляхамъ и бить войско запорожское».

Хмельницкій, услышавши это, пришелъ въ умоизступленіе, взбѣсился такъ, — по выраженію старика Выговскаго,—какъ христіанину поступать не годилось. Онъ говорилъ козакамъ въ утѣшеніе: «Не печальтесь дѣтки, треба отступить отъ царя; пойдемъ такъ, какъ повелитъ вышній владыка; будемъ и подъ бусурманскимъ государемъ— не то что подъ христіанскимъ!» И онъ тотчасъ собралъ полковниковъ на раду. По увѣреніямъ Евстафія Выговскаго, сынъ его писарь валялся въ ногахъ у Хмельниц-

[1]) Истор. Мал. Росс. т. II. прим. 60.

каго и просилъ оставить злобу противъ Москвы, тѣмъ болѣе, что слухи о договорѣ съ поляками еще могутъ быть невѣрны. Хмельницкій былъ непреклоненъ, ругался, бѣсился, проклиналъ Москву и грозилъ ей. Сошлись полковники. По представленіямъ писаря, они заключили: «Невозможное дѣло, чтобъ царь, показавши свое милосердіе надъ нами, отдалъ бы насъ опять въ руки врагамъ нашей вѣры и поганцамъ. Если намъ, не узнавши подлинно дѣла, да отступить отъ царскаго величества, такъ мы во всемъ свѣтѣ прослывемъ измѣнниками и клятвопреступниками». Это заставило Хмельницкаго оставить до поры до времени явно злобныя намѣренія противъ Москвы.

Разсказъ этотъ былъ переданъ старикомъ Выговскимъ, очевидно съ намѣреніемъ выставить передъ царемъ заслуги своего сына, и въ этомъ отношеніи могъ быть невѣренъ, но въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, сообразно характерамъ гетмана и писаря, вѣроятно происходило подобное тому, что онъ передавалъ московскимъ людямъ. Писарь Выговскій всегда былъ расположенъ болѣе къ Польшѣ, чѣмъ къ Москвѣ, что и доказалъ впослѣдствіи, но послѣ виленскаго договора, болѣе чѣмъ когда нибудь долженъ былъ показывать себя благопріятелемъ Москвы, когда для Украины въ виду была опасность, что, въ случаѣ неповиновенія и смутъ, поляки съ московскимъ государемъ за-одно будутъ укрощать козаковъ. Вспыльчивый нравъ Хмельницкаго давалъ ему случай набросить на гетмана тѣнь, а себя выставить въ благопріятномъ свѣтѣ передъ Москвою.

Какъ бы то ни было Хмельницкій былъ очень недоволенъ такимъ поворотомъ обстоятельствъ. Хмельницкій зналъ поляковъ лучше московскихъ бояръ и понималъ, что поляки обманываютъ царя, желая единственно увернуться отъ опасности и употребить москвитянъ орудіемъ къ возобновленію прежняго состоянія Рѣчи Посполитой. Янъ Казимиръ могъ жить еще долго; Алексѣй Михайловичъ,

въ качествѣ будущаго короля Польши, могъ уступить Украину будущему своему владѣнію и, конечно, употребилъ бы силу, когда бы украинцы воспротивились. Если же случилось бы, что Алексѣй Михайловичъ скоро сдѣлался королемъ польскимъ, что Хмельницкій считалъ невозможнымъ, то, во-первыхъ, сохраняя весь порядокъ Рѣчи Посполитой и, слѣдовательно, всю власть пановъ, онъ, при своемъ добромъ желаніи, не могъ бы сохранить правъ Украины иначе, какъ при содѣйствіи московскаго войска, и чрезъ это потерялъ бы польскую корону; а во-вторыхъ, еслибъ даже при немъ Украина была счастлива, то послѣ него другіе, избранные сеймомъ короли, предали бы ее въ жертву мщенія пановъ. Такъ думалъ Хмельницкій. Но Хмельницкій думалъ не объ одной козацкой Украинѣ. Давно и постоянно при каждомъ приличномъ случаѣ, заявлялъ онъ свое завѣтное желаніе, конечную цѣль своего труда — освободить изъ-подъ польской власти и присоединить къ единой русской державѣ всѣ земли, гдѣ издревле процвѣтало православіе и слышалась русская рѣчь. Онъ, понимавшій насквозь Польшу, былъ убѣжденъ, что это желаніе не могло быть достигнуто тѣмъ, что поляки намѣтятъ московскаго государя себѣ въ короли съ избирательнымъ правомъ: это событіе могло только отдалить вожделенную цѣль, что и случилось. По идеѣ Хмельницкаго нужно было продолжать съ Польшей войну, не давать полякамъ отдыха, поражать ихъ силы до тѣхъ поръ, пока они не будутъ имѣть возможности не только удерживать русскія земли, но даже въ крайности, уступивши ихъ, помышлять объ отобраніи ихъ назадъ. Совершенное уничтоженіе Польскаго Государства и раздѣлъ земель его между воюющими сторонами, должны быть неизбѣжною развязкою всей войны: такъ думалъ Хмельницкій. И наперекоръ ему, тѣ, для кого онъ трудился, разрушали его планы, подавали Польшѣ помощь и спасе-

ніе, и способствовали къ тому, чтобы рѣки русской крови пролиты были напрасно и русскій народъ продолжалъ еще оставаться подъ прежнимъ гнетомъ. Получивъ извѣстіе изъ Москвы о заключеніи договора, по которому московскому царю обѣщана была польская корона, Хмельницкій высказалъ государю всю правду такъ: «Какъ вѣрные слуги вашего царскаго величества о неправдахъ и хитростяхъ лядскихъ вѣдомо чинимъ, что они этого договора никогда не додержатъ; они на вѣру нашу православную давно воюютъ и ей никогда желательными быть не могутъ, а теперь они этотъ договоръ для того сдѣлали, чтобъ немного отдохнувъ и наговорившись съ султаномъ турскимъ и татарами и другими посторонними, снова на ваше царское величество воевать; ибо если они ляхи въ самомъ дѣлѣ ваше царское величество на Корону Польскую и Великое Княжество Литовское выбираютъ, то для чего же воеводу познанскаго и каштеляна Войницкаго послали къ цезарю римскому просить брата его родного на королевство? Послы эти, октября 12-го, пріѣхали въ столицу цезарскую и вели переговоры во время конца виленской коммиссіи. Все это знакъ явной неправды лядской. Ясно, что ляхи виленскаго договора не додержатъ и кто знаетъ— будетъ ли этотъ договоръ принятъ на сеймѣ отъ чиновъ. Для вышерѣченной неправды мы ляхамъ никакъ вѣрить не можемъ, ибо знаемъ подлинно, что они православному народу нашему недоброхотны. Вторично тебя, великаго государя, единаго въ подсолнечной православнаго царя, молимъ: не отдавай православнаго народа на поруганіе, о которомъ ляхи помышляютъ» [1]).

Москва была глуха къ этимъ совѣтамъ.

Въ то же время Хмельницкому препятствовала не только Москва, но и другіе сосѣди, къ довершенію намѣ-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р. III. 556.

ренiй его. Императоръ австрiйскiй требовалъ покорности Польшѣ, обѣщалъ ходатайствовать о распространенiи правъ козацкихъ, а въ случаѣ упорства [1]), грозилъ послать противъ Украины сильное войско; съ другой стороны, крымскiй ханъ послалъ къ нему пословъ, требовалъ возобновленiя связи съ Польшею и грозилъ пустить орду по Украинѣ. Турцiя прислала своего чауша и также обѣщала послать войско на помощь полякамъ. Всѣ боялись усиленiя русской державы. Все это повергло Хмельницкаго въ тоску и унынiе, а потомъ въ болѣзнь [2]). Вѣроятно въ эти грустныя минуты гетманъ поэтъ создалъ ту печальную аллегорическую пѣсню, въ которой, подъ видомъ бѣдной чайки, обижаемой двумя птицами, плачущей за дѣтей своихъ, выражена такъ поэтически судьба современной Южной Руси, если только правда, что эта пѣсня сочинена лицомъ, а не создана народомъ.

Между тѣмъ, пользуясь успокоенiемъ польско-литовскихъ предѣловъ со стороны Москвы, Янъ Казимиръ прiобрѣталъ болѣе и болѣе успѣховъ. Варшава была возвращена и лучшiй шведскiй генералъ, Виттенбергъ, взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Замостье. Чарнецкiй повсюду побѣждалъ. Императоръ австрiйскiй Фердинандъ заключилъ съ польскимъ королемъ дружескiй союзъ и грозилъ врагамъ Польши послать противъ нихъ войско. Но и Карлъ Густавъ искалъ также себѣ союзниковъ; онъ убѣдилъ бранденбургскаго курфирста дѣйствовать взаимными силами и продолжалъ просить содѣйствiя Хмельницкаго. Въ январѣ, 1656 года, аѳонскiй монахъ возвратился изъ Швецiи въ Чигиринъ и привезъ какiя-то депеши, которыхъ содержанiе неизвѣстно; вслѣдъ затѣмъ, въ маѣ, прибылъ въ Чигиринъ Грондскiй, уже въ другой разъ посѣщавшiй Хмельницкаго, только отъ иного короля.

---

[1]) Истор. Мал. Росс. II. 12.

[2]) Истор. о през. бр.

«Еслибъ, — писалъ король: — я имѣлъ такое храброе войско, какъ козаки, то выдержалъ бы сраженіе съ цѣлымъ поголовнымъ ополченіемъ польской націи. Я прошу, чтобъ, въ случаѣ необходимости, козаки не отказали мнѣ содѣйствовать, впрочемъ, не прежде, когда я приглашу; ибо я надѣюсь заключить выгодный миръ съ поляками, при которомъ обѣщаю, что, съ своей стороны, я рѣшусь на миръ не иначе, какъ тогда, когда будутъ исполнены всѣ желанія козацкой націи. Прошу заранѣе нарядить коммиссаровъ, изложить требованія и, съ своей стороны, извѣстить меня, какое угодно было бы назначить время и мѣсто для коммиссіи» [1]).

Неизвѣстно, что̀ предложили тогда съ своей стороны козаки; впрочемъ, предложенія короля шведскаго о мирѣ относились къ дальнѣйшему времени: Карлъ Густавъ приглашалъ съ собою дѣйствовать новаго союзника, Ракочи. Нѣкоторые польскіе дворяне, отчасти диссиденты, которые искали правъ своей религіи, а еще болѣе такіе люди, которые руководились своекорыстными видами, убѣжавшіе во время суматохи въ Седмиградье, приглашали князя быть королемъ польскимъ. Ракочи обратился къ Хмельницкому и прислалъ своихъ пословъ съ просьбою помогать ему [2]). Хмельницкій далъ тогда его посольству обоюдные отвѣты.

«Ракочи, — говорилъ Выговскій Грондскому: — очень желаетъ союза съ нами, а мы не хотимъ соединять наше войско съ такими солдатами, которые выучены за печкою. Однако, чтобъ не вооружить его противъ себя, мы даемъ ему двусмысленные отвѣты. Правду сказать, рана, которую нанесъ нашему пану-гетману Ракочи погибелью

---

1) Histor. belli cos. polon. 268.

2) Jbid. 301.

сына — неизцѣлима, и гетманъ все еще ищетъ отомстить ему [1]).

Грондскій имѣлъ порученіе ѣхать въ Седмиградье и убѣждалъ Хмельницкаго приступить къ концу. Гетманъ заглушилъ въ себѣ чувство оскорбленія и далъ согласіе. Хмельницкій готовъ былъ на всѣ средства, лишь бы достигнуть своихъ цѣлей.

Вмѣстѣ съ Грондскимъ отправился отецъ Данило. Они проѣхали черезъ Молдавію, чтобъ не попасть въ руки поляковъ, и прибыли къ Ракочи. Ракочи принялъ это посольство съ радостью и отправилъ въ Швецію съ отвѣтомъ, черезъ Москву, отца Данила; Грондскаго оставилъ у себя. Такимъ образомъ время протянулось до зимы, пока отъ Карла Густава прибыли уполномоченные въ Седмиградье. Послѣ виленскаго договора Хмельницкій уже не колебался нимало и 26-го ноября заключилъ съ Ракочи особый предварительный союзъ, по которому обѣ стороны должны были защищать другъ друга противъ всѣхъ непріятелей и жители обѣихъ странъ находиться въ совершенномъ согласіи. Ракочи обязывался подавать украинцамъ помощь въ случаѣ утѣсненія, отъ кого бы то ни было, ихъ вѣрѣ и правамъ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ 1657 года, заключенъ былъ Швеціею, Трансильваніею и Украиною договоръ о раздѣлѣ Польши; это уже вторая попытка къ тому, чего не избѣгла Польша черезъ сто лѣтъ слишкомъ. Королю шведскому должна была достаться Великая Польша, Ливонія, Гданскъ съ приморскими окрестностями; бранденбургскому курфирсту всѣ польскія владѣнія въ Пруссіи, Ракочи — Малая Польша, Великое Княжество Литовское, княжество мазовецкое и княжество русское (Червоная Русь) а Украина съ остальными южно-русскими землями долженствовала

---

[1]) Ibid. 366.

быть признанною на-всегда отдѣльною отъ Польши. Эти договорныя статьи подписаны были, со стороны Ракочи, Стефаномъ Хорватомъ и Топошемъ, со стороны Украины— генеральнымъ судьею Самуиломъ Богдановичемъ Заруднымъ и войсковымъ асауломъ Ковалевскимъ [1]). По заключеніи такого договора, Хмельницкій послалъ къ Ракочи на помощь двѣнадцать тысячъ войска, подъ начальствомъ Ждановича, Зеленскаго и сотника Попенка [2]).

Отправляя ихъ, Хмельницкій собралъ раду изъ старшинъ и полковниковъ и говорилъ: «нечего намъ ожидать добра отъ Москвы. Наши посланцы, отправленные въ Вильну находиться при великихъ послахъ царскаго величества, воротившись домой объявили, что ихъ не допустили къ совѣщаніямъ. Они узнали, что Польша и Литва поддались быть подъ государевою рукою, а владѣть по-смерть свою нынѣшнему польскому королю, какъ прежде владѣлъ, и всѣмъ правамъ и вольностямъ шляхетскимъ быть по прежнему, и насъ отдать по прежнему ляхамъ! Чего-жъ намъ послѣ того ждать! Когда мы прежде были трудны ляхамъ, отъ нихъ какое поруганье и гоненье было, а теперь они уже въ конецъ насъ выгубятъ. А потому намъ остается отступить отъ московскаго государя и помогать венгерскому князю Ракочію доступить польскаго королевства и съ шведомъ быть за-одно». Всѣ слушали эти рѣчи безъ возраженія, хотя нѣкоторые, сомнѣваясь въ успѣхѣ, и не были единомышленны съ гетманомъ. Находились и такіе, которымъ приходила въ голову мысль извѣстить объ этомъ замыслѣ московское правительство, но не смѣли отважиться на это [3]).

Напрасно канцлеръ Любомирскій убѣждалъ Ракочи не

---

[1]) Ibid. 358—389.

[2]) Annal. Polon. Clim. II. 197—217.—Истор. о през. бр.

[3]) Арх. Иностр. Дѣлъ. Стат. Списокъ Ив. Желябужскаго. Седмигр. Дѣла. 1657. № 2.

начинать непріязненныхъ дѣйствій и доказывалъ, что нѣтъ никакого повода къ разрыву между нимъ и Польшею. Леопольдъ, король венгерскій и богемскій, принявшій власть по смерти Фердинанда III-го, чрезъ архіепископа Нитры, Юрія Шелепчена, дѣлалъ ему убѣжденія. Ракочи ссылался на то, что поляки предлагали ему корону и твердилъ, что считаетъ обязанностью защищать свою честь [1]). Въ декабрѣ Ракочи издалъ къ полякамъ манифестъ въ такихъ выраженіяхъ: «Коронные чины, видя, что Рѣчь Посполитая клонится къ паденію и не ожидая ни основательныхъ мѣръ, ни помощи отъ ея настоящаго правительства, какъ прежде, такъ и въ недавнее время, чрезъ посредство своихъ великихъ пословъ, предлагали намъ съ извѣстными условіями польскую корону. По давней и, можно сказать, наслѣдственной любви нашей къ благородному польскому народу и по христіанскому благочестію и состраданію, мы, при Божіей помощи, предприняли намѣреніе успокоить нашею особою и нашими войсками смуты въ славномъ Польскомъ Королевствѣ; поэтому считаемъ нужнымъ предупредить и предостеречь всѣхъ вообще, чтобы всякій, если ему дороги жена его, дѣти, пожитки и имущества, по прочитаніи настоящаго универсала, какъ только мы приблизимся съ нашимъ войскомъ къ польскимъ предѣламъ, заблаговременно приставалъ къ намъ и такимъ, либо другимъ образомъ засвидѣтельствовалъ намъ свое благорасположеніе. Если же кто не захочетъ такъ поступить и пренебрежетъ нашимъ благожелательствомъ, тотъ пусть припишетъ себѣ самому, а не намъ, всякую непріятность, какую онъ можетъ испытать въ военное и безпокойное время. Всѣхъ же тѣхъ, которые пожелаютъ искать нашего покровительства, мы обѣщаемъ принимать милостиво, охранять отъ настоящихъ бѣдъ и

[1]) Histor. ad. exc. Wlad. IV. 327—328.—Gradelehni. 539.

военныхъ разореній и, сколько намъ возможно, возвратить ихъ нарушенныя вольности. Въ особенности же обѣщаемъ искренно сохранить въ цѣлости свободу совѣсти и стараться о томъ, чтобы, при Божіей помощи, въ Польскомъ славномъ Королевствѣ расцвѣлъ вожделѣнный миръ и мы могли бы даровать ему снова общественную и частную безопасность» [1]).

Въ январѣ 1657 года Ракочи двинулся въ Польшу, оставивъ для управленія своимъ княжествомъ свою мать и сына [2]).

Кромѣ двѣнадцати тысячъ козаковъ, у него въ войскѣ было своихъ около двадцати, а по другимъ до сорока тысячъ [3]). Это былъ пестрый сбродъ всѣхъ націй и состояній: здѣсь, кромѣ венгровъ, подданныхъ Ракочи, были венгерскіе гайдуки, волохи, поляки и украинцы — поднѣстровскіе левенцы, привыкшіе жить войною [4]). Венгерскій источникъ считаетъ бывшихъ у него 4500 нѣмцевъ, 7000 саксовъ седмиградскаго княжества пѣхоты и 35000 конницы, въ рядахъ которой находились валахи и молдаваны [5]). Два бѣглые поляка, диссиденты, взялись преклонять на сторону побѣдителя подданныхъ Яна Казимира: первый былъ извѣстный намъ Грондскій [6]), другой, также знакомый намъ, Немиричъ, который былъ въ козацкомъ войскѣ, перешелъ къ шведамъ и теперь дѣйствовалъ съ Ракочи для разоренія своего шляхетскаго отечества [7]).

На дорогѣ встрѣтилъ ихъ гонецъ отъ московскаго государя Алексѣя Михайловича.

---

[1]) Рук. И. П. Б. разнояз. Q. 28.

[2]) Gradelehni. 539.

[3]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 346.—Gradelehni. Ibid.

[4]) Annal. Polon. Clim. II. 198.—Histor. ab exc. Wlad IV. 332.

[5]) Gradelehni. стр. 540.

[6]) Histor. belli cosac. polon. 371.

[7]) Annal. Polon. Clim. II. 211.

Онъ уговаривалъ седмиградскаго князя оставить свое предпріятіе, если цѣнитъ дружбу государя.

«Въ противномъ случаѣ, — прибавлялъ гонецъ, — великій государь, его царское величество, будетъ оружіемъ защищать Польшу, какъ бы и собственное отечество, потому что онъ избранъ быть королемъ польскимъ».

«Не знаю, — отвѣчалъ Ракочи, — когда царь московскій получилъ приглашеніе быть польскимъ королемъ, но мнѣ, и прежде, и въ недавнее время, поляки предлагали корону. Если его царское величество признаетъ Польшу своею, то объ этомъ мы сдѣлаемъ постановленіе послѣ. Я не отрицаю, что дорожу дружбою его царскаго величества, однако, не до такой степени, чтобъ для нея отказаться отъ польской короны. Если ужъ нарушать миръ, то за царство»[1]).

Войско вступило въ Покутье, а отсюда прошло до Львова.

Всѣ убѣжденія Грондскаго къ львовскому магистрату о сдачѣ города и признаніи Ракочи остались напрасны. Львовъ обѣщался признать Ракочи королемъ, когда вся Польша его признаетъ, но не измѣнилъ Яну Казимиру [2]). Опасаясь медлить подъ Львовомъ, Ракочи пошелъ далѣе. 29-го марта онъ вступилъ въ Краковъ, все еще занятый шведами, взялъ на слѣдующій день присягу на вѣрность отъ гражданъ и дворянства; на другой день онъ выступилъ изъ столицы, сошелся, 4-го апрѣля, въ селѣ Модлишевѣ, на пути изъ Кракова къ Варшавѣ съ шведскимъ королемъ. Козацкій полковникъ Ждановичъ съ своими козаками слѣдовалъ за ними и, какъ союзникъ, былъ допускаемъ до совѣщаній седмиградскаго князя съ шведскимъ королемъ [3]). Оба подошли подъ Замостье. Ракочи уполномо-

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 362.

[2]) Ibid. 375—384.

[3]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 332—333.

чилъ Немирича склонить на свою сторону владѣтеля крѣпости сендомирскаго воеводу Замойскаго [1]).

На всѣ представленія Немирича отвѣчали полнымъ пренебреженіемъ:

«Письмо, полученное мною,—писалъ Замойскій,—только и можетъ быть написано подобнымъ измѣнникомъ, каковъ Немиричъ. Не пиши ко мнѣ, пока не омылъ своей измѣны болѣе благороднымъ дѣломъ; я стыжусь имѣть сношеніе съ гадинами, терзающими внутренности своего отечества» [2]).

Союзники поворотили отъ Замостья. Карлъ обратился къ Бресту, взялъ его и принудилъ присягнуть Ракочи. По одному современному извѣстію, Ракочи покорилъ Люблинъ, нанесъ несчастному городу новое разореніе и принудилъ жителей уже въ третій разъ сложить подданство Яну Казимиру [3]). Но бывшій съ Ракочи полковникъ Ждановичъ говорилъ, что Люблинъ взятъ не былъ. Союзники пошли къ Варшавѣ. Ракочи въ маѣ издалъ новый манифестъ къ польскому народу. «Мнѣ очень жаль, — говорилъ онъ, — что безпокойные паны, которымъ выгодно, чтобы въ Польшѣ было смятеніе, кормятъ васъ суетными обѣщаніями, что придетъ къ вамъ на помощь войско съ сѣвера, востока, запада, юга: вы этой помощи не дождались и не дождетесь, а между тѣмъ покидаете свои жилища и скитаетесь по дебрямъ и горамъ, ведете жизнь не человѣческую, а звѣриную. Дружески, желая вамъ добра, предостерегаю васъ, не гоняйтесь за вѣстями, какія вамъ приноситъ вѣтеръ: изберите путь вѣрнѣйшій и безопаснѣйшій, возвратитесь въ домы свои къ своимъ полямъ, давайте моимъ войскамъ умѣренную и скромную стацію и сидите себѣ тихо и свободно, пока

---

1) Wojna. dom. Ч. 4. 224.

2) Annal. Polon. Clim. II. 212.

3) Wojna dom. Ч. 4. 225.

Богъ не соизволитъ привести Польское Королевство къ полному и совершеннѣйшему спокойствію. Когда вы исполните мой совѣтъ—жалѣть не будете; упорные же и непокорные будутъ преслѣдуемы огнемъ и мечемъ» [1]). Если вѣрить повѣствованію современныхъ польскихъ историковъ, то полякамъ было отъ чего прятаться по дебрамъ и горамъ, и вести звѣриную, а не человѣческую жизнь. Дикое войско Ракочи повсюду, гдѣ проходило, производило грабежи, убійства, насилія. «Мѣстечки и села,—говоритъ современникъ, — превращались въ кучи пепла. Жители были истребляемы безъ разбора; не смотрѣли на святыню церквей, мучили священниковъ, не щадили младенцевъ» [2]). Одинъ изъ современныхъ поляковъ замѣчаетъ, что въ теченіи нѣсколькихъ недѣль край потерпѣлъ отъ Ракочіева войска больше чѣмъ за два года отъ шведовъ. Терпѣли особенно маетности маршала и польнаго гетмана Юрія Любомирскаго около Ланцуты, потому что тогда Ракочій злился преимущественно на этого пана за то, что, какъ увѣрялъ Ракочій, онъ самъ чрезъ своего посланца Станиславскаго приглашалъ его искать польской короны, обѣщая ему Подгорье и часть русскаго воеводства, тогда какъ Любомирскій отрицалъ это и заявлялъ, что не давалъ Ракочію такого обѣщанія [3]). Разноплеменныя толпы этого войска, непонимавшія другъ друга, дрались и между собою: шведы отбивали добычу у венгровъ, украинцы отнимали ее у шведовъ. Каждый часъ въ лагерѣ — драка, шумъ, убійство [4]). Такое-то нестройное полчище вторглось въ Варшаву. Столица сдалась, надѣясь на Карла Густава, но не спаслась отъ разоренія. Дикія толпы, не повинуясь

---

[1]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. Q. 28.

[2]) Wojna dom. Ч. 3. 219.—Annal. Polon Clim. II. 212.

[3]) Jemiołowsk. Pamiętnik. 119.

[4]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 337.

предводителямъ, оскверняли храмы, грабили домы, сожигали предмѣстья и не пощадили даже дворца [1]).

Но здѣсь положенъ былъ предѣлъ торжеству Ракочи: польскій король, во время вторженія враговъ, убѣжалъ въ Данково, имѣніе краковскаго каштеляна Варшицкаго, недалеко отъ Ченстоховскаго монастыря [2]) и дѣйствовалъ противъ враговъ искуснымъ образомъ. Посолъ его, Лещинскій, отправился къ Леопольду [3]) и упросилъ послать на помощь сильный отрядъ подъ начальствомъ Гарцфельда [4]). Въ то же время Любомирскій вошелъ съ польскимъ войскомъ во владѣнія Ракочи и приказалъ производить опустошенія, чтобъ отомстить за разореніе Польши и возбудить противъ князя его подданныхъ. Онъ издалъ манифестъ ко всѣмъ жителямъ Семиградскаго княжества, и въ манифестѣ этомъ доказывалъ, что несчастія, понесенныя жителями, они должны приписывать своему владѣтелю, изображалъ его тираномъ, жалѣлъ о потерянной свободѣ венгровъ [5]). Другой посолъ, Яскульскій, отправился въ Турцію, счастливо избѣжалъ рукъ матери Ракочи, которая было поймала его, но должна была отпустить, страшась мщенія турокъ. Опасаясь могущества Московскаго Государства и желая разлучить съ нимъ козаковъ, турецкій дворъ принялъ просьбу короля ласково и посланникъ возвратился съ вѣстью, что ханъ пойдетъ со всею ордою противъ козаковъ [6]).

Еще въ апрѣлѣ, 1657 года, король Янъ Казимиръ посылалъ къ Хмельницкому волынскаго каштеляна—Станислава Беньйовскаго. Это былъ хитрый и ловкій дипломатъ.

---

[1]) Annal. Polon. Clim. II. 214.

[2]) Wojna dom. Ч. 3. 228.—Annal. Polon. Clim. II. 219.

[3]) Wojna dom. Ч. 3. 223.

[5]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 336.—Wojna dom. Ч. 3. 224.

[5]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 340—341.

[6]) Annal. Polon. Clim. II. 217.

Неизвѣстно, какъ велись съ нимъ переговоры: — они не состоялись, но, при помощи Выговскаго, издавна благопріятствовавшаго мысли примиренія съ Польшею, Хмельницкій далъ ему надежду. Въ письмѣ своемъ къ королю, отъ 18-го апрѣля, Хмельницкій вычислилъ прежнія заслуги козаковъ, напомнивъ о польской неблагодарности, но изъявилъ согласіе на миръ, выражаясь такъ: «Мы, съ посломъ Беньйовскимъ, изъискивали мѣры, чтобъ ни достоинство вашего величества, ни наша свобода не потерпѣли». Онъ предоставилъ Беньйовскому подробно представить требованія русскихъ и просилъ, чтобъ дѣло приведено было къ окончанію самимъ Беньйовскимъ: видно, что онъ болѣе, чѣмъ другимъ, оказывалъ ему довѣріе [1]). Украинскій лѣтописецъ поясняетъ въ чемъ состояли требованія, сообщенныя Хмельницкимъ Беньйовскому: онъ просилъ присылки коммиссаровъ для разграниченія Украины отъ Польши [2]).

Между тѣмъ Янъ Казимиръ доносилъ царю на Хмельницкаго, что гетманъ со Швеціею и Ракочи собираются нападать на московскаго царя. Царь для изслѣдованія этого доноса послалъ въ Чигиринъ стольника Кикина. Хмельницкій увѣрилъ его, что напротивъ того поляки подъучали его отторгнуться отъ московской власти и Беньйовскій сознавался ему, что статьи, постановленныя въ Вильнѣ, заключены поляками единственно для удержанія московскихъ войскъ отъ разоренія Литвы. Хмельницкій съ посланцемъ своимъ, Ѳедоромъ Коробкою, отправилъ къ царю перехваченныя письма отъ поляковъ къ турецкому двору: изъ нихъ видно было, что поляки искали союза съ Турціею, не въ пользу Россіи. «Ляхи,—писалъ Хмельницкій,—видя свою свыше отъ Бога назначенную

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. III. 3. 190.

[2]) Истор. о през. бр.

гибель, вашему царскому величеству покоряются, а въ сердцахъ у нихъ ядъ змѣиной ярости кипитъ. Они къ турскому салтану отправляютъ пословъ, просятъ, чтобъ имъ помогалъ христіанъ воевать. Молимъ тебя, великій государь, не вѣрь отступникамъ ляхамъ».

Но въ Москвѣ положительно стало извѣстно, что Хмельницкій заключилъ договоръ со шведами и венграми, что войска козацкія посылаются на помощь Ракочи. Царь Алексѣй Михайловичъ 19-го апрѣля отправилъ къ Хмельницкому съ выговоромъ окольничаго Ѳедора Бутурлина и дьяка Василія Михайлова.

Между тѣмъ физическія силы Хмельницкаго все болѣе и болѣе истощались. Украинскій историкъ говоритъ будто онъ былъ отравленъ. Пріѣхалъ какой-то польскій шляхтичъ хорошей фамиліи, подъ видомъ, будто ищетъ руки дочери Хмельницкаго. Проживъ у него нѣсколько времени, онъ получилъ согласіе гетмана, потомъ снова собрался въ путь подъ предлогомъ приготовиться къ браку и обѣщалъ скоро быть въ Чигиринѣ. Выѣзжая изъ дому, на прощальномъ обѣдѣ, женихъ предложилъ будущему тестю выпить вмѣстѣ съ нимъ за здравье невѣсты привезенной съ собой водки, которою хвалился, какъ рѣдкостью. Отперши свой погребецъ, онъ воспользовался временемъ, когда Хмельницкій отворотился, и налилъ въ его чарку водки не изъ той склянки, изъ которой наливалъ для себя. Въ водку положенъ былъ медленно убивающій ядъ. Нареченный женихъ уѣхалъ и не являлся болѣе въ Украинѣ. Украинскій историкъ говоритъ, что онъ былъ наученъ на такое злодѣйство польскимъ правительствомъ, желавшимъ избавиться отъ сильнаго врага какими бы то ни было мѣрами. Съ тѣхъ поръ Хмельницкій началъ сохнуть, хирѣть и день ото дня приближаться къ гробу.

Едва ли справедливо это сказаніе и вѣроятнѣе—оно принадлежитъ къ тѣмъ легендарнымъ подозрѣніямъ, ко-

торыя во всѣ времена и вездѣ сопровождали преждевременную смерть знаменитыхъ людей, долженствовавшихъ по своему политическому положенію имѣть много враговъ. Совершенно неправдоподобно, чтобъ Хмельницкій согласился отдать дочь за какого-то польскаго шляхтича, да притомъ, намъ извѣстно, что въ послѣдніе годы его жизни двѣ его дочери, — а больше у него дочерей не было, — были уже въ замужествѣ, одна—Катерина за Даниломъ Выговскимъ, другая—Елена за Иваномъ Нечаемъ. Гораздо вѣроятнѣе, что медленно убивающій ядъ, низводившій Богдана въ могилу, принесенъ былъ ему не изъ Польши, а изъ Москвы; то была московская политика, ломавшая всѣ его широкіе планы уничтоженія Рѣчи Посполитой, единенія и восростанія Руси, ломавшая ихъ въ такое время, когда они скорѣе, чѣмъ когда нибудь, могли осуществиться. Хмельницкій прозрѣвалъ въ даль временъ, какъ показываютъ его многія рѣчи. Онъ видѣлъ, что Москва, болѣе, чѣмъ всѣ другіе сосѣди, испортитъ начатое имъ дѣло и оставитъ русскій народъ надолго подъ игомъ католичества и панства. Кромѣ того грубое обращеніе московскихъ людей съ малоруссами, на которое отовсюду приносились ему жалобы, недовѣріе къ нему начальныхъ московскихъ людей, недопущеніе украинскихъ коммиссаровъ къ совѣщаніямъ между Польшею и Москвою о судьбѣ русскаго народа, неудовольствія противъ Москвы митрополита и значительнаго православнаго духовенства,—все показывало ему, что соединеніе Южной Руси съ Московскимъ Государствомъ не можетъ совершиться безъ раздоровъ и потрясеній. Все это разстроивало гетмана. Ему было за шестьдесятъ лѣтъ; много въ жизни у него было ударовъ, но виленскій договоръ со всѣми соединенными съ нимъ обстоятельствами, былъ самый гибельный ударъ для Хмельницкаго.

Чувствуя, что ему не долго жить, больной старикъ

увлекся любовью къ своему сыну; ему хотѣлось, чтобъ козаки выбрали его гетманомъ послѣ него. Онъ собралъ раду изъ полковниковъ, сотниковъ и выборныхъ козаковъ. Это было въ маѣ. Украинскій лѣтописецъ показываетъ днемъ ея отправленія 6-е августа; но это несправедливо: изъ дѣлъ московскаго малороссійскаго приказа, писанныхъ въ апрѣлѣ, видно, что Хмельницкій думалъ объ этой радѣ, а изъ писанныхъ въ іюнѣ, видно, что она тогда уже совершилась. Рада эта сдѣлалась въ народѣ памятнымъ событіемъ и перешла въ народную думу.

При стеченіи козаковъ Хмельницкій говорилъ:

«Братья!—еслибъ я долженъ былъ говорить къ незнающимъ нашихъ плачевныхъ обстоятельствъ, то у меня не достало бы ни времени, ни словъ и здоровья. Но вамъ я считаю излишнимъ разсказывать то, что вы сами знаете: извѣстно вамъ, братья, столько же, сколько и мнѣ, какія страшныя угнетенія, гоненія, разоренія, поруганія, ежедневныя мученія терпѣлъ подъ игомъ поляковъ злосчастный народъ русскій, и какъ страдала мать наша, православная восточная церковь; лишенная своего богослуженія, угнетаемая латинствомъ, стонала она въ молчаніи! Наконецъ, посѣтилъ насъ Богъ свыше милостію благодати своей и подалъ намъ руку помощи, какъ древле Израилю въ Египтѣ; и возвращено прежнее благочиніе церкви нашей, и освободился отъ тяжкаго и постыднаго рабства народъ русскій. Извѣстно вамъ и то, съ какими трудами, потерями, бѣдствіями и кровопролитіями совершилось это избавленіе православной церкви и отечества отъ ига ляхскаго. Волѣ Божіей то было угодно, чтобъ это совершилось мужествомъ вашимъ, совоинственники милые, козаки рыцари, и подъ моимъ предводительствомъ. Десять лѣтъ я посвящалъ себя отечеству, не щадя ни здоровья, ни жизни; но теперь, по волѣ Создателя моего, старость и болѣзни одолѣли меня; изнемогаютъ члены тѣла моего, схожу въ могилу, братья,

и оставляю васъ на произволъ судьбы! Благодарю васъ, господа честные и братія возлюбленные, за ту честь, которую вы оказали мнѣ избраніемъ въ гетманы. Благодарю за довѣренность ко мнѣ, благодарю за непоколебимую вѣрность и искренное послушаніе. Благодарю васъ за храбрость, оказанную вами въ тридцати четырехъ сраженіяхъ съ поляками, венграми, волохами, татарами: а болѣе всего благодарю васъ за то согласіе и единодушіе, съ которымъ вы подвизались въ трудахъ и переносили бѣдствія. Вотъ булава, бунчукъ, знамена, всѣ клейноты, означающіе власть мою. Изберите себѣ гетманомъ кого угодно. Меня же, милые братья, простите по-христіански, если я, по немощи человѣческой, кого нибудь огорчилъ, или противъ кого нибудь изъ васъ погрѣшилъ».

Гетманъ поклонился собранію и залился слезами. Козаки не отвѣчали ничего и только плакали. Хмельницкій, отдохнувъ, снова говорилъ къ товарищамъ:

«Богъ знаетъ, братья, чье это несчастіе, что не далъ мнѣ Господь окончить этой войны такъ, какъ бы хотѣлось: во-первыхъ, утвердить навѣки независимость и вольность вашу; во-вторыхъ, освободить также Волынь, Покутье, Подоль и Полѣсье, и такъ избавить оружіемъ нашимъ отъ ига польскаго народъ русскій благочестивый, принуждаемый къ уніи,—словомъ, всѣ земли, которыми владѣли великіе русскіе князья наслѣдственно, преклонить подъ высокую руку всероссійскаго монарха. Богу иначе было угодно. Не успѣлъ я окончить своего дѣла, умираю съ величайшимъ прискорбіемъ; но не знаю, что́ будетъ послѣ меня. Прошу васъ, братья, пока я живъ, изберите себѣ, при моихъ глазахъ, новаго гетмана вольными голосами. Если я буду знать отчасти будущую судьбу вашу, то спокойнѣе сойду въ могилу».

Никто не отвѣчалъ на предложеніе Хмельницкаго.

Старикъ подождалъ нѣсколько времени, потомъ снова самъ прервалъ молчаніе.

«Есть между вами люди опытные и искусные; изберите себѣ, братья, либо Антона Ждановича полковника кіевскаго, или полковника переяславскаго Тетерю, или полковника полтавскаго Мартына Пушкаренка, но, по моему мнѣнію, я бы совѣтовалъ вамъ избрать Ивана Выговскаго: онъ былъ все время при мнѣ писаремъ, знаетъ всю политику и можетъ управлять войскомъ. Его бы я желалъ особенно видѣть моимъ преемникомъ.

«Нѣтъ, нѣтъ! — закричали голоса: — за твои знаменитыя заслуги предъ войскомъ запорожскимъ, за твои кровавые труды, за твой разумъ и мужество, съ которыми ты избавилъ насъ отъ ярма ляхскаго, прославилъ предъ цѣлымъ свѣтомъ и устроилъ свободнымъ народомъ, мы должны и по смерти твоей оказывать честь твоему дому. Никто не будетъ у насъ гетманомъ, кромѣ Юрія, твоего сына».

Кандидаты, которыхъ предлагалъ Хмельницкій, съ своей стороны отказывались отъ начальства и подавали голоса въ пользу Юрія.

«Вижу, братья мои возлюбленные, вижу, что вы любите меня и благодарю васъ, но долженъ вамъ отсовѣтовать: сынъ мой дитя молодое; ему ли исправлять должность гетмана и въ такое опасное время? Нуженъ для этого мужъ опытный и искусный, а не юноша. Сынъ же мой пусть служитъ войску запорожскому по его лѣтамъ, а вы другимъ образомъ будете покровительствовать ему, и тѣмъ докажете благодарность свою ко мнѣ».

«Хотя сынъ твой и молодъ, — возразили ему: — но мы будемъ окружать его людьми опытными и старыми, которые будутъ наставлять его мудрыми совѣтами. Если сынъ твой будетъ начальствовать надъ нами, намъ будетъ легче,

когда гетманомъ у насъ будетъ Хмельницкій, мы будемъ любить его, слушаться и вспоминать и благословлять тебя, милаго батька нашего!»

Многіе въ душѣ вовсе не хотѣли видѣть Юрія гетманомъ, но должны были согласиться изъ желанія угодить отцу, ибо думали, что старикъ, хотя отсовѣтываетъ, а ему хочется чтобъ сына его избрали.

Наконецъ Хмельницкій согласился, вручилъ Юрію знаки гетманскаго достоинства и сказалъ:

«Сынъ мой! не гордись временнымъ господствомъ; воздавай должную честь старшимъ себя; не обременяй подчиненныхъ трудами выше того, сколько могутъ снести; не прилѣпляйся къ богатымъ и не презирай убогихъ; имѣй равную любовь ко всѣмъ. Да будетъ въ сердцѣ твоемъ страхъ Божій, храни заповѣди Божіи, не дерзай нарушить вѣрности его царскому пресвѣтлому величеству, такъ какъ и я одинъ разъ присягнулъ и до смерти остался вѣренъ присягѣ. Если же ты будешь поступать противно этому, то всякое зло, которое произойдетъ отъ тебя, да отвратится отъ другихъ и обратится на твою голову!»

Толпа съ радостными восклицаніями провозгласила Юрія гетманомъ.

«Дай Богъ,—кричали козаки:—и при новомъ молодомъ нашемъ гетманѣ жить, какъ жили мы при старомъ: хлѣбъ-соль его вкушать, города турецкіе разорять, славы рыцарскія добывать!»

Чиновники прикрывали его знаменами и шапками, по козацкому обычаю; играли на трубахъ, били въ литавры, палили изъ пушекъ и ружей въ знакъ торжественнаго избранія новаго гетмана вольными голосами [1]).

---

[1]) Истор. о през. бр.—Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. 216—217.—Народ. дума.

Назначивъ сына гетманомъ, Богданъ до смерти оставилъ за собою власть. Силы его ослабѣвали съ каждымъ днемъ. Московскіе послы явились въ Украинѣ тогда, когда гетманъ едва могъ вставать съ постели.

Подъѣзжая къ Чигирину, іюня 3-го, эти посланники были встрѣчены за десять верстъ отъ города миргородскимъ полковникомъ Грицькомъ Лѣсницкимъ. Онъ объяснилъ, что разнесся слухъ, что ханъ наступаетъ съ войскомъ на Украину и Хмельницкій поручалъ ему не допускать татаръ. «Нынѣ къ намъ дошли слухи,—сказалъ Лѣсницкій: — что его царское величество, не знаю за какія вины, положилъ на насъ гнѣвъ свой и хочетъ послать на насъ своихъ ратныхъ людей воевать насъ: мы оставимъ и женъ и дѣтей нашихъ безъ всякаго опасенія! пусть проливаетъ кровь нашу мечъ царскій; мы безъ всякаго сопротивленія подложимъ подъ него главы; во всемъ будетъ воля его царскаго величества!»

«Это вамъ кто-то наговорилъ воровски на ссору, — отвѣчалъ ему Бутурлинъ, — великій государь держитъ васъ въ своей милости и жалованьи, а вамъ слѣдуетъ ему, великому государю, служить и воровскимъ смутнымъ рѣчамъ не вѣрить».

За пять верстъ отъ Чигирина встрѣтили пословъ сынъ гетмана Юрій, писарь Выговскій и войсковой асаулъ Ковалевскій. Сынъ извинялся за отца, что онъ самъ по болѣзни не могъ встрѣтить гостей. 4-го іюня пріѣхалъ къ посламъ Ковалевскій и привелъ двѣ богато-осѣдланныя лошади. «Добродій нашъ панъ гетманъ, — сказалъ онъ: — велѣлъ вамъ ѣхать къ себѣ». Они въѣхали на дворъ до крыльца и были встрѣчены въ сѣняхъ Выговскимъ. «Не майте за зле, — сказалъ писарь: — гетманъ лежитъ боленъ и не могъ встрѣтить васъ никакими мѣрами».

Они застали гетмана на постели. Послѣ взаимныхъ

спросовъ о здоровьи, послы роздали по росписи царское жалованье гетману, писарю и полковникамъ и, получивши отъ нихъ благодарность, сказали:

«Наказано намъ съ тобою гетманомъ говорить о государскихъ дѣлахъ, а тебѣ тѣхъ государскихъ дѣлъ отъ насъ выслушать».

«Мнѣ невозможно слушать теперь государскихъ дѣлъ,— сказалъ гетманъ: — скорбь меня постигла великая; сами видите: пусть войсковой писарь Иванъ Выговскій выслушаетъ великія дѣла его царскаго величества».

«Мы,— отвѣчалъ Бутурлинъ:— присланы по указу великаго государя къ тебѣ, гетману, и наказано намъ говорить съ тобою, а не съ писаремъ».

«Я никакъ не могу въ моей болѣзни говорить и отвѣтъ давать о государскихъ дѣлахъ,— сказалъ гетманъ:— да чтобы вы и мнѣ говорили, то не будетъ утаено отъ писаря».

Бутурлинъ отвѣчалъ: «Не пригоже тебѣ, Богданъ, отговариваться никакими замыслами; надобно слушать указъ и повелѣніе великаго государя безъ всякаго прекословія».

«Указа и повелѣнія государя слушать я повиненъ, да за скорбію говорить мнѣ нельзя о государскихъ дѣлахъ. Вотъ какъ Богъ дастъ отъ болѣзни станетъ легче—я дамъ тогда знать».

Онъ приказалъ писарю просить гостей сѣсть за столъ обѣдать.

Послы сказали:

«По милости царскаго величества приготовлены у насъ обѣды на господѣ; мы будемъ ѣсть у себя».

Гетманъ сказалъ имъ:

«Всѣ посланные по милости царскаго величества въ моемъ домѣ ѣдали и за многолѣтнее государево здоровье чаши пивали. Учините и вы также, чтобъ мнѣ не сомнительно было при моей скорби. А если не сдѣлаете такъ,

то мнѣ будетъ видѣться, какъ бы отъ его царскаго величества ко мнѣ немилость». Послы согласились. Столы накрыли близъ постели гетмана. Съ гостьми сѣла жена Хмельницкаго, дочь его Катерина Выговская, писарь и асаулъ.

Въ половинѣ обѣда гетманъ привсталъ, приказалъ себя поддерживать, велѣлъ подать серебряный кубокъ съ венгерскимъ и проговорилъ желаніе здравія царю, царицѣ, царевичу, царевнамъ, милостивому заступнику и ходатаю Никону, назвавши его архіепископомъ, всему освященному собору, боярамъ, думнымъ людямъ, христолюбивому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Онъ изъявилъ желаніе, чтобы Господь Богъ покорилъ подъ ноги великаго государя не только иновѣрцевъ, еретиковъ, но и самаго поганина, бусурмана, турскаго салтана.

Въ изнеможеніи онъ упалъ на постель и уже болѣе въ этотъ день не подымался.

На другой день посланники царскіе потребовали черезъ писаря, чтобъ гетманъ ихъ выслушалъ. Напрасно писарь говорилъ, что гетманъ, по крайней болѣзни, никакъ не можетъ слушать и отвѣчать. Послы твердили, что они присланы отъ своего государя на-скоро. Писарь ходилъ два раза къ гетману и приносилъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что гетманъ не можетъ слушать и отвѣчать, но пригласитъ ихъ, какъ только ему легче станетъ.

Тогда московскіе послы принялись выпытывать писаря, восхваляли его службу и вѣрность и спрашивали: зачѣмъ Хмельницкій сносится со шведами, Ракочи и господарями, и о чемъ ссылаются?

Писарь глянулъ на образъ Спасителя, перекрестился и увѣрялъ, что ни въ гетманѣ, ни въ войскѣ запорожскомъ нѣтъ шатости, но какъ стали говорить будто царь отдаетъ Украину Польшѣ, а поляки стали подсылать къ турецкому султану, крымскому хану, венгерскому королю и швед-

скому, чтобъ они вмѣстѣ съ ними разоряли козаковъ, такъ гетманъ посылалъ къ сосѣднимъ государямъ, чтобъ имъ быть съ войскомъ запорожскимъ въ братской дружбѣ.— «Это все,—говорилъ писарь,—дѣлалось не для чего иного, только на славу и честь и хвалу великаго государя. А полковникъ Антонъ ходилъ съ войскомъ на поляковъ не для того, чтобъ Ракочи быть на польскомъ престолѣ, а для того, чтобъ общіе непріятели поляки не воевали подданныхъ его царскаго величества».

«Великое подивленіе намъ, — сказали послы: — что у гетмана ссылки и соединеніе и доброхотѣніе съ царскими непріятелями и безъ воли и повелѣнья царскаго чинится непріятелямъ его царскаго величества вспоможенье».

Потомъ послы объяснились о томъ же съ писаремъ и сыномъ Хмельницкаго вмѣстѣ, и говорили имъ рѣчь по наказу. Вспоминая прежнія страданія православной вѣры, послы сказали: «а какъ Корона Польская вкупѣ съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ будутъ въ подданствѣ у царскаго величества, тогда вѣра благочестивая будетъ множиться, и то будетъ на хвалу всемилостивому Богу, а вамъ на вѣчную и непосмертную славу». Здѣсь то и заключалась разница взглядовъ, какіе имѣли на тогдашнія обстоятельства въ Москвѣ и въ Украинѣ. Въ Москвѣ думали что обезпеченіе православной вѣры и независимость русскаго народа можетъ быть достигнута мирными способами; въ Украинѣ находили въ тѣхъ же способахъ величайшее препятствіе общей цѣли.

Между прочимъ, послы, излагая по обычаю, предъидущую исторію сношеній, сказали, что Самойло Богдановичъ и Тетеря, бывши послами отъ войска запорожскаго въ Москвѣ, по присоединеніи Малой Россіи, договорились, чтобы московскіе воеводы были въ городахъ: Черниговѣ, Переяславлѣ и Нѣжинѣ.

9-го іюня москвичей позвали къ Хмельницкому. Бутурлинъ говорилъ ему такъ:

«Обѣщались вы въ святой Божьей церкви по непорочной Христовой евангельской заповѣди передъ святымъ евангеліемъ служить и быть въ подданствѣ у великаго государя во всей его волѣ и послушаньѣ, добра хотѣть и искать лучшаго, а по нынѣшнему вашему начинанію ваше обѣщаніе и доброхотѣніе и исканіе лучшаго переносится отъ царскаго величества на Ракоцу. Нынѣ мы слышимъ, что ты съ войскомъ запорожскимъ соединился съ непріятелемъ его царскаго величества, свейскимъ Карломъ Густавомъ, и, за вспоможеньемъ войска запорожскаго, онъ взялъ много городовъ и присовокупилъ къ свейскому королевству. Ты велѣлъ, гетманъ, полковнику Антону Жданову чинить вспоможенье свейскому королю. Это ты чинишь, забывши страхъ Божій и присягу свою. Вамъ слѣдуетъ великому государю служить и промышлять, чтобъ Господь Богъ по милости своей учинилъ и прославилъ нашего государя на Польской Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и присовокупилъ эти государства къ Московскому Государству, а съ такими еретиками, какъ кальвины, соединеніе — отъ Бога отчужденіе».

Вспыльчивый гетманъ не сталъ вилять и увертываться подобно своему писарю. Слова московскаго посла разсердили его. Онъ съ жаромъ отвѣчалъ:

«Я не буду никогда отлученъ отъ шведскаго короля. У насъ давняя дружба, пріязнь и згода — уже больше шести лѣтъ, какъ еще мы не были въ подданствѣ у царскаго величества. Шведы люди правдивые, они сдерживаютъ слово свое; а царское величество учинилъ надо мною и надъ всѣмъ войскомъ запорожскимъ свое немилосердіе: помирился съ поляками, хотѣлъ насъ отдать въ руки полякамъ. И теперь слухъ до насъ доходитъ, что царское величество изволилъ послать изъ Вильны

на вспоможеніе ляхамъ двадцать тысячъ войска противъ насъ и шведскаго короля и Ракочи. А мы какъ еще и въ подданствѣ не были у царскаго величества, такъ ему служили и добра хотѣли, крымскаго хана уговаривали, девять лѣтъ не допускали его разорять украинные города царскіе, а ужъ бы они снеслись съ ляхами на разореніе Московскаго Государства. Все это я дѣлалъ служа царскому величеству. И нынѣ мы не отступаемъ отъ высокой руки его, какъ вѣрные подданные, и пойдемъ на войну на непріятелей царскихъ, на бусурмановъ, хоть бы въ нынѣшней скорби мнѣ въ дорогѣ и смерть случилась; для того повеземъ съ собою и гробъ. А вотъ, что вы говорите, будто я приказывалъ Самойлѣ и Тетерѣ, чтобъ царскіе воеводы были въ Черниговѣ, Нѣжинѣ и Переяславлѣ и собирали царскіе доходы, такъ этого не было; съ бояриномъ Бутурлинымъ мы договаривались, чтобъ были воеводы только въ Кіевѣ, чтобы всѣ окрестные государи вѣдали наше подданство, что въ стародавней столицѣ великихъ князей россійскихъ есть воевода царскаго величества. Доходы у насъ небольшіе: что присылается, то расходится на пословъ и посланниковъ разныхъ государствъ и на войсковыя потребы. Я никогда не былъ разорителемъ христіанской вѣры, бусурманы-татары меня слушали, бились и кровь проливали за церкви Божіи и православную вѣру. Великому государю, царскому величеству во всемъ воля: онъ монархъ великій; только то мнѣ диво, що ему бояре *доброго ничого не порадять*; Короною Польскою еще не овладѣли, мира въ совершеніе еще не привели, а ужъ съ другимъ панствомъ — со шведами войну начали! Шведскій король сильно укрѣпился со всѣми тамъ курфирстами, графами и вольными князьями, что ему помогали на цезаря римскаго воевать, и шестнадцать земель съ нимъ въ соединеніи. Да кабы я не соединился со шведами пріязнію и дружбою, то по-

ляки сошлись бы со всѣми тѣми, съ кѣмъ у насъ теперь згода: со шведами, съ Ракочи, съ волохами, съ мультанами, съ крымскими татарами, и насъ, подданныхъ царскаго величества, побили бы и пожгли и пусто учинили. Царскія войска на вспоможенье къ намъ скоро бы не подоспѣли, *и ми-бъ усі марно згинули*; не радостно же было бы Россійскому государству»!

На это отвѣчалъ ему Бутурлинъ:

«Гетмане, говорить тебѣ такія непристойныя рѣчи стыдно. Бога надобно помнить и присягу свою, какъ обѣщался великому государю служить и прямить и всякаго добра хотѣть; надобно памятовать милость царскую и отъ непріятелей оборону, и искать ему, государю, всего лучшаго. А нынѣ, за вспоможеньемъ войска запорожскаго по твоему повелѣнію, свейскій король и венгерскій Ракоца побрали многіе города Коруны Польской и неизреченное богатство пошарпали и присовокупили къ государствамъ своимъ. Вы же помогаете непріятелю царскаго величества, разоряете и грабите Коруну Польскую, на которую обрали нашего государя, вы проливаете кровь христіанскую, церквамъ Божіимъ и нашимъ православнымъ христіанамъ чинится великое разореніе и оскверненіе, чего и слышати страшно. Блюдитесь, чтобъ вамъ, за такія неправды, не навести на себя праведнаго гнѣва Божія. Какъ великій государь нашъ изволилъ наступить на непріятелей вашихъ на польскихъ и литовскихъ людей и какъ поляки побѣдою и одолѣніемъ царскаго величества учинились безсильны, такъ подъ часъ ихъ упадка много у васъ друзей стало на разоренье, грабежъ и шарпанину. А когда эти же непріятели ваши были вамъ сильны и страшны, тогда никто вамъ не помогалъ: только нашъ великій государь. Какъ вамъ отъ непріятелей было тѣсно, такъ ты гетманъ, пословнѣе говорилъ съ посланными царскаго величества, а нынѣ говоришь съ большими пыхами,

невѣдомо по какой мѣрѣ. Помнишь, какъ я приходилъ къ тебѣ съ ратными людьми на помощь и оборону отъ непріятелей вашихъ поляковъ и крымцевъ? Ты былъ тогда добрѣ низокъ и къ намъ держалъ большую любовь. Платье держать надобно разноличное, а слово неотмѣнное. Свейскаго короля Карла Густава предъ великимъ государемъ многія неправды и нарушеніе вѣчнаго докончанія тебѣ самому вѣдомы: не то что великому государю, помазаннику Божію, невозможно было терпѣть, ты, простой человѣкъ, не утерпѣлъ бы, еслибъ тебѣ кто нибудь такую досаду учинилъ. Служба твоя у великаго государя никогда забвенна не будетъ. И теперь великій государь держитъ тебя въ своей милости и чести и впередъ будь надеженъ на царскую милость, только непристойныя и высокія мѣры отложи. У его царскаго величества и въ мысли того не было, чтобъ васъ отъ своей руки отлучать и отдавать въ подданство польскому королю. А что будто царь хотѣлъ изъ Вильны послать на васъ двадцать тысячъ рати, такъ это говорили тебѣ на ссору; не вѣрь этому».

«Я вѣрный слуга царскаго величества и никогда не буду отлученъ отъ его высокой руки; памятна мнѣ оборона, какую мы видѣли на Дрыжиполѣ, и мы за то готовы не щадить головъ своихъ противъ непріятелей царскихъ, только теперь дайте покой; обо всемъ подумавши, въ иное время отвѣтъ вамъ учинимъ, а я въ тяжкой болѣзни страдаю еще больше отъ этой трудности, належащей на меня: говорить не могу». Онъ велѣлъ накрыть столъ. «Пожалуйте,—сказалъ онъ московскимъ посламъ:— по пріятельски ѣсть у меня въ домѣ, чѣмъ Богъ послалъ».

Тогда вошли жена его и дочь, подчивали гостей и сѣли за столъ; кромѣ прежнихъ лицъ, обѣдали на этотъ разъ Юрій и зять Хмельницкаго, Данило Выговскій.

Въ этомъ объясненіи москвичей съ украинскимъ гетманомъ выказалось наглядно различіе юга и сѣвера Руси. Раздѣленныя въ продолженіи многихъ вѣковъ половины русскаго міра не могли, при одинаковыхъ цѣляхъ и стремленіяхъ, скоро сойтись и понять другъ друга. А главное, Москва не могла понять, что можно быть истинно русскимъ и вмѣстѣ свободнымъ человѣкомъ, вѣрнымъ подданнымъ государя и говорить прямо правду.

На другой день Выговскій пріѣхалъ къ посламъ и сказалъ:

«Панъ гетманъ велѣлъ вамъ сказати добры день и спросить о вашемъ здоровьѣ: а если вчерашняго дня вамъ выгоды не было, *не майте того за зле;* гетманъ очень болѣнъ, только порадовался тому, что вы у него въ дому хлѣбъ ѣли; *пробачьте* ему, что онъ въ тяжкой своей болѣзни запалчиво съ вами говорилъ; онъ въ скорби своей теперь на всѣхъ сердится, такой у него нравъ, и насъ всѣхъ бранитъ: за что-нибудь малое такъ разсердится, что и подойти къ нему нельзя».

Посланники опять стали выпытывать писаря и, лаская его, говорили:

«Писарь Иванъ Выговскій! помни къ себѣ милость и жалованье государя нашего, служи, работай ему истиннымъ сердцемъ и правою душею безъ всякой хитрости и обмана, а служба твоя не будетъ забвенна у царскаго величества».

Писарь воспользовался этимъ и, наговоривши краснорѣчивыхъ увѣреній въ своей вѣрности, сказалъ: «Я гетмана и полковниковъ укрѣпляю и отъ шатости отвожу, а на знакъ своей истинной службы и вѣрнаго подданства, я теперь женился на дочери Богдана Статкевича, благочестивой христіанской вѣры: есть у него маетности въ Оршѣ, такъ пусть бы государь пожаловалъ — велѣлъ эти

маетности отдать женѣ моей и мнѣ, а я ему вѣрный слуга до кончины живота, какъ началъ служить и работать, такъ и на вѣкъ буду. Есть государева милость и жалованье къ иной шляхтѣ, что государю и не служивала».

«Нашъ милосердый государь,—отвѣчали послы,—всѣхъ жалуетъ по своему разсмотрѣнію и по ихъ заслугѣ».

Они опять стали требовать, чтобы гетманъ ихъ выслушалъ, есть у нихъ другія дѣла.

Еще не получили они отвѣта отъ гетмана, какъ вдругъ узнаютъ, что пріѣхалъ къ гетману шведскій посолъ и затѣмъ посолъ отъ Ракочи. Хотѣлось знать имъ, зачѣмъ пріѣхали они и о чемъ толковали, выпытывали гетманскихъ челядниковъ, подкупали двумя парами соболей подписковъ гетманской канцеляріи, но ничего положительнаго не узнали; стали допрашивать писаря, но Выговскій увѣрялъ ихъ, что ни о чемъ больше не толковали, кромѣ только о любви и пріязни съ войскомъ запорожскимъ. 13-го іюня московскихъ пословъ пригласили опять къ гетману.

Гетманъ говорилъ имъ по малороссійски, и въ такомъ видѣ, съ ошибками въ языкѣ передали рѣчь его московскіе посланники.

Сперва онъ просилъ, чтобъ царь не вѣрилъ тѣмъ, которые оговариваютъ его и козаковъ.

«А что мы прибрали себѣ въ товарищи шведа и Ракочи,—сказалъ потомъ Хмельницкій,—такъ это мы сдѣлали ради страха, оттого что ляхи задавали намъ великія фантазіи: увѣряли насъ подъ клятвою, что его царское величество насъ возвращаетъ ляхамъ! Да еще и того ради мы такъ поступали, чтобъ ляхи не соединились со шведами и Ракочи на наше разореніе. Мы никогда не желали и не желаемъ, чтобъ они обладали Польскою Короною. Пусть его царское величество изволитъ помириться со шведомъ. Мы чаемъ, что шведъ будетъ согласенъ на мир-

ный договоръ. А если не такъ, то въ то время мы иной способъ учинимъ со шведомъ. Теперь же слѣдуетъ привести къ концу начатое дѣло съ ляхами: наступить на нихъ съ двухъ сторонъ,—войско его царскаго величества съ одной, а шведскаго короля войско съ другой, и бить ляховъ, чтобъ ихъ до конца искоренить, и не дать имъ соединиться съ посторонними государствами. Мы достаточно знаемъ: хоть они на словахъ и выбирали нашего государя на Польское Королевство, да на дѣлѣ этого никогда не будетъ. Они это задумали по лукавому умыслу—для своего успокоенія, чтобы, пока живъ ихъ король Янъ Казимиръ, усилиться и соединиться съ посторонними государствами, а потомъ воспротивиться. Есть свидѣтельство, обличающееее ихъ лукавство; письма ихъ къ турецкому цезарю, которыя я отправилъ къ великому государю съ посланцемъ своимъ Ѳедоромъ Коробкою».

Трудно было москвичамъ возразить на эту правду. Окольничій припомнилъ, какъ во время похода 1655 вмѣстѣ съ бояриномъ Бутурлинымъ, Хмельницкій не велѣлъ брать приступомъ Гусятина и Львова. «Тогда—замѣтилъ онъ—ты говорилъ, еслибъ поддались государю не то, что поляки—хоть бы бусурманы или жиды, не надобно ихъ тѣснить, а держать ихъ въ милости и береженьѣ, да еще приводилъ въ примѣръ шведскаго короля, какъ онъ, наступая на коронные города, не бралъ городовъ приступомъ, не жегъ селъ и деревень, не убивалъ и не бралъ въ плѣнъ людей, и не оскорблялъ тѣхъ, которые ему добровольно поддавались. А теперь? Поляки сами пожелали быть подъ государевою рукою, да отъ вашего гоненія и тѣсноты придется имъ поддаться шведскому королю или Ракочи. Вотъ и черкасы полка Ивана Нечая чинятъ разоренье шляхтѣ, которая присягала государю на вѣчное подданство».

«Я не для того,—отвѣчалъ Хмельницкій,—не велѣлъ

брать города приступомъ, чтобъ ляховъ оберегать, а для того, что въ этихъ городахъ было много православныхъ христіанъ. Думалось такъ, чтобъ сдѣлать главное дѣло: разбивши кварцяное войско и гетмановъ, идти далѣе въ Польшу добывать тѣ города, въ которыхъ ляхи живутъ и приводить ихъ въ подданство великому государю; да не захотѣли тогда слушаться нашего замысла—пошли за шарпаниною и гонялись за корыстью. Со Львова что́ я взялъ, то все роздано бѣднымъ ратнымъ людямъ; сами мы ничѣмъ не покорыстовались. Да я хоть бы съ ума сошелъ, такъ не велѣлъ бы убивать изъ пушекъ единовѣрныхъ православныхъ христіанъ».

Относительно Нечая, Хмельницкій объяснилъ, что онъ не знаетъ объ этомъ, пошлетъ сдѣлать сыскъ и прикажетъ казнить виновныхъ.

Тогда разговоръ обратился къ другимъ дѣламъ меньшей важности. Между прочимъ, посланники требовали, чтобы въ городѣ Кіевѣ были отведены дворовыя мѣста для поселенія великорусскимъ стрѣльцамъ. Малоруссамъ это было не по-нутру; имъ вовсе не хотѣлось, чтобъ москали, съ которыми они сильно разнились въ нравахъ, селились въ ихъ землѣ.

«Трудно поселить,—сказалъ Хмельницкій,—на чужихъ земляхъ. Это значитъ право поломать».

Писарь, потакая гетману, сказалъ:

«Если отнять стародавнія мѣста, которыя даны отъ прежнихъ великихъ князей русскихъ и польскихъ королей къ церквамъ, или собственные домы и земли козаковъ и мѣщанъ,—отъ этого можетъ быть лютая бѣда. Какъ бы не навести намъ того же, какъ ляхи у гетмана отняли стародавнюю маетность его Суботово, да и до сихъ поръ за эту кривду кровь льется!»

«Надивиться не можемъ,—сказали послы,—вы не только своимъ челядникамъ строите покои, но и псамъ конуры,

и лошадямъ конюшни, и скотинѣ стойла, а царскаго величества ратные люди, будучи на услугѣ царскаго величества, не имѣютъ гдѣ главы подклонить. Какъ это вы Бога не боитесь и стыда у васъ нѣтъ! А тебѣ, писарь, и тебѣ, асаулъ, не годится приставлять къ гетмановымъ словамъ и говорить такъ шумно. Это обычай негодныхъ людей».

Гетманъ, чтобы прекратить такой разговоръ, сказалъ:

«Я въ Кіевѣ давно не былъ; подумаемъ какъ сдѣлать и извѣщу васъ черезъ писаря и асаула».

На другой день Выговскій извинился передъ послами и говорилъ:

«Не держите на меня досады за то, что я вчерашній день говорилъ: это я дѣлалъ по гетманову приказу; мимо его приказанія, иначе, мнѣ нельзя было говорить. Всѣхъ пуще въ томъ дѣлѣ помѣха Ковалевскій асаулъ; онъ передъ гетманомъ о томъ со мною споръ чинитъ. Ему какой нибудь подарокъ дать, чтобъ онъ въ томъ дѣлѣ помѣхи никакой не дѣлалъ».

Послы успѣли кое-что выпытать черезъ подписковъ гетманской канцеляріи и нѣкоторыхъ лицъ и на основаніи полученныхъ свѣдѣній доносили царю, что у гетмана съ Ракочи договоръ на томъ, чтобы всѣ русскіе города по рѣку Вислу, гдѣ жили русскіе люди и были благочестивыя церкви, присоединить къ городамъ войска запорожскаго, остающагося подъ властію царскаго величества. Ракочи хочетъ быть на Польскомъ королевствѣ, но гетманъ этого не хочетъ; гетманъ хочетъ, чтобы ни Ракочи, ни шведскій король не именовались польскими королями, чтобы Короны Польской не было вовсе, такъ какъ будто она никогда не бывала, а города коронные подѣлить между собою за промыселъ военный, гдѣ кому сручнѣе. Ракочи не согласенъ, а шведскій король во всемъ полагается на волю гетмана.

Гетманъ, сохраняя вѣрность царю, долженъ былъ послать приказаніе козакамъ оставить Ракочи, а другихъ козаковъ отправить на помощь Польши. Но прибѣгая къ послѣдней мѣрѣ, онъ черезъ писаря просилъ дозволенія послать къ шведскому королю съ тѣмъ, чтобы помирить его съ государемъ и заставить его уступить русскому государю, а потомъ обратить союзное оружіе на уничтоженіе Польши. Ему не суждено было узнать отвѣтъ московскаго правительства на эту просьбу [1]).

Въ іюнѣ, въ Чигиринъ явился снова Беньйовскій съ смоленскимъ каштеляномъ Людовиковъ Евлашевскимъ. Въ инструкціи Беньйовскому предоставлялась полная власть заключить договоръ съ Хмельницкимъ и составить актъ, съ приложеніемъ съ обѣихъ сторонъ печатей. Король обѣщалъ за себя и за всѣ чины Рѣчи Посполитой принять и хранить свято и ненарушимо все, что будетъ постановлено съ Беньйовскимъ. Отъ Хмельницкаго требовалось отказаться отъ гибельнаго для Польши договора съ Ракочи и шведами, и послать на помощь полякамъ десять тысячъ войска на первый разъ [2]). Украинскій лѣтописецъ говоритъ, что король прислалъ гетману письмо такого содержанія: «Я знаю, благородный гетманъ, твой умъ и надѣюсь, что ты уже удовольствованъ мщеніемъ за обиды, которыя сдѣланы русскому народу. Простри же великодушно руку примиренія и подай помощь падающей Польшѣ, которая была и твоимъ отечествомъ. Ты главная причина бѣдствія Польши: теперь, быть-можетъ, шведы и венгры раздерутъ ее! Я не прибѣгаю къ суетнымъ средствамъ, не приглашаю наемнаго войска изъ итальянцевъ, французовъ, нѣмцевъ: я обращаюсь къ тебѣ, къ войску козацкому, ко всему мужественному русскому народу.

[1]) Акты Ю. и З. Р. III. стр. 554—599.

[2]) Памят. кіевск. комм. III. 3. 153—160.

Отъ васъ началось Польшѣ разореніе, пусть же отъ васъ послѣдуетъ и спасеніе!» [1]).

Хмельницкій заплакалъ, прочитавъ эти воззванія, призывалъ имя Бога во свидѣтели, что не желаетъ кровопролитія, прославлялъ имя Яна Казимира и обѣщалъ дѣйствовать для спасенія Польши.

«Для чего же,—замѣтили посланники:—не дождавшись коммиссаровъ, заключенъ союзъ съ Ракочи? для чего Антонъ Ждановичъ и Зеленскій разоряютъ теперь съ врагами Королевство Польское?»

«Хмельницкій,—по замѣчанію польскаго историка,—хотя уже приближался къ смерти, однако не оставилъ своей привычки хитрить».

«Союзъ съ Ракочи?—говорилъ онъ съ видомъ удивленія:—старымъ врагомъ козаковъ? убійцею моего сына?—никогда! Козаки, помогающіе Ракочи, дѣйствуютъ самовольно; они достойны казни: я отзову ихъ немедленно, если только преступная совѣсть сохраняетъ еще какое-нибудь уваженіе къ власти. Но что дѣлать: власть гетмана ограничена; я не могу поступать вопреки народной радѣ» [2]).

Тогда коммиссары опредѣлили границы Украины такимъ образомъ:

Отъ устья Днѣстра, вверхъ по Днѣстру, до границъ Покутья, оттуда на сѣверъ до вершины рѣки Горыни (рѣка Горынь служила границею до самаго впаденія ея въ Припеть), оттуда граница шла къ Старому Быхову. Неизвѣстно, эта граница шла прямо ли сухопутьемъ отъ устья Горыни, или по теченію Припети до впаденія ея въ Днѣпръ, а потомъ вверхъ по Днѣпру. Слѣдуетъ принять второе предположеніе, потому, что во-первыхъ, это

---

[1]) Истор. о през. бр.

[2]) Annal. Polon. Clim. II. 217—218.

были бы естественныя границы, а во-вторыхъ, потому, что королю не для чего было отдавать козакамъ значительную полосу Литвы, гдѣ не было козаковъ, и которая, притомъ, не была населена народомъ южнорусскимъ и, слѣдовательно, не могла быть предметомъ требованій Хмельницкаго. Отъ Стараго Быхова граница шла черезъ Днѣпръ вдоль рѣки Сожи до вершины ея, или до Рославля, оттуда она спускалась внизъ до Чернаго моря, но неизвѣстно по какому именно направленію и что̀ служило для обозначенія ея; вѣроятно, такъ какъ здѣсь граница украинская прилегала къ Москвѣ, то принималась та граница, которая прежде отдѣляла земли Польскаго королевства отъ земель Московскаго царства. Съ юга Украина граничила Чернымъ моремъ отъ Днѣпра до Днѣстра. Такъ изображаетъ ее украинскій лѣтописецъ [1]). Польскіе историки не упоминаютъ объ этомъ и очень понятно почему: нѣкорые могли не знать этого, а Коховскій, который одинъ говоритъ о посольствѣ въ это время, не сказалъ о границѣ, хотя бы и зналъ, по привычкѣ умалять и скрывать то, что служило къ безчестью его отечества, тѣмъ болѣе, что писалъ уже послѣ смерти Яна Казимира: онъ бы тѣмъ уменьшилъ право Польши на эти земли, которыя, впослѣдствіи, опять сдѣлались ея достояніемъ. Но границы между Польшею и Украиною дѣйствительно въ это время были установлены; это доказываютъ современные акты [2]). Въ сказаніи украинскаго лѣтописца остаются неясности, въ особенности относительно линіи по протяженію отъ Днѣстра до вершины Горыни. Эти границы были неясны и для тѣхъ, которые ихъ обозначали, потому-что, по смерти Хмельницкаго, поляки роптали на козаковъ за

[1]) Истор. о през. бр.—Эта лѣтопись говоритъ, что границы эти были обозначены со стороны Польши, не Беньйовскимъ, но Мястковскимъ и Киселемъ.

[2]) Памятн. кіевск. комм. III. 3. 168, 171, 178.

то, что они овладѣли страною между Случью и Горынью, утверждая, что эти западныя границы Украины по договору должны оканчиваться Случью; козаки же, напротивъ, ссылаясь на тотъ же договоръ, увѣряли, что эта граница ихъ — Горынь и въ то же время захватили страну и по другую сторону Горыни [1]). Между тѣмъ, обозначая границу Украины Горынью, Хмельницкій имѣлъ притязаніе на Пинскъ, лежавшій за предѣлами Украины. Передъ прибытіемъ Беньйовскаго, жители пинскаго повѣта черезъ своего повѣтоваго маршала поддались добровольно Хмельницкому; гетманъ послалъ туда для принятія владѣнія козацкаго чиновника Грушу [2]) и даровалъ пинскому повѣту жалованную грамоту. Въ ней онъ предоставлялъ свободное отправленіе римско-католическаго богослуженія и гражданскія права католиковъ, обѣщалъ никого не принуждать къ принятію греческой вѣры, не уменьшать и не отнимать церковныхъ имѣній, если только они были захвачены у православныхъ церквей, но не позволялъ существовать уніи и всѣмъ чужимъ сектамъ. Онъ утверждалъ наслѣдственныя ленныя пожалованныя королями имѣнія за владѣльцами, если они дадутъ присягу въ вѣрности, но предоставлялъ всѣ королевскія имѣнія для доходовъ въ пользу свою, постановлялъ что впередъ такія имѣнія не будутъ отдаваться въ пользу обывателямъ; тѣмъ же, которые владѣли уже ими пожизненно, позволялъ пользоваться только до смерти, а потомъ они должны быть отобраны правительствомъ. Вообще Хмельницкій утверждалъ привилегіи, льготы и суды шляхетскаго сословія, какъ они были при польскихъ короляхъ, но предоставлялъ себѣ право измѣнять и сокращать судопроизводство, чтобъ избавить шляхту отъ судебныхъ издержекъ.

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. 3. III. 190—191.

[2]) Ibid. 190, 192, 194.

Нѣкоторыя гражданскія должности въ повѣтѣ были выборныя, но гетманъ долженъ былъ утверждать ихъ; остальныя давались по назначенію гетмана, съ представленія мѣстнаго начальства. Полковники назначались полною властью гетмана и опредѣляли полновластно низшихъ чиновъ [1]).

Беньйовскій протестовалъ противъ присоединенія Пинска. Хмельницкій ссылался на желаніе пинскихъ обывателей, добровольно ему поддавшихся. Договоръ съ Польшею былъ подписанъ, но—предварительный; окончательное утвержденіе его и разрѣшеніе вопроса относительно Пинска и другихъ статей оставлены до генеральнаго трактата, который долженъ составиться на сеймѣ. Миръ, заключенный между Польшею и Украиною, поляки назвали только перемиріемъ; Беньйовскій заключилъ его съ Хмельницкимъ какъ уполномоченный отъ Польши; но король обѣщалъ за себя и за всѣ чины Рѣчи Посполитой не противиться тому, что постановлено будетъ Беньйовскимъ. Это давало договору видъ твердаго, незыблемаго постановленія.

Вмѣстѣ съ польскими коммиссарами были у Хмельницкаго послы отъ крымскаго хана [2]). Гетманъ примирился съ Махметъ Гиреемъ; оба народа возобновили прежній союзъ, и Хмельницкій уступилъ крымскому хану всю полосу земли отъ Днѣпровскаго Лимана до Міуса. Татарамъ предоставлено было кочевать на этой степи и водить стада безъ всякаго препятствія со стороны козаковъ. Татары же обязались предоставлять свободный путь въ Черное море украинскимъ купцамъ. Договоры съ поляками и крымцами были утверждены на всеобщей радѣ [3]).

---

1) Ibid. 145 152.

2) Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. II. 217.--Истор. Мал. Росс. II. 13.

3) Истор. о през. бр.

Среди угощеній и пиршествъ, Беньйовскій заговорилъ о царѣ.

«Что мѣшаетъ вамъ,—говорилъ онъ:—сбросить покровительство московское? Царь никогда не будетъ польскимъ королемъ въ Польшѣ! Соединимся съ нами, старыми соотечественниками, какъ равные съ равными, вольные съ вольными, неразрывнымъ дружескимъ союзомъ».

«Я одною ногою стою въ могилѣ,—сказалъ Хмельницкій: — на закатѣ дней не прогнѣваю небо нарушеніемъ обѣта царю московскому. Разъ поклялся ему въ вѣрности и сохраню ее до послѣдней минуты. Притомъ же какую пользу могу принесть королю я, дряхлый старикъ? Если, вотъ этотъ сынъ мой Юрій будетъ гетманомъ, тогда никто не помѣшаетъ ему услужить королю и заслужить военными подвигами и преданностью благосклонность его величества, разумѣется, безъ вреда Московскому Государству, ибо какъ я, такъ и вы, избравъ его публично своимъ государемъ, какъ носятся слухи, обязаны къ нему постоянною вѣрностью [1])».

Въ присутствіи пословъ Хмельницкій послалъ предписаніе Ждановичу немедленно оставить Ракочія, подъ страхомъ наказанія, и объявилъ, что прикажетъ десяти тысячамъ козаковъ идти на помощь полякамъ. Это приказаніе дано было Хмельницкому и царемъ, вступившимся за Польшу. Начальство надъ войскомъ Хмельницкій поручалъ сыну своему Юрію, шестнадцатилѣтнему мальчику: это было первое его военное поприще [2]).

Но случилось такъ, что едва уѣхали польскіе послы, какъ вдругъ прибылъ гонецъ отъ Ракочія, просилъ скорѣйшей новой помощи и извѣщалъ, что онъ въ критическомъ положеніи. Шведскій король, услышавъ о нападеніи на

[1]) Annal. Polon. Clim. II. 217.

[2]) Истор. Мал. Росс. II. 12

Швецію датчанъ, покинулъ его. Седмиградскій князь узналъ что поляки и австрійцы опустошаютъ его владѣнія, повсюду собирается польское войско и грозитъ ему зайти въ тылъ.

Тогда Хмельницкій написалъ Ракочію, что войско уже послано и указывалъ на тотъ отрядъ, который онъ послалъ съ сыномъ своимъ Юріемъ. Такимъ образомъ, каждой изъ двухъ непріязненныхъ сторонъ онъ предоставлялъ думать, что отрядъ посланъ для нея. Въ то же время онъ приказалъ козакамъ идти какъ можно медленнѣе: онъ дожидался, чѣмъ кончится война; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ приготовилъ себѣ отговорку: еслибъ побѣдилъ Ракочи, онъ могъ представлять, что послалъ войско, а слѣдовательно, не нарушилъ договора, и могъ требовать исполненія его со стороны союзника; если побѣдятъ поляки, онъ скажетъ Яну Казимиру, что, отнявъ у Ракочія козацкій отрядъ, тѣмъ лишилъ его пособія и содѣйствовалъ королю посылкою войска, которое не успѣло дойти прежде, чѣмъ война кончилась. Такъ и случилось.

Ракочи, не дождавшись помощи, двинулся въ обратный путь, преслѣдуемый Чарнецкимъ по пятамъ. Желая пройти скорѣе и удобнѣе, онъ бросился на Волынь, но, подъ Меджибожемъ, былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ. Чарнецкій поражалъ его съ тыла, Любомирскій, возвращаясь изъ Трансильваніи, преградилъ ему дальнѣйшій путь съ многочисленнымъ войскомъ; съ одной стороны бросился на него отрядъ литовскаго войска подъ начальствомъ Сапѣги, а съ другой—Потоцкій съ кварцянымъ войскомъ [1]). Въ это время козаки взбунтовались противъ своего предводителя Антона Ждановича. Тогда уже въ козацкомъ обществѣ развивалось противорѣчіе между значными товарищами, богатыми людьми, изъ которыхъ были

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 229.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 343.

полковники, и простыми, сравнительно бѣдными. Простые смекнувши что походъ предпринятъ противъ воли московскаго государя, воспользовались этимъ какъ благовиднымъ предлогомъ къ возстанію. Они толпою окружили Ждановича и другихъ начальныхъ лицъ и кричали: «вы добиваетесь Ракочію королевства. Не надобенъ намъ Ракоча и никакого короля знать не хотимъ. Есть у насъ великій государь, которому крестъ мы цѣловали». Они такъ разъярились, что грозили убить Ждановича и самовольно разошлись [1]). Поляки говорили, что они поступили такъ не самовольно, а получивъ тайное приказаніе Хмельницкаго, оставили Ракочія [2]). За ними страшась гетмана бросились въ бѣгство и самовольно набѣжавшіе въ войско седмиградское украинцы. Напрасно Грондскій кинулся къ нимъ и разсыпалъ краснорѣчивыя убѣжденія.

«Скажите своему князю, — отвѣчалъ Ждановичъ: — что уже теперь нечего и думать о сраженіи, а надобно искать какъ нибудь спасенія. Князь ничего лучше не выдумаетъ, если побросаетъ всѣ орудія и заранѣе убѣжитъ хоть съ остатками войска въ наши стороны. У насъ много молодцовъ: проведутъ его домой».

Войско козацкое пошло въ отечество спокойно, въ виду поляковъ, которые не преслѣдовали ихъ [3]). Ждановичъ и бывшіе съ нимъ начальные люди послѣдовали за ними. Вмѣстѣ съ Антономъ Ждановичемъ отправлялся въ Украину и Юрій Немиричъ, который подъ Варшавой дружелюбно простился съ своимъ союзникомъ шведскимъ королемъ и присталъ снова къ козакамъ, готовясь къ той шумной и роковой роли, какую съигралъ уже по смерти Богдана Хмельницкаго [4]).

---

[1]) Арх. Иностр. Дѣлъ. Стат. спис. Желябужскаго.

[2]) Annal. Polon. Clim. II. 223.

[3]) Histor. belli. cos. Polon. 420.

[4]) Pamiętn. Jemiołowsk. 125.

Видя совершенную погибель, Ракочи струсилъ и послалъ къ Чарнецкому просить мира.

«Пусть прежде перестанетъ бѣжать, — отвѣчалъ Чарнецкій: — и подождетъ насъ всѣхъ: тогда на обнаженныхъ сабляхъ поговоримъ объ обидахъ и мирѣ [1]). Гнусно венграмъ покупать миръ, а полякамъ продавать. Нечего толковать о золотѣ, когда въ рукахъ желѣзо» [2]).

Но гораздо снисходительнѣе были Потоцкій и Любомирскій: они согласились на переговоры, запретили Чарнецкому, къ его крайней досадѣ, нападать на непріятеля, и 23-го іюля заключили договоръ. Ракочи отказался отъ своихъ притязаній, возвратилъ все награбленное и обѣщался заплатить милліонъ злотыхъ за убытки на войско; сверхъ того, онъ далъ въ подарокъ вождямъ двѣсти тысячъ злотыхъ. Это-то было причиною, что предводители пощадили его, потому что въ то время и казна польская была въ истощеніи, и кошельки панскіе пусты [3]). Поляки обязались охранять его отъ татаръ, которые поспѣшали на помощь полякамъ. Но на восьмой день послѣ договора остатки войска Ракочія встрѣтилъ ханъ съ огромнымъ войскомъ, ударилъ на нихъ и разбилъ такъ, что самъ Ракочи съ пятью стами, по другимъ—съ четырьмя стами [4]), по третьимъ — съ тремя стами [5]), едва ушелъ отъ плѣна, спасенный единственно милостью Любомирскаго: главнокомандующій Ракочія, Кимени, попался въ неволю [6]). Но и въ отечествѣ не ушелъ отъ печальнаго конца нашъ искатель приключеній. Турецкій дворъ лишилъ его Седмиградскаго княжества, къ удовольствію подданныхъ, ко-

---

[1]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 343.

[2]) Annal. Polon. Clim. II. 231.

[3]) Histor. belli cosac. polon. 442.

[4]) Gradelehni. стр. 541.

[5]) Mailath. Geschichte der Magyaren. V. 4.

[6]) Dzieje pan. Jan. Kazim.

торые негодовали на него за набѣгъ на Польшу; за него они потерпѣли разореніе отъ поляковъ и союзниковъ ихъ, австрійцевъ [1]). Воспользовавшись побѣдою, Янъ Казимиръ возвратилъ себѣ Краковъ.

Между тѣмъ шелъ новый отрядъ козацкій, посланный Хмельницкимъ, какъ выше было сказано, подъ наказнымъ гетманствомъ его юнаго сына Юрія. Въ этомъ отрядѣ, также какъ и въ посланномъ со Ждановичемъ, возникла рознь между значными и простыми козаками. Козаки долго не знали подлинно куда ведутъ ихъ. Говорили имъ, что этотъ отрядъ высылается противъ татаръ. Оно такъ и было; и хотя гетманъ имѣлъ желаніе доставить помощь Ракочію въ случаѣ нужды, но татары, какъ союзники поляковъ, были врагами Ракочія. Въ это время ѣхалъ отъ московскаго царя гонецъ, дворянинъ Иванъ Желябужскій, съ грамотами къ Ждановичу и къ Ракочію: первому приказывалось оставить Ракочія и шведовъ и воротиться въ Украину, — втораго уговаривалъ государь оставить непріязненныя дѣйствія въ Польшѣ. Московскій гонецъ доносилъ, что, въѣхавши въ Украину, никакъ не могъ допроситься, гдѣ находится Ракочій и съ нимъ полковникъ Ждановичъ, — что онъ, гонецъ, слѣдовалъ на-угадъ, по неяснымъ указаніямъ, къ Подоли и іюля 10-го увидалъ у Капустиной Долины высланное въ походъ Хмельницкимъ козацкое войско. Гонецъ домогался, чтобъ его провели къ Ракочію. Генеральный асаулъ Ковалевскій, именемъ наказного гетмана Юрія Хмельницкаго, увѣрялъ гонца, что никто не знаетъ, гдѣ Ракочій, но такъ какъ слышно, что поляки вторгнулись въ его собственную землю и полонили мать Ракочія, то думаетъ, что онъ уже въ своей землѣ; проводить его туда нельзя, потому что воюютъ волоховъ татары, и въ княжество Ракочія нѣтъ проѣзда; они уговаривали Желябуж-

[1]) Annal. Polon. Clim. II. 231.

скаго воротиться и ждать подлинной вѣсти въ Корсунѣ. Царскій гонецъ, воротившись въ Корсунъ и узнавши тамъ, что козацкое войско, бывши съ Ждановичемъ при Ракочи, разошлось, отправился снова искать Ракочія, чтобъ исполнить порученіе, данное царемъ. Іюля 20-го онъ сошелся снова съ козацкимъ войскомъ и снова требовалъ, чтобъ козаки его провели къ Ракочію, бывшему тогда подъ Межибожемъ въ 35 верстахъ отъ козацкаго стана. Ему сказали, что уже Ракочій самъ въ неволѣ у поляковъ, а татары добиваются, чтобъ Ракочія взять въ свои руки: ѣхать къ нему невозможно. Тутъ іюля 22-го царскій гонецъ былъ свидѣтелемъ волненія въ козацкомъ станѣ. Наказной гетманъ и бывшіе съ нимъ генеральные старшины, асаулъ Ковалевскій и миргородскій полковникъ Григорій Лѣсницкій, хотѣли поднимать войско и вести его далѣе противъ поляковъ на выручку Ракочія, но козаки изъ разныхъ полковъ пришли толпою къ гетманскому стану и кричали: «вы сказали, что идемъ противъ орды; мы думали, что идемъ оборонять государеву Украину; стоимъ въ степи долгое время, запасы всѣ поѣли. Вы же тянете насъ Польшу воевать! Не съ чѣмъ намъ итти, запасовъ нѣтъ, оголодали мы, да и не пойдемъ безъ государева указа! Довольно и того, что зимою высланное съ Антономъ Ждановичемъ войско растерялось. Въ ту пору сказали, что посылаются по государеву указу, а вышло не то: Антонъ привелъ войско къ Ракочію, доступая ему Польскаго Королевства и все войско растерялъ! И теперь, знаемъ, не воевать вы идете, а короля себѣ искать, Ракочію отъ орды оборонять! Намъ не нужно никакого короля; у насъ есть государь, которому мы крестъ цѣловали». Асаулы стали было прогонять толпу отъ гетманской ставки и требовать, чтобъ всѣ собирались въ дальнѣйшій походъ по приказу гетмана. Но тогда толпа закричала: «вы насъ не бейте! не толкайте напрасно! Все войско черезъ насъ

то самое вамъ говоритъ: не идемъ воевать Польшу безъ государева указа. Мы крестъ цѣловали великому государю, а до сего дня служили только на васъ: вы нашими головами себѣ корысть получаете! Теперь мы хотимъ служить не вамъ, а тому государю, которому крестъ цѣловали. Вашу правду къ государю мы разсмотрѣли: какъ вамъ тѣсно приходилось отъ ляховъ, въ ту пору вы преклонились къ государю, а какъ за государевою обороною увидѣли себѣ просторъ и многое владѣнье, и обогатились, такъ захотѣли быть самовластными панами и обираете короля невѣрнаго! Намъ же, мимо великаго государя, которому крестъ мы цѣловали, никакой король не надобенъ и отсюда изъ стана мы безъ государева указа не идемъ воевать Польши». Послѣ этого одна толпа козаковъ, отдѣлившись отъ другихъ, пришла къ стану Желябужскаго и онъ услышалъ отъ нихъ такую рѣчь. «Ты царскій посолъ и ѣдешь къ великому государю; извѣсти царскому величеству, доведи до него всѣ нужи наши, что ты самъ видѣлъ и слышалъ — отчего мы безъ государева указа не идемъ въ Польшу».

Послѣ того наказной гетманъ прислалъ къ Желябужскому подписка, по имени Захара. «Гетманъ, — передалъ онъ гонцу: — приказываетъ тебѣ ѣхать отсюда поскорѣе. Мы сами не вѣдаемъ, что̀ съ нами станется. Орда близко и ляхи; остерегаемся мы и Ракочія: какъ бы онъ, заплативши за себя окупъ татарамъ, да самъ противъ насъ не пошелъ. А въ нашемъ войскѣ сталъ не союзъ. Гетманъ даетъ тебѣ двухъ провожатыхъ. Поѣзжай къ Чигирину».

Царскій гонецъ отъѣхалъ въ мѣстечко Бузуевку и тамъ выжидалъ, что̀ дальше произойдетъ. 27-го іюля въ Бузуевкѣ сдѣлался всполохъ. Узнали, что Ракочія войско побили татары, а самаго Ракочія взяли ляхи и куда-то повели. Говорили, что онъ условился заплатить имъ за себя окупъ, но сколько именно — было неизвѣстно. Гово-

рили, что татары, истребивши Ракочіево войско, идутъ на козаковъ. Украинскіе городки и мѣстечки были, по замѣчанію царскаго гонца, укрѣплены худо. Половина козацкаго войска ушла, другая съ наказнымъ гетманомъ двинулась къ Бѣлой-Церкви, въ чаяніи татарскаго нападенія. Желябужскій уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ свидѣлся съ полковникомъ Ждановичемъ, который объяснялъ ему, что онъ ходилъ въ помощь Ракочію по приказанію гетмана Богдана Хмельницкаго. Въ Кіевѣ услыхалъ Желябужскій о кончинѣ Богдана Хмельницкаго, узналъ подробно о судьбѣ Ракочія и уѣхалъ 13-го августа въ Москву, по полученіи о томъ царскаго указа. На возвратномъ пути козаки и мѣщане говорили царскому гонцу, конечно желая сказать ему что-нибудь пріятное, что они гетманскимъ правленіемъ недовольны и было бы хорошо, еслибъ великій государь прислалъ въ Малороссію управлять краемъ своихъ воеводъ [1]).

Время смерти Хмельницкаго означено современниками различно. Писарь Выговскій, въ письмѣ къ путивльскому воеводѣ Зюзину, говоритъ, что гетманъ «отошелъ съ сего свѣта дня 27-го іюля» [2]). Лѣтопись Самовидца [3]) пишетъ, что онъ умеръ: «о успеніи св. Богородицы». Согласно съ нимъ и другіе украинскіе лѣтописцы, болѣе поздніе, означаютъ днемъ смерти Хмельницкаго 15-го августа. Указываютъ даже время дня, въ которое гетманъ скончался, именно въ полдень [4]). Само собою разумѣется, что Выговскому были вполнѣ извѣстны обстоятельства этого событія; гетманъ вѣроятно испустилъ духъ въ его присутствіи. Согласно съ извѣстіемъ Выговскаго, и бывшій въ Кіевѣ въ то

[1]) Архивъ Иностр. Дѣлъ. Статейный списокъ Желябужскаго. Дѣла венгерскія и седмиградскія. Связка 2-я, №№ 1-й 2-й.

[2]) Акты Ю. и. З. Р. т. IV. стр. 3.

[3]) Стр. 27.

[4]) Ист. о пр. бр.—Лѣт. Грабянки 153.

время царскій гонецъ Желябужскій указываетъ тотъ же день смерти гетмана, о чемъ тотчасъ было ему сообщено козаками въ Кіевъ, гдѣ онъ находился. Странно, что день такого событія, которое потрясло всю Украину, не запечатлѣлся вѣрно въ памяти современниковъ.

Богданъ скончался въ Чигиринѣ, но по свидѣтельству одного лѣтописца онъ сказалъ передъ смертью: «Я не желаю лежать въ Чигиринѣ. Чигиринъ былъ долго подъ господствомъ враговъ русскаго народа: похороните меня въ Суботовѣ, которое я пріобрѣлъ кровавыми трудами, изъ котораго потомъ, когда его у меня отняли, возникъ пламень войны, освободившій Украину».

23-го августа останки освободителя Руси погребли въ Суботовѣ. Рыданія народа заглушали церковное пѣніе. «То не вѣтры осенніе бушевали въ дубравѣ, говоритъ современная дума, то плакали и вопили козаки, погребая батька своего стараго Хмельницкаго».

Въ числѣ зрителей былъ посолъ Яна Казимира, пріѣхавшій съ новыми попытками заключить дружескій союзъ между Польшею и Украиною, и онъ съ честью провожалъ гетмана въ могилу. Домашній секретарь умершаго, Зорка, произнесъ на польскомъ языкѣ погребальную рѣчь. Гробъ поставили въ каменной церкви, построенной самимъ гетманомъ [1]). Но напрасно путешественникъ искалъ бы его теперь: впослѣдствіи Чарнецкій, захвативъ Суботово, приказалъ выбросить на поруганіе кости человѣка, боровшагося противъ шляхетскаго своеволія.

---

[1]) Тамъ же. I. 288–298.

Когда уже печаталось это изданіе, авторъ получилъ книгу, напечатанную по-русски въ Лейпцигѣ докторомъ Манделькерномъ, о которой слышалъ уже давно, но не могъ найти ее въ Россіи. Эта книга «Богданъ Хмельницкій, разсказъ еврея-современника очевидца, о событіяхъ въ Малороссіи за 1648—1653 годы», напечатана вторымъ изданіемъ въ Лейпцигѣ въ 1883 году. Въ ней разсѣяны многія любопытныя черты, не вошедшія въ извѣстные прежде источники. За невозможностью включить ихъ въ напечатанное уже сочиненіе, авторъ счелъ умѣстнымъ, выбравъ изъ нихъ наиболѣе любопытныя и важныя, помѣстить въ приложеніи, съ указаніемъ на страницы настоящей монографіи, сообразно разсказываемымъ событіямъ.

Томъ I, на страницѣ 237, строка 23. Еврей-современникъ, Натанъ Ганноверъ (на страницѣ 18-й), разсказываетъ, что «въ Чигиринѣ держалъ аренду еврей Захарія Сабиленкій, который также вооружалъ хоружаго Конецпольскаго противъ Хмельницкаго. Хоружій спросилъ этого еврея наивнымъ тономъ: «Вѣдь ты владѣлецъ города; скажи-ка мнѣ, кто именно богачи въ немъ?» Намѣреніе же его было навести на нихъ напраслину, дабы такимъ образомъ вымогать у нихъ много денегъ. Захарій назвалъ ему богачей, упомянувъ между прочимъ и о чрезвычайномъ богатствѣ

Хмеля. Услышавъ о немъ, хоружій сказалъ: «Вѣдь отецъ мой завѣщалъ мнѣ объ этомъ зловредномъ человѣкѣ... да и въ самомъ дѣлѣ, откуда у него взялось такое чрезмѣрное богатство. Безъ сомнѣнія онъ ограбилъ моихъ же рабовъ, живущихъ въ моихъ же помѣстьяхъ, слѣдовательно все принадлежитъ мнѣ». Хоружій насильно отнялъ у Хмеля одинъ хуторъ со всѣмъ скотомъ до нѣсколькихъ сотъ штукъ, что̀ составляло около половины его имущества».

Такимъ образомъ отнятіе хутора еврей приписываетъ не Чаплинскому, а самому хоружему Конецпольскому, по наущенію одного еврея. Быть можетъ это ошибочная передача событія съ Чаплинскимъ, а можетъ быть и событіе, происходившее еще ранѣе ссоры съ Чаплинскимъ. Далѣе Ганноверъ разсказываетъ, будто Хмельницкій, въ отмщеніе Конецпольскому, подвелъ на него татаръ, а потомъ проговорился объ этомъ на попойкѣ съ козаками. Вотъ что Ганноверъ говоритъ: (стр. 20). «Однажды сидѣли козаки, Хмель съ его друзьями, на попойкѣ у еврея, арендатора города, и пьянствовали. Хмель обратился къ своимъ друзьямъ: «Вѣдь я-то отомстилъ пану за то, что онъ захватилъ мой скотъ!» И разсказалъ имъ обстоятельно все дѣло. Еврей же, занимавшійся за другимъ столомъ своими счетами, слышалъ это и открылъ пану. Тогда тотъ бросилъ Хмеля скованнаго въ заключеніе, намѣреваясь казнить его смертію. Въ Чигиринѣ же жилъ другой еврей, Яковъ Сабиленкій, который былъ пріятелемъ Хмеля и совѣтовалъ ему, чтобъ его друзья взяли его изъ заключенія на поруки и чтобы онъ отправился потомъ въ костелъ, палъ бы къ ногамъ пана и умолялъ бы его о своемъ спасеніи, объяснивъ ему, что еврей наклеветалъ на него по злобѣ, а друзья его, съ своей стороны, засвидѣтельствуютъ о справедливости этого объясненія. Хмель такъ и сдѣлалъ, и это ему удалось такъ, что на этотъ разъ панъ освободилъ его».

Вѣроятно, здѣсь событіе съ татарами есть то самое,

которое разсказывается въ моей монографіи на 235 стр. Очень можетъ быть, что тогда въ первый разъ арестовалъ Хмельницкаго самъ хоружій. Далѣе у Ганновера (стр. 21) разсказывается, что Конецпольскій вторично посадилъ подъ арестъ Хмельницкаго. Это то событіе, которое значится въ моей монографіи на 239 стр. а можетъ быть и то, которое значится на 250 стр., или же, что всего вѣроятнѣе, еврей смѣшалъ эти два событія въ одно, тѣмъ болѣе, что онъ называетъ какого-то *тысяцкаго,* которому приказано было казнить Хмельницкаго, а тотъ освободилъ его и присталъ къ нему. Это не иной кто, какъ Кречовскій, которому козацкій коммиссаръ Шембергъ поручилъ держать Хмельницкаго подъ арестомъ, пока дадутъ знать коронному гетману Потоцкому; Кречовскій дѣйствительно освободилъ Хмельницкаго и былъ потомъ однимъ изъ ревностныхъ поборниковъ возстанія.

Стр. 291, строка 6. У Ганновера (стр. 23) говорится: «Отправились татары и православные черезъ пустыни, дебри и лѣса къ польскому лагерю; они отправили туда лазутчиковъ разузнать о силѣ и численности противника. Лазутчики, увидя, что поляки малочисленны и сидятъ себѣ на горѣ, пируютъ на распашку при музыкѣ и танцахъ, сообщили о томъ своимъ, говоря: пойдемте смѣло, мы ихъ побѣдимъ».

Стр. 293, строка 6. У Ганновера (стр. 23): «Затѣмъ послали лазутчиковъ вырыть ямы въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда поляки могли бѣжать въ случаѣ ихъ пораженія».

Стр. 297. У Ганновера (стр. 23): «Прибыли татары и православные черезъ лѣса съ обѣихъ сторонъ: съ одной стороны татары, съ другой православные. Когда поляки увидѣли, что на нихъ нападаютъ и татары, а сами они малочисленны, въ то время какъ татаръ и православныхъ болѣе 60,000 человѣкъ, то пытались бѣжать въ лѣса, горы

и долины и попали въ тѣ ямы, которыя были заранѣе приготовлены для нихъ».

Стр. 330, строка 19. У Ганновера (стр. 25) говорится: «Въ это смутное время находился князь Вишневецкій, (да будетъ память о немъ благословенна!) со своимъ войскомъ тамъ за Днѣпромъ. Онъ чрезвычайно любилъ евреевъ, отличался безподобными военными доблестями, но и онъ убѣжалъ со своимъ ополченіемъ, по направленію къ Литвѣ. Съ нимъ же убѣжало около пяти тысячъ домовладѣльцевъ евреевъ съ своими семействами. Онъ оказывалъ имъ бдительную охрану, пока не привелъ ихъ къ желанному мѣсту, напр.: когда бѣжавшимъ угрожала опасность сзади, то евреямъ велѣлъ идти впереди всѣхъ; если же чуяли опасность впереди, то евреямъ приказывалъ идти за войскомъ, дабы оно служило имъ защитою».

Стр. 343, строка 15. У Ганновера (стр. 26—28) разсказывается о народной расправѣ надъ іудеями въ лѣвобережной Украинѣ такъ: «Жители множества еврейскихъ городовъ за Днѣпромъ, которые были близки къ мѣсту рѣзни, какъ городовъ Переяслава, Борисовки, Пирятина, Борисполя, Лубенъ, Ляховицъ и съ своими поселеніями не имѣвшіе возможности убѣжать, были умерщвлены за вѣру разными жестокими видами смерти. Съ нѣкоторыхъ содрали кожу за-живо, а тѣло бросили собакамъ; нѣкоторымъ отрубили руки и ноги и бросили на дорогу, потомъ ѣхали по нимъ экипажами и растоптали ихъ; нѣкоторымъ нанесли множество несмертельныхъ ранъ и бросили на площади, дабы они мучились въ предсмертной агоніи, пока не испустятъ духъ; многихъ закопали живыми въ землю, рѣзали дѣтей на лонѣ матерей, множество дѣтей разорвали въ куски, беременнымъ женщинамъ распарывали животъ, вынимали недоношенный плодъ и бросали имъ же въ лицо, а нѣкоторымъ, распоровши животъ, впускали туда живую кошку и животъ зашивали, а имъ рубили пальцы, дабы

не могли вынуть кошку: нѣкоторыхъ дѣтей привязывали къ сосцамъ матерей, нѣкоторыхъ насаживали на вертелъ, жарили ихъ на огнѣ, а потомъ заставляли матерей ѣсть ихъ. Иногда они брали еврейскихъ дѣтей, мостили ими улицы и ѣздили по нимъ. Вообще они пустили въ ходъ всевозможнѣйшіе виды мучительной смерти, убивали каменьями, сожигали, рѣзали и душили. Татары забрали множество людей въ плѣнъ, изнасиловали замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, оскверняли женъ въ присутствіи ихъ мужей; красивыхъ женщинъ они взяли себѣ въ услуженіе, а нѣкоторыхъ въ жены и наложницы. На подобіе сказаннаго, они дѣлали вездѣ, куда только достигали и даже съ поляками, а преимущественно съ ксендзами. Многія тысячи евреевъ были убиты, а нѣсколько сотенъ ихъ были принуждены принять крещеніе; пергаментные свитки пятикнижія разрывали въ куски, дѣлали изъ нихъ сумки и сапоги, а ремнями филактерій (тефилинъ) обвязывали свои ноги, кожанныя же оправы филактерій разбросали по улицамъ; другими священными книгами они мостили улицы, а изъ нѣкоторыхъ дѣлали пыжи для ружей».

Стр. 325, строка 31. Ганноверъ описываетъ рѣзню въ г. Тульчинѣ (стр. 40—46) послѣ рѣзни въ г. Немировѣ, описанной у него на стр. 35—40. Онъ приписываетъ совершеніе этого дѣла Кривоносу съ десятью тысячами буйныхъ бродягъ, великому ненавистнику евреевъ. «Въ крѣпости было 600 храбрыхъ воиновъ польской шляхты и около двухъ тысячъ евреевъ, между коими было также много отважныхъ и знающихъ военное дѣло. Тѣ и другіе заключили между собою союзъ помогать другъ другу и вмѣстѣ воевать съ врагомъ, въ чемъ и взаимно клялись присягою. Затѣмъ укрѣпили замокъ, а евреи вооружились разнокалибернымъ оружіемъ и, ставъ вмѣстѣ съ поляками на крѣпость, стрѣляли каждый разъ, когда козаки приближались къ ней, и убивали множество изъ нихъ, а когда

козаки обратились въ бѣгство, евреи, ободрившись духомъ, погнались за ними и убили нѣсколько сотъ человѣкъ. Козаки собрались вторично со всѣми поселянами и горожанами изъ окрестныхъ мѣстъ, числомъ нѣсколько десятковъ тысячъ и поставили у стѣнъ крѣпости желѣзные тараны, чтобы разрушить ихъ, напавъ на нее врасплохъ, съ ужасными криками, по козацкому обычаю. Когда стоявшіе въ крѣпости увидѣли это громадное войско, они пришли въ ужасъ и упали духомъ, однако-жъ стрѣльцы продолжали своими выстрѣлами отгонять отъ крѣпости непріятеля, который на этотъ разъ долженъ былъ обратиться въ бѣгство. Когда же козаки замѣтили, что напрасно потеряли такъ много времени, то и задумали послать дружелюбное письмо панамъ, находившимся въ крѣпости, обѣщая имъ миръ, съ условіемъ, чтобъ они дали имъ въ видѣ выкупа еврейское добро. Паны немедленно согласились на эту сдѣлку; призвали къ себѣ евреевъ каждаго по одиночкѣ и обезоружили ихъ. Когда евреи поняли эту хитрость, то хотѣли прежде избить пановъ, а потомъ уже бороться съ козаками, такъ какъ паны вѣроломно измѣнили первые заключенному съ ними союзу. Но ректоръ тульчинской академіи (Ешиботъ) гаонъ Аронъ громкимъ голосомъ обратился къ нимъ съ слѣдующимъ увѣщаніемъ: «Слушайте, мои братья и народъ мой: мы находимся въ изгнаніи, разсѣянные между народами; если ужъ вы поднимете руки на пановъ здѣсь, то другіе государи услышатъ это и отомстятъ за нихъ, Боже упаси, прочимъ нашимъ братьямъ изгнанникамъ. А посему, если это несчастіе послано небомъ, то пріймите сію кару съ покорностію: вѣдь мы не лучше нашихъ немировскихъ единовѣрцевъ. Да внушитъ Всемогущій врагамъ милость къ намъ! Быть можетъ они возьмутъ всѣ наши драгоцѣнности въ выкупъ за жизнь». Евреи послушались его и принесли все свое имущество на площадь крѣпости. Злодѣи

козаки сейчасъ вошли, и главный панъ, князь Четвертинскій, сказалъ имъ: «вотъ вамъ то, чего вы требовали». Козаки, забравъ все еврейское добро, приказали князю, чтобъ онъ всѣхъ евреевъ посадилъ въ заключеніе, такъ что ихъ жизнь висѣла тогда на волоскѣ и они не знали о предстоящей имъ участи. По истеченіи трехъ дней, болѣзненно проведенныхъ евреями, козаки потребовали отъ пановъ выдачи всѣхъ евреевъ. Паны, опасаясь чтобы не потерпѣть за заступничество за евреевъ, выпроводили всѣхъ изъ крѣпости. Съ сокрушеннымъ сердцемъ вышли евреи оттуда. Козаки посадили ихъ всѣхъ въ одинъ садъ и заперли его кругомъ, дабы они не могли убѣжать. Заключенные находились тамъ долгое время въ томительномъ ожиданіи. Между ними были три гаона — Лазарь, Соломонъ и Хаимъ, которые увѣщевали народъ освятить имя Божіе и не измѣнять своей религіи. Народъ отвѣтилъ имъ единогласно словами Второзаконія: (глава IV, стихъ 4) «внемли Израиль: Господь Богъ нашъ, Богъ единъ. Какъ въ вашихъ сердцахъ нѣтъ кромѣ одного Бога, точно также и въ нашихъ — только единый». Послѣ всего этого пришелъ къ нимъ посланный отъ козаковъ, который, водрузивъ знамя въ землѣ, громогласно объявилъ: «Желающіе перемѣнить религію останутся въ живыхъ. Пусть таковые сядутъ подъ это знамя». Но никто ему ничего не отвѣтилъ. Послѣ троекратнаго вызова, не получивъ никакого отвѣта, онъ отворилъ ворота сада, въ которые и хлынули всѣ разсвирѣпѣвшіе козаки и убили всевозможными смертями около 1500 человѣкъ, въ числѣ коихъ были три вышеупомянутые гаона. Да отомститъ Господь за ихъ кровь! Десять же раввиновъ козаки оставили въ живыхъ и, заковавъ ихъ въ кандалы, посадили въ заключеніе, требуя отъ нихъ 10,000 золотыхъ выкупа. Между ними былъ упомянутый гаонъ Аронъ, сынъ ректора львовской академіи гаона Мейера (да сохранитъ его Господь!); ко-

закамъ было извѣстно, что послѣдній очень богатъ и выкупитъ сына, сколько бы денегъ не запросили за него.

Послѣ избіенія евреевъ, козаки рѣшили взять крѣпость. Поляки тогда сказали имъ: «вѣдь вы заключили союзъ съ нами, зачѣмъ же хотите быть вѣроломными?» На это козаки отвѣчали: «по-дѣломъ вамъ: какъ вы измѣнили евреямъ, такъ и мы поступимъ съ вами». Стрѣльцы было начали стрѣлять по непріятелю изъ крѣпости, но козаки ухитрились сжечь крѣпость, и взявъ ее, совершили большое избіеніе поляковъ, забравъ и все ихъ имущество. А предъ умерщвленіемъ вышеупомянутаго князя Четвертинскаго, козаки изнасиловали его жену и двухъ дочерей въ его же присутствіи. Онъ былъ такъ тученъ, что не могъ стоять на ногахъ и постоянно сидѣлъ: къ нему подошелъ одинъ изъ его же крѣпостныхъ — мельникъ, буйнаго характера, снялъ шапку и насмѣшливо сказалъ: «что вельможный панъ прикажетъ?» Затѣмъ, напомнивъ ему, какъ онъ тиранилъ своихъ крѣпостныхъ наказаніями и тяжелыми работами, закричалъ: «встань съ своего кресла, а я сяду чтобъ теперь повелѣвать тобою». Но такъ какъ онъ не могъ встать, то мельникъ стащилъ его съ кресла и на порогѣ отрѣзалъ ему голову пилою».

Далѣе у Ганновера на 45 страницѣ говорится: «Спустя три дня послѣ избіенія, козаки послали выкрикивать на мѣстѣ рѣзни, на которомъ лежало много убитыхъ и раненыхъ, что всякій оставшійся въ живыхъ, можетъ безъ опасенія встать на ноги. И поднялось около трехъ сотъ человѣкъ, которые легли между трупами, чтобы такимъ способомъ спастись. Они были истомлены голодомъ и жаждою, а нѣкоторые изъ нихъ были покрыты многими, но не смертельными ранами, такъ что еле-еле добрались до города, больные, измученные, босые и нагіе. Православные оказали имъ помощь и отпустили на волю. Послѣ тульчинскаго погрома, буйные козаки возвращались домой

съ большою добычею серебра, золота, драгоцѣнныхъ камней и жемчуга, награбленныхъ у поляковъ и у евреевъ, со множествомъ взятыхъ въ плѣнъ красивыхъ женщинъ и дѣвицъ польскихъ и еврейскихъ, захвативъ съ собою и десять сказанныхъ раввиновъ».

Страница 332, строка 8. У Ганновера (стр. 35) разсказывается о вторженіи козаковъ въ Немировъ: «Злодѣй Хмель узналъ, что множество евреевъ собралось въ Немировѣ, да и самъ Немировъ отличался богатствомъ, (въ этомъ городѣ было большое благочестивое общество, преисполненное правосудія и благотворительности, и много ученыхъ и писателей), то послалъ одного изъ козачьихъ начальниковъ, ненавистника евреевъ въ городъ, во главѣ около шести сотъ вооруженныхъ воиновъ, написавъ предварительно христіанскимъ представителямъ города, чтобъ они оказали ему содѣйствіе свое. Горожане, съ замѣчательною предупредительностію спѣшили помочь имъ всевозможнымъ образомъ, не столько по любви къ нимъ, сколько по ненависти къ евреямъ. Въ среду 20-го сивана (іюнь) козаки приблизились къ городу. Когда евреи увидѣли войско, то ужаснулись, но еще сомнѣвались — польское ли это войско или козацкое; однакожъ, всѣ евреи съ своими женами и дѣтьми, съ серебромъ и золотомъ отправились въ крѣпость и заперли ворота на-крѣпко, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ защищаться до послѣдней крайности. Козаки ухитрились сдѣлать себѣ знамена, на подобіе польскихъ, ибо только по знаменамъ можно было отличить козаковъ отъ поляковъ. Жители города, христіане, знавшіе хорошо объ этой хитрости, сказали евреямъ: «отворите ворота, потому что это польское войско, пришедшее на помощь вамъ противъ враговъ, въ случаѣ если они придутъ сюда».

Евреи, бывшіе на крѣпости, видя польскія знамена, думали что тѣ говорятъ правду, и немедленно отворили

ворота. Тогда козаки хлынули съ обнаженными саблями, да и жители христіане были вооружены саблями, копьями, косами и кольями, и убили множество евреевъ, и безпрепятственно изнасиловали женъ и дѣвицъ; но нѣкоторыя женщины прыгали въ крѣпостную канаву, наполненную водою, чтобъ не быть оскверненными, и утопали. Многіе мущины, умѣвшіе плавать, тоже бросились въ воду, надѣясь уплыть и тѣмъ избавиться отъ смерти; но православные пустились за ними вплавь съ саблями и копьями и убивали ихъ въ водѣ, а нѣкоторыхъ застрѣлили изъ ружей, такъ что вода сдѣлалась красною отъ крови убитыхъ».

Далѣе Ганноверъ (стр. 37—40) разсказываетъ о судьбѣ ректора еврейской мѣстной академіи, ученаго Іехіель Михеля, который бросился въ воду чтобъ спастись, но его схватилъ православный и хотѣлъ убить. Раввинъ просилъ пощады и обѣщалъ много денегъ. Его отпустили; но онъ не исполнилъ обѣщанія и улизнулъ съ своею матерью. Его догнали на кладбищѣ и одинъ русскій сапожникъ изъ горожанъ убилъ его коломъ, вмѣстѣ съ матерью. Съ нѣкоторыми красивыми дѣвицами еврейскаго происхожденія козаки повѣнчались противъ ихъ воли, и о двухъ изъ нихъ, избавившихся отъ насилія, Ганноверъ сообщаетъ извѣстія. Одна увѣрила козака, что извѣстнымъ заклинаніемъ умѣетъ заговаривать себя отъ дѣйствія всякаго оружія и предложила для пробы выстрѣлить въ нее изъ ружья. Козакъ, принимая слова ея за сущую правду, выстрѣлилъ въ нее—и она упала за-мертво. Другая, бывъ взята козакомъ, просила его, чтобъ онъ вѣнчался съ нею именно въ той церкви, которая стояла по той сторонѣ рѣки. Онъ согласился на ея просьбу и повелъ ее туда великолѣпно наряженную и съ музыкою; но какъ только они взошли на мостъ, она бросилась въ воду и утонула. «Такихъ примѣровъ, замѣчаетъ Ганноверъ, было такъ много,

что и записать невозможно. Число же всѣхъ убитыхъ, утопленныхъ и умерщвленныхъ другими видами смерти въ Немировѣ простиралось до шести тысячъ». Рѣзню эту Ганноверъ помѣщаетъ прежде тульчинской и говоритъ, что спасшіеся отъ смерти въ Немировѣ бѣжали въ Тульчинъ.

Страница 333, строка 23. О походѣ Вишневецкаго къ Немирову Ганноверъ (стр. 46—47) говоритъ, что узнавъ о случившемся въ Немировѣ, князь отправился туда во главѣ 3000 человѣкъ, чтобы отомстить козакамъ. «Князь клялся, что не успокоится, пока не умоетъ ногъ своихъ въ крови козаковъ, разорившихъ также множество его помѣстій за Днѣпромъ и выгнавшихъ его изъ собственныхъ владѣній. Подойдя близко къ Немирову, онъ снарядилъ туда нѣсколько сотъ воиновъ, которые убили множество русскихъ горожанъ. Козаки ухитрились. Они отправили оставшихся въ живыхъ горожанъ къ князю съ просьбою, чтобъ онъ прислалъ нѣсколько сотъ воиновъ для охраненія будто города отъ козаковъ и татаръ, обѣщая ему сражаться вмѣстѣ съ ними всѣми силами противъ враговъ и давъ клятву служить ему впредь вѣрно и честно. Князю понравилось это предложеніе и онъ послалъ къ нимъ знатныхъ пановъ съ шестью стами воиновъ. Горожане приняли ихъ съ великою почестію; но спустя нѣсколько дней, послали сказать козакамъ: спѣшите сюда ночью, мы вамъ отворимъ ворота. Такъ и было сдѣлано—и всѣ паны были убиты въ кроватяхъ. Затѣмъ они еще дали козакамъ большія деньги, чтобъ остались охранять городъ отъ вторичнаго нападенія пановъ, на что козаки и согласились. Узнавъ объ этомъ несчастіи, князь Вишневецкій ужаснулся и больше уже не посылалъ своего войска въ Немировъ, положивъ выместить свой гнѣвъ на козакахъ въ другихъ мѣстахъ».

Страница 336, строка 20. О взятіи Полоннаго Ганно-

веръ (стр. 49) разсказываетъ такъ: «Во вторникъ 1-го числа мѣсяца ава (августъ) прибыли татары и русскіе, чтобъ осадить Полонное и направили боевые снаряды противъ города, въ коемъ находились паны и евреи. Но стрѣльцы начали стрѣлять изъ крѣпости и не давали имъ приблизиться къ городу, такъ какъ въ немъ было около двухъ тысячъ шляхетскаго войска; евреевъ же было 12,000 душъ, между которыми были люди отважные, да и самъ городъ былъ сильно укрѣпленъ двойною крѣпостью и окруженъ водою. Требовалось охранять только ту сторону крѣпости, два ближайшихъ пункта которой населяли русскіе. Паны поставили свое войско, состоявшее изъ хлоповъ, съ той стороны, гдѣ преимущественно потребовалось бдительное охраненіе; но именно эти хранители города сдѣлались его губителями, такъ какъ эти хлопы были православные, извѣстные подъ именемъ гайдуковъ, которые впослѣдствіи также присоединились къ бунтовщикамъ. Въ среду 2-го ава непріятели овладѣли обоими пунктами, которые охранялись православными, и тогда послѣдніе, вмѣстѣ съ жителями этихъ пунктовъ, примкнули къ нимъ, чтобы воевать противъ укрѣпленнаго города, въ коемъ находились паны и евреи. Битва продолжалась весь день въ среду; въ четвергъ же непріятели сдѣлали воззваніе къ польскимъ хлопамъ, стоявшимъ на крѣпости. «Вѣдь мы кровные братья, зачѣмъ же вы помогаете панамъ противъ насъ! Не лучше ли вамъ служить намъ, нежели служить иновѣрцамъ?» И дѣйствительно хлопы немедленно же измѣнили. Показывая видъ, что сражаются противъ козаковъ, они дали имъ между тѣмъ возможность приставить лѣстницы къ крѣпости и овладѣть ею въ тотъ же четвергъ, такъ что въ одинъ моментъ очутились нѣсколько тысячъ русскихъ съ обнаженными мечами среди города и начали избивать народъ. Когда паны и евреи увидѣли, что бѣдствіе обрушилось надъ ними и городъ взятъ, то

паны всадники бѣжали на другую сторону, а бѣдные евреи, числомъ до десяти тысячъ душъ, которыхъ стражники не пускали бѣжать, были избиты. Они пали подъ ножемъ непріятеля безъ сопротивленія, такъ что если какой нибудь козакъ врывался въ домъ, въ которомъ находились даже нѣсколько сотъ евреевъ, они не сопротивлялись ему и онъ одинъ избивалъ всѣхъ». Далѣе Ганноверъ повѣствуетъ о гибели въ Полонномъ учонаго богослова Самсона изъ Острополя, къ которому ежедневно являлся ангелъ учитель. Онъ проповѣдывалъ въ синагогѣ покаяніе, но оно не помогло. Когда непріятели ворвались въ городъ, они въ синагогѣ избили всѣхъ «великихъ ученыхъ, одѣтыхъ въ саваны и талесы и усердно молившихся». Нѣсколько сотъ душъ оставленныхъ въ живыхъ, измѣнили своей религіи, а нѣсколько сотъ было взято въ плѣнъ татарами. Далѣе (страница 56—58) Ганноверъ повѣствуетъ о паническомъ страхѣ, напавшемъ на всѣхъ евреевъ въ окрестности: «Мы не были обезопасены со стороны мѣстныхъ жителей православныхъ—и такъ весь народъ пустился въ бѣгство. Кто имѣлъ лошадь и повозку—воспользовался ими, а неимѣвшіе, хотя были у нихъ средства и они могли бы купить таковыя, не хотѣли терять времени и взявъ своихъ женъ и дѣтей, бѣжали пѣшкомъ, оставивъ все свое имущество на произволъ судьбы; даже тѣ, у которыхъ были экипажи, но имѣли большой багажъ, состоявшій изъ товара, книгъ и другихъ движимостей, оставляли ихъ по дорогѣ у хозяевъ корчемъ, дабы имъ легче было бѣжать. И въ эту субботу хазонъ тянулись въ три ряда лошади и повозки во всю ширину дороги безпрерывною вереницею на пространствѣ семи миль отъ Острога до Дубна, а пѣшеходцевъ было безчисленное множество. Въ два часа пополудни догнали насъ три всадника: одинъ еврей по имени Моисей Цорефъ (золотыхъ дѣлъ мастеръ изъ Острога) а съ нимъ и два шляхтича, и сказали намъ:

«зачѣмъ вы идете такъ медленно? Вѣдь непріятель идетъ вслѣдъ за вами. И мы съ трудомъ успѣли увернуться отъ него». Вдругъ сдѣлалась страшная суматоха. Каждый сбросилъ съ своего воза серебренную и золотую посуду, платье, книги, подушки и перины, дабы можно было удобнѣе ускорить бѣгство и избавить семейство отъ опасности. Такимъ образомъ на открытомъ полѣ валялось серебро, золото и платье, и не было еврея, который могъ бы подобрать все это! Нѣкоторые бросили положительно все: лошадей, повозки, всѣ пожитки и даже женъ, и бѣжали укрываться въ лѣса. Многія женщины и мужчины, водившіе дѣтей своихъ за руки, въ суматохѣ бросили ихъ изъ рукъ вонъ и бѣжали въ лѣса и пещеры. Тогда исполнились слова Моисея: «вы убѣжите, не будучи преслѣдуемы», ибо все это извѣстіе было ложное: за нами вовсе не гнались ни непріятели, ни татары. Испугъ, однакоже, былъ такъ великъ во весь день субботы хазонъ, что каждому изъ насъ чудилось, будто за нимъ гонятся козаки. Въ воскресенье, послѣ субботы хазонъ, мы узнали сущность дѣла, и съ того дня и на будущее время каждый бѣжалъ уже не торопясь. Бродили мы съ мѣста на мѣсто въ лѣсахъ и деревняхъ, да валялись подъ открытымъ небомъ, но и тамъ мы не нашли спокойствія душевнаго: то грабятъ, то топчутъ, то ругаютъ и позорятъ насъ. Надъ нами исполнилось проклятіе Моисеево: «между этими народами не успокоишься и не найдешь отдыха для ногъ своихъ; жизнь твоя будетъ висѣть на волоскѣ, будешь трепетать ночью и днемъ, не будучи увѣренъ въ своей жизни» (Второзаконіе, глава XXVIII, стихъ 65). Въ самомъ дѣлѣ, каждую ночь, которую намъ приходилось проводить въ домахъ православныхъ, мы опасались, чтобъ они насъ не убили, такъ какъ всѣ безъ исключенія взбунтовались, а вставъ утромъ живыми мы читали молитву: благословенъ еси Господь воскресающій мертвыхъ».

Страница 336, строка 23-я. Ганноверъ говоритъ (стр. 61), что «непріятели ворвались во вторникъ 9-го ава въ Старо-Константиновъ и было избито 3000 евреевъ, а богатство ихъ разграблено».

Страница 341, строка 9-я. О взятіи Заслава и Острога Ганноверъ (стран. 59) говоритъ: «По взятіи Полоннаго, распорядившись въ немъ по своему, непріятели отправились въ Заславль, гдѣ разграбили все имущество еврейской общины и избили около 200 душъ, не имѣвшихъ возможности убѣжать по причинѣ болѣзни. Нѣкоторые надѣялись на своихъ друзей православныхъ, полагая, что тѣ ихъ спасутъ; спрятались они въ лѣса, пока не минетъ несчастье. Пробывъ тамъ долгое время, умирая отъ голода и жажды, они предпочитали скорую смерть мучительной жизни. Они рѣшились отправиться въ городъ и умереть тамъ, *ибо лучше быть убитымъ мечемъ, нежели умерѣть отъ голода* (Плачъ Іереміи, глава IV, стихъ 9-й). Какъ только они пришли въ городъ, то были схвачены непріятелями, которые собирались убить ихъ, но тѣ упрашивали ихъ, чтобъ быть умерщвленными на кладбищѣ. Евреи вошли въ кладбищенскій домъ, гдѣ они были убиты, а потомъ варвары сожгли домъ, вмѣстѣ съ трупами. Такимъ образомъ они были казнены двумя родами смерти—избіеніемъ и сожженіемъ. Съ заславскихъ ксендзовъ содрали кожу за-живо; тѣла князей, похороненныхъ тамъ испоконъ вѣка, выбросили изъ гробницъ, какъ гадину, а ихъ серебренные и золотые гробы ограбили, костелы разорили. Опустошили также синагогу, которую обратили въ конюшню. Точно также они поступили въ Острогѣ, гдѣ избили около шести сотъ оставшихся тамъ душъ».

Страница 345, строка 12-я. О возстаніи въ Литвѣ Ганноверъ говоритъ (страница 67): «Въ Гомелѣ было избито нѣсколько тысячъ евреевъ, прославившихъ имя божіе; оттуда непріятели отправились въ Стародубъ, гдѣ со-

вершили тоже большую рѣзню надъ евреями. Въ Черниговѣ, Брагинѣ и Влодовѣ, куда собралось множество евреевъ, было также убито всевозможными жестокими смертями около десяти тысячъ душъ, и въ другихъ большихъ литовскихъ городахъ были истреблены тысячи и десятки тысячъ евреевъ. Да отомститъ Богъ за ихъ кровь! Жители же городовъ Слуцка и Брестъ-Литовска бѣжали частію въ Великую Польшу, а частію въ Данцигъ, переправившись черезъ Вислу. Бѣдный же народъ, оставшійся въ Брестѣ и Пинскѣ, были умерщвлены, прославляя имя Божіе. На открытомъ полѣ отъ Пинска гнались непріятели за евреями и, настигнувъ ихъ, совершили большую рѣзню». Ганноверъ описываетъ взятіе Пинска литвинами такъ: «Князь Радзивиллъ узналъ, что жители Пинска взбунтовались и пустили злодѣевъ въ городъ; онъ съ нѣсколькими тысячами поляковъ осадилъ городъ и поджегъ его со всѣхъ четырехъ сторонъ, а злодѣи, желавшіе бѣжать водою на лодкахъ, утонули; нѣкоторые же сгорѣли или были убиты. Жителямъ Слуцка тоже удалось отомстить русскимъ: они послали къ послѣднимъ, чтобъ тѣ пришли къ нимъ, такъ какъ у нихъ имѣется много евреевъ и пановъ, которыхъ предадутъ въ ихъ руки; на самомъ же дѣлѣ евреевъ вовсе тамъ не было, ибо всѣ успѣли давно убѣжать. Непріятели не могли представить себѣ, чтобъ мѣстные жители воевали противъ нихъ. Между тѣмъ, когда они приблизились къ городскимъ воротамъ, горожане начали стрѣлять со стѣны крѣпости и изъ воротъ, и произвели въ нихъ большой уронъ, такъ что они принуждены были бѣжать; изъ города пустились за ними въ погоню и разбили ихъ на голову».

Страница 340, строка 13-я. У Ганновера, (стран. 69) говорится: «Хмель со всѣмъ своимъ войскомъ и татарами отправился для покоренія украинскихъ городовъ въ Польшѣ, а нѣкоторыхъ изъ своихъ онъ послалъ покорить Баръ,

ибо въ этомъ укрѣпленномъ городѣ было большое скопленіе пановъ и евреевъ. Но стрѣльцы, стрѣлявшіе изъ крѣпости, метали въ нихъ свои стрѣлы и не дали приблизиться къ ней, такъ, что непріятелямъ пришлось осаждать городъ продолжительное время. Но мѣстные русскіе жители придумали вотъ что. Они вырыли подземный ходъ, и злодѣи чрезъ него вошли въ городъ и начали убивать народъ. Евреи и паны убѣжали въ сильную крѣпость, которую они успѣли еще болѣе укрѣпить; въ ней же не было православныхъ. Непріятель осаждалъ эту крѣпость довольно значительное время, устроилъ противъ нее большіе валы и стрѣлялъ въ осажденныхъ изъ пушекъ, которыя по-нѣмецки называются Räderbüchsen, пока не завладѣлъ крѣпостью и избилъ всѣхъ евреевъ и пановъ, находившихся въ ней всевозможными смертями, разграбивъ ихъ богатства». Но Ганноверъ число избитыхъ въ Барѣ евреевъ простираетъ только до двухъ тысячъ.

Томъ второй, страница 16, строка 2-я. Ганноверъ (стр. 70) о покушеніи козаковъ взять Дубно разсказываетъ такъ: «Это была сильная крѣпость, подобно которой не было во всемъ Польскомъ королевствѣ, городъ же былъ во владѣніи фельдмаршала князя Доминика. Когда князья и паны убѣжали съ поля сраженія, остались въ Дубно нѣсколько сотъ евреевъ, надѣявшихся найти убѣжище въ крѣпости. Но когда злодѣи приблизились къ городу, одинъ вельможа съ восьмидесятью отважными воинами упомянутаго князя вошли въ крѣпость, заперли ее на-крѣпко и усилили ея оборонительныя средства, но не впустили туда ни одного изъ евреевъ, вслѣдствіе чего послѣдніе были истреблены передъ крѣпостью въ числѣ тысячи душъ».

Страница 16, строка 26-я. У Ганновера (страница 71) говорится: «Городъ Броды принадлежалъ хорунжему, бывшему заклятымъ врагомъ Хмеля, который теперь въ свою

очередь старался погубить хорунжаго и опустошить его владѣнія, въ особенности эту резиденцію его, которую онъ дѣйствительно разорилъ и сжегъ. Евреи же и паны, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, убѣжали въ сильную мѣстную крѣпость, имѣвшую двойную стѣну и окруженную водой. Долгое время непріятели осаждали крѣпость и не могли приблизиться къ стѣнамъ ея, вслѣдствіе стрѣльбы изъ ружей, которая причиняла имъ громадный уронъ. Однакожъ страхъ овладѣлъ осажденными по причинѣ свирѣпствовавшей заразы: «на улицѣ мечъ избивалъ, а въ домахъ ужасъ» (Второзаконіе, глава 32, стихъ 25). Отъ этой заразы умерло около тысячи душъ евреевъ. Вообще, внутри тѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, которыя были осаждены врагами, распространилась опустошительная эпидемія».

Страница 29, строка 14. Ганноверъ (стр. 73) прибавляетъ, что тогда съ депутатами былъ отправленъ къ Хмельницкому и еврей Рабишимонъ, львовскій штадланъ (кагальный ходатай по дѣламъ).

Страница 35, строка 30-я. Въ это время, по извѣстію Ганновера (стран. 76), произошли козацкія нападенія на разные червонорусскіе города. Тѣ, которые были хорошо укрѣплены, какъ Каменецъ-Подольскъ, Ясловица, Бучачъ, Комарна, Бельзъ съумѣли защититься отъ козаковъ; за то въ этихъ мѣстахъ свирѣпствовали повальныя болѣзни и сильный голодъ. Но не такъ отдѣлался отъ нихъ Норолъ. «Въ немъ собрались десятками тысячъ евреи и нѣсколько тысячъ пановъ; тамъ же не было ни одного русскаго. Евреи, находившіеся въ городѣ, сначала намѣревались бѣжать, но владѣлецъ города не пустилъ ихъ, пріободривъ ихъ слѣдующими словами: «Станемъ дружно противъ непріятелей и будемъ сражаться, по примѣру укрѣпленныхъ городовъ»; но когда городъ былъ уже осажденъ, непріятели заявили желаніе войти въ соглашеніе, на что евреи и были готовы. Но владѣлецъ города не согласился, вслѣд-

ствіе чего они вступили въ трехдневный бой съ непріятелями и убивали послѣднихъ во множествѣ. Потомъ злодѣй Хмель подослалъ противъ нихъ еще чрезвычайно многочисленное вспомогательное войско, и городъ былъ взятъ 17-го хешвана (октября). Прежде всего они убили владѣльца города, Лаща, содравъ съ него кожу за-живо и измучивъ его всевозможнымъ образомъ, затѣмъ умертвили болѣе 12000 евреевъ разными жестокими способами, а многіе евреи утонули. Нѣсколько же сотъ заперлись въ синагогѣ, но непріятели разломали двери, убили укрывшихся евреевъ, а потомъ сожгли синагогу вмѣстѣ съ трупами. Рѣзни подобно норольской не было нигдѣ во всѣхъ польскихъ областяхъ. Татары забрали многихъ въ плѣнъ, а всѣ три населенныхъ центра города были сожжены и превращены въ пепелъ, какъ Содомъ. Одна женщина, оставшаяся въ живыхъ среди убитыхъ, разсказала мнѣ, что подобно ей остались нѣсколько сотъ женщинъ и дѣтей, а также небольшое число мужчинъ, кои пять дней не имѣли никакой пищи и пользовались человѣческимъ мясомъ: отрѣзавъ отъ труповъ куски, они жарили ихъ на огнѣ. Нѣсколько же тысячъ труповъ были съѣдены собаками и свиньями. Что же до остальныхъ труповъ, то изъ Перемышля послали людей, которые взявши съ собой нѣсколько сотъ золотыхъ полотна для савановъ, предали эти трупы землѣ». Во время стоянки Хмельницкаго подъ Замостьемъ, по сказанію Ганновера (стр. 78—79), козаки разсыпались въ окрестныхъ городахъ и «совершали большую рѣзню: въ Томашевѣ, въ Щебрешинѣ, Турбинѣ, Грубешовѣ, Торногродѣ, Бѣлгоріи, Горіи, Криницѣ и Красникѣ, избивали тысячи и десятки тысячъ евреевъ. Также на Волыни, во Владимирѣ-Волынскѣ, Луцкѣ, Кременцѣ и ихъ окрестностяхъ убили они нѣсколько тысячъ. Въ Кременцѣ одинъ татаринъ взялъ ножъ еврейскаго рѣзника и вырѣзалъ нѣсколько сотъ еврейскихъ мальчиковъ, спра-

шивая каждый разъ товарища: «кошеръ или трефъ»—и получивъ отвѣтъ, что «трефъ», бросалъ трупъ собакамъ. Затѣмъ онъ бралъ другаго мальчика, рѣзалъ его и объявлялъ: «вотъ этотъ кошеръ!» — почему онъ и изслѣдовалъ внутренность, какъ евреи обыкновенно поступаютъ съ козлятами и овечками, и носилъ его на шестѣ по всѣмъ улицамъ, выкрикивая притомъ: «кому угодно купить козлятъ и овечекъ?!» Возлѣ Быхова злодѣи также настигли нѣсколько сотъ повозокъ съ евреями и избили всѣхъ; то же самое сдѣлали они и въ другихъ мѣстахъ, такъ что нѣтъ возможности все описывать. Разорили они болѣе семисотъ обществъ, вообще всѣ мѣстности до рѣки Вислы».

Страница 52, строка 15. По словамъ Ганновера (стр. 82), «письмо отъ короля застало Хмельницкаго на пути къ Люблину, въ разстояніи четырехъ миль отъ города. Онъ съ радостію принялъ королевское посланіе и немедленно возвратился во свояси... Однакожъ во время пребыванія врага подъ Люблиномъ, городъ былъ на-крѣпко запертъ и никого не впустили и не выпустили, такъ что въ городѣ распространился моръ, отчего и вымерло болѣе десяти тысячъ евреевъ. Точно также между убѣжавшими за Вислу евреями зараза свирѣпствовала во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они поселились. Они ночью бросали своихъ покойниковъ на кладбища, дабы христіане не замѣчали этого и не злорадствовали. Это не былъ обыкновенный моръ, а болѣзнь, называвшаяся «хумъ» (тифъ) и появившаяся вслѣдствіе тягостей переѣзда и постояннаго страха. Многіе изъ бѣдняковъ, которыхъ христіане не впустили въ свои дома, валялись по улицамъ и умирали отъ холода и голода. Одинъ другому не оказывалъ помощи, такъ что отъ упомянутой болѣзни вымерло болѣе ста тысячъ душъ. Еврейскій народъ тогда сильно обѣднѣлъ; оставшіяся не расхищенными золотыя и серебренныя вещи продавались за полцѣны, а шолковая и прочая одежда отдавалась за

треть стоимости. Книги же, за неимѣніемъ покупателей, лишились всякой цѣнности, ибо наука была въ полномъ пренебреженіи».

Страница 87, строка 12. Ганноверъ (стр. 85) разсказываетъ, что «въ полночь, 19-го адара (мартъ) послѣ того, какъ острожскіе мятежники послали къ козакамъ, находившимся около города, чтобъ они немедля прибыли къ нимъ, козаки тысячами вторглись въ Острогъ и избили всѣхъ пановъ и евреевъ въ постеляхъ, такъ что успѣли бѣжать только трое евреевъ и одинъ польскій военачальникъ съ 80 воинами, за которыми козаки, оставивъ городъ, пустились въ погоню, такъ, что вслѣдствіе этого обстоятельства, изъ города вышло нѣсколько тысячъ козаковъ. Но паны скоро обратились лицомъ къ преслѣдовавшимъ ихъ и успѣли убить большую часть ихъ... Отправился воевода Фирлей въ Острогъ, гдѣ отомстилъ горожанамъ и учинилъ строгую расправу».

Страница 185, строка 9. Ганноверъ, на страницѣ 92 говоритъ: «По дорогѣ татары выместили свой гнѣвъ на козаковъ тѣхъ городовъ и селеній, которые продолжали еще мятежничать противъ короля. Нѣкоторые говорятъ, что самъ король далъ имъ право опустошать тѣ мѣстности, въ которыхъ были отчаянные бунтовщики. Такимъ образомъ они сожгли Острогъ, Заславль, Кременецъ, Базиліу (?) и Сатановъ, съ ихъ окрестностями до Каменецъ-Подольска. Вообще они опустошили и сожгли всѣ мѣстности на пространствѣ двадцати квадратныхъ миль, а жившіе тамъ русскіе отчасти были перебиты и тысячами были взяты татарами въ плѣнъ; остались же въ живыхъ лишь тѣ, которые скрывались въ лѣсахъ и кустарникахъ. Эти несчастные сами сознавали, что заслужили такую кару».

Страница 213, строка 23. Ганноверъ на стр. 92 говоритъ: «Послѣ праздника кущей 5410 года возвратились въ свои земли и помѣстья польскіе паны, а также жалкіе

остатки осиротѣлыхъ евреевъ, но эти послѣдніе находились въ крайней нищетѣ, потому что вездѣ была страшная дороговизна и не было никакихъ источниковъ для пропитанія, такъ какъ бѣдняки русскіе сами умирали тысячами съ голода и не столько за недостаткомъ продуктовъ, сколько за недостаткомъ денегъ, ибо татары и козаки ограбили всѣ ихъ деньги и имущества. Изъ богатыхъ русскихъ нѣкоторые бѣжали за Днѣпръ къ козакамъ, боясь мести пановъ, а нѣкоторые, хотя имѣли деньги, закопали ихъ въ землю, чтобы паны не отняли ихъ и притворялись бѣдными»... (Стр. 94): «Въ мѣстахъ, гдѣ жили козаки, была оживленная и выгодная торговля, ибо всѣ обогатились награбленнымъ еврейскимъ и панскимъ добромъ; но ни одинъ панъ или еврей не могъ проникнуть туда, пока не состоялось особое соглашеніе съ ними. Въ это время польскимъ королемъ былъ обнародованъ по всему королевству эдиктъ, въ силу котораго всякій перемѣнившій религію свою противъ воли, могъ открыто къ ней возвратиться. Такимъ образомъ насильно окрещенные евреи возвратились въ лоно іудейства. Въ мѣстахъ, гдѣ евреи имѣли право жить, они публично перешли въ іудейство, но окрещенные, жившіе на козацкихъ земляхъ, гдѣ евреямъ запрещено было селиться, должны были убѣжать оттуда, ежели хотѣли исповѣдовать религію предковъ. Женщины же, вышедшія замужъ за козаковъ, также ушли въ еврейскія селенія. Такимъ образомъ нѣсколько сотъ, насильно окрещенныхъ, сдѣлались опять евреями. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ взрослые евреи были перебиты, оставшіеся въ живыхъ ихъ мальчики и дѣвочки были окрещены; ихъ-то евреи отняли силою у христіанъ, написали для каждаго талисманъ, на которомъ, по наведеніи надлежащихъ справокъ обозначено было происхожденіе ребенка и повѣсили ему на шею... Затѣмъ установленъ былъ навсегда постъ во всей Польшѣ, на 20-й день мѣсяца сиванъ (іюнь) именно

въ тотъ день, въ который произошла рѣзня въ городѣ Немировѣ». (Этотъ постъ, по замѣчанію переводчика, соблюдается и нынѣ набожными евреями въ Россіи и въ Галиціи).

Страница 298, строка 24. У Ганновера на стр. 98 говорится: «Евреямъ пришлось испить четыре чаши горечи (намекъ на извѣстныя четыре чаши вина, которыя обязанъ былъ каждый еврей испивать при трапезѣ перваго пасхальнаго вечера): они были избиты сотнями и взяты въ плѣнъ, такъ что послѣднія бѣдствія заставляли забыть первыя. Евреи въ четвертый разъ бѣжали до Львова».

Томъ третій. Страница 52, строка 1. Ганноверъ, по поводу этой смертности говоритъ, (стр. 101): «Въ Краковѣ и въ другихъ еврейскихъ общинахъ, въ продолженіе лѣта 5412 года (1652) вымерло болѣе 120,000 душъ. Вообще до настоящаго дня, война, голодъ и чума господствуютъ во всѣхъ польскихъ областяхъ и день ото дня несчастіе все возрастаетъ. Свершилось надъ нами проклятіе Моисея: «всякую болѣзнь и всякую язву, даже и не написанную въ сей книгѣ Завѣта, Господь наведетъ на тебя и останется васъ немного и разсѣетъ тебя Господь по всѣмъ народамъ, отъ одного края земли до другаго». (Второзаконіе, глава 28, стихъ 61, 62). Можемъ ли мы отрицать нашу виновность, когда грѣхи наши свидѣтельствуютъ противъ насъ! Всевышній уличилъ рабовъ своихъ въ прегрѣшеніяхъ, а судъ Его правдивъ».

Сочиненіе Ганновера, какъ сказаніе очевидца событій, представляетъ много драгоцѣнныхъ и вѣрныхъ чертъ, но имъ пользоваться можно съ осторожностію. Авторъ, не будучи въ состояніи стать личнымъ свидѣтелемъ всѣхъ событій, о которыхъ передаетъ извѣстія, естественно долженъ былъ руководиться слухами и писалъ съ голоса другихъ. Въ его разсказѣ есть явныя невѣрности въ томъ, что касается политическихъ и военныхъ событій того времени; болѣе достовѣрности собственно въ томъ,

что относится до судьбы евреевъ, но и тутъ замѣтно, напримѣръ, что число умерщвленныхъ козаками въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ показывается не то, которое встрѣчаемъ въ другихъ источникахъ, и даже въ сочиненіяхъ тогдашнихъ еврейскихъ раввиновъ.

Впрочемъ, замѣчательно, что этотъ еврей, какъ мы выше привели слова его, признаетъ своихъ единовѣрцевъ заслужившими судъ Божій, постигшій ихъ. Мы не знаемъ, однако, въ чемъ собственно разумѣетъ онъ грѣхи израильтянъ, за которые постигъ ихъ тогда Божій судъ: сознаетъ ли онъ тѣ угнетенія, которыя терпѣлъ отъ нихъ южнорусскій народъ, или, можетъ быть, только частныя уклоненія отъ строгости обрядоваго еврейскаго закона.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

ОБЪ ЭПОХѢ

Богдана Хмельницкаго.

1. Хмельницкій и Барабашъ.

Дума.

(1647).

Якъ изъ день—години,
Счиналися велики войни на Украині,
Оттоді-жъ то не могли обібрати,
За віру християньску одностойно стати;
Тільки обібрався Барабашъ та Хмельницький
Та Клиша (Иляшъ) Білоцерковьский.
Оттоді вони одъ своихъ рукъ листы писали,
До кроля Владислава посилали.
Тоді-жъ кроль Владиславъ листи читае,
Назадъ одсилае,
У городі Черкаськомъ Барабаша гетьманомъ постановляе:
Будь ти, Барабашъ, у городі Черкаському гетьманомъ,
А ти, Клиша, у городі Білои Церкві полковничимъ,
А ти, Хмельницький, у городі Чигрині хоть писаремъ військовимъ!
Оттоді-жъ небагато Барабашъ, гетьманъ молодий, гетьмановавъ,
Тільки півтора года.
Тоді-жъ то Хмельницький добре дбавъ,
Кумомъ до себе гетьмана молодого Барабаша зазививъ,
А ще дорогими напитками его витавъ

И стиха словами промовлявъ:
«Эй пане куме, пане Барабашу, пане гетьмане молодий,
Чи не могли-бъ ми у двохъ королевськихъ листівъ прочитати,
Козакамъ козацьки порядки подавати,
За віру християньску одностайно стати?»
Оттоді-жъ то Барабашъ, гетьманъ молодий,
Стиха словами промовляе:
—Эй пане куме, пане Хмельницький, пане писарю військовий:
На що намъ зъ тобою королевськи листи у двохъ читати,
На що намъ козакамъ козацьки порядки давати?
Чи не лучче намъ изъ ляхами, мостивими панами,
Зъ успокоемъ хлібъ сіль по вікъ вічный уживати?—
Оттоді-жъ то Хмельницькій на кума свого Барабаша
Велике пересердие мае,
Ще красчими напитками витае.
Оттоді-то Барабашъ, гетьманъ молодий,
Якъ у кума своего Хмельницького дорогого напитку напивсь,
Такъ у его и спать поваливсь.
Оттоді-то Хмельницький добре дбавъ,
Изъ правои руки изъ мезинного пальця щирозлотий перстень изнявъ,
Изъ лівои кишені ключи виймавъ,
Зъ підъ пояса шовковий платокъ висмикавъ,
На слугу свого повірного добре кликавъ—покликавъ:
«Эй слуго ти мій, повіренний Хмельницького!
Велю я тобі добре дбати,
На доброго коня сідати,
До города Черкаського до пані Барабашевои прибувати,
Кралевськи листи до рукъ добре приймати».
Оттоді-то слуга, повіренний Хмельницькаго, добре дбавъ,
На доброго коня сідавъ,

До города Черкаського скоримъ часомъ пиднoю годиною
прибувавъ,
До пані Барабашевои у двіръ уізжавъ,
У сіни увійшовъ, шличокъ изъ себе знімавъ,
У світлицю увійшовъ—низький поклонъ пославъ,
Тии значки на скамьи покладавъ,
А ще стиха словами промовлявъ:
«Эй пані, каже, ти пані Барабашева, гетьманова молодая!
Ужежъ теперъ твій панъ Барабашъ, гетьманъ молодий,
На славній Украині зъ Хмельницькимъ велики бенкети
всчинають;
Веліли вони тобі сіи значки до рукъ приймати,
А мині листи королевськи оддати;
Чи не могли-бъ вони изъ кумомъ своимъ Хмельницькимъ
У двохъ прочитати,
И козакамъ козацьки порядки давати?»
Оттоді-жъ то пані Барабашева, гетьманова,
Удариться объ поли руками,
Обільлется дрібними слізами,
Промовить стиха словами:
«Эй не зъ горя—біди моему пану Барабашу
Схотілось на славній Украині
Зъ кумомъ своимъ Хмельницькимъ
Велики бенкети всчинати!
Нáщобъ имъ кралевськи листи у-двохъ читати,
Не луччебъ имъ изъ ляхами
Зъ упокоемъ хлібъ сіль вічни часи уживати?
А теперъ нехай не зарікаеться Барабашъ, гетьманъ мо-
лодий,
На славній Украині огнівъ та тернівъ изгашати
Тіломъ своимъ панськимъ комарівъ годувати
Одъ кума свого Хмельницького!»
Оттоді-жъ то пані молодая Барабашевая
Стиха словами промовляе:

«Эй слуго, повіренний Хмельницькаго,
Не могу я тобі листи кралевськиі до рукъ подати,
А велю я тобі до ворітъ отхождати,
Кралевськи листи у шкатулі изъ землі виймати».
Оттоді-то слуга повіренний Хмельницького
Якъ сі слова зачувавъ,
Такъ скоримъ часомъ пилною годиною до ворітъ одхождавъ,
Шкатулу зъ землі зъ кралевськими листами виймавъ,
Самъ на доброго коня сідавъ,
Скоримъ часомъ пилною годиною до города Читрина прибувавъ,
Своему пану Хмельницькому кралевськи листи до рукъ добре оддававъ.
Оттоді-то Барабашъ, гетьманъ молодий, одъ сна уставае,
Кролевськи листи у кума свого Хмельницького зоглядавъ;
Тогді-й напитку дорогого не попивае,
А тільки зъ двора тихо зъіэжае,
Та на старосту свого Крачевського [1]) кличе, добре покликае:
«Эй старосто, каже, ти мій старосто Крачевский!
Колибъ ти добре дбавъ,
Кума мого Хмелницького живцемъ узявъ,
Ляхамъ, мостивимъ панамъ, до рукъ подавъ,
Щобъ насъ могли ляхи, мостивии пани, за білозорівъ почитати».
Оттоді-то Хмельницький якъ сі слова зачувавъ,
Такъ на кума свого Барабаша велике пересердие мавъ,
Самъ на доброго коня сідавъ,
Слугу свого повіренного зъ собою забравъ.
Оттоді-то припало ему зъ правоі руки
Чотири полковники:

---

[1]) Кричевскій или Кречовскій переяславскій полковникъ, выпустившій Хмельницкаго изъ-подъ ареста.

Первий полковниче Максиме Олшанський,
А другий полковниче Мартине Полтавський,
Третий полковниче Иванъ Богуне,
А четвертий Матвій Бороховичу.
Оттоді-то вони на славну Украину прибували,
Королевськи листи читали,
Козакамъ козацьки порядки давали.
Тоді-то у святий день у божественний у вовторникъ,
Хмельницкий козаківъ до сходу сонця пробуждае
И стиха словами промовляе:
«Эй козаки, діти, друзі, молодці!
Прошу я васъ, добре дбайте,
Одъ сна уставайте,
Руський очинашъ читайте,
На лядськи табури наіжджайте,
Лядськи табури на три части розбивайте,
Ляхівъ, мостивихъ панівъ, у пень рубайте,
Кровъ ихъ лядську у полі зъ жовтимъ піскомъ мішайте,
Віри своеі християнськоі у поругу вічні часи не подайте!
Оттоді-жъ то козаки, друзі-молодці, добре дбали,
Одъ сна уставали,
Руський очинашъ читали,
На лядськии табури наіжджали,
Лядськии табури на трі части розбивали,
Ляхівъ, мостивихъ панівъ, у пень рубали,
Кровъ ихъ лядську у полі зъ жовтимъ піскомъ мішали,
Віри своеі християнськоі у поругу вічні часи не подали.
Оттоді-то Барабашъ, гетьманъ молодий, конемъ поіжджае,
Плаче ридае,
И стиха словами промовляе:
«Эй пане куме, пане Хмельницькій, пане писарю військовий!
На щобъ тобі кралевськи листи у пані Барабашевоі визволяти?
На щобъ тобі козакамъ козацьки порядки давати?

Не лучче-бъ тобі зъ нами изъ ляхами,
Зъ мостивими панами,
Хлібъ-сіль зъ успокоемъ уживати?»
Оттоді-то Хмельницький
Стиха словами промовляе:
«Эй пане куме, пане Барабашу, пане гетьмане молодий!
Якъ будешъ ти мені сими словами докоряти,
Не зарікаюсь я тобі самому съ плічъ головку, якъ галку,
зняти,
Жону твою и дітей у полонъ живцемъ забрати,
Турському салтану у подарунку одослати».
Оттоді-то Хмельницький якъ сі слова зговоривъ,
Такъ гараздъ добре и учинивъ:
Куму свойму Барабашеві, гетьману молодому,
Зъ плічъ головку якъ галку знявъ,
Жону його и дітей живцемъ забравъ,
Турському салтану у подарунку одославъ.
Съ того-жъ-то часу Хмельницький гетмановати ставъ.
Оттогді-жъ то козаки, діти, друзі молодці,
Стиха словами промовляли:
«Эй гетьмане Хмельницький,
Батю нашъ, Зиновъ Богдане Чигиринський!
Дай Боже, щобъ ми за твоею головою пили да гуляли,
Віри своеи християнськои у поругу вічни часи не пода-
вали!»
Господи, утверди люду царського,
Народу християнського
Всімъ слушащимъ,
Всімъ православнимъ християнамъ
Пошли, Боже, много літъ!

(Метл. стр. 385).

Варіантъ той же думы.

Гей зъ день годинн счинилися велики воини на Украині
Нихто жъ не могъ обібратися,
За віру християнську достойно-праведно стати;
Тільки мігъ обібратися
Барабашъ да Хмелницький, да Клиша білоцерковський.
Тогді бувъ Барабашъ у городі Черкаському гетьманомъ,
А панъ Хмелницький у городі Чигирині полковничимъ,
А Клиша білоцерковський въ Білій Церкві писаремъ
військовимъ.
Тогді панъ Барабашъ не багацько гетманувавъ.
Да вже панъ Хмелницький до себе кумомъ зазивавъ,
А ще дорогими напитками витае
И стиха словами промовлявъ:
«Эй куме, каже, куме!
Чи не могли бы ми зъ тобою королевськихъ листівъ прочитати,
А козакамъ козацькихъ порядківъ подавати,
За віру християнську достойно праведно стати?»
Да вже тогді панъ Барабашъ, гетьманъ молодий,
Не хороши мысли собі мае,
И стиха словами промовляе:
— Эй куме, каже, куме,
— На що намъ королевськи листи читати,

— На що намъ козакамъ козацьки порядки давати?
— На що намъ за віру християнську достойно-праведно
стояти?
— Лучче намъ зъ ляхами мосцивими панами
— Хлібъ-сіль зъ упокоемъ вічний часъ вживати.
Да вже панъ Хмелницький отъ своего кума сі слова зачувае,
Такъ ище лучче свого кума напитками витае;
Да вже панъ Барабашъ, гетьманъ молодий,
У свого кума Хмелницького дорогого напитку напився,
У его домі спать повалився;
Да вже панъ Хмелницький добрі мислі собі мавъ,
У свого кума у лівоі кишені ключи винімавъ,
А зъ підъ пояса шовковий платокъ висмикавъ,
А зъ мизиннего палця щиро-злотий перстень знявъ,
На свого служителя добре кликавъ-покликавъ:
— Служителю мій вірний,
— Велю тобі значки отъ моихъ рукъ забрати,
— Самому на доброму коню сідати,
— Да до города Черкаського скоримъ уремнямъ темною
годиною прибувати,
— Барабашській пані низький поклонъ покласти,
— Чи жъ могла бъ вона намъ шкатули зъ королевськими
листами отдати?
Служитель на доброго коня сідавъ,
До города Черкаського скоримъ уремнямъ темною годиною
прибувавъ,
У сінечки війшовъ — изъ себе шличокъ изнімавъ,
А въ світлицю війшовъ — низесенький поклонъ пославъ,
А тии значки на скамъи поклавъ:
— Эй пані гетьманша молодая!
— Велівъ тобі панъ Барабашъ, гетьманъ молодий,
— Шкатулу зъ королевськими листами отдати,
— Чи не могли бъ вони зъ кумомъ у-двохъ прочитати.

Да вже тогді пані Барабашева якъ удариться объ поли
руками,
Якъ обільется гарячими слізами
«На що имъ королевськи листи читати,
«На що козакамъ козацьки порядки давати,
«На що бъ имъ за віру християнську достойно-праведно
стояти?
«Лучче бъ имъ зъ ляхами мостивими панами,
«Хлібъ-сіль зъ упокоемъ вічний часъ вживати.
«Велю жъ тобі, служителю, до воротъ отходити,
«И шкатулу зъ королевськими листами изъ землі винімати;
«Самому на доброго коня сідати,
«И до города Чигирина скоримъ уремнямъ темною годи-
ною прибувати».
Да вже тогді служитель до ворітъ отходивъ,
Шкатулу изъ землі винімавъ,
Самъ на доброго коня сідавъ,
До города Черкаського скоримъ уремнямъ, темною годи-
ною прибувавъ,
И своему пану Хмелницькому шкатулу зъ королевськими
листами до рукъ добре отдавъ.
Барабашъ, гетьманъ молодий, отъ сна проспався
И ставъ у свого кума Хмелницького королевськи листи
въ рукахъ доглядати.
Да вже тогді не ставъ дорогого напитка підпивати,
А ставъ до свого кума стиха словами промовляти:
— Эй куме, каже, куме!
— На що намъ королевськи листи читати,
— На що намъ козакамъ козацьки порядки давати,
— На що намъ за віру християнську достойно-праведно
стояти!
— Лучче намъ зъ ляхами зъ мостивими панами,
— Хлібъ-сіль зъ упокоемъ вічними часи вживати! —
Да вже панъ Хмелницький отъ свого кума сі слова зачуває

Да до свого кума зъ гордостьтю вже сі слова промовляе:
«Эй куме, куме, Барабашу, гетьмане молодий,
«Якъ будешъ ти мені сими словами досаждати,
«Да вжежъ я не зарікаюсь тобі зъ плічъ якъ галку голову зняти,
«Жону твою зъ дітьми живцемъ забрати,
«Турському салтану въ подарунку одіслати».
Да вже панъ Барабашъ, гетьманъ молодий, отъ свого кума сі слова зачуває,
Да стиха изъ двора изъїзжае,
И на свого старосту Кричевського кличе-поликае:
«Эй старосто Кричевский,
«Чи не можно бъ мені пана Хмелницького забрати
«Да турецькому салтану въ подарунку живцемъ одіслати?
«Да щобъ насъ ляхи мостивиі пани за білозорівъ почитали!»
Тогді поіхавъ панъ Барабашъ путёмъ дорогою,
А панъ Хмелницький лугомъ по-за лугомъ;
И случилось пану Хмелницькому зъ правои сторони чотири полковники:
Одинъ полковникъ—Мартинъ Ольшанський,
А другий—Максимъ полтавський,
Третій полковникъ—Иванъ Богуня,
А четвертий—Матвій Бороховичъ.
Да вже тогді вони налядськиі табори изъїзжали,
И до козаківъ стиха словами промовляли:
— Эй козаки, друзі молодці, добре дбайте,
— Руське оченашъ читайте,
— Ляхівъ у пень рубайте,
— Кровъ ихъ лядську зъ жовтимъ піскомъ мішайте,
— А віри християнськои на поталу въ вічний часъ не подайте!—
Да вже тогді козаки друзі-молодці добре дбали,
Руське оченашъ читали
Ляхівъ мостивихъ панівъ въ пень рубали,

Віри християнськои на поталу въ вічний часъ не подали.
Да вже панъ Барабашъ, гетьманъ молодий,
Ище до свого кума стиха словами промовляе:
«Эй, куме, каже, куме!
«На що намъ королевськи листи читати,
«На що намъ козакамъ козацьки порядки давати,
«На що намъ за віру християнську достойно-праведно
стояти?
«Лучче намъ зъ ляхами зъ мостивыми панами
«Хлібъ-сіль зъ упокоемъ вічний часъ вживати!»
Да вже панъ Хмелницький отъ свого кумасі слова зачуває
Да до свого кума зъ гордостьтю вже сі слова промовляе:
—Эй куме, куме, Барабашу, гетьмане молодий,
—Якъ будешъ ти мені сими словами досаждати,
—Да вже я не зарікаюсь тобі зъ плічъ якъ галку головку
зняти,
—Жону твою зъ дітьми живцемъ забрати.
Якъ его зговоривъ, то барджe добре и вчинивъ,
Своему куму Барабашу, гетьману молодому, изъ плічъ головy якъ галку знявъ,
Жону его изъ дітьми живцемъ забравъ,
Турському салтану въ подарунку одіславъ.
Да вже тогді панъ Хмелницький гетьманомъ ставъ.
Да вже козаки друзі-молодці добре дбали
И стиха словами промовляли:
Эй пане, пане Хмелницький Богдане Зиновію,
Нашъ батю полковникъ Чигиринський!
Дай Господи, щобъ ми за твоеи голови пили и гуляли,
А непріятеля підъ ноги топтали.
Да вже тогді вони померли,
А ихъ слава не вмре и не поляже.
Утверди, Господи, люду царського императорського

**И самодержця императора нашого Олександру Миколаевича
И всімъ слушающимъ пошли многія літа.**

(Запис. въ Нѣжинѣ г-мъ Иващенко отъ кобзаря Павла Братицы. 1874 года, іюня 13. Напечатано въ изданіи: Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова).

Упоминаемые въ этой думѣ лица: Максимъ Ольшанскій—Максимъ Кривоносъ, Мартинъ Полтавскій—полтавскій полковникъ Мартинъ Пушкаренко, Иванъ Богунъ—полковникъ винницкій. Клиша бѣлоцерковскій — былъ дѣйствительно полковникомъ бѣлоцерковскимъ нѣсколько ранѣе изображаемой здѣсь эпохи; Матвій Боруховичъ—вѣроятно Матвій Гладкій полковникъ миргородскій при Хмельницкомъ по ошибкѣ смѣшанный съ Михайломъ Боруховичемъ, бывшимъ уже позже при Самойловичѣ гадяцкимъ полконикомъ. Кречовскій былъ въ изображаемое время переяславскимъ полковникомъ; онъ далъ возможность Хмельницкому бѣжать, когда послѣдній былъ арестованъ и отданъ подъ надзоръ Кречовскаго; впослѣдствіи Кречовскій былъ полковникомъ при Хмельницкомъ и погибъ въ войнѣ противъ поляковъ въ Литвѣ. О событіи, составляющемъ предметъ этой думы, см. въ Лѣтописи Самовидца стр. 6 изд. 1847 г., въ Лѣтописи Величка т. 1. стр. 23—29, въ Лѣтописи Грабянки стр. 72... у Коховскаго. Annal. Clim. I. 23.

3. Варіантъ предъидущей думы.

Изъ день години,
Якъ стала тревога на Украині;
То нихто не може обібрати
За віру християнську одностойно стати;
Тілки обібрались Барабашъ да Хмельницький,
Та Климъ Білоцерковський;
До короля выступали,
Листівъ, наверсалівъ прохали.
То король наверсали писавъ,
Самому Барабашу до рукъ подававъ;
А Барабашъ листи якъ узявъ,
Три годи козакамъ знати не дававъ.
То Хмельницький тее догадавъ,
Кумомъ его до себе прохавъ, добре угощавъ.
А якъ ставъ Барабашъ на підпитку гуляти,
Ставъ ему Хмельницький казати:
«Годі тобі, пане куме, листи королевськи держати,
Дай мені хоть прочитати!»
«На що тобі, пане куме, ихъ знати?
Ми дачи не даемъ,
У війско польске не йдемъ;
Не луччебъ намъ зъ ляхами,
Мосцивими панами,

Мирно пробувати,
А ніжъ пійти лугівъ потирати,
Своимъ тіломъ комарівъ годовати?»
То Хмельницькой тее зачувавъ,
Ще луччихъ напитківъ подававъ.
То Барабашъ якъ упився,
На ліжку спати звалився.
Тогді Хмельницький ключи одбиравъ,
Чуру свого до города Черкаса посилавъ;
Велівъ ключи пані Барабашевой подати,
Листівъ королевськихъ питати.
То чура до неі прибувае,
Словами промовляе:
«Пані Барабашова! твій панъ ставъ у насъ гуляти,
А тобі велівъ листи королевськи подати!»
«Где-сь моему панові лихомъ занудилось,
Що съ Хмельницькимъ гуляти схотілось!
Пійди, въ глухімъ конці підъ ворітьми
Листи королевськи въ шкатулі візьми».
То чура скоро листи доставъ,
День и нічь до Чигрина поспішавъ;
Тогді Барабашъ рано прочинае,
У кармани поглядае, ажъ ключівъ немае.
Вінъ старосту Кричевського пробуждае,
Двома кіньми тихо зъ двора виізжае;
Думае, гадае,
Якъ пана Хмельницького до рукъ прибрати
Ляхамъ отдати!

(Максим. укр. думы 64)

Угнетеніе Украины и возстаніе.

Дума.

(1648 г.)

Якъ одъ Кумівщини да до Хмелнищини,
Якъ одъ Хмелнищини да до Брянщини,
Якъ одъ Брянщины й до сего жъ то дня,
Якъ у землі кралевській да добра не було.
Якъ жиди рандари
Всі шляхи козацьки зарандовали,
Що на одній милі
Да по три шинки становили,
Становили шинки по долинахъ,
Зводили щогли по високихъ могилахъ.
Ище жъ то жиди рандари
У тому не перестали,
На славній Украині всі козацьки торги заорандовали,
Да брали мито-промито:
Одъ возового
По пivъ—золотого,
Одъ пішого пішениці по три денежки мита брали,
Одъ неборака старця
Брали кури да яйця,
Да ище питае:
«Ци нема, котикъ, сце, цого?»
Ище жъ то жиди рандари
У тому не перестали:
На славній Украині всі козацьки церкви заорандовали.

Которому бъ то козаку альбо мужику давъ Богъ дитину появити,
То не йди до попа благословитьця,
Да пійди до жида рандара, да положъ шостакъ, щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину охрестити;
Ище жъ то которому бъ то козаку альбо мужику давъ Богъ дитину одружити,
То не йди до попа благословитьця,
Да пійди до жида рандара, да положъ битий тарель, щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину одружити.
Ище жъ жиди рандари
У тому не перестали:
На славній Украіні всі козацьки ріки заорандовали.
Перва на Самарі,
Друга на Саксані,
Трейтя на Гнилій,
Четверта на Пробойній,
Пята на річці Кудесці.
Которий би то козакъ альбо мужикъ исхотівъ риби вловити,
Жінку свою зъ дітьми покормити,
То не йди до пана благословитьця,
Да пійди до жида рандара, да поступи ему часть отдать,
Щобъ позволивъ на річці риби вловити,
Жінку свою зъ дітьми покормити.
Тогді жъ то одинъ козакъ мимо кабакъ иде,
За плечима мушкетъ несе,
Хоче на річці утя вбити,
Жінку свою зъ дітьми покормити,
То жидъ-рандаръ у кватирку поглядае,
На жидівку свою стиха словами промовляе:
«Эй жидівочко жъ моя Рася!
Що сей козакъ думае, що вінъ у кабакъ не вступить,

За денежку горілки не купить,
Мене, жида-рандара, не перепросить,
Щобъ позволивъ ему на річці утя вбити,
Жінку свою зъ дітьми покормити».
Тогді-то жидъ-рандаръ стиха підхождае,
Козака за патли хватае.
То козакъ на жида-рандара скоса, якъ ведьмідь, поглядае,
Ище жида-рандара мостивимъ паномъ узивае:
«Эй жиду», каже, «жиду-рандаре,
Мостивий пане!
Позволь мини на річці утя вбити,
Жінку свою зъ дітьми покормити».
Тогді жидъ-рандаръ у кабакъ вхождае,
На жидівку свою стиха словами промовляе:
«Эй жидівочко жъ моя Рася!
Буть мені теперъ у Білій Церкві наставнимъ равомъ:
Назвавъ мене козакъ мостивымъ паномъ».
Тогді-то у святий божественний день у четвертокъ,
Якъ жиди-рандари у Білую Церкву на сеймъ збирались,
Одинъ до одного стиха словами промовляли:
«Эй жиди жъ ви, жиди рандари!
Що теперъ у васъ на славній Украині слишно?»
«Слишенъ» говорить, «теперъ у насъ гетьманъ Хмелницький:
Якъ одъ Білої Церкви да до славного Запорожа
Не така стоїть жидівська сторожа»!
Тогді озоветця одинъ жидъ Оврамъ
(У того бувъ невеликий крамъ,—
Тілько шпильки да голки,
Що ходивъ по-за Дніпромъ да дуривъ козацьки жінки):
«Эй жиди жъ ви, жиди-рандари,
Якъ изъ Низу тихий вітеръ повіне,
Вся ваша жидівська сторожа погине».
Тогді жъ то якъ у святий день божественний у вовторникъ

Гетьманъ Хмелницький козаківъ до сходу сонця у походъ
виправлявъ
И стиха словами промовлявъ:
«Эй козаки ви, діти, друзі!
Прошу васъ, добре дбайте,
Одъ сна вставайте,
Руський *очинашъ* читайте,
На славну Украину прибувайте,
Жидівъ-рандарівъ у пень рубайте,
Кровъ ихъ жидівську у полі зъ жовтимъ піскомъ мішайте,
Віри своеі християнськоі у поругу не подайте,
Жидівському шабашу не польгуйте».
Отогді-то всі жиди-рандари догадливі бували,
Усі до города Полонного повтікали.
Тогді-то Хмелницький на славну Украину прибувавъ,
Не одного жида-рандара не застававъ.
Тогді-то Хмелницький не пишний бувавъ,
До города Полонного прибувавъ,
Одъ своіхъ рукъ листи писавъ,
У городъ Полонного подававъ,
А въ листахъ прописувавъ:
«Эй полоняне, полонянська громада!
Колибъ вы добре дбали,
Жидівъ рандарівъ мені до рукъ подали».
Тогді-то полоняне ему одписали:
«Пане гетьмане Хмелницький!
Хоть будемъ одинъ на одного лягати,
А не можемъ тобі жидівъ-рандарівъ до рукъ подати».
Отогді-то Хмелницький у другий разъ листи писавъ,
У городъ Полонного подававъ:
«Эй полоняне, полоняньска громада!
Нехороша ваша рада.
Есть у мене одна пушка Сирота
Одчинятця ваши залізні широки ворота».

Тогді-то якъ у святий день божественний четвертокъ
Хмелницький до сходу сонця устававъ,
Підъ городъ Поляное ближей прибувавъ,
Пушку Сироту упереду постановлявъ,
У городъ Поляного гостинця подававъ.
Тогді-то жиди рандари
Гіркимъ голосомъ заволали:
«Эй полоняне, полонянська громада!
Колибъ ви добре дбали,
Одъ Польщи ворота одбивали,
Да насъ за Виелу річку хочъ у однихъ сорочкахъ пускали!
То бъ ми за річкою Вислою пробували,
Да собі дітей дожидали,
Да ихъ добрими ділами наущали,
Щобъ на козацьку Украіну и кривимъ окомъ не поглядали.
Отогді-то козакамъ у городі Полонозі дана воля на три часа съ половиною:
«Пийте—гуляйте,
Коло жидівъ-рандарівъ собі здобу хорошу майте».
Тогді-то козаки у городі Полонозі пили-гуляли;
Здобу хорошу собі коло жидівъ-рандарівъ мали;
Обратно на славну Украину прибували,
Очертомъ сідали,
Сребро й злато на три части паевали:
Первую часть на Покрову Січовую да на Спаса Межигорського оддали,
Другу часть на меду да на оковитій горільці пропивали.
Трейтю часть междо собою козаками паевали.
Тогді-то не одинъ козакъ за пана гетьмана Хмелницького Бога просивъ,
Що не одинъ жидівский жупанъ зносивъ».

(Кулиша. Зап. о Юж. Руси. Т. І. стр. 56).

Варіантъ той же думы.

Земле польска, Украино подольска!
То вже тому не рочокъ и не два минае
Якъ у христіянській землі добра не мае,
Якъ зажурилась да и заклопаталась бідна вдова, —
То то не бідна вдова — то королевська земля:
Що стали жиди великий откупъ давати,
Стали одинъ одъ одного на милю оранды становити.
Якъ иде украинський козакъ, то й корчму минае,
А жидъ вибігае да украинського козака за чубъ хватае,
Да ще ёго двома кулаками по потилиці затинае:
«Козаче-левенче! за що я буду ляхамъ рату платити,
«Що ти мимо корчми идешъ
«Да и корчму минаешъ».
Коло украинського козака всю зброю одбирае.
А на Украині козакъ за жидомъ похожае,
Ще ёго вельможнимъ паномъ називае,
А жидъ до жидівки словами промовляе:
— Хозяйко моя Рейзю,
— Якои то я на Украині слави заживавъ:
— Що мене козакъ украинський ще й вельможнымъ паномъ
називавъ! —
Ще жъ и тимъ жиди не сконтентували,
Що три річки въ откупъ закупляли,

Одна річка Копрочка,
Друга річка Гнилобережка
А третя — за Дніпромъ Самарька;
Що мавъ би чоловікъ пійти да риби піймати,
То ще вінъ до річки не добігае,
Уже вінъ жидові за откупъ найкрасче обіщае.
Ще-жъ и тимъ жидове не сконтентували,
Где була яка річка велика, мости въ откупъ забрали,
Отъ верхового по два шаги брали,
А отъ пішого по шагу,
А отъ бідного старця що вінъ випросить
То отбирали пшоно и яйця.
Якъ то бувъ панъ Хмелницький житель чигиринський,
Козакъ лейстровий, писарь військовий;
Якъ вінъ сее зачувавъ,
То указъ писавъ, императору до рукъ подававъ,
А императоръ указъ писавъ,
Въ Черкаси до рукъ подававъ,
А панъ Хмелницький житель чигиринський,
Козакъ лейстровий, писарь військовий,
Якъ того указа до рукъ доставъ,
На рынокъ вихожае, знамена виставляе,
Друзівъ-панівъ молодцівъ на грець выкликае:
— Друзі, панове молодці, охотники, броварники,
— Годі вамъ по броваряхъ пива варити,
— По винницяхъ да й по провальляхъ валятися;
— Да идіть ви жидівъ да ляхівъ зъ Украини згоняти,
— То будете ви собі мать
— Хоть на три дні хорошенько по козацьки погулять! —
Якъ почали друзі панове молодці - жидівъ да ляхівъ зъ Украини зганяти,
То въ которого не було дранои невірнои кожушини,
Той той надівъ жидівськи кармазини.
То вони собі хорошенько по козацьки похожали,

Та ще й по карманахъ срібні гроши мали.
Ще жъ то рано-пораненьку въ середу,
Якъ занявъ панъ Хмелницький попередь-себе жидівъ череду:
Которі жиди шабашували,
А которні до города польского утікали.
«Вже жъ ти, рабине Мошку, бери на візъ дошку,
«А ти, Срулю, бери порохъ да пулю,
«А ти, Чую, бери рушницю,
«А ти, Гершку, бери підгерстя,
«А ти, Ёсю, бери на поготову осю,
«А ти, Шмулю, бери друччя да двило,
«А ти, Ицикъ, бери бицикъ,
«Да будемо коні поганяти,
«Да будемо отъ пана Хмелницького до города польского втікати.
А якъ бувъ собі жидъ — старий Хвайдишъ,
Да мавъ собі крамъ: шпильки да голки,
А третіі люльки,
Да и той у клунки склавъ да за нами біжавъ пішки;
И той старість свою потерявъ —
Отъ пана Хмелницького утікавъ,
И той панові Хмелницькому ще й голими пъятами накивавъ.
А якъ у польске городъ убралися,
Да стали жиди Меёра на підслухи висилати;
Чи ще жъ то далеко панъ Хмелницький зъ війскомъ прибувае?
А жидокъ Меёрко зъ глузду спавъ,
Да ледве вінъ и самъ до города польского припавъ.
А панъ Хмелницький житель чигиринській,
Козакъ лейстровий писарь військовий,
До польского города прибувавъ,
Да старими жидами оравъ,
А жидівками бороновавъ,

А которі були малі діти, то вінъ ихъ кіньми порозбивавъ.
Якъ узяли зъ польского города втікати,
Якъ узяли свого рабина Мошку проклинати:
«Богдай ти Мошку счастя-долі не мавъ
«Якъ ти по-багато на Вкраині откупу бравъ!
«А якъ би ти, Мошку,
«Да бравъ на Вкраині откупу по-трошку,
«То мы бъ на Вкраині проживали,
«То насъ би козаки украинськи вельможними панами величали».
А якъ-то бувъ жидъ Янкель,
То вінъ коло школи похожае,
Да по школі плаче-ридае:
«Школо наша, школо богомілнице,
«Вже намъ у тобі не бувати,
«И тебе не продавати,
«За тебе грошей не брати
«И въ карманъ не ховати,
«Треба тебе на Вкраині покидати,
«Да ще въ тебе будуть козаки украинськи,
«Да ще будуть въ тебе нескребені свині заганяти».
Якъ стали отъ польского города до Случи річки прибувати,—
То панъ Хмелницький житель чигиринський,
То вінъ ночей не досипляе,
Коло Случи річки ляхівъ и жидівъ доганяе.
Скоро догнавъ у вечері пізно,
И тамъ стало повернутися тісно.
И тамъ до нихъ прибувае,
Ще на козаківъ гукае, словами промовляе:
«Друзі, панове молодці! до Случи річки прибувайте,
«Жидівъ да ляхівъ у пень рубайте,
«И до ихъ по козацьки словами промовляйте:
«Жиди да ляхи примічайте,
«О то буде по той бікъ Случи ваше,

«А по сей бікъ буде пана Хмелницького й наше!»
Якъ почали жиди да ляхи съ паномъ Хмелницькимъ споляться,
Що бъ пополамъ пива наварити,
То вже жъ то бували лядськи дрова,
А Хмелницького вода,
То бувъ жидівський ячмінь,
А Хмелницького хміль...
То якъ пива наварили,
Тогді Хмелницькому славу на віки сотворили!
Да хотя жъ то бувъ панъ Хмелницький житель чигиринський,
Козакъ лейстровий, писарь військовий,
Лицарь добрий
Да померъ...
А тільки его слава козацька-молодецька не вмре не поляже.
То буде вона славна між ду друзями-молодцями,
Отъ нині й до віку.
Даруй, Боже, всему миру живому и намъ на здоровье,
Да на многі літа,
Отъ нині й до віка!

(Запис. въ Жаботинѣ Ѳ. Шангаемъ, помѣщена въ изданіи: Историческія пѣсни малорусскаго народа. Кіевъ, 1874 г.)

Желтоводская битва.

Чи не той то хмель, шчо коло тичинъ вьеться?
Гей то Хмельницькій шчо зъ ляхами бьеться.
Гей поіхавъ Хмельницькій и къ Жовтому броду:
Гей не одинъ ляхъ лежить головою въ воду.
«Не пий, Хмельницькій, дуже той жовтои води:
Иде на тебе ляхівъ сорокъ тисячъ хорошои вроди».
—А я ляхівъ не боюся и гадки не маю;
За собою потугу великую знаю;
Ище и Орду за собою веду,
А все, вражи ляхи, на вашу біду.
Утікали ляхи, погубили шуби;
Гей не одинъ ляхъ лежитъ вищеривши зуби.
Становили ляхи дубовии хати, —
Прийдеться ляшенькамъ у Польщу втікати.
Утікали ляхівъ де-якии повки,
Ляхівъ іли собаки и сіри вовки.
Гей тамъ поле, а по полю цвіти;
Не по однімъ ляху заплакали діти!
Гей тамъ річка, річка, черезъ річку глиця,
Не по однімъ ляху зосталась вдовиця.

(Максим. Сбор. Укр. пѣсень).

Желтоводская битва.

Ой то ляхи гайдамахи Вкраину зрубали;
Течуть річки кервавиі темними лугами.
— Ступай, коню, підо мною широко ногами,
Идуть ляхи гайдамахи въ погоню за нами. —
Летить орелъ по надъ хутіръ а въ повітру вьеться,
Ой тамъ, ой тамъ бідний козакъ зъ поляками бьеться,
Ой годі вамъ, вражи ляхи, руську крівю пити —
Не еденъ ляхъ молоденький посиротивъ діти!

(Записана г. Волошнюкомъ въ Підгірбѣ въ Станиславовскомъ округѣ въ Галичинѣ. Напечатана въ изданіи: „Историческія пѣсни Малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Издатели считаютъ эту пѣсню относящеюся къ эпохѣ Желтоводской битвы).

Желтоводская битва.

(1648).

Висипався хмель изъ міха
И наробивъ ляхамъ лиха;
Показавъ имъ розуму,
Вивернувъ дідчу думу.
До Жовтоі водиці
Наклавъ имъ дуже хмелниці:
Не могли на ногахъ стати —
Волили утікати.
Гетманчику, небоже,
Не туди на Запороже!
Не найдешъ гараздъ шляху
У Сидоровімъ байраку.
Чи не ти, Степанку сараче, (?)
Одъ козаківъ бравъ гарачи,
Не ти сь бравъ имъ хутори?
Есть инші теперъ пори!
Одже побірки прокляті
Підъ Очаковомъ узяті.
И по пастуши тебунці,
Приіхали къ вамъ ординці.
Не утікай же ляху,
Зъ самого перестраху;

Вождай юнаківъ въ табори,
Готуй деньги за хутори;
Южъ не будешъ ихъ хати
Поганьцямъ оддавати,
Не будешъ пересудівъ брати,
А ні ихъ воювати.
Милішъ вамъ жиди збойці,
Ніжъ запорозці молодці!
Хоть же маете кримчуки—
Дайтежъ имъ теперъ кожухи.
Отъ же Хмельницький може!
Помогай ему, Боже,
Тихъ куркоідівъ бити,
И жидівъ не живити.
Южъ утікаютъ зъ валівъ,
Бояться самопалівъ;
Волють татарськоі юки,
Нижъ козацькои пуки.

(Изъ рукоп. XVII в.)

Горесть паньи Потоцкой.

Засвистали козаченьки въ походъ зъ-полуночи,
Заплакала Марусенька свои чорні очи.
— Не плачъ, не плачъ, Марусенько, возьмемъ тя съ тобою,
— Якъ будемо виїзжати въ чужую сторону.
«Ой, ідь да ідь мій миленький, да не забавляйся,
«На конику вороненькімъ назадъ ворочайся!»
— Ой Богъ знае Богъ відае, чи я повернуся,
— Кінь вороний на подвірью чогось испиткнувся! —
Ой шли ляхи на три шляхи дороги питали,
«Сли сюда козаки й шли, чи ви не видали? —
Всі поляки які йшли по три коні мали,
Хвалилися полячоньки, що вни звоювали:
«Ми підемо, пане брате, козаківъ рубати,
«А якъ прийде зла година, будемъ утікати.
Росплачеться розтужиться Потоцькаго жона:
«Чи я жъ тобі, панъ Потоцький, давно не товкла?
Давно уже ти, Потоцький, зъ козаки воюешъ,
Ти козаківъ не звоюешъ, свою силу згубишъ!

(Чт. Моск. Общ. Истор. и Древн. 1863. III. 25. Историч. пѣсни малор. народа, съ объясненіями Антоновича и Драгоманова, стр. 38).

Корсунская битва.

(1648).

Ой обізветця панъ Хмельницькій,
Отаманъ-батько Чигиринський:
«Гей друзі молодці
Браття козаки запорозці,
Добре дбайте, барзо гадайте,
Изъ ляхами пиво варити зачинайте.
Лядський солодъ, козацька вода;
Лядські дрова, казацькі труда».
Ой зъ того пива
Зробили козаки зъ ляхами превеликее диво.
Підъ городомъ Корсунемъ вони станомъ стали,
Підъ Стеблевомъ вони солодъ замочили,
Ще й пива не зварили,
А вже козаки Хмельницькаго зъ ляхами барзо посварили.
За ту бражку
Счинили козаки зъ ляхами велику драчку;
За той *молотъ*
Зробили ляхи съ козаками превиликий колотъ;
А за той незнать—який квасъ
Не одного ляха козакъ, якъ-би скурвого сина за чуба трясъ.

Ляхи чогось догадались,

Відъ козаківъ чогось утікали,
А козаки на ляхівъ нарікали:
Ой ви ляхове,
Пеські синове!
Чомъ ви не дожидаете,
Нашого пива не допиваете?»
Тогді козаки ляхівъ доганяли,
Пана Потоцькаго піймали,
Якъ барана звязали,
Та передъ Хмелницького гетьмана примчали:
«Гей пане Потоцький!
Чомъ у тебе й досі розумъ жіноцький?
Не вмівъ ти еси въ Камянськімъ Подільці пробувати,
Печеного поросяти, курицi съ перцемъ та зъ шапраномъ
уживати,
А теперъ не зумієшъ ти зъ нами, козаками, воювати
И житнеі соломахи зъ тулузкомъ уплітати.
Хиба велю тебе до рукъ кримському хану дати,
Щобъ навчили тебе кримці нагаі сироі кобилини жовати!»
Тогді ляхи чогось догадались,
На жидівъ нарікали:
«Гей ви, жидове,
Поганськи синове!
На що-то ви великий бунтъ, тревоги зривали,
На милю по три корчми становили,
Великиі мета брали:
Відъ возового —
По пів-золотого,
Відъ пішого — по два гроши,
А ще не минали й сердешного старця —
Відбірали пшоно та яйця!
А теперъ ви тиі скарби збірайте
Та Хмельницького іднайте;
А то, якъ не будете Хмелницького іднати,

То не зарікайтесь за річку Вислу до Полонного прудко
тікати».

Жидове чогось догадались,
На річку Случу тікали.
Которі тікали до річки Случи,
Ті погубили чоботи й онучи;
А которі до Прута,
То була відъ козаківъ Хмельницького доріженька барзо крута.
На річці Случі
Обломили містъ идучи,
Затопили усі клейноди
И всі лядські бубни.
Которі бігли до річки Росі,
То зосталися голі й босі.
Обізветця первий жидъ Гичикъ,
Та й хапаетця за бичикъ.
Обізветця другий жидъ Шлема:
«Ой я жъ пакъ не буду на сабасъ дома!
Третій жидъ озоветця, Оврамъ—
«У мене невеликий крамъ:
Шпильки, голки,
Креміння, люльки.
Такъ я свій крамъ
У коробочку склавъ,
Та козакамъ пятами накивавъ [1]).
Обізветця четвертий жидъ Давидко:
«Ой брате Лейбо! уже жъ пакъ изъ-за гори козацьки ко-
рогви видко!»
Обізветця пятий жидъ Юдко:
«Нумо до Полонного утікати прудко!
Тогді жидъ Лейба біжить,
Ажъ живітъ дріжить;

[1]) Съ козаками пятами накивавъ.

Якъ на школу погляне,
Его серце жидівське зівяне:
«Эй школо жъ моя, школо мурована!
Теперъ тебе ні въ пазуху взяти,
Ні въ кишеню сховати,
Але жъ доведетця Хмельницького козакамъ на срачъ, на балаки покидати!»
Отсе, панове-молодці, надъ Полоннимъ не чорна хмара вставала;
Не одра паніи-ляшка удовою зосталась.
Озоветця одна пані-ляшка:
«Нема мого пана Яна!
Десь его звязали козаки, якъ-би барана,
Та повели до свого гетьмана»!
Озоветця друга пані-ляшка:
«Нема мого пана Кардаша!
Десь его Хмельницького козаки повели до свого коша».
Озоветця третя пані-ляшка:
«Нема мого пана Якуба!
Десь (узяли) Хмельницького козаки та либонь повісили его десь на дубі».

(Кулиша. Зап. о Юж. Руси, I томъ 223).

Варіантъ предъидущей думы.

(1648).

Ой обізветься панъ Хмельницький
Отаманъ батько Чигиринський:
«Гей друзі-молодці,
Браття козаки запорозці!
Добре знайте, барзо гадайте,
Изъ ляхами пиво варити затирайте!
Лядський солодъ, козацька вода;
Лядські дрова, козацькі труда».
Ой за тее пиво
Зробили козаки зъ ляхами превеликее диво;
Ой за той пивний молотъ
Зробили козаки зъ ляхами превеликий колотъ;
Ой за той пивний квасъ
Не одного ляха козакъ, якъ би скурвого сина, за чуба потрясъ.
Ой не верби-жъ то шуміли, и не галки закричали:
Тожъ-то козаки изъ ляхами пиво варить зачинали.
Ой обізветься перва пані ляшка:
«Нема мого пана Гриця!»
Де-сь поіхавъ дивиться,
Якъ буде козацьке пиво вариться!»
Ой обізветься друга пані ляшка: «нема мого пана Яна!

Де-сь извязали козаки якъ-би барана!»
Ой обізветься третя пані ляшка: «нема мого пана Якуба!
Ой Якубе, Якубе!
Де-сь тебе зъ Жовтоі Води, зъ быстроі річки Прута, и до віку не буде!»
Ой не чорна хмара надъ Польщою встала:
Тожъ-то не одна ляшка удовою стала!
Бо на праву середу
Заняли козаки ляхівъ такъ якъ-би череду.
Ой, которихъ гнали до Прута,
Була доріженька барзо крута;
Которихъ до Бузька,
Була доріженька барзо грузка;
Ті біжучи попотіли;
То кидали козакі ляхівъ у воду
Къ чортовій матері на прохолоду...
«Ой вей-миръ! обізветься перший жидъ Идько.
Уже-жъ-пакъ изъ-за гори козацькі корогви видко!»
Побігъ до школи швидко:
«Ой школо-жъ моя, школо!
Чи тебе продати,
Чи въ карманъ забрати,
А чи тому пану Хмельницькому
Отаману-батьку Чигиринському,
На срачъ подаровати?»
Ой обізветься другий жидъ Абрамъ.
«Ой я маю вельми дорогій крамъ:
Шпильки и голки,
Кремінья и люльки.
Ой я свій крамъ у коробочку склавъ,
Зъ козаками пятами накивавъ!»
Ой обізветься третій жидъ Шлема.
«Ой я-жъ-пакъ не буду на шабасъ дома!»

—

Гей, обізветься панъ Хмельницькій,
Отаманъ-батько чигиринській:
«Гей друзі-молодці,
Браття козаки запорозці!
Добре знайте, барзо гадайте,
Одъ села Ситниківъ до города Корсуня шляхъ канавою
перекопайте,
Потоцького поймайте,
Мені въ руки подайте!»
Гей Потоцький, Потоцький,
Маешъ собі розумъ жіноцький:
Не годишся-жъ ти воіовати?
Лучче-жъ тебе до пана Хмельницького оддати,
Сироі кобилини жовати,
Або житнеі соломахи бузиновимъ молокомъ запивати!

(Максим. Укр. думы 67).

Бѣгство польской шляхты изъ Украины.

Повіяли вітри все буйнии,
Пішли дворяне все смутнии.
Берегъ зъ берегами, а круча зъ кручами:
Тамъ дворяне проходили,
Кидають отчизну и свою дѣдизну,
Свои пасіки и левади.

(Зап. г. Носомъ въ Лубенскомъ уѣздѣ. Напечат. въ Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова, стр. 48).

Побѣдное торжество русскаго народа.

(1648—1649).

Честь Богу хвала! На віки слава війську дніпровому!
Щчо изъ Божой ласки загнали ляшки къ порту висляному.
А родъ проклятий жидівський стятий, чиста Украина,
А віра святая вцале (въ цѣлости) зостала—добрая новина!
И ти Чигирине, місто украинне, не меньшую славу
Теперъ въ собі маешъ, коли оглядаешъ въ рукахъ булаву
Зацного (знатнаго) Богдана, мудрого гетьмана, доброго молодця,
Хмельницького чигиринського, давного запорозьця.
Богъ бы указалъ и війську подалъ, аби имъ справовалъ,
Ажеби (чтобъ) покорнихъ одъ рукъ онихъ гордихъ аби справовалъ [1])
Учинижъ, Боже, всімъ намъ гоже, аби булавою...
Войсько тее славне всіму світу явно за его головою!

(Изъ рукописи XVII вѣка. Лѣтоп. Ерлича).

---

[1]) Вѣроятно было *рятовавъ*.

Торжество русскаго народа.

(1648—1649).

Розлилися круті бережечки гей гей по роздольлі,
Пожурились славні козаченьки гей гей у неволі,
Гей ви хлопці, ви добрі молодці, гей гей не журіться,
Посідлайте коні воронии гей гей садовіться.
Да поідемъ у чистее поле гей гей у Варшаву,
Да наберемъ червонои китайки, гей гей на славу,
Гей щобъ наша червона китайка гей гей не злиняла,
Да щобъ наша козацькая слава гей гей не пропала,
Гей щобъ наша червона китайка гей гей червоніла,
А щобъ наша козацькая слава гей гей не змарніла!
Гей у лузі червона калина гей гей похилилася,
Чого-сь наша славна Украина гей гей засмутилася?
А ми жъ тую червону калину гей гей да піднімемо,
А ми жъ свою славну Украину гей гей да розвеселимо!

(Записано Херсонской губерніи, Елисаветградскаго уѣзда въ д. Марьяновкѣ. Напечатано въ Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова стр. 50).

Плѣненіе польскихъ гетмановъ.

(1648).

Отъ такъ пиха наробила лиха коронному Потоцькому.
Отъ такъ була и тобі скрута польному Калиновському.
Отъ тамъ жолніре идіте сміло на зимовиско,
Въ Білогороді въ загороді майте становиско.
Нехай христіяне ваши подоляне пороспложують куры,
Шчо виловили виносили ваши дзюри (слуги).
А ви въ татарахъ въ тяжкихъ кайданахъ до смерти сидіте;
Якъ ми одъ васъ, такъ ви одъ насъ теперъ потерпіте.

(Изъ рукоп. XVII в. Лѣтоп. Ерлича)

Пѣсня о пораженіи Потоцкаго.

(1648).

Глянь обернися, стань а задивися, который маешъ много
Же ровний будешъ тому въ которого не маешъ ничого!
Бо той справуеть, шчо всімъ керуеть; самъ Богъ милостиве
Всі наши справи на своей шалі важить справедливе.
Глянь обернися, стань задивися, котрий високо
Умомъ літаешъ, мудрости знаешъ широко, глубоко!
Не попсуй мозгу, мудруй по-трошку, въ собі обачайся;
И тихъ рада не лиха, шчо ходять зъ-тиха, и тихъ поражайся.
Глянь обернися, стань задивися, который воюешъ,
Лукомъ, стрілами, порохомъ, кулями и мечемъ шírмуешъ!
Бо тежъ рицери и кавалери передъ тимъ бували,
Тимъ воевали, одъ тогожъ меча сами поумірали.
Глянь обернися, стань задивися, и скинь зъ сердця бути,
Наверни ока, который зъ Потока идеть ку Славуті (Днѣпру)
Невинниі души берешъ за уши, вольность одеймуешъ,
Короля не знаешъ, ради не дбаешъ, самъ собі сеймуешъ!
Гей, поражайся не запаляйся, бо ти рейментарюешъ,
Самъ булавою въ сімъ польскімъ краю, якъ самъ хочешъ керуешъ.
Мій Бога въ серцю, а не май въ-легце шляхетськои крови,

Бо світъ чорніеть, правда нищиеть, а все къ твоей волі.
Гей каштеляне, коронний гетьмане, потреба намъ чола,
Еще памятати и поглядати на задние кола.
Жони и діти где ся мають подіти нашии а потомъ,
Гди насъ молодці тие запорозьці набавять клопотомъ.
Глянь обернися, стань задивися, шчо ся діеть зъ-нами,
Поручниками и ротмистрами польскими синами.
Глянь обернися, стань задивися, видишъ людей много;
Чи ти воюешъ, чи имъ зголдуешъ—бо то въ рукахъ Бога;
Чини трактати, а кажи брати гроши за заслуги,
Бо то есть здавна заслуга славна запорозького люду [1]).

(Изъ рукоп. XVII в. Лѣт. Ерлича)

---

[1]) Какъ эта, такъ и послѣдующая пѣсня о Потоцкомъ — очевидно козацко-шляхетскаго произведенія.

Пѣсня о Потоцкомъ.

(1648).

Онъ глянулъ якъ звiръ, онъ крикнулъ якъ левъ на жолнiрскiи слова,
Острая якъ мiчъ, грубая якъ пiчъ була тамтая мова.
Заразъ синачка свого единачка шлеть на Жолтую Воду.
Тамъ на большую и на горшую собi и всiмъ шкоду.
Бо скоро стали ляхи подле Плавли, заразъ поскочили,
Хмельничики, ординчики обозъ заточили,
А скоро привернули, заразъ огорнули, роскопали моцнии вали,
Однихъ постреляли, другихъ порубали, третихъ живцемъ въ орду пооддавали.
На томъ не досить; миру не просить Потоцький здумалий (гордый),
На войну встае, штурми готуе, бо мiлъ (имѣлъ) встидъ немалий.
Хочеть битися, кривди мститися, подъ Корсунь вступаеть,
А за собою, якъ за свою волю, запорозьцiвъ потягаеть,
Тамъ же на полю всiмъ своимъ силу жолнерскимъ утрачае,
Стрельбу и штуки и всi ринштунки запорозьцямъ нажичае,
Турецькiе конi дрогие убiоры (уборы) оддае по неволи,
А самъ иде и иннихъ веде до татарськои неволi!

(Изъ рукоп. XVII вѣка. Лѣтоп. Ерлича).

Отправка польскихъ плѣнниковъ.

(1648).

Коториі прийшли Хмельницького аби піймали,
Сами въ неволю у султанську впали.
Поіхали бучно до Криму ридвани,
Зъ совітниками обое польскиі гетмани, —
А вози скарбовиі козакамъ зостали,
Абы зъ ихъ худобу свою полатали!
Хотіли ляхи зъ козаківъ славу мати,
Аже Богъ давъ тому, хто ся радъ смиряти.
Той вознесъ нині смиренныхъ русаковъ,
Гордихъ же съ престоловъ низложи поляковъ,
Богатихъ тщихъ въ рубищі одпусти до Криму,
Хотівшихъ руську вольность наклонить до Риму [1]).

(Изъ исторіи о презѣльной брани).

---

[1]) Послѣдніе четыре стиха — бурсацкаго произведенія.

Народное возстаніе.

(1648).

Ой почувайте и повідайте
Що на Вкраині повстало,
Що за Дашевимъ, підъ Сорокою
Множество ляхівъ пропало.
Ой бачишъ, ляше, якъ панъ Хмельницькій
На жовтімъ піску підбився!
Одъ насъ козаківъ, одъ насъ юнаківъ
Ні одинъ ляшокъ не скрився.
Ой бачишъ, ляше, якъ козакъ пляше
На сивімъ коні за тобою:
Тихъ рубить мічемъ, тихъ палить огнемъ,
А решту топить водою.
Ой пийте, ляхи, зъ калюжи води, води болотяниі,
А що пивали на тій Вкраині
Пива та меди ситниі.
Дивують пани, песькиі сини,
Що козакъ уживае,
Уживае козакъ щуку рибаху,
Ще зъ водою соломаху.
Ой чи бачъ, ляше, що по Случъ наше,
По Костяную могилу,

Якъ не схотіли, забунтовали
Тай утеряли Вкраину.
Ой нуже козаки нутежъ у скоки,
Побермося въ боки;
Загнали ляхівъ геть ажъ за Вислу,
Не вернуться и въ три роки!

(Записана авторомъ на Волыни).

Варіантъ предъидущей пѣсни.

Ой почувайте и повідайте
Що на Вкраині повстало,
Що за Дашовимъ підъ Сорокою
Множество ляхівъ пропало.
Перебийнісъ просить не много —
Сімсотъ козаківъ зъ собою [1]),
Рубае мічемъ голови зъ плечей,
А решту топить водою!
Ой пийте ляхи, водизъ калюжи вода болотянні,
А що пивали по тій Вкраині
Меди та пива ситнні.
Та по чімъ козакъ славенъ?
Наівся риби, и соломахи зъ водою,
Зъ мушкетомъ стане, а серце въяне,
А ляхъ одъ духу вмирае!
Ой чи бачъ, ляше, що панъ Хмельницькій
На жовтімъ піску підбився?
Семи козаківъ, добрихъ юнаківъ (!)
Та й за Вислою не скривсЯ.
Ой чи бачъ, ляше, що козакъ пляше,
На воронімъ коню за тобою?

[1]) Поютъ также: трохъ козаченьківъ зъ собою.

Ти, ляше, злякнешъ, изъ коня спаднешъ,
Самъ присиплешся землею.
Ой чи бачъ, ляше, що по Случъ наше,
По Костяную могилу.
Якъ не схотіли, забунтовали
Тай утеряли Вкраину.
Ой нависли ляхи, нависли
А якъ ворони на вишні,
Не попустимо ляхові Польщи,
Поки нашоі жизности!

(Кулиша. З. о Юж. Руси. Т. I. 271).

Перебийнісъ.

(1648).

Ой не розвивайся, ти зелений дубе,
Бо на завтра морозъ буде!
Ой не розвивайся, червона калино,
Бо за тебе, червона калино, не одинъ тутъ згине!
Ой лугами та берегами розвивалися віти:
«Хочуть тебе, Перебийносе, та ляшеньки вбити».
— Ой я-жъ ляхівъ, вражихъ жидівъ, я ихъ не боюся;
Бо я зъ ними ище по-лицарськи побьюся.
Бережися, та панъ Перебийнісъ, одъ темного лугу:
Иде ляхивъ сорокъ тисячъ — буде велика потуга!
Ой бережися, Перебийнісъ, відъ гори Шамати!
— Не боюся відъ гори Шамати;
Есть у мене козаченьки, одинъ буде сотню гнати.
Ой того Перебийнісъ зовсімъ й не гадае;
Веде коня въ нову станю, самъ въ курині гуляе.
Ой відсуне та панъ Перебийнісъ відъ ринку кватирку—
Ажъ бігають ляхи, якъ шашки, по ринку.
И ой крикнувъ же та панъ Перебийнісъ на джуру малого:
«Ой виводь, джуро, та виводь, малий, коня вороного,
А собі, джуро, й собі малий, старого гнідого;
Та підтягай, джуро, та підтягай, малий, тугенько попруги,

Й та підціляйся, джуро, підъ ляшенька потуга. (?)
Й ой та не вспівъ же й панъ Перебийнісъ на коника
сісти,
Якъ почавъ ляхівъ, вражихъ синівъ, на капусту сікти;
Ой якъ повернеться та панъ Перебийнісъ на правую
руку,
Й ажъ не вискочить його кінь вороненький изъ ляшського
трупу;
Ой повернеться та панъ Перебийнісъ на правое плече,
И ажъ назадъ його коня вороного кровавая річка тече,
Й ой якъ оглянеться та панъ Перебийнісъ на джуру ма-
лого,
Й ажъ кладе джура, кладе малий, ще лучче відъ його.
Й ой уже-жъ догнали ляхівъ, вражихъ синівъ, та до річки
Жулини, —
Й ой уже ляхи, вражи сини, джуру й уловили;
Й ой стали джурі й та пальци крутити:
«Скажи, джуро, скажи, малий, й та чімъ Перебийніса вбити?»
— «Й ой відріжте й або відірвите й та срібного кгудзя,
Й то чи не вбьете або чи не скараете вірного мого друзя».
— Й ой не схотівъ же ти мені, хлопку, хлопкувати, —
Й будешъ же ти ляхамъ стадо напувати.
«Й ой радъ би я тобі, пане Перебийнісе, хлопкувати,
Та угнались ми далеко за ляхами, й доведеться погибати.

(Метл. 402).

Варіантъ предъидущей пѣсни.

Ой не шуми луже дуже, и ти зелений дубе!
Бо підъ тобою, зелений дубе, вся баталия буде!
Ой за лугами, за берегами зхилилися віти,
Засідають вражи ляхи Перебийніҫа вбити.
«Ой я ляхівъ, ой я панівъ — не боюся.
«Еще въ мене кінь буланий — зъ ляхами побьюся!»
Ой якъ же поіхавъ козакъ Перебийнісъ до куми риби
 істи,
Ажъ прибігають зъ підъ Дашева препогані вісти.
Ой якъ гляне козакъ Перебийнісъ у кватирку, —
Ажъ бігають ляхи, вражи сини, якъ шашки по ринку;
Ой якъ крикне козакъ Перебийнісъ на джуру малого:
«Ой сідлай, джуро, ой сідлай, малий, мині буланого,
Собі-жъ сідлай другого гнідого старого;
Та підтягай, малий джуро, та попруги стуга,
Бо буде-жъ намъ, малий джуро, велика потуга».
Ой не вспівъ же та козакъ Перебийнісъ та на коня
 спасти,
Якъ узявъ ляхівъ, вражихъ синівъ, у снопи класти;
Ой якъ оглянеться козакъ Перебийнісъ та на лівее плече—
Ажъ изъ-підъ Дашева та до Волохова крівавая річкатече;
Ой оглянеться та козакъ Перебийнісъ та на правую руку—

Ажъ не вискочить його буланенький изъ-підъ лядського трупу.
Ой оглянеться козакъ Перебийнісъ та на джуру малого—
Ажъ кладе джура, кладе малий, ще лучче за нього.
«Ой поідьмо, малий джуро, та на Сорочу могилу;
Одвідаемъ, джура малий, вражу лядську силу».
Не вспівъ козакъ Перебийнісъ та до могили доіхати,
Якъ узявъ джура, та узявъ малий, пистолі заряжати;
Ой не вспівъ козакъ Перебийнісъ на могилу зъіздити,
Якъ узявъ джура, та узявъ малий, зъ пистолівъ палити...
Й ой теперъ же ляхи, й ой теперъ же пани, ви слави зажили,
Що неживого Перебийніса підъ могилою положили.

(Метл. 400).

ГАЙДАМАКИ.

Пані Марусенька.

(1648—1649).

Ой горе, горе, несчастная доле!
Изорала Марусенька мислоньками поле,
Каріми очіма та й заволочила,
Дрібними слізоньками все поле змочила!
Ой по горі по високій та яра пшениця,
А по луці, по зеленій, шовкова травиця,
А по тій же по травиці два козаки ходять,
Та вороних коней водять, не добре говорять:
«Ой поідемъ, пани братці, до Марусі въ гости!»
А въ тіеи Марусеньки весь двіръ на помості.
Приіхали до Марусі два козаки въ гості.
Одинъ козакъ край ворітець кониченька въяже,
Другий козакъ підъ віконцемъ добри-вечіръ каже.
— Добри вечіръ, Марусенько чи его мосць дома?
— Нема пана дома, поіхавъ на лови. —
«Марусенько пані! вийди хочъ самая!» —
Марусенька пишна въ черевичкахъ вийшла,
По світлоньці иде, ажъ світлонька гуде,
Въ сінечки вступила, на порозі стала,
На порозі стала, коника пізнала.

— «Не есть ви, козаки, есть ви гайдамаки!
— Що ви мого пана молодого забили!»
«Марусенько пані! Почимъ ти пізнала?»
— Бо я свого пана коника признала.
«Неправдоньку, пані, неправдоньку кажешъ,
«Неправдоньку кажешъ, нещире говоришъ.
«Ой ми въ его мосці коника купили,
«Зъ глибокій криниченьки могоричъ запили,
«На гниленькій колодочці гроши полічили.
«Ой суть тому свідки зелені дубочки,
«Схилили дубочки верхи до купочки».
Якъ взяли Марусеньку лугами-ярами,
Та повезли Марусеньку битими шляхами,
Привъязали Марусеньку до сосни плечима,
До сосни плечима, въ темний лугъ очіма.
Запалили сосну зъ верху до коріня.
Сосенка горить, Маруся кричить.
Уже иі біле тіло та й попеломъ сіло,
Уже иі руса коса до гори димомъ пішла.

(Записана авторомъ на Волыни)

Збаражская осада. *)

(1649).

Ой що то за хижка
Тамъ на виріжку:
Виступцемъ,
Пане Вишневецький,
Воеводо грецький, (?)
Та виведи танчикъ
По-німецьки.
Підъ тою хижкою
Пани сиділи,
Виступцемъ и пр.
Пани сиділи,
Собакъ лупили,
Виступцемъ и пр.
Ножи поламали,
Зубами тягали,
Виступцемъ,
Пане Вишневецький,
Воеводо грецький (?)
Та виведи танчикъ
По-німецьки.

---

¹) Пѣсня эта, какъ видно, пародія на хороводную малорусскую пѣсню.

Ой тамъ на виріжку
Поставлю я хижку
Виступцемъ
Тихо йду
А вода по каміню
А вода по білому
Ище тихше.

(Записана авторомъ въ Воронежской губерніи).

Варіантъ предъидущей пѣсни.

Ой тамъ на моріжку,
Поставлю я хижку,
Роступпця...
Роступця, пане Кременецький,
Воевода кгрецький,
Да виведу танчикъ
Сама молоденька
По-німецьки!
Ой у тій же хижці парубки сиділи
Парубки сиділи ножики гострили
Роступця и т. д.

Запис. въ борз. уѣздѣ г. А. Маркевичемъ. Въ этомъ варіантѣ вѣроятно случайно имя Вишневецкаго преобразилось въ Кременецкаго.

3-й варіантъ той же пѣсни.

Поставлю я хижку,
Тамъ на виріжку
Виступцемъ
Тихо йду
А вода по каміню
А вода по білому,
Ище тихше.
Засвічу свічу
Піду черезъ річку,
Виступцемъ и пр.
Ой у тій хижці парубочки сидять
Постольці мостють
Виступцемъ
Пане Вишневецький,
Воеводо кгрецький,
Да виведу танчикъ
Сама молоденька
По-німецьки!

Запис. Метлинскимъ въ Острогожск. уѣздѣ, Воронежской губерніи.

Еще четвертый варіантъ той же пѣсни.

Тупъ тупъ пане Кременецький
Заведи намъ танчикъ, а все по-німецьки,
Що уступю, то улупю
Сухого деревця...
Накладу вогникъ,
Наварю кашки
А що въ тій кашці?
Жабъяча лапка.
Хто жъ иі буде істи?
Парубки, парубки.
Накладу вогникъ,
Наварю кашки.
А що въ тій кашці?
Лижечка масла.
Хто-жъ иі буде істи?
Дівочки, дівочки.

(Зап. г. Кумановскимъ въ Станиславовскомъ повѣтѣ въ Галичинѣ). Всѣ эти варіанты напечатаны въ изданіи: „Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова. т. II. стр. 52—55. Тамъ помѣщены и соображенія, побуждавшія объяснителей признать эти пѣсни соотвѣтствующими осадѣ Збаража въ 1649 году.

Походъ въ Молдавію.

Дума.

(1650).

Якъ изъ низу, изъ Дністра тихій вітеръ повівае,
Богъ святий знае, Богъ святий и відае,
Що Хмельницький думае-гадае.
Тогді-жъ то не могли знати ні сотники, ні полковники,
Ні джури казацькиі,
Ні мужи громадськиі,
Що нашъ панъ гетьманъ Хмельницький,
Батю Зиновъ Богдану Чигиринський,
У городі Чигрині задумавъ, вже й загадавъ:
Дванадцать паръ пушокъ впередъ себе одіславъ,
А ще самъ зъ города Чигрина рушавъ;
За имъ козаки йдуть
Яко ярая пчола гудуть;
Который козакъ не міе въ себе шаблі булатноі,
Пищалі семипьядноі,
Той козакъ кий на плечи забирае,
За гетьманомъ Хмельницькимъ у въ охотне військо поспішае.
Оттогді-жъ то, якъ до річки Дністра прибувавъ,

На три части козаківъ переправлявъ,
А ще до города Сороки прибувавъ,
Підъ городомъ Сорокою шанці копавъ,
У шанцяхъ куренемъ стоявъ;
А ще одъ своіхъ рукъ листи писавъ,
До Василия Молдавського посилавъ,
А въ листахъ приписувавъ:
«Эй Василию Молдавський,
Господарю Волоський!
Що теперъ будешъ думати й гадати:
Чи будешъ зо мною биться?
Чи мириться?
Чи города свої Волоськи уступати?
Чи червінцями полумиски сповняти?
Чи будешъ гетьмана Хмелницького благати?...»
Тогді-жъ то Василий Молдавський,
Господарь Волоський,
Листи читае,
Назадъ одсилае,
А въ листахъ приписуе:
«Пане гетьмане Хмелницький,
Батьку Зиновъ Богдану Чигринський!
Не буду я зъ тобою ні биться,
Ні мириться,
Ні городівъ тобі своихъ Волоськихъ уступати,
Ні червінцями полумисківъ сповняти:
Не лучче-бъ тобі покориться меншому,
Не нужли мині тобі старшому?»
Оттогді-жъ то Хмельницькій, якъ сиі слова зачувавъ,
Такъ вінъ самъ на доброго коня сідавъ,
Коло города Сороки поіжжавъ,
На городъ Сороку поглядавъ,
Ище стиха словами промовлявъ:
«Эй городе, городе Сороко!

Ще ти моимъ козакамъ дітямъ не заполоха.
Буду я тебе доставати,
Буду я зъ тебе великиі скарби мати,
Свою голоту наповняти,
По битому тарелю на місяць жалования давати».
Оттогді-то Хмельницький якъ похваливсь,
Такъ гараздъ добре й учинивъ:
Городъ Сороку у неділю рано задобидде взявъ,
На ринку обідъ пообідавъ,
Къ полудній годині до города Сичави припавъ,
Городъ Сичаву огнемъ запаливъ
И мечемъ испиіндровавъ.
Оттогді-то иниі сичавці гетьмана Хмельницького у вічи
не видали,
Усі до города Ясы повтікали,
До Василя Молдавського истиха словами промовляли:
«Эй Василю Молдавський,
Господарю нашъ Волоський!
Чи будешъ за насъ одностайне стояти?
Будемъ тобі голдовати;
Коли-жъ ти не будешъ за насъ одностайне стояти,
Будемъ иншому пану кровъю вже голдовати».
Оттоді-то Василь Молдавський,
Господаръ Волоський,
Пару коней у колясу закладавъ,
До города Хотині одъіжджавъ,
У Хвилецького копитана станціею стоявъ.
Тогді-жъ то одъ своихъ рукъ листи писавъ,
До Ивана Потоцького, кроля Полського, посилавъ:
«Эй Ивану Потоцький,
Кролю Полський!
Ти-жъ бо то на славній Украині пъешъ, гуляешъ,
А объ моій ти пригоді ничого не знаешъ;
Що-жъ то въ васъ гетьманъ Хмельницький, русинъ,

Всю мою землю Волоську обрушивъ,
Все мое поле копьемъ изоравъ,
Усімъ моимъ волохамъ, якъ галкамъ,
Зъ плічъ головки познімавъ;
Де були въ полі стежки, доріжки—
Волоськими головками повимощувавъ;
Де були въ полі глибокиі долини—
Волоською кровъю повиповнювавъ».
Оттогді-то Ивану Потоцькій,
Кролю Полський,
Листи читае,
Назадъ одсилае,
А въ листахъ приписуе:
«Эй Василию Молдавський,
Господарю Волоський!
Коли-жъ ти хотівъ на своій Украині проживати,
Було тобі Хмельницького у вічниі часи не займати;
Бо дався мині гетьманъ Хмельницький гараздъ добре знати:
У первій войні
На Жовтій Воді
Пятнадцять моихъ лицарівъ стрічавъ,—
Невеликий имъ одвітъ оддавъ:
Всімъ, якъ галкамъ, съ плічъ головки поздіймавъ;
Трохъ синівъ моихъ живцемъ узявъ,
Турьскому салтану въ подарунку одіславъ;
Мене, Ивана Потоцького
Кроля Полського,
Три дні на прикові край пушки державъ,
А ні пить мині, ні істи не давъ.
То дався мині гетьманъ Хмельницький гараздъ добре знати,
Буду його во вікъ вічний памятати!»
Оттогді-то Хмельницький померъ,
А слава його козацька не вмре не поляже.
Теперешнього часу, Господи, утверди и подержи

Люду царського
И всімъ слушащимъ,
И всімъ православнимъ християнамъ,
Сьому домодержавцю,
Хозяину й хозяйци,
Подай, Боже, на многа літа!

(Метл. 391).

Варіантъ предъидущей думы.

(1650).

Изъ низу Дніпра вітеръ віе, повівае:
Військо козацьке у походъ виступае.
Тільки Богъ святий знае,
Що Хмелницький думае, гадае!
Объ тимъ не знали ні сотники,
Ні отамани куренниі, ні полковники;
Тільки Богъ святий знае,
Що Хмелницький думае, гадае!...
Якъ до Дністра прибували,
Черезъ три перевози переправу мали;
Самъ Хмелницький напередъ всіхъ рушавъ,
До Хотиі прибувавъ, у старшого копитана на квартирі ставъ,
До Василя Молдавського листи посилавъ, словами промовлявъ:
«Що ти зо мною будешъ гадати,
Чи будешъ биться,
Чи будешъ мириться,
Чи на примирье будешъ пріймати,
Чи славнои Волощини половину отдавати?»
То Василий Молдавський тее зачувавъ,

До Потоцького листи посилавъ,
Словами промовлявъ:
«Гетьмане Потоцький,
«Що у тебе розумъ жіноцький:
«Ти за дорогими напитками бенкетами уганяешъ,
«Чомъ ти Хмелницького не еднаешъ?
«Вже почавъ вінъ землю кінськими копитами орати,
«Кровъю молдавською поливати!»
Тогді ляхи изъ города изъ Сочавы утікали,
Василю Молдавському знати давали;
То Василь Молдавський до Ясъ прибувае,
Словами промовляе:
«Ой ви Яси, мои Яси!
«Були есте барзо красні.
«Да вже не будете таки—
«Якъ прийдуть козаки»!
То панъ Хмелницький добре учинивъ,
Польщу засмутивъ,
Волощину побідивъ,
Гетьманщину звеселивъ!
Въ той часъ була честь-слава,
Військовая справа,
Сама себе на сміхъ не давала,
Неприятеля підъ ноги топтала!

(Максим. Укр. Думы 72).

Нечай.

Пѣсня.

(1651).

Та изъ-підъ лісу, изъ-підъ лісу, съ-підъ зеленого гаю,
Ой крикнули пани козаченьки: Утікаймо, Нечаю!
А Нечай того не думае, та Нечай не гадае,
А зъ кумасею изъ Хмелницькою медъ-вино кружае.
Ой поставивъ та Нечаенко та сторожу на місці,
А самъ пійшовъ до кумасеньки та щуки-риби істи.
Озирнеться—ажъ нема сторожи та стороженьки на місці;
Ой сівъ же та Нечаенко та щуки-риби істи,
Охъ и прилетіли до Нечаенка та не мудриі вісти:
«Охъ и же ти, та панъ Нечаенко, та медъ-горілку кружаешъ,
А вже твоій стороженьки та на місці немаешъ».
Ой крикнувъ та Нечаенко та на журу малого:
«Сідлай, журо, коня вороного, а підъ мене гнідого старого;
Ой підтягай, та малий журо, та попруги истуга:
Буде на ляхівъ, та на тихъ панівъ, та велика потуга!»
Охъ та не вспівъ та Нечаенко та на коня изсісти:
Задріжали въ коня вороного та ніженьки на місці,
Якъ поіхавъ та панъ Нечаенко та одъ башти до башти,

Охъ и ставъ панівъ, охъ и ставъ ляхівъ, та якъ снопики класти.
Озирнеться та Нечаенко та по лівую руку, —
Охъ не вискочить та кінь вороненький та изъ лядьского трупу.
Озирнеться та Нечаенко та на правее плече,—
А за нимъ річка крівавая та бистренькая тече.
Озирнеться та Нечаенко та на лівее плече, —
Ой полетіла та Нечаенку та головонька зъ плечей.
Та поздъіздджались та пани та стали сумовати:
Ой де-жъ бо намъ Нечаенкову головоньку сховати?
Ой сховаймо його головоньку а де церковъ-Варвара,
Ой щобъ розійшлась по усьому світу Нечаенкова слава!

(Метл. 403).

Варіантъ той же пѣсни.

Ой зъ-за гори, та зъ-за зеленои та зъ-за камянои,
Ой якъ крикнуть усі козаченьки: тікай, тікай Нечаенку!
А нашъ Нечаенко козакъ молоденький ні думае ні гадае,
А зъ кумою зъ пані Хмельницькою та медъ-вино кружае.
Ой не вспівъ же панъ Нечаенко за скамницю сісти,
Ой одсуне всю оболоночку, ажъ усі ляхи въ місті.
Ой якъ крикнувъ та панъ Нечаенко та на хлопка малого:
«Сідлай мені, хлопку, та сідлай мені, малий, та коня вороного,
«Та підтягай, хлопку, да підтягай, малий, та попруги стугенько,
«Ой щобъ було мені воювати зъ ляхами легенько».
Ой не вспівъ же панъ Нечаенко на коника сісти,
А взявъ ляха, прескурвого сина, на капусту сікти,
Ой не вспівъ же панъ Нечаенко на коника впасти,
А взявъ ляха, прескурвого сина, та якъ снопиківъ класти.
Ой якъ гляне панъ Нечаенко на правую руку, —
Не вирветься мій кінь вороненький та изъ ляцького трупу.
Коли гляне а панъ Нечаенко та на лівее плече,
Ажъ назадъ коня и попередъ коня крівавая річка тече.
Ой збіралися славні козаченьки въ Нечаеви палати,
Та вони стали думать, стали и гадати
Где Нечая поховати.
Ой поховали пана Нечаенка та въ Кіеві крій Варвари,
Коли заживъ панъ Нечаенко та козацькои слави!

(Историч. пѣсни малорусск. народа съ объясненіями Ант. и Драг. т. II. стр. 69, изъ рукоп. сборника Чубинскаго и Новицкаго).

Варіантъ той же пѣсни.

Відъ темного лісу до зеленого гаю,
Ой крикнули козаченьки: — утікай Нечаю! —
«Не треба втікати, не треба сі бояти,
«Тое слово козацьке підъ ноженьки взяти!»
— Я тебе Нечаю, не обезпечаю,
— Припни шаблю въ лівімъ боці для свого звичаю.
Ой на те Нечай козакъ нічого не вважае,
Но съ кумою Ведельскою медъ-вино кружляе.
Ой сівъ собі козакъ Нечай суху рибу істи,
Оглянеся кватирою, а вже ляшки въ місті.
Подивився козакъ Нечай въ кватиру очима,
Ой вже ляшківъ сорокъ тисячъ стоить за плечима.
«Сідлай, сідлай, хлопче, коня вороного,
«Бо вже ляхівъ сорокъ тисячъ але ще не много!
Якъ зачавъ Нечай козакъ на стремель ніжки класти;
Взялися підъ коникомъ всі ніжки трясти.
«Эй стій, эй стій, коню, не бійся нічого,
«Не доступай підковами землі підъ собою!»
Переіхавъ Нечай козакъ відъ брами до брами,
Сколотивъ ляшеньками якъ вовкъ вівцями,
Переіхавъ Нечай козакъ відъ башти до башти,
Ой взявъ вражи ляшки якъ сніпъ въ полю класти.
Ой спустився Нечай козакъ зъ гори на долину,

Влапивъ ёго панъ Потоцький зъ заду за чуприну.
Влапивъ ёго панъ Потоцький, взявъ ревидувати:
«Годі, годі, Нечай козакъ, ляшки воювати!
«А де жъ твоя, Нечай козакъ, молоденька жінка?»
— Ой Богъ знае, Богъ відае, може ще де дівка! —
«А де жъ твои, Нечай козакъ, дрібненькиі діти?»
— Ой Богъ знае, Богъ відае, де-сь пішли по світі! —
«А де жъ твои, козакъ Нечай, ворониі коні?»
— Ой зайняли вражи ляшки въ великімъ загоні! —
«Ой де жъ твои, Нечай козакъ, кованиі вози?»
— Ой зайняли вражи ляшки у густиі лози! —
«Я жъ тобі не виненъ, ни моя родина:
«Но тобі завинила твоя кума мила».

(Записанъ Петромъ Бѣлинскимъ въ Тарнопольскомъ округѣ, въ Галичинѣ въ 1865 г. Напечатанъ въ изданіи „Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова. т. II, стр. 66—68.

Варіантъ той же пѣсни.

— Ой зъ підъ гаю, гаю зеленого, пане Нечаенко,
— Вийшло ляхівъ сорокъ тисячъ війська; утікаймо, Нечаю!
Та того козакъ, та того Нечай, того не турае,
Та зъ Мельницькою все кумасею медъ-вино кружае.
Ой відсунувъ та панъ Нечаенко кватирку одъ ринку,
Ажъ іграють ляхи, ляськи пани, якъ орли по ринку.
— Та біжи, хлопко, та біжи, малий, відъ хати до хати,
— Та давай, хлопко, та давай, малий, козаченькамъ знати.
«Ой якъ мені, пане Нечаенко, а знати давати,
«Попилися наши козаченьки, полягали спати».
— Та сідлай, хлопко, та сідлай, малий, коня вороного,
— Ой мені та сідлай вороного, собі буланого. —
— Ой підтягай та малий хлопко, попруженьки стуга,
— Ой теперя мені молодому превелика потуга. —
Ой не вспівъ же та панъ Нечаенко на коника пасти,
Ой ставъ же вінъ ляхівъ, ляськихъ панівъ, якъ яшний сніпъ класти.
Ой не вспівъ же та панъ Нечаенко на коника сісти,
Ой ставъ же вінъ ляхівъ, ляськихъ панівъ, на капусту сікти.
Та оглянеться панъ Нечаенко на правее плече,
Позадъ ёго коня вороного крівава річка тече.
Якъ оглянеться панъ Нечаенко на правую руку,

Не вискоче єго кінь вороний изъ ляського трупу.
«Та швидко, швидко ти, малий хлопко, на коні буланому,
Мені давай коня буланого, собі вороного.
Якъ не даешъ коня буланого — дай води напиться,
Ой я самъ же буду изъ ляхами безъ козаківъ биться».
Не за великий часъ, не за великий часъ, за малу годину,
Ой покотилась Нечаенкова головка въ долину.
Ой стали та ляхи, ляськи пани думати-гадати:
Ой де сёго пана Нечаенка головку сховати.
Поховаймо пана Нечаенка де церква Варвара,
Ой щобъ пішла пана Нечаенка по всімъ світі слава.
Поховаймо-жъ пана Нечаенка де церква Микола, —
Нема, нема пана Нечаенка, не буде ніколи.
Отсе тобі, пане Нечаенко, відъ ляхівъ заплата:
Висипана висока могила, ще й дубова хата.

(Записанъ г. Манжурскимъ въ Вербовкѣ, Александровскаго уѣзда, Екатериносл. губ. Напечатанъ въ изданіи „Истор. пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова. II. стр. 71—73).

Варіантъ предъидущей думы.

(1651).

Не вспівъ та Нечай козакъ щуки-риби зъісти,
Якъ гляне въ оконечко — ажъ уже ляшкі въ місті.
Ой и крикнувъ та Нечай козакъ на хлопця малого:
«Сідлай хлопче, сідлай, малий, коня вороного,
А підъ мене старого гнідого!»
Ой не вспівъ же та Нечай козакъ на коника впасти, —
Почавъ ляшківъ, вражихъ синівъ, якъ снопиківъ класти...
Ой повернувъ та Нечай козакъ на правее плече, —
Тече річка та крівавая, що й конемъ не втече....
Ой бросився та Нечай козакъ зъ містечка.... утікати,
За нимъ, за нимъ та панъ Потоцький та почавъ здоганяти.
Ой побігъ же та Нечай козакъ въ полі на долину, —
Та исхвативъ панъ Потоцький Нечая ззаду за чуприну:
«Ой чи це той хміль, що по тину вьеться?
Чи це той Нечай козакъ, що зъ ляшками бьеться?
Годі тобі, хмелю, та по тину виться!
Годі тобі, Нечай козакъ, вражий сину, изъ ляшками биться,

. . . .

Збіглися козаченьки, стали раду радити:
Де його тіло поховати-похоронити?
Похоронили його тіло у польскімъ костьолі,
А сами козаченьки розійшлися по своій господі...
. . . .

(Метл. 404—405).

Варіантъ той же пѣсни.

(1651).

Ой зъ підъ холодноі зъ підъ криниченьки зъ зазеленого гаю,
Ой якъ крикнули славні запорожці: — А тікаймо Нечаю!
Козакъ Нечай, козакъ Нечаенко вінъ не дума, не гадае,
Держить коня при всёму наряді, медъ-горілочку кружае.
Якъ поставивъ козакъ Нечаенко стороженьку въ місті
А самъ пішовъ та до кумасеньки а щуки-риби істи.
Не вспівъ козакъ, не вспівъ Нечаенко за дубовий стілъ сісти,
Ой одсуне спідню кватирочку ажъ усі ляхи въ місті.
Ой якъ ударивъ та козакъ Нечай та объ стілъ булавою:
«Ой тутъ мені, козаку Нечаю, накладати головою!»
Та одсунувъ козакъ Нечаенко кватиру одъ ринку,
Ой грають ляхи, ще ляськи пани, якъ шашки по ринку.
Якъ вискоче козакъ Нечаенко на нове крилечко,
Ой якъ крикне козакъ Нечаенко на хлопа малого:
«Та сідлай, хлопе, та сідлай, малий, коня вороного,
«А підъ мене, та малий хлопе, старого гнідого.
«Ой та підтягай ти, малий хлопе, попруженьки стуга,
«Наступае сорокъ тисячъ війська — превелика потуга».
Ой не вспівъ же козакъ Нечаенко на коника сісти,

Та зачавъ ляхівъ, ще ляськихъ панівъ на капусту
сікти...
Не доскочивъ козакъ Нечаенко до дубового тинку,
Покотилась козака Нечая головка по ринку.
Ой збірались купці—господини та стали гадати, —
А де того козака Нечая головку сховати.
Поховаймо ёго головоньку въ церковці Покрові,
Не прійдеться козаку Нечаю воювать ніколи.
Поховаймо ёго головоньку въ церковці Пречистій;
Понісъ того козака Нечая воювать нечистий.

(Запис. въ слободахъ Лисичьей и Мурахвѣ Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Г. Манджурскимъ. Напеч. въ изданіи: Историч. пѣсни Малор. Нар. съ объясненіями Антоновича и Драгоманова II. стр. 73—75).

Варіантъ той же пѣсни.

(1651).

Ой учора да зъ півночи хмара наступае,
А козакъ Нечай изъ кумою Мелнецькою медъ-вино кружляють.
Ой поглянувъ та козакъ Нечай въ нову кватирочку:
Наїхало вражихъ ляшківъ повну й Паволочъ.
Ой гукнувъ же та козакъ Нечай та й на журашина:
«Та сідлай, журахъ, та сідлай, малий, коня вороного,
А підъ себе, та малий хлопче, та коня буланого.
Ой якъ ставъ же та козакъ Нечай на коня сідати,
Сталижъ тому коню вороному ніженьки дріжати.
Ой не вспівъ же та козакъ Нечай на коника спасти,
Якъ начавъ же тихъ вражихъ ляшківъ якъ снопиківъ класти.
Оглянувся та козакъ Нечай на правее плече,
Й а за нимъ за нимъ кровъ лядськая річеньками тече.
Оглянувся та козакъ Нечай на лівую руку,
Й а не вискочить кінь вороненький изъ лядського трупу.
Ой пустився жъ та козакъ Нечай до гаю втікати,
Й а за нимъ за нимъ панъ Потоцький козака доганяти.
Охъ якъ скочивъ та козакъ Нечай зъ горы та въ долину,
Й а за нимъ за нимъ панъ Потоцький козака й за чуприну.
Чи не той то хміль зелений що на тички вьеться,

Ой чи не це жъ той превражий синъ що зъ ляшками
бьеться?
Ой цежъ бо той хміль зелений що й на тички вьеться —
Ой цежъ бо той та козакъ Нечай, що зъ ляшками бьеться.
«Годі жъ тобі, вражий сину, та й такъ воювати,
Треба жъ твою кровъ козацьку зъ лядською змішати».
Ой глянула та ёго мати та й въ нову кватирку:
Й а й покотилась Нечаева головонька зъ плечей у долину.

(Записано въ мѣст. Паволочи Кіевск. губ. напечат. въ изд. Истор. пѣсни Малор. народа съ объясн. Антоновича и Драгоманова. II. 62—64).

Варіантъ той же пѣсни.

Ой у Краснімъ на ставочку туманъ осідае;
Чатовали козаченьки у зеленімъ гаю.
Ой поставивъ козакъ Нечай та сторожу въ місті,
А самъ пішовъ до кумоньки звінокъ риби зъісти.
Та вінъ засівъ коло стола, зъ-дрібна промовляе,
А зъ кумою изъ любою медъ-вино кружае.
Ой заржали кониченьки та посередъ гаю,
Кличе козакъ молоденький:—утікай, Нечаю!
— Якъ я маю, козакъ Нечай, звідси утекати,
— Славу свою козацькую марне потеряти!
«Стережися, мій Нечаю, студенои води:
«Иде ляхівъ хоть сто тисячъ хорошои вроди».
— А я козакъ запорожецъ ляхівъ не боюся:
— Ой маю я козаченьківъ тай оборонюся.—
«А я тебе, мій Нечаю, не убезпечаю:
«Держи собі шабелёчку та підъ опанчею».
— Кульбачъ, хлопче, коня собі, міні вороного,
— Иде ляхівъ хоть сто тисячъ еще то немного.—
Гей не встигъ же Нечаенко на коника всісти,
Оглянеться назадъ себе, а вже ляхи въ місті.
Ударився Нечаенько по полахъ руками:
Сюда гляне, туда гляне,—тече кровъ ріками!
Ой кинувся козакъ Нечай відъ башти до башти,

Ой зачавъ же вінъ тихъ ляхівъ якъ снопами класти.
Ой кинувся козакъ Нечай відъ брами до брами,
Оглянувся позадъ себе—тече кровъ ріками.
Ой спіткнувся козакъ Нечай на хміль на тичину,
Злапавъ ёго панъ Борейко зъ заду за чуприну.
«На день добрий, козакъ Нечай, якъ ся намъ тутъ маешъ?
«Що жъ ти собі лишъ погадавъ, вже въ рукахъ зістаешъ.
«А где жъ твоя, козакъ Нечай, хорошая жінка»?
— Ой у пана у гетьмана сидить якъ жидівка!—
«А где жъ твои, козакъ Нечай, хорошиі діти?»
— Ой у пана у гетьмана якъ ружові квіти!—
«А где жъ твои, козакъ Нечай, вороннії коні?»
— Ой за гаемъ, за Дунаемъ стоять на припоні!—
«А где жъ твои, козакъ Нечай, малёвані скрині?»
— Ой забрали то ті ляшки, що пасали свині.—
— А ви хлопці, та й молодці, поклоніться жінці,
— Поклоніться, перекажіть несчасній невісті: —
— Мае она сукні, мае, мае и блавати,—
— Нехай приізжае та Нечая изъ неволі викупляти.—
«Не хочемъ ми, козакъ Нечай, твоихъ суконъ ні блаватівъ,
«Тільки хочемо ми тебе на макъ порубати».
Чи не той-то хміль хмелевий, що въ меду купався,
Чи не той-то козакъ Нечай, що зъ ляхами грався?
Чи не той-то хміль хмелевий, що по тикамъ вьеться,
Чи не той-то козакъ Нечай, що зъ ляшками бьеться?
Не вважали вражи ляхи на хорошу вроду:
Драли тіло по кусочку, пускали на воду!

(Записанъ въ Золочевск. у. въ Галичинѣ. Напечат. вь Чт. Московск. Общ. Истор. и Древн. 1863. ч. III. стр. 3., потомъ въ изд. Историч. пѣсни малор. народа съ объясненіями Антонов. и Драгом. II. стр. 57—60.

Варіантъ той же пѣсни.

(1651).

Ой зъ за гори високои зъ підъ горного гаю,
Ой крикнули козаченьки: Утікай, Нечаю!
— Не бійтеся, не бійтеся пани атамани:
— Поставивъ я стороженьку усіми шляхами.
— Якъ я маю, козакъ Нечай, звідси утікати,
— Славу свою козацькую марне потеряти? —
«А я тебе, мій Нечаю, не убезпечаю:
«Держи собі коня въ сідлі для свого звичаю!»
— Ой е въ мене Шпакъ, Шпакъ — отто добрий хлопець,
— Ой той мені дае знати коли утікати. —
«А я тебе, мій Нечаю, не убезпечаю,
«Держи собі шабелечку да підъ опанчею!
«Коли прійдуть тебе ляхи, Нечаю, рубати,
«Що бысь ся мавъ, мій Нечаю, чимъ обороняти».
— Сідлай, хлопче, сідлай, малий, коня вороного,
— Та побіжи въ чисте поле, чи йде ляхівъ много? —
Вертаеться малий хлопець ажъ изъ Полонного:
«Иде ляшківъ сорокъ тисячъ тільки безъ одного».
А молодий козакъ Нечай на тое не дбае,
Та зъ кумою зъ Хмельницькою медъ-вино кружае;
Бо поставивъ козакъ Нечай три сторожи въ місті,

А самъ пішовъ до кумоньки щуку-рибу зісти.
Ой погляне козакъ Нечай за тихиі води,
Иде ляхівъ сорокъ тисячъ хорошои вроди.
Подивиться козакъ Нечай въ горишну кватирку,
Ходить ляшківъ вражихъ синівъ якъ курей по ринку.
— Эй я козакъ молоденький ляхівъ не боюся,
— Маю-жъ бо я козаченьківъ та й оборонюся! —
Ой якъ крикне козакъ Нечай на хлопця малого:
— Сідлай, хлопче, сідлай, малий, коня вороного,
— Сідлай мені вороного, собі буланого,
— Геть виріжемъ вражихъ ляхівъ, геть що до одного! —
Ой не встигнувъ козакъ Нечай на коника спасти,
Взявъ ляхами якъ снопами по два ряда класти.
Ой кинувся козакъ Нечай відъ дому до дому,
Та зложивъ же ляхівъ съ тисячъ зъ коней якъ солому.
Повернувся козакъ Нечай на лівее плече,
А вже зъ ляшківъ вражихъ синівъ кровъ ріками тече.
Повернувся козакъ Нечай на правую руку,
Не вискочить Нечаевъ кінь изъ ляцького трупу.
Ой удався козакъ Нечай до коня словами:
— Не доступай, кінь козацький, до землі ногами! —
Ой якъ стисне козакъ Нечай коня острогами,
За нимъ ляхівъ сорокъ тисячъ зъ голими шаблями.
Пошпотався підъ Нечаемъ коникъ на купинку,
Зловивъ ляшокъ, скурвий синокъ, ёго за чупринку.
Ой вдарився козакъ Нечай по полахъ рукою:
— Ой прійдеться розлучитись зъ дітьми и жоною! —
«А де-жъ твои, Нечаеньку, вороннi коні?»
— У гетьмана у польного стоять на припоні. —
«А де-жъ твои, Нечаеньку, кованиі вози?»
— Підъ містечкомъ Берестечкомъ заточені въ лози. —
«Ой де-жъ твои, Нечаеньку, дітоньки та жона?»
— Ой въ містечку Берестечку сидять собі дома.
— А котрий козаченько буде зъ васъ у місті,

— Поклоніться моей жінці, несчасній невісті:
— Нехай вона назбирае сребла злота досить,
— Нехай мене викупляе та й останку просить!—
Не хотіли вражи ляхи сребла злота брати,
А веліли Нечаенька въ дрібний макъ сікати.
— Гей, молоді козаченьки, котрий буде въ місті,
— Поклоніться матусеньці, несчасній невісті:
— Нехай вона, нехай плаче, а вже не виплаче,—
— Ой надъ синомъ, надъ Нечаемъ, чорний воронъ кряче.—
За часъ, за годинку, за малу хвилинку,
Качаеться Нечаева головка по ринку.
Ой не дбали вражи ляхи на козацьку вроду,
Рвали тіло по кавалку, пускали на воду.

(Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1863. III. 7—9. Истор. пѣсни малор. народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова. II. 55—57).

Варіантъ той же пѣсни.

(1651).

Не стій, дубе, край дороги при тихімъ Дунаю,
Бо йде ляхівъ сорокъ тисячъ,—утікай Нечаю!
А молодий козакъ Нечай на те не вважае,
Изъ кумкою Хильмицькою медъ-вино кружае.
«Стережися, козакъ Нечай, відъ бистрои води,
Иде ляшківъ сорокъ тисячъ хорошои вроди.
Стережися, Нечай козакъ, відъ жовтого мосту,
Бо йде ляшківъ сорокъ тисячъ хорошого зросту.
Стережися, Нечай козакъ, відъ крайнеи брами,
Наіхало ляшківъ-панківъ якъ чорнои хмари.
Стережися, Нечай козакъ, відъ крайнеи хати,
Бо йде ляшківъ сорокъ тисячъ—хотять тебе взяти».
Подивився козакъ Нечай въ горішню кватирку,
А вже ляшки походжують та по его ринку.
Ударився козакъ Нечай у стілъ головою:
— Кумко-жъ моя Хильмицькая пропавъ я зъ тобою.
Ударивши козакъ Нечай объ поли руками:
— Діти мои кумчинні, пропавъ же я зъ вами.
— А якъ крикну, а якъ свисну та на джуру свого,
— Сідлай джуро, сідлай джуро коня вороного,
— А підъ мене козака старого гнідого.

Ой не постигъ козакъ Нечай на коника сясти,
А взявъ ляшківъ сучихъ синівъ якъ снопики класти,
Подививси козакъ Нечай на правую руку,—
— Не вибреде мій коничокъ изъ ляцького трупу.
Подививси козакъ Нечай на правее плече,
За нимъ, за нимъ лядська кровце річеньками тече.
Ой узяли вражи ляхи джуру притомляти,
Взевси джурі маленькому коникъ потикати.
Взели джуру маленького цюркою крутити:
«Скажи, скажи, джуро малий, чимъ Нечая вбити?»
— Пани мои вельможнии! Нічимъ ёго не вбъете,
— Тілько кулевъ срібненькою підъ лівое плече. —
Пустилися вражи ляхи гудзики вривати,
На Нечая на козака куленьку зливати.
Ой не постигъ панъ Подольский зъ панівки палити,
А взевъ козакъ бай Нечай головку хилити.
Ой кинувся козакъ Нечай доли дорожиновъ, —
Викрутивси панъ Подольский имивъ за чуприновъ.
Ой чи се се хмелевина, що у пиві грае,
Ой чи се се козакъ Нечай, що ляхівъ рубае?
Ой чи се се хмелевина, що у пиві кисне,
Ой чи се се козакъ Нечай що на ляхівъ тисне?
За маленьку минуточку, за малу годинку,
Валялася Нечаева голова по ринку.
Якъ то та пані матка по горі леліла,
За маленьку минуточку головка злетіла.

(Запис. М. Бучинскій въ Коломійскомъ Подгорьи Вильхівці. Напеч. въ изд. Истор. пѣсни малор. нар. съ объясненіями Антоновича и Драгоманова II. 85—86).

Битва подъ Берестечкомъ.

(1651).

Впсипали козаченьки зъ високоі гори:
Попереду козакъ Хмелницький на воронімъ коні.
«Ступай, коню, дорогою, широко ногами;
Недалеко Берестечко и орда за нами.
Стережися, пане Яне, якъ Жовтоі Води:
Йде на тебе сорокъ тисячъ хорошоі вроди».
Якъ ставъ джура малий хлопець коника сідлати,
Стали въ того кониченька ніженьки дріжати.
Якъ заговорить козакъ Хмелницький до коня словами:
«Не доторкайся, вражий коню, до землі ногами!»
Чи не той то хміль, хміль, що на тички вьешъся?
Чи не той то козакъ Хмелницькій, що зъ ляшками бьешъся?
Ой не я той хміль зелений — по тички не вьюся;
Ой не я той козакъ Хмелницькій—зъ ляшками не бьюся.
«А дежъ твои, Хмелниченьку, ворониі коні?»
— У гетьмана Потоцького стоять на пригоні. —
«А дежъ твои, Хмелниченьку, кованиі вози?»
— У містечку Берестечку заточені въ лози! —
— Що я зъ вами, вражи ляхи, не по правді бився:
— Якъ припустивъ коня вороного,—містъ мини вломився!

(Записана авторомъ на Волыни)

Пораженіе козаковъ подъ Берестечкомъ.

(1651).

Кину перомъ, лину орломъ, конемъ поверну,
А до свого отамана таки прибуду.
— Чоломъ пане, нашъ гетьмане, чоломъ, батьку нашъ!
— А вже нашого товариства багацько не машъ!
«Ой якъ же ви, панове молодці, ой якъ ви ставали,
«Що ви свое товариство на віки втеряли?»
— Становились, пане гетьмане, плечемъ объ плече,
— Ой якъ крикнуть вражи ляхи: у пень посічемъ!
«Ой щожъ ви, панове молодці, що за здобичъ мали?»
— Мали коня у наряді, та ляхи одняли!—
Зима прийшла, хліба нема, тожъ намъ не хвала;
Весна прийшла, лісъ розвила, всіхъ насъ покрила!

Записана авторомъ на Волыни).

Украина послѣ Бѣлоцерковскаго мира.

(1652).

Дума.

Эй чи гараздъ, чи добре нашъ гетьманъ Хмелницький учинивъ,
Що зъ ляхами, зъ мостивими панами, у Білій Церкви замиривъ?
Да велівъ ляхамъ, мостивимъ панамъ, по козакахъ, по мужикахъ стаціею стояти,
Да не велівъ великоі стациі вимишляти.
То ще жъ то ляхи, мостивиі пани, по козакахъ и по мужикахъ стаціею постали,
Да великую стацію вимишляли.
Одъ іхъ ключі поодбірали,
Да стали надъ іхъ домами господарами; —
Хазяіна на конюшню одсилае,
А самъ изъ ёго жоною на подушкахъ почивае!
То козакъ, альбо мужикъ изъ конюшні прохождае,
У кватирку поглядае —
Ажъ ляхъ, мостивий панъ, ище зъ ёго жоною на подушкахъ опочивае.
То вінъ одинъ осьмакъ у кармані мае,
Пійде зъ тоски да зъ печалі у кабакъ, да й той прогуляе.

То ляхъ, мостивий панъ, одъ сна уставае, юлицею йде,
Казавъ би якъ свиня нескребена попереду ухомъ веде,
Ище слухае-прослухае,
Чи не судить ёго де козакъ, альбо мужикъ...
У кабакъ ухождае,—
То ёму здаетця, що ёго козакъ медомъ шклянкою, або горілки чаркою витае,
Ажъ ёго козакъ межи очи шклянкою шмагае,
Ище стиха словами промовляе:
«Эй ляхи жъ ви, ляхи,
Мостивиі пани!
Хотя жъ ви одъ насъ ключі поодбірали,
И стали надъ нашими домами господарами...
Хотя бъ ви на нашу кунпанію не нахождали».
Тогді жъ козаки стали у раді, якъ малиі діти,
Одъ своіхъ рукъ листи писали,
До гетьмана Хмелницького посилали,
А въ листахъ прописували:
«Пане гетьмане Хмельницькій,
Батьку Зиновъ нашъ Чигиринський!
За що ти на насъ такий гнівъ положивъ?
На що ти на насъ такий ясиръ наславъ?
Уже жъ ми теперъ не въ чому волі не маемъ:
Ляхи, мостивиі пани, одъ насъ ключи поодбірали
И стали надъ нашими домами господарами».
Тогді то Хмелницький листи читае,
Стиха словами промовляе:
«Эй козаки, діти, друзі, небожата!
Підождіте ви мало, трохи, небагато,
Якъ одъ святоі Покрови до світлого тридневного Воскресения.
Якъ дасть Богъ, що прийде весна красна,
Буде наша вся голота рясна».
Тогді то панъ Хмелницький добре дбавъ,

Козаківъ до сходъ сонця у походъ випровожавъ,
И стиха словами промовлявъ:
«Эхъ, козаки, діти, друзі!
Прошу васъ, добре дбайте,
На славну Украину прибувайте,
Ляхівъ, мостивихъ панівъ у пень рубайте,
Кровъ іхъ лядьску у полі зъ жовтимъ піскомъ мішайте;
Віри святоі християнськоі у поругу не подайте»!
Тогді ляхи, мостивиі пани, догадливи бували,
Усі по лісахъ, по кущахъ повтекали.
То козакъ и лісомъ бежить,
А ляхъ за кущемъ и лежачи дрижить;
То козакъ ляха за кущемъ знахождае,
Келепомъ межи плечи наганяе
И стиха словами промовляе:
«Эй ляхи же ви, ляхи,
Мостивиі пани!
Годі жъ вамъ по за кущами валятьця,
Пора до нашихъ жінокъ на опочивокъ ити:
Уже наши жінки и подушки поперебивали,
Васъ, ляхівъ, мостивихъ панівъ, ожидали».
Тогді-то ляхи козаківъ рідними братами узивали:
«Эй козаки, рідниі братці!
Колибъ ви добре дбали,
Да насъ за Вислу-річку хоть у однихъ сорочкахъ пускали!»
Оттогді-то ляхамъ Богъ погодивъ,
На Вислі-річці лідъ обломивъ,
Тогді козаки ляхівъ рятовали—
За патли хватали,
Да ще й далі підъ лідъ підпихали,
И стиха словами промовляли:
«Эй ляхи жъ ви, ляхи!
Мостивиі пани!

Колись наши діди надъ сіею річкою козаковали
Да въ сій річці скарби поховали.
Якъ будете скарби находити,
Будемъ зъ вами пополамъ ділити,
Тогді будемъ зъ вами за рідного брата жити.
Ступайте! тутъ вамъ дорога одна—
До самого дна».

(Кулиша. Зап. о Южн. Руси, т. I. стр. 51—55)

Варіантъ предъидущей думы.

(1652).

Ой чи добре панъ Хмелницький починавъ,
Якъ изъ Берестецького року
Всіхъ ляхівъ-панівъ на Украину на чотирі місяці висилавъ,
И велівъ панамъ-ляхамъ на Украині чотирі місяці стояти,
А ні козаку, ні мужику жадноі кривди починати.
Да вже жъ пани ляхи на Украині трі місяці стояли,
Стало на четвертий місяць повертати,
Стали пани-ляхи способъ прибірати;
Одъ козацькихъ, одъ мужицькихъ коморъ ключи одбирати;
Надъ козацькимъ надъ мужицькимъ добромъ господарами знахожатись.
То вже де бідний козакъ розгадае пятакъ,
То нельзя по улиці пійти, побуяти,
Що-бъ у корчмі пятакъ прогуляти.
То вже-жъ одинъ козакъ, доброго клича и луччой руки, одинъ шостакъ розгадавъ,
Да й той къ катовій матері у корчмі прогулявъ.
То вже-жъ, ляхъ містомъ иде,
Якъ свиня ухомъ веде;
То ляхъ до корчмі прихожае,

Якъ свиня ухо до корчми прикладае;
А слухае ляхъ, що козакъ про ляхівъ розмовляе.
То ляхъ у корчму убігае и козака за чубъ хватае.
То козакъ козацький звичай знае:
То будто до ляха медомъ и оковитою горілкою припивае,
А тутъ ляха за чубъ хватае,
И скляницею межи очи морскае,
И келепомъ по ребрамъ торкае.
Не луччебъ тобі, ляше, превражий сину,
На Украині съ козацькою жінкою спати,
А ніжъ въ корчму вхождати?
Да вже-жъ на Украині не одна жінка курку зготовала,—
Тебе ляха, кручого сина, на нічъ чекала!
То вже-жъ козаки и мужики
У неділю рано Богу помолившись, листи писали
И въ лістахъ добре докладали,
И до пана Хмелницького у Полонне посилали:
— Гей пане Хмелницький,
Отамане Чигиринський,
Батьку козацький!
Звели намъ підъ Москалей тікати,
Або звели намъ зъ ляхами великий бунтъ зривати.
То Хмелницький листи читае,
До козаківъ словами промовляе:
«Гей, стойте, діти,
Ладу ждіте!
Не благословляю вамъ ні підъ Москаля тікати,
Ни зъ ляхами великого бунту зривати».
То вже-жъ Хмелницький до козаківъ приізжае,
Словами промовляе:
«Гей, нуте, діти, по три по чотирі зъ куренівъ вставайте,
И до крючківъ и до оглобель хватайте,
И ляхівъ-панівъ, у нічку у четвертеньку, такъ якъ кабанівъ заганяйте».

То вже-жъ изъ куренівъ по три, по чотирі вставали,
До дрючківъ и до оглобель хватали;
И ляхівъ-панівъ, такъ якъ кабанівъ, у нічку у четвертеньку заганяли.
То вже-жъ одинъ козакъ лугомъ біжить,
Коли дивиться на кущъ, ажъ кущъ дріжить,
Коли дивиться у кущъ, ажъ у кущі ляхъ якъ жлукто лежить.
То козакъ козацький звичай знае, изъ коня вставае,
И ляха за чубъ хватае, и келепомъ по ребрахъ торкае,
То ляхъ до козака словами промовляе:
— Луччебъ, козурю, могли мої очи на потилиці стати,
Такъ би я могъ изъ-за річки Висли на Украину поглядати!

(Максим. Укр. думы стр. 74).

Жванецкая битва.

(1653).

Ой зъ города зъ Немирова хмара вихожала,
А кравчина запорозька до Хотиі поспішала.
А въ Хотиі добрі люди сами себе знали,
Та польского пана Яна до себе іднали.
Та не тільки шчо поляківъ до себе іднали,
Щей супротивъ Хмелницького увъ одно зъ имъ стали.
Увъ одно зъ имъ стали, у въ одно зъ имъ стали,
Та пана волощина підъ Жванці прохали.
— Ой будешъ будешъ, пане гетьмане, та насъ шановати,
Будешъ землю волоську добромъ поминати.
Ой будешъ будешъ, пане гетьмане, та тее знати,
Якъ землю мультанську до себе іднати.
Ой будешъ будешъ, пане гетьмане, та тее чтити,
Якъ Студеньку брати, сина щитити.
Ой будешъ, будешъ, пане гетьмане, за тее молиться,
Якъ підъ тими Студеньками станомъ становиться!
Виходь, виходь, пане гетьмане, у жваньскее поле:
Чи то наша буде Вкраина, чи твое Подолье?
Виходь, виходь, пане гетьмане, до жванського гая:
Чи то наша буде Вкраина, чи твоя святая?
Виходь, виходь, пане гетьмане, до жванського луга:

Чи то наша буде Вкраина, чи твоя яруга?
Повій, повій, пане гетьмане, якъ той вітеръ віе:
Чи то наша буде Вкраина, чи твоя Хотия?—
Вийшовъ панъ Хмелницькій підъ Жванці изъ ханомъ:
«Ой лядуй же ляше, хто буде зъ насъ паномъ?»
Вийшовъ панъ Хмелницький до святого гаю:
«Ой поклихни пана Яна, друже мій Нечаю!»
Вийшовъ панъ Хмелницький підъ Жванці зъ кравчиной,—
«Ой прощайся, ляше, та изъ Волощиной!»
Вийшовъ панъ Хмелницький по жваньскому полю,—
Ой запекли хлівоньку ляхи та тому Подолью!
Ой поклинувъ Нечай ляхів де той вітеръ віе,
По за Дністромъ, по за ребромъ блещить тая Хотия.
Ой пізнали тоді ляхи де имъ станомъ стати,
Якъ гетьмана Хмелницького до себе іднати!

(Запорож. Стар. Срезневскаго [1]).

---

[1]) Сборникъ этотъ весь наполненъ поддѣльными пѣснями, но эта— единственная, которую по ея складу и тону можно считать народнымъ произведеніемъ.

Разоренія отъ татаръ.

(1653).

Ой Хмеле, Хмельниченько!
Учинивъ еси ясу,
И межъ панами великую трусу!
Бо-дай тебе, Хмельниченьку, перва куля не минула,
Що велівъ Орді брати дівки й молодиці!
Парубки йдуть гукаючи, а дівчата співаючи,
А молоді молодиці старого Хмеля проклинають:
Бодай тебе, Хмельниченьку, перва куля не минула!

(Записана г. Кулишемъ).

Варіантъ предъидущей пѣсни.

Вийди, Василю, на могилу,
Поглянь, Василю, на Вкраину:
Що Хмелницького війско йде,
Що все парубочки да дівочки,
Да молодиі молодички,
Да безсчастниі удовички.
Парубочки йдуть — у дудочки грають,
А дівочки йдуть — пісні співають,
А вдовички йдуть — силно ридають,
Да Хмелницького проклинають:
«Богдай того Хмелницького
Первая куля не минула,
А другая устрелила,
У серденько уцелила!»

(Запис. въ Радомысл. уѣздѣ Кіевск. губ. Напеч. въ изд. Истор. пѣсни малор. народа съ объясн. Антонов. и Драгоман. II. стр. 116).

Присоединеніе Украины къ Россіи.

(1654).

Зажурилась Украина, що нігде ся діти:
Витоптала орда кіньми маленькиі діти,
Малихъ потоптала, старихъ порубала,
А молодихъ середульшихъ у полонъ забрала.
Ой служивъ же я служивъ пану католику,
А теперъ ёму служити не стану до віку!
Ой служивъ же я служивъ пану бусурману,
А теперъ служити стану восточному царю!
Ходить ляшокъ по риночку, шабельку виймае:
Козакъ ляха не боиться — шапки не знімае.
Ось ляшокъ до канчука, а козакъ до дрюка:
«Оттутъ тобі, вражий сину, зъ душею розлука!»

(Записана авторомъ, ср. Максим. изд. 1834 г. стр. 108)

Освобожденіе отъ Польши.

(1654).

Та немае лучче, та немае красче якъ въ насъ на Вкраині,
Та немае ляха, та немае жида, не мае униі.

Варіантъ.

Та немае лучче, та немае красче, якъ въ насъ на Вкраині;
Та немае ляха, та немае пана, не буде изміни!

На смерть Хмельницкаго.

Дума.

(1657).

Зажурилася Хмельницького сідая голова;
Що при ёму ни сотниківъ ни полковниківъ нема;
Часъ приходить умирати,
Нікому поради дати!
Покликне вінъ на Ивана Луговського,
Писаря військового:
«Иванъ Луговський,
Писарь військовий!
Скорійше біжи,
Да листи пиши,
Щобъ сотники, полковники до мене прибували,
Хоть мало пораду давали!»
То Иванъ Луговський,
Писарь війсковий,
Листи писавъ,
До всіхъ розсилавъ.
То сотники, полковники, якъ ихъ прочитали,
Усе покидали,
До гетьмана Хмельницького скорійшъ прибували.
То гетьманъ добре ихъ приймае,
Словами промовляе:
«Панове молодці! добре ви дбайте,
Собі гетьмана наставляйте;

Бо я старъ, болію,
Більше гетьманомъ не здолію!...
Коли хочете, панове, Антона Волочая Киевського,
Або Грицька Костиря Миргородського,
Або Хвилона Чичая Кропивянського,
Або Мартина Пушкаря Полтавського».
То козаки тее зачували,
Смутно себе мали,
Тяжко вздихали,
Словами промовляли:
— Не треба намъ Антона Волочая Киевського,
Ні Грицька Костиря Миргородського,
Ні Хвилона Чичая Кропивянського,
Ні Мартина Пушкаря Полтавського;
А хочемъ ми сына твого Юруся молодого,
Козака лейстрового! —
«Вінъ, панове-молодці, молодий розумъ мае,
Звичаївъ козацькихъ не знае!»
— Будемъ ми старихъ людей біля його держати,
Будуть вони його научати,
Будемь його добре поважати,
Тебе батька нашого гетьмана споминати! —
То Хмельницький тее зачувавъ, великую радость мавъ,
Сідою головою поклонъ оддававъ,
Слёзы проливавъ.
Скоро після того ще й гірше Хмельницький знемогавъ:
Опрощенье зо всіми приймавъ,
Милосердному Богу душу оддавъ. —
То не чорниі хмари ясне сонце заступали,
На буйниі вітри въ темнімъ лузі бушовали:
Козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали!

(Метл. стр. 77).

Варіантъ предъидущей думы.

(1657).

Эй зажуриться, захлопочеться Хмелницького старая голова,
Що при йому-то не було ні сотниківъ, ні полковниківъ нема;
Тілкі пробувавъ при йому Иванъ Луговський,
Писарь військовий,
Козакъ лейстровий.
Тогді-то вони стали у раді,
Якъ малиі діти;
Одъ своіхъ рукъ листи писали,
По городахъ, по полковихъ, по сотеннихъ розсилали,
А до козаківъ у листахъ приписували:
«Эй козаки, діти, друзи!
Прошу васъ, добре дбайте;
Борошно зсипайте,
До Загребелнои могили прибувайте,
Мене Хмелницького къ собі на пораду ожидайте».
Оттогді-жъ то козаки добре дбали:
Борошно зсипали,
До Загребелнои могили прибували;
Воскресения Христового дожидали, —

Хмельницького въ вічи не видали;
Вознесения Христового дожидали, —
Хмелницького въ вічи не видали;
Духа-Тройці дожидали, —
Хмелницького въ вічи не видали;
Петра й Павла дожидали, —
Хмелницького въ вічи не видали;
Ильі Пророка дожидали, —
Хмелницького въ вічи не видали.
Тогді-жъ то козаки стали у раді,
Якъ малиі діти.
«Хвалився намъ гетьманъ Хмелницький,
Батю Зіновъ Богдану Чигиринський,
У городі Суботові
На Спаса Преображение ярмолокъ закликати....»
Тогді-жъ то козаки добре дбали,
До города Суботова прибували,
Хмелницького стрічали,
Штихи у суходілъ стромляли,
Шлики изъ себе скыдали,
Хмелницькому низький поклонъ послали:
«Пане гетьмане Хмелницький,
Батю Зіновъ нашъ Чигиринський!
На що ты насъ потребуешъ?»
Тогді-жъ то Хмелницький стиха словами промовляе:
«Эй козаки, діти, друзи!
Прошу я васъ, добре дбайте:
Собі гетьмана настановляйте,
Чи нема между вами котрого козака старинного,
Отамана курінного?
Вже-жъ я часъ одъ часу хорію,
Міждо вами гетьмановати не здолію;
То велю я вамъ междо собою козака на гетьманство обирати,
Буде междо вами гетьмановати,

Вамъ козацьки порядки давати».
Тогді-то козаки стиха словами промовляли:
«Пане гетьмане Хмелницький,
Батю Зиновъ нашъ Чигиринський!
Не можемъ ми сами міждо собою козаками гетьмана обібрати,
А жолаемъ одъ вашои милости послихати».
Оттогді-жъ то Хмелницький стиха словами промовляе:
«Эй козаки, діти, друзи!
Прошу я васъ, добре дбайте;
Есть у мене Иванъ Луговський,
Который у мене дванадцять літъ за джуру пробувавъ,
Всі мої козацьки звичаі познавъ;
Буде междо вами козаками гетьмановати,
Буде вамъ козацьки порядки давати!»
Тогді-то козаки стиха словами промовляли:
«Пане гетьмане Хмелницький,
Батю Зиновъ нашъ Чигиринський!
Не хочемъ ми Ивана Луговського:
Иванъ Луговський близько ляхівъ, мостивихъ панівъ живе;
Буде зъ ляхами, мостивими панами, накладати;
Буде насъ козаківъ за не-вищо мати».
Тогді-то Хмелницький стиха словами промовляе:
«Эй козаки, діти, друзи!
Коли ви не хочете Ивана Луговського,
Есть у мене Павелъ Тетеренко».
— Не хочемъ ми Павла Тетеренка. —
«Дакъ скажите, говорить, кого ви жолаете».
— Ми, кажуть, жолаемъ Евраха Хмелниченка. —
«Ще-жъ, каже, мойму Евраху Хмелниченку
Тількі всього дванадцать літъ отъ роду;
Ще вінъ возрастомъ малъ, розумомъ не дійшлий».
— Будемъ, говорять, кopличъ його дванадцать парсонъ сажати,
Будутъ його добрими ділами наущати,

Буде межди нами козаками гетьмоновати,
Намъ порядки давати. —
Оттогді-то козаки добре дбали;
Бунчукъ, булаву положили,
Еврася Хмелниченка на гетьманство настановили;
Тогді изъ разныхъ пищаль погримали,
Хмелниченка гетьманомъ поздоровляли.
Оттогді Хмелницький, якъ благословение синові здавъ,
Такъ и въ домъ одправився,
И сказавъ йому:
«Гледи-жъ, говорить, сину мій!
Якъ будешъ немного Ташликомъ рікою гуляти,
На бубни, на циромки вигравати,
Дакъ будешъ отця живого заставати;
А якъ будешъ много Ташликомъ рікою гуляти,
На бубни, на циромки вигравати,
Дакъ не будешъ отця живого заставати».
Тогді-жъ то Еврась, гетьманъ молодий,
Ташликомъ рікою довго гулявъ,
На бубни, на циромки вигрававъ,
До дому приїжджавъ,
И отця живого не застававъ.
Тогді-то велівъ у Штоминомъ дворі,
На високій горі,
Гробъ копати.
Тогді-жъ то козаки штихами суходілъ копали,
Шликами землю виносили,
Хмелницького похоронили;
Изъ разнихъ пищаль подзвонили,
По Хмелницькому похоронъ счинили.
Тогді-жъ то козаки, поки старую голову Хмелницького зачували,
Поти и Еврася Хмелниченка за гетьмана почитали;
А якъ не стали старои голови Хмелницького зачувати,—

Не стали и Еврася Хмелниченка за гетьмана почитати;
«Эй, Еврасю Хмелниченку, гетьмане молодий!
Не подобало-бъ тобі надъ нами козаками гетьмановати;
А подобало-бъ тобі наши козацікі курені подмітати.

(Метлинскій 395).

Надпись подъ гербомъ Хмельницкаго.

(1650).

Старожитності, то тилко якъ би обновила,
Же вікопомность явно знову ся одкрила:
Клейнотъ, котрий Хмельницькихъ домъ приоздобляеть,
Въ мужности, въ правді, въ вірі моцно утверждаеть.
Не дивъ, бо Абданкъ знакъ есть щодрой поволности,
Крестъ за фараментъ віри Хмельницькихъ мужности.
Незвитяжоний кролю, въ христіанскомъ панстві,
Кеди повольность Хмельницькихъ маешъ у подданстві!

(Украинецъ Максимов. 1859. стр. 167).

Всѣ три тома этого сочиненія съ приложеніями были уже отпечатаны, какъ появилась въ декабрьской книжкѣ 1883 года журнала „Русская Мысль“ статья г. Дитятина „Къ вопросу о земскихъ соборахъ XVII столѣтія“, гдѣ сообщалось извѣстіе, которое нашло бы себѣ мѣсто въ настоящей монографіи, еслибъ явилось раньше. Г. Дитятинъ отыскалъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи документы, относящіеся къ земскому собору, созывавшемуся на 19 февраля 1651 года по вопросу о запорожскомъ гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ и объ угрожавшей въ скоромъ времени войнѣ съ Польшею. Намъ не безъизвѣстно было, что у царя происходило совѣщаніе съ „освященнымъ соборомъ“ духовныхъ властей, по вопросу о недоразумѣніяхъ съ Польшею, касаясь и просьбъ Хмельницкаго,—и Бантышъ-Каменскій, который изъ всѣхъ историковъ обратилъ больше вниманія на это совѣщаніе, привелъ отзывъ царю одного только духовенства. Совѣщаніе это не имѣло непосредственно вліянія на ходъ событій въ Украинѣ и едва ли было извѣстно самому Хмельницкому. По крайней мѣрѣ мы не видимъ, чтобы въ 1651 году царь Алексѣй Михайловичъ, вслѣдствіе бывшаго 19 февраля отзыва духовенства, измѣнилъ свою политику въ отношеніи гетмана. Теперь по изысканіямъ г. Дитятина оказывается, что то былъ настоящій земскій соборъ созванныхъ выборныхъ людей; но мнѣніе, поданное по предложенному отъ царя вопросу, приводится всетаки только отъ одного духовенства; напротивъ, въ извѣстномъ Актѣ земскаго собора 1653 года, напечатанномъ въ

Собр. Госуд. Гр. и Договоровъ и въ I т. Пол. Собр. Законовъ приводятся отзывы только служилыхъ людей и посадскихъ. Статья г. Дитятина заключаетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія для изслѣдователя устройства земскихъ соборовъ въ Московскомъ Государствѣ вообще; но по отношенію спеціально къ исторіи Богдана Хмельницкаго и его эпохи, она показываетъ только, что въ то время, когда Богданъ Хмельницкій ропталъ на Москву за то, что она мало внимаетъ его просьбамъ о помощи, на самомъ дѣлѣ въ Москвѣ совѣщались о немъ всею Землею. Остается невыясненнымъ: почему въ 1651 году, когда собирался земскій соборъ—подало голосъ только одно духовенство, а голоса другихъ сословій мы не находимъ, хотя несомнѣнно и они участвовали въ соборѣ. Г. Дитятинъ справедливо видитъ въ отзывѣ духовенства то разрѣшеніе царю Алексѣю Михайловичу, которымъ угрожалъ московскій посолъ Пушкинъ полякамъ, выражаясь: „мы соберемъ наше духовенство и, взявши въ руки мирное докончанье, будемъ носить его по церквамъ и свидѣтельствовать предъ Богомъ и предъ всѣми святыми, что вы не содержите мирнаго договора“ (см. т. II, стр. 240 наст. монографіи). Что-же касается до предположенія г. Дитятина, что духовенство подало свое мнѣніе ранѣе и потому на земскомъ соборѣ 1653 года не помѣщается уже его отзыва вмѣстѣ съ отвѣтомъ бояръ и другихъ чиновъ людей, то это предположеніе требуетъ еще разсмотрѣнія и изслѣдованія. Намъ все-таки остается непонятнымъ—зачѣмъ звали земскихъ людей въ 1651 году, когда ихъ не спрашивали, если только тогдашніе отвѣты ихъ не утерялись.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

X.

Ц.

Ч.

Ш.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ОПЕЧАТКИ III-го ТОМА:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читать.*
45	11	сыновей	родичей
58	21	Lanowe	Łanowe
·123	2	Земсквя	Земская
—	3	1694	1654
131	26	Сакович	Сахнович
144	1	Граммота	Грамота
242	30	канцлеръ	великій коронный маршалъ

ОШИБКИ И ПРОПУСКИ ВЪ ОГЛАВЛЕНІЯХЪ:

186	7	Взятіе Люблина. —	Взятіе Люблина.—Сношенія съ Турціею.
231	9	Границы Украины. —	Границы Украины. — Царскій гонецъ Желябужскій.